Лес мертвецов

Жан-Кристоф Гранже & Your Name

calibre 0.7.44

Лес мертвецов

Жан-Кристоф Гранже & Your Name

calibre 0.7.44

Annotation

Серия кровавых ритуальных убийств заставляет содрогнуться от ужаса даже видавших виды парижских полицейских. В городе орудует маньяк-каннибал, пожирающий плоть своих жертв. Кто он — психопат-аутист, садист-извращенец, поклонник первобытных культов? Множатся версии, но ни одна не ведет к разгадке зловещей тайны. У Жанны Крулевска — опытного следственного судьи и красивой женщины — есть личные причины принять брошенный убийцей вызов. Поиски истины перенесут ее через океан, вынудят пересечь Никарагуа и Гватемалу, заведут в глубь аргентинских болот. Здесь, в самом сердце Леса мертвецов, ей откроется подлинный источник Зла…

- Жан-Кристоф Гранже
- I. Жертвы
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18

- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- II. Дитя
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53

- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- III. Народ
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- Примечания

Жан-Кристоф Гранже
Лес мертвецов

I. Жертвы

1

Посвящается Альме, свету во тьме

Вот оно. То, что нужно.

Туфельки «Прада», которые она видела в «Вог» за прошлый месяц. Незаметный штрих, завершающий ансамбль. С маленьким черным платьем, купленным за бесценок на улице Драгон, выйдет потрясающе. Просто отпад. С улыбкой Жанна Крулевска потянулась в кресле. Наконец-то она придумала, что наденет сегодня вечером. И не просто придумала, а представила себе.

Она вновь проверила мобильный. Ни одного нового сообщения. Сердце екнуло от беспокойства. Еще сильнее и болезненнее, чем в прошлый раз. Почему он не звонит? Уже пятый час. Поздновато, чтобы подтвердить приглашение на ужин.

Отбросив сомнения, она позвонила в бутик «Прада» на проспекте Монтеня. Есть у них такие туфли? Тридцать девятый размер? Она заберет их сегодня до семи. Недолгое облегчение тут же сменилось тревогой. У нее на счету и без того перерасход в 800 евро… А с этой покупкой получится больше 1300.

Впрочем, уже 29 мая. Зарплату перечислят через два дня. 4000 евро. И ни центом больше, включая премиальные. Месяц снова начнется с доходом, урезанным на целую треть. Хотя ей не привыкать. Она давным-давно приноровилась выкручиваться.

Жанна закрыла глаза. Представила себя на лакированных каблуках. Сегодня она будет совсем другой. Неузнаваемой. Ослепительной. Неотразимой. Все остальное — проще простого. Сближение. Примирение. Новое начало…

Но почему он не звонит? Накануне он сам сделал первый шаг. В сотый раз за день она открыла почту и прочитала мейл. Его мейл:

Сам не знаю, чего я наговорил. У меня и в мыслях такого не было. Завтра поужинаешь со мной? Я позвоню и заеду за тобой в суд. Я буду твоим королем, а ты — моей королевой…

Последние слова — намек на «Героев», песню Дэвида Боуи. Коллекционная запись, где рок-звезда несколько куплетов исполняет по-французски. Она прекрасно помнила, как они откопали виниловую

пластинку у торговца музыкальными раритетами в квартале Ле-Алль. Радость в его глазах. Его смех… В ту минуту ей больше ничего не было нужно. Только всегда вызывать — или хотя бы поддерживать — этот огонь в его глазах. Подобно весталкам Древнего Рима, постоянно хранившим священный огонь в храме.

Зазвонил телефон. Но не мобильный. Городской. Проклятье.

— Алло?

— Это Вьоле…

Жанна мгновенно переключилась на рабочий лад:

— Дело движется?

— Какое там…

— Он признался?

— Нет.

— Так он ее насиловал или нет, черт его побери?

— Говорит, знать ее не знает.

— Она ведь дочь его любовницы?

— А он сказал, что и с матерью не знаком.

— Разве трудно доказать обратное?

— С таким все трудно.

— Сколько еще у нас времени?

— Шесть часов. Считай, что нисколько. За восемнадцать часов мы ничего из него не вытянули.

— Вот дерьмо.

— Оно самое. Ладно. Пойду попробую поддать жару. Хотя боюсь, дело не выгорит…

Повесив трубку, она поразилась, насколько все это ей безразлично. Между тяжестью обвинения — изнасилование несовершеннолетней — и смехотворными ставками ее жизни — состоится ужин или нет — лежит пропасть. А она не в силах думать ни о чем, кроме этого свидания.

Одно из первых практических заданий в Национальной школе судебных работников заключалось в просмотре видеокадра: правонарушение, заснятое камерой слежения. Затем каждого будущего судью просили рассказать, что именно он видел. Все рассказывали по-своему. Менялись марка и цвет автомобиля. Число нападавших у всех было разное. Как и последовательность событий. И это упражнение

задавало тон. Объективности не существует. Правосудие — дело рук человеческих. Несовершенное, зыбкое, субъективное.

Машинально она взглянула на дисплей мобильного. Ничего. Жанна почувствовала, как к глазам подступили слезы. Она ждала его звонка с самого утра. Воображала, мечтала, прокручивала в голове все те же мысли, все те же надежды, чтобы через мгновение погрузиться в бездну отчаяния. Сколько раз она была готова позвонить ему сама. Но об этом нечего и думать. Надо держаться…

Полшестого. Вдруг ею овладела паника. Все кончено. Это ничего не значащее приглашение на ужин — всего лишь последние содрогания трупа. Он уже не вернется. Пора с этим смириться. Выкинь его из головы. Начни все с чистого листа. Займись собой. Расхожие фразы, выражающие безысходную тоску таких же горемык, как она. Тех, кого вечно бросают. Тех, кому суждено вечно страдать. Она повертела в пальцах ручку и встала.

Кабинет находился на четвертом этаже Нантерского суда. Десять квадратных метров, забитых провонявшими пылью и чернилами для принтера папками, где работала она сама и секретарша суда Клер. Ее она отпустила в четыре, чтобы смыться пораньше.

Она встала у окна и посмотрела на пригорки Нантерского парка. Мягкие линии склонов, четкие очертания лужаек. Справа жилые комплексы всех цветов радуги, а за ними — «башни-облака»[1] Эмиля Айо, говорившего: «Сборные конструкции — экономическая необходимость, но она не должна вызывать у людей ощущение, что они сами — сборные конструкции». Жанне нравились эти слова, но она не была уверена, что результат оправдал ожидания архитектора. День за днем на нее в этом кабинете обрушивалась реальность, порожденная неблагополучием бедных кварталов: грабежи, изнасилования, разбойные нападения, наркоторговля… Совсем не то, что было задумано.

Подавив приступ тошноты, она вернулась за письменный стол, прикидывая, сколько еще протянет без лексомила.[2] На глаза попалась стопка бланков. Апелляционный суд Версаля. Нантерский исправительный суд. Кабинет мадам Жанны Крулевска. Следственного судьи[3] при Нантерском исправительном суде. Тут же вспомнилось, как обычно о ней отзывались коллеги. «Самая молодая в своем

выпуске». «Восходящая звезда юриспруденции». «Пойдет по стопам Евы Жоли и Лоране Вишневски». Так говорили о ее карьере.

Зато в личной жизни — полный крах. Тридцать пять лет. Ни семьи, ни детей. Две-три приятельницы, все незамужние. Трехкомнатная съемная квартирка в Шестом округе. Никаких сбережений. Никакого имущества. Никаких перспектив. Жизнь утекла сквозь пальцы. И вот уже в ресторане к ней обращаются «мадам», а не «мадемуазель». Черт.

Два года назад она сорвалась. Жизнь, незадолго до того отдававшая горечью, утратила всякий вкус. Депрессия. Больница. «Жить» в то время означало для нее «страдать». Два эти слова стали синонимами. Но как ни странно, от пребывания в этом заведении у нее сохранились приятные воспоминания. Во всяком случае, теплые. Три недели сна, когда ее пичкали лекарствами и кормили с ложечки. Постепенное возвращение к реальности. Антидепрессанты, психоанализ… С тех пор у нее осталась невидимая трещина в душе, которую в повседневной жизни она старательно заглушала визитами к психологу, таблетками, выходами в свет. Но черная дыра никуда не исчезла, она всегда была рядом, почти заманивала ее, постоянно притягивала…

Она нащупала в сумке лексомил. Положила под язык целую таблетку. Прежде ей хватало четвертушки, но, привыкнув, она стала глушить себя полной дозой. Она устроилась в кресле поглубже. Подождала. И скоро ее отпустило. Дыхание стало свободнее. Мысли успокоились…

В дверь постучали. Жанна подскочила в кресле. Оказывается, она задремала.

На пороге стоял Стефан Рейнхар в своем неизменном пиджаке в елочку. Взъерошенный. Помятый. Небритый. Один из семи следственных судей Нантерского суда. Их называли «великолепной семеркой». Но Рейнхар уж точно самый из них сексуальный. Скорее Стив Маккуин, чем Юл Бриннер.

— Ты у нас отвечаешь за финансовый надзор?

— Вроде бы я.

Три недели назад на нее возложили эту обязанность, хотя она не слишком разбиралась в таких делах. С тем же успехом ей могли достаться организованная преступность или терроризм.

— Так ты или не ты?

— Ну я.

Рейнхар помахал зеленой папкой:

— В прокуратуре что-то напутали. Прислали мне это ОЗ.

ОЗ — обвинительное заключение, составленное прокурором или тем, кто его замещает, после проведения предварительного следствия. Обычное официальное письмо, подшитое к первым документам по делу: полицейским протоколам, отчету налоговых служб, анонимным письмам… Все, что способно вызвать подозрения.

— Я снял для тебя копию. Можешь почитать прямо сейчас. Оригинал пришлю вечером. Материалы тебе передадут завтра. Или, хочешь, обождем, тогда достанется следующему дежурному судье. Что скажешь?

— А что там?

— Анонимный донос. По первому впечатлению, попахивает отличным политическим скандальчиком.

— С какого фланга попахивает?

Он поднес к виску правую ладонь, пародируя военное приветствие:

— Напра-а-а-во, мой генерал!

В один миг в ней проснулся профессиональный интерес, наполнив ее уверенностью и рвением. Ее работа. Ее власть. Полномочия судьи, которыми наделил ее президент.

Она протянула руку:

— Давай сюда.

2

С Тома она познакомилась на вернисаже. Она даже помнила точную дату. 12 мая 2006 года. И место. Просторная квартира на Левом берегу, где была устроена фотовыставка. Ее наряд. Индийская туника, серые переливчатые джинсы, сапожки в байкерском стиле. На фотографии Жанна не смотрела, она сосредоточилась на своей цели: самом фотографе.

Чтобы окончательно подавить внутреннее сопротивление, она бокал за бокалом глушила шампанское. Когда она намечала жертву, то любила перебрать, чтобы самой превратиться в добычу. «Он нежно убивал меня своей песней». «Нежное убийство» в исполнении группы «Фуджис» перекрывало гул толпы. Самая подходящая музыка для мысленного стриптиза, которому она предавалась, отбрасывая один за другим свои страхи, сомнения, стыдливость… Она размахивала ими над головой, словно бюстгальтером или стрингами, стремясь достичь истинной свободы, свободы желания. Всякий проходил через это.

В ушах Жанны звучали предостережения подруг: «Тома? Бабник. Трахает все, что шевелится. Козел». Она улыбнулась. Слишком поздно. Шампанское притупило инстинкт самосохранения. Он подошел к ней. Разыграл перед ней свою роль обольстителя. Даже не слишком убедительно. Но в его шутках сквозило желание, а в ее улыбках — призыв.

С первой же встречи все пошло не так. Она слишком быстро позволила себя поцеловать. В тот же вечер в машине. А как говаривала ей мать, когда еще не впала в маразм: «Для женщины первый поцелуй — начало любви. Для мужчины — начало расставания». Жанна упрекала себя за то, что уступила так легко. Вместо того чтобы потихоньку разжигать пламя…

Пытаясь исправить свою ошибку, она несколько недель отказывала ему в близости, создавая между ними ненужное напряжение. Так они утвердились в своих ролях: он призывает, она отказывает. Возможно, уже тогда она пыталась защищаться… Знала, что вместе с телом отдаст ему и сердце. Как всегда. И тогда наступит настоящая зависимость.

Надо отдать Тома должное, он был хорошим фотографом. Но во всем остальном — пустышка. Ни красавчик, ни урод. И приятным его не назовешь. Прижимистый. Эгоистичный. Конечно, трусоватый. Как и большинство мужчин. На самом деле их объединяло только одно: два еженедельных визита к психологу. И те глубокие раны, которые они старались залечить. Когда Жанна размышляла об этом, ей удавалось объяснить свое внезапное увлечение только внешними причинами. Нужное место. Нужное время. И ничего больше. Все это она знала, но не переставала находить в нем всевозможные достоинства, занимаясь бесконечным самовнушением. В этом суть женской любви: только здесь яйцо высиживает курицу…

Она ошибалась не в первый раз, куда там… Вечно влюблялась не в тех, в кого надо. Даже в чокнутых. Вроде того адвоката, который выключал бойлер, когда она у него ночевала. Он заметил, что после очень горячего душа Жанна мгновенно засыпает, оставив его ни с чем. Или программиста, просившего ее устраивать стриптиз перед веб-камерой. Она порвала с ним, сообразив, что ею любуется не он один. Или того странного издателя, который надевал белые фетровые перчатки, когда садился в метро, и воровал у букинистов подержанные книги. А были и другие. Много других…

И за что ей достались все эти придурки? Столько ошибок ради одной-единственной истины: Жанна была влюблена в любовь.

В детстве Жанна без конца слушала одну песенку:

Не бросай ее,

Она такая хрупкая.

Знаешь, быть свободной

Не так-то просто…[4]

В то время она еще не понимала заключенной в этих словах иронии, но предчувствовала, что песенка таинственным образом повлияет на ее судьбу. И оказалась права. Сегодня Жанна Крулевска, независимая парижанка, была свободной женщиной. Это и правда не так-то просто…

Процесс следовал за процессом, обыск сменялся допросом, а она все спрашивала себя, верный ли путь выбрала. Та ли это жизнь, о которой она мечтала? Порой она думала, что все это — чудовищный обман. Ее убедили ни в чем не уступать мужчине. Вкалывать как проклятая. Забыть о чувствах. Неужели ей нужно именно это?

А уж как ее бесило, что и эту ловушку подстроили мужчины! По их вине женщины разочаровались в любви и забыли свою величайшую мечту, свою liebestraum,[5] само свое предназначение продолжательниц человеческого рода. И ради чего? Чтобы подбирать за мужчинами крохи на профессиональном поприще, а по вечерам рыдать над телесериалами, запивая антидепрессанты бокалом белого вина? Привет эволюции.

Поначалу из них с Тома получилась идеальная современная пара. Две квартиры. Два счета в банке. Две налоговые декларации. Они проводили вместе два-три вечера в неделю да время от времени устраивали романтический уик-энд. В Довиле или где-нибудь еще.

Но стоило Жанне заикнуться о запретном — «обязательствах», «совместной жизни» и даже обмолвиться о «ребенке», как дело было приостановлено производством. Она наткнулась на глухую стену из недомолвок, отговорок и отсрочек… Беда не приходит одна, и ее охватили подозрения. Чем занимается Тома в те вечера, когда они не вместе?

Во время пожара иногда происходит то, что специалисты называют обратной тягой. В закрытом помещении пламя поглощает весь кислород и начинает высасывать воздух снаружи: из-под дверей, сквозь щели в наличниках, трещины в стенах, создавая вакуум и втягивая перегородки, оконные рамы, стекла, пока все не разлетится вдребезги. И тогда внезапный приток кислорода извне мгновенно подпитывает огонь, он разгорается и вспыхивает ярким пламенем. Это и есть обратная тяга.

Так случилось с Жанной. Наглухо закрыв сердце перед малейшим проблеском надежды, она выжгла весь кислород у себя внутри. Все двери и засовы, наложенные на ее ожидания, в конце концов были снесены напрочь, высвободив беспощадную ярость, нетерпение, требовательность. Жанна превратилась в фурию. Она прижала Тома к стенке и предъявила ему ультиматум. Результат не заставил себя ждать. Тома просто сбежал. Затем вернулся. И опять исчез… Ссоры, увертки, побеги повторялись снова и снова, пока их отношения не превратились в затасканную тряпку.

И чего она добилась? Ничего. Ничего она не выиграла. Ни обещаний, ни уверенности. Наоборот, теперь она одинока, как никогда. И готова принять все. Даже делить его с другой женщиной. Все лучше,

чем одиночество. Все лучше, чем потерять его. И потерять себя — настолько его присутствие стало частью ее самой, поглотило и источило ее…

Вот уже несколько недель она выполняла свою работу как после тяжелой болезни: любое движение, любая мысль требовали сверхчеловеческих усилий. Она занималась делами по инерции. Притворялась, будто живет, работает, дышит, а сама была одержима одним неотвязным чувством. Своей испепеленной любовью. Своей раковой опухолью.

И все тем же вопросом: есть ли у него другая?

Жанна Крулевска вернулась домой ближе к полуночи. Не зажигая свет, сбросила плащ. Вытянулась на диване в гостиной, лицом к огням уличных фонарей, рассеивавших потемки.

И мастурбировала, пока не забылась сном.

3

— Фамилия. Имя. Возраст. Профессия.

— Перрейя. Жан-Ив. Пятьдесят три года. Управляю профсоюзом владельцев недвижимости «COFEC».

— По адресу?

— Дом четырнадцать по улице Катр-Септамбр, во Втором округе.

— Проживаете?

— Сто семнадцать, бульвар Сюше, Шестнадцатый округ.

Жанна подождала, пока секретарь суда Клер все запишет. Десять часов утра, а уже жарко. Она редко проводила опрос свидетелей до обеда. Как правило, в первые рабочие часы она изучала дела и по телефону назначала судебные действия — опросы, допросы, очные ставки — на вторую половину дня. Но на этот раз ей хотелось захватить свидетеля врасплох. Она велела доставить ему повестку накануне вечером. Он был вызван в качестве обычного свидетеля. Классическая уловка. Свидетель не имеет права ни на адвоката, ни на доступ к делу, а значит, он в два раза уязвимее подозреваемого.

— Мосье Перрейя, надо ли напоминать вам факты?

Мужчина не ответил. Жанна продолжала нейтральным тоном:

— Вы вызваны сюда по делу о доме шесть на проспекте Жоржа Клемансо в Нантере. В связи с жалобой месье и мадам Ассалих, граждан Чада, ныне проживающих в жилом комплексе Сите-де-Флер, двенадцать, улица Сади-Карно в Гриньи. В рамках коллективного иска, к которому присоединились «Врачи мира» и АСПОС — Ассоциация семей, пострадавших от отравления свинцом.

Перрейя заерзал на стуле, не сводя глаз со своих ботинок.

— Факты таковы. Двадцать седьмого октября дне тысячи шестого года шестилетняя Гома Ассалих, проживавшая со своей семьей по адресу проспект Жоржа Клемансо, шесть, поступила в больницу Робера Дебре. Жалобы на сильные боли в животе. К тому же у нее был понос. В крови обнаружено повышенное содержание свинца. Гома страдает сатурнизмом. Ей предписан недельный курс хелации.

Жанна замолчала. «Свидетель» задержал дыхание, все так же уставившись себе на ноги.

— Двенадцатого мая две тысячи первого года десятилетний Бубакар Нур, также проживающий в доме шесть по проспекту Жоржа Клемансо, доставлен в детскую больницу Неккера с тем же диагнозом. Он проходит двухнедельный курс хелации. Дети отравились краской со стен трущоб, где они жили. Семьи Ассалих и Нур обращались в ваш профсоюз с требованием провести санацию квартир. Но ответа не последовало.

Она подняла глаза. Перрейя обливался потом.

— Двадцатого ноября того же года в больницу был доставлен еще один ребенок, семилетний Мохаммед Тамар, проживавший по адресу проспект Жоржа Клемансо, дом шесть. Очередное отравление свинцом. Мальчик бился в конвульсиях. Через два дня он умер в больнице Неккера. При вскрытии у него в печени, почках и мозге обнаружены следы свинца.

Перрейя ослабил галстук и вытер ладони о колени.

— На этот раз жильцы при поддержке АСПОС предъявили гражданский иск. Неоднократно они требовали, чтобы вы провели работы по санации дома. Вы ни разу не снизошли до ответа, верно?

Мужчина откашлялся и пробормотал:

— Эти семьи еще раньше обратились с просьбой предоставить им другое жилье. Расходы должны были взять на себя городские власти Нантера. Мы дожидались их переезда, чтобы начать ремонт.

— Будто вы не знаете, как долго удовлетворяются подобные запросы! Дожидались, пока они все перемрут?

— Но у нас-то не было средств, чтобы их переселить.

Жанна задержала на нем взгляд. Высокий, широкоплечий, в дорогом черном костюме, вьющиеся волосы с проседью окружают голову ореолом. Несмотря на внушительную внешность, Жан-Ив Перрейя разыгрывал из себя неприметного скромника. Регбист, который пытается превратиться в невидимку.

Она открыла очередную папку:

— Через два года, в две тысячи третьем, было составлено экспертное заключение. Результат оказался удручающим. Стены квартир выкрашены краской на свинцовых белилах, запрещенных уже в сорок восьмом году. За это время еще четверо детишек попали в больницу.

— Мы собирались сделать ремонт! Город должен был нам помочь!

— В экспертном заключении также отмечены нездоровые условия проживания. Нарушены все нормы безопасности. Однокомнатные квартиры, площадью не больше двадцати метров, без кухни и удобств. А квартплата превышает шестьсот-семьсот евро. Сколько метров в вашей квартире на бульваре Сюше, месье Перрейя?

— Я отказываюсь отвечать.

Жанна тут же пожалела об этом личном выпаде. Всегда придерживаться фактов.

— Всего через пару месяцев, — продолжала она спокойнее, — в июне две тысячи третьего года, от отравления свинцом снова погибает ребенок из дома номер шесть по проспекту Жоржа Клемансо. Вы и на этот раз не явились, чтобы оценить предстоящий ремонт.

— Мы приезжали.

Она развела руками:

— И где же отчеты? Сметы? Ваша канцелярия нам ничего не предоставила.

Перрейя облизнул губы, снова вытер ладони о брюки. Большие мозолистые ладони. Этот тип был строителем, подумала Жанна. И лишь потом занялся недвижимостью. А значит, разбирается в таких делах.

— Мы недооценили опасность ситуации, — тем не менее солгал он.

— Несмотря на результат экспертизы? Медицинские заключения?

Перрейя расстегнул воротник рубашки. Жанна перевернула страницу и продолжила:

— За загубленные и непоправимо испорченные жизни Версальский апелляционный суд постановлением от двадцать третьего марта две тысячи восьмого года обязал вас выплатить компенсацию пострадавшим. Семьи в конце концов получили возмещение понесенного ущерба и новое жилье. В то же время эксперты постановили, что дом слишком ветхий и не подлежит ремонту. К тому же выяснилось, что в действительности вы рассчитывали его снести, а на этом месте построить офисное здание. Ирония заключается в том, что в итоге вы получите от города финансовую поддержку, чтобы

снести и возвести заново дом шесть по проспекту Жоржа Клемансо. В результате вы добились чего хотели.

— Прекратите говорить «вы». Я всего лишь управляю профсоюзом.

Жанна пропустила этот выпад мимо ушей. В кабинете было жарко как в печке. Воротник блузки у нее промок от пота. Солнечные лучи стрелами пронзали широкое окно, растекаясь по комнате, словно масло по сковородке. Она едва не попросила Клер опустить шторы, но это пекло — необходимая часть ее игры.

— Этим бы все и кончилось, но несколько семей при поддержке двух ассоциаций — «Врачей мира» и АСПОС — предъявили коллективный иск. Вам и домовладельцам. За неумышленное убийство.

— Мы никого не убивали!

— Убивали. Дом и краска стали орудием убийства.

— Мы этого не хотели!

— Неумышленное убийство. Формулировка говорит сама за себя.

Перрейя помотал головой и бросил:

— Чего вы добиваетесь? Зачем я здесь?

— Я хочу узнать, кто на самом деле в этом виноват. Кто скрывается за анонимными обществами, владеющими зданием. Кто отдавал вам приказы? Вы лишь пешка, Перрейя. И вам придется отдуваться за других!

— Я никого не знаю.

— Перрейя, вам грозит по меньшей мере десять лет тюрьмы. Без права досрочного освобождения. И отбывать срок вы начнете сегодня же, если я так решу. В камере предварительного заключения.

Мужчина поднял глаза: две вспышки в седых зарослях бровей. Он вот-вот заговорит, Жанна это чувствовала. Она выдвинула ящик и достала крафтовый конверт формата А4. Вынула из него черно-белый снимок такого же размера.

— Тарак Алюк, восемь лет, скончался через шесть часов после госпитализации. Задохнулся в конвульсиях. Вскрытие показало, что содержание свинца в его органах в двадцать раз превышало порог токсичности. Как по-вашему, какое впечатление эти фотографии произведут в суде?

Перрейя отвел взгляд.

— Сейчас вам поможет только одно: разделить ответственность с другими. Сказать нам, кто стоит за акционерными обществами, которые отдают вам приказы.

Он сидел, низко склонив голову, и молчал. Шея у него блестела от пота. Жанна видела, как дрожат его плечи. Она и сама дрожала в мокрой от пота блузке. Началась настоящая битва.

— Перрейя, вы будете гнить в тюрьме по меньшей мере пять лет. Вам известно, как там обходятся с убийцами детишек?

— Но я не…

— Какая разница! Поползут слухи, и вас будут считать педофилом. Так кто стоит за акционерными обществами?

Он почесал затылок.

— Я их не знаю.

— Когда запахло жареным, вы наверняка сообщили об этом тем, кто принимает решения.

— Я послал мейлы.

— Кому?

— В офис. Гражданского товарищества недвижимости. «FIMA».

— Значит, вам ответили. Ответы не были подписаны?

— Нет. Это административный совет. Они не хотели ничего предпринимать, и точка.

— И вы их не предостерегли? Не попытались связаться напрямую?

Перрейя втянул голову в плечи и ничего не ответил.

Жанна вынула протокол:

— Знаете, что это такое?

— Нет.

— Показания вашего секретаря Сильвии Денуа.

Перрейя отшатнулся. Жанна продолжала:

— Она помнит, что семнадцатого июля две тысячи третьего года вы ездили в дом шесть по проспекту Жоржа Клемансо с владельцем здания.

— Она ошибается.

— Перрейя, вы пользуетесь услугами такси компании «G7». И имеете абонемент, именуемый «Клоб афер». Все ваши поездки остаются в памяти компьютера. Мне продолжать?

Он промолчал.

— Семнадцатого июля две тысячи третьего года вы заказали такси — светло-серый «мерседес» с номерными знаками 345 DSM 75. За два дня до этого вы получили первое экспертное заключение. И решили убедиться сами, насколько все серьезно. Оценить состояние здоровья жильцов. Предстоящий ремонт.

Перрейя то и дело затравленно поглядывал на Жанну.

— По сведениям компании «G7», сначала вы заезжали на проспект Марсо в дом сорок пять.

— Я уже не помню.

— Дом сорок пять по проспекту Марсо — адрес гражданского товарищества недвижимости «FIMA». Можно предположить, что вы заезжали к владельцу общества. Шофер ждал вас двадцать минут. Очевидно, все это время вы убеждали владельца в серьезности ситуации, чтобы он согласился поехать с вами. Так за кем вы заезжали в тот день? Кого вы покрываете, месье Перрейя?

— Я не вправе называть имена. Профессиональная тайна.

Жанна стукнула по столу:

— Чепуха! Вы не врач и не адвокат. Кто владелец «FIMA»? За кем вы заезжали, черт побери?

Перрейя замкнулся в молчании. Несмотря на дорогой костюм, он выглядел помятым.

— Дюнан, — прошептал он наконец. — Его зовут Мишель Дюнан. Он — владелец контрольного пакета акций по крайней мере двух из трех фирм, которым принадлежит дом. На самом деле он и есть его настоящий владелец.

Жанна сделала знак секретарше Клер. Пора записывать: начинается дача показаний.

— В тот день он ездил вместе с вами?

— Еще бы, когда заварилась такая каша!

Она представляла себе, как это было. Июль 2003 года. Вовсю палило солнце. Словно сегодня. Оба бизнесмена потели в своих костюмчиках от «Хьюго Босс», опасаясь, что проклятые негры помешают их покою, успеху, темным делишкам…

— Дюнан так и не принял никакого решения? Не мог же он сидеть сложа руки.

— А он и не сидел.

— В каком смысле?

Свидетель все еще колебался. Жанна настаивала:

— У меня нет ни одного документа, подтверждающего, что в то время были приняты хоть какие-то меры.

Перрейя молчал. Несмотря на внушительную фигуру, теперь он казался едва ли не коротышкой.

— Это все из-за Тины, — выдавил он наконец.

— Кто такая Тина?

— Старшая дочь Ассалихов. Ей тогда было восемнадцать.

— Не понимаю.

Жанна чувствовала, что вот-вот она узнает нечто важное. Наклонившись над столом, она уже не так сухо произнесла:

— Месье Перрейя, при чем тут Тина Ассалих?

— Дюнан на нее запал. — Он промокнул лоб рукавом и продолжал: — Словом, хотел ее поиметь.

— Не понимаю, при чем тут работы по санации?

— Это был шантаж.

— Шантаж?

— Тина не уступала. И он хотел… Обещал начать ремонт, если она согласится.

У Жанны перехватило дыхание. Значит, был мотив. Она убедилась, что Клер все записывает. В комнате стояло настоящее пекло.

— И она уступила? — Собственный голос показался ей невыразительным.

Его глаза загорелись мрачным пламенем:

— Ремонт ведь так и не сделали, верно?

Жанна не ответила. Мотив. Умышленное убийство.

— Когда он познакомился с Тиной?

— В тот день. В две тысячи третьем.

Выходит, многих отравлений можно было избежать. Хотя бы вовремя начать лечение. Низость владельца не удивляла Жанну. Она и не такое повидала. Скорее ее удивляло то, что девушка не уступила. На кону было здоровье ее братьев, сестер, других ребятишек, живших в том доме.

— А Тина понимала последствия своего отказа?

— Конечно. Но она ни за что бы не уступила. Я так и сказал Дюнану.

— Почему?

— Она из племени тубу. А у них очень суровые нравы. На родине их женщины носят под мышкой нож. Во время войны они разводятся с мужьями, если тех ранят в спину. Так что можете себе представить.

Жанна наклонила голову. Опрашивая свидетелей, она всегда делала записи. Сейчас строчки плясали у нее перед глазами. Надо было продолжать. Распутать весь клубок. Отыскать эту Тину Ассалих. И разоблачить настоящего негодяя — Дюнана.

— Так что, посадите вы меня или нет?

Она подняла глаза. Он выглядел раздавленным. Уничтоженным. Жалким. Только и думает, что о своей злосчастной шкуре, семье, комфорте. От омерзения ее затошнило. В такие минуты она, как всегда во время депрессии, уже ни во что не верила. Жизнь теряла всякий смысл…

— Нет, — произнесла она не раздумывая. — Я не стану предъявлять вам обвинение. Несмотря на серьезные и последовательные доказательства вины. Учту ваше… добровольное признание. Подпишите показания и убирайтесь отсюда.

Набранные Клер странички уже выползали из принтера. Жан-Ив Перрейя встал. Расписался. Жанна взглянула на разложенные на столе фотографии. Детишки под капельницей. Мальчик с кислородной маской. Черное тельце, готовое к вскрытию. Она убрала снимки в крафтовый конверт. Сунула все в папку и отложила вправо. Следующий.

И так каждый день. При этом они с Клер пытались вести нормальную жизнь, думать о повседневных делах, видеть человечество хотя бы в сером цвете. До очередного ужаса. До следующего кошмара.

Жанна взглянула на часы. Одиннадцать. Она порылась в сумке, вытащила мобильный. Наверняка Тома ей звонил. Чтобы извиниться. Объясниться. Предложить встретиться в другой день… Но сообщения не было. Она разрыдалась.

Клер бросилась к ней, протягивая бумажные платки.

— Не стоит так убиваться, — сказала она, неправильно истолковав ее слезы. — Мы и не такое видели.

Жанна кивнула. Sunt lacrimae rerum.[6] «Есть слезы для бед». Как говаривал ее наставник Эмманюэль Обюсон.

— Вам пора, — напомнила секретарша. — У вас еще заседание.

— А после? Обед?

— Да. С Франсуа Тэном. В «Заводе». В час дня.

— Черт.

Клер сжала ее плечо:

— Вы всегда так говорите. А в полчетвертого возвращаетесь сытая и довольная.

4

— Ну что, прочитала?

Жанна оглянулась на зов. Половина первого. Она направлялась к выходу, мечтая о прохладном душе и кляня скупердяйство судебного ведомства: кондиционеры вечно работали с перебоями.

За ней шел Стефан Рейнхар. Тот самый, который вчера вечером всучил ей какое-то темное дело. В льняной рубашке он выглядел помятым, как обычно. И как обычно, сексуальным.

— Так ты прочитала?

— Я ничего не поняла, — призналась она, продолжив путь.

— Но ты усекла, что дело пахнет жареным?

— Факты между собой никак не связаны. Да еще этот анонимный донос… Надо разобраться, что их объединяет.

— Как раз это от тебя и требуется.

— Но я ничего не смыслю в оружии. Да и в самолетах. Я даже не знала, что Восточный Тимор — страна.

— Это восточная часть острова в Индонезии. Независимое государство. Одна из самых горячих точек планеты.

Они подошли к рамкам металлоискателя. Солнце заливало вестибюль. Охранники того и гляди сварятся заживо. Рейнхар улыбался. С портфелем под мышкой он смахивал на продвинутого препода, всегда готового забить косячок с учениками.

— К тому же я понятия не имею, что такое «сессна», — добавила она упрямо.

— Гражданский самолет. Прикинь, посудина без всяких опознавательных знаков, перевозящая автоматическое оружие. Которое использовали при попытке государственного переворота!

Как раз об этом она и прочла накануне, но вникать не стала. Даже не задумалась о том, что, собственно, это означает. Вчера, как, впрочем, и сегодня, телефонный звонок волновал ее больше, чем все государственные перевороты в мире…

— По-моему, эта история с винтовками, — она старалась казаться заинтересованной, — яйца выеденного не стоит. Отчего ты так уверен,

что речь идет о французских винтовках? Причем изготовленных на этом самом предприятии?

— Да ты вообще дело читала? Их нашли в руках убитых заговорщиков. Полуавтоматические винтовки «скорпион». Со стандартными натовскими патронами. Калибра пять пятьдесят шесть. Ничего общего с обычным вооружением повстанцев в нищей стране. Такое оружие выпускает только «EDS Technical Services».

Жанна пожала плечами.

— Тебе разве не показалось, что этот анонимщик чертовски хорошо информирован? — продолжал следственный судья.

— Уж точно лучше меня. Я об этом государственном перевороте первый раз слышу.

Рейнхар изобразил покорность судьбе:

— О нем никто не слышал. Как и обо всем, что касается Восточного Тимора. Но все это есть в инете. В феврале две тысячи восьмого года повстанцы совершили покушение на президента страны Жозе Мануэла Рамуш-Орта. Того самого, который в девяносто шестом получил Нобелевскую премию мира. Нобелевский лауреат мира тяжело ранен из французской штурмовой винтовки! Черт возьми, чего тебе еще! Я уж не говорю о политической стороне дела. Выручка от этой сделки пошла на финансирование французской политической партии!

— О которой я и не слышала.

— Она только выходит на сцену. Правая партия! Дело — верняк. Посолишь, поперчишь и подашь на стол горяченьким. С этим-то ты справишься?

Жанна всегда была социалисткой. Когда-то Обюсон говаривал ей: «По молодости мы все левые, но с годами идеи смещаются вправо». Она еще не настолько состарилась, чтобы качнуться вправо. Да и сам Обюсон так и остался левым.

Рейнхар прошел под рамкой, сигнал раздался в тот самый миг, когда охранники отдавали ему честь.

— Пообедаешь со мной?

— К сожалению, не могу. Уже договорилась.

Судья прикинулся огорченным, но Жанна не поверила. Просто ему хочется поговорить о Восточном Тиморе.

Она тоже прошла через металлоискатель.

— Если дело так тебе приглянулось, может, возьмешь его себе?

— У меня от папок с незакрытыми делами уже дверь в кабинет не открывается.

— А я тебе ломик одолжу.

— Ладно-ладно. Значит, займешься? Сама же потом спасибо скажешь.

Он поцеловал ее в уголок губ. На душе потеплело. Она направилась к парковке. Легкая, как пыльца на солнце. Чувствуя себя красивой, сияющей, неотразимой. От простого соприкосновения с мужским обаянием ее депрессия улетучилась. Уж не превращается ли она в циклотимичку?

Или просто в старую деву.

5

— Сам не знаю, что со мной происходит. Так и тянет трахнуть все, что шевелится.

— Какая прелесть.

Жанна постаралась не выглядеть шокированной. Франсуа Тэн пялился на зад удаляющейся официантки. Наконец он оторвал взгляд от ее попки и с улыбкой уставился на собеседницу. Улыбка красноречиво говорила о том, что его аппетиты простираются и на Жанну. Она и не подумала обижаться. Их дружба зародилась еще в Национальной школе судебных работников в Бордо десять лет назад. Тогда Тэн как-то попытался подкатиться к ней. Следующую попытку он предпринял спустя несколько лет, после своего развода. Но безуспешно.

— Что ты будешь? — спросил он.

— Посмотрим.

Как и все парижанки, Жанна, с тех пор как достигла половой зрелости, только притворялась, что ест. Она просмотрела меню, сделала свой выбор и огляделась по сторонам. «Завод» — модный ресторан неподалеку от Этуаль. Стены обшиты деревом с выявленной текстурой. Пол из лакированного бетона. Очень умиротворяющая атмосфера, несмотря на обычный для обеденного времени гам.

Больше всего Жанну прельщала двуликость этого места. В полдень сюда приходили деловые люди в галстуках. А по вечерам собирались представители мира моды и кино. Эта двойственность была ей близка.

Она вновь обернулась к Тэну, который читал меню нахмурившись, словно обвинительное заключение по громкому делу. Угловатый, как телеантенна. Прямые, будто солома, волосы. Резкие черты. Его внешность вечного студента не вязалась с повадками бывалого судьи. Франсуа Тэн, тридцати восьми лет, следственный судья в Нантере — он занимал кабинет рядом с Жанной, — был одним из тех, кто выдвинул обвинение против Жака Ширака по окончании его президентского срока.

Расставшись с женой, Тэн стал придерживаться крикливо-элегантного стиля, стремясь сгладить свою чересчур юношескую наружность и природную нескладность. Сшитые на заказ костюмы от «Эрменеджильдо Зенья». Рубашки-стретч «Прада». Обувь от Мартина Марджела. Жанна подозревала, что свои тряпки он оплачивает векселями. Как карточные долги.

Вопреки своей внешности первого ученика выражался он нарочито грубо. Ему казалось, что это шикарно. В Париже, второразрядной столице, этот прием порой срабатывал, но все же не мог полностью скрыть банальной обыкновенности персонажа. Как бы он ни лез вон из шкуры, Тэн обычно казался именно тем, кем был на самом деле. Принарядившимся провинциалом, уроженцем Амьена. Ни шика, ни утонченности.

Конечно, у Жанны были свои причины испытывать к нему привязанность. Под его властностью, напускной элегантностью, вульгарностью таилось робкое существо, пытавшееся пустить пыль в глаза. Две детали выдавали его уязвимость. Неуверенная улыбка, которую он выбрасывал вперед движением подбородка, словно пускал по воде камешек. И выдающийся кадык, резавший глаз и в то же время завораживавший Жанну.

Они сделали заказ, затем Тэн склонился к ней:

— Знаешь Одри, стажерку, которая работает в исправительной палате?

— Толстуху?

— Можешь называть ее так, если тебе нравится, — сказал он обиженно.

— У тебя с ней что-то есть?

В ответ он победно улыбнулся.

— Мне этого не понять, — вздохнула Жанна.

Тэн сложил ладони в знак долготерпения, словно давая последний шанс обвиняемому, прежде чем засадить его в каталажку.

— Жанна, ты должна усвоить одну истину. Саму сущность мужского желания.

— Я в нетерпении.

— Большинство из нас бегает за красивыми, элегантными худышками типа манекенщиц. Но это только чтобы произвести впечатление на окружающих. А когда нам пора остепениться, когда на

нас никто не смотрит, нас тянет к женщинам в теле, с округлыми формами. Мужчины предпочитают толстушек. Усекла?

— Во всяком случае, теперь я знаю, к какой категории принадлежу я.

При росте метр семьдесят три вес Жанны колебался между 50 и 52 килограммами.

— Только не жалуйся. Ты принадлежишь к тем, на ком женятся.

— Что-то я не замечала.

— Ты из тех женщин, с которыми приятно показаться на людях, кого водят в ресторан, кому делают детей.

— Словом, мамаша.

Тэн расхохотался.

— А ты хочешь быть еще и шлюхой? Не многовато ли?

Задетая и польщенная, Жанна спросила:

— Ну и что ты собирался мне рассказать?

— В прошлое воскресенье во второй половине дня мы с этой самой Одри встречались у меня дома. Помнишь, как тогда жарило? Мы опустили ставни. Простыни хоть выжимай. Словом, еще та обстановочка… Ну, сама понимаешь.

— Понимаю.

— В пять часов зазвонил домофон. Натали, моя бывшая, привела детей. По воскресеньям я с ними ужинаю, а утром отвожу их в школу. Вообще-то обычно моя бывшая заявляется в семь вечера. Но в тот день отменили какой-то там спектакль, она и притопала на два часа раньше. А у меня в постели Одри, вот я и струхнул.

— Вы же разведены?

— Не так давно. Каждый раз Натали заходит на минутку и озирается. Выглядывает, не завел ли я бабу. Она бы мигом сообразила, что у меня в спальне кто-то есть.

— И как ты выкрутился?

— Натянул трусы и велел Одри поскорее одеться. Я живу на шестом, последнем этаже, без лифта. На лестничной площадке есть чуланчик. Вот я ее туда и спровадил.

— Обошлось?

— Чуть не попался. Был момент, когда я одновременно лицезрел голые ноги Одри за дверью чулана и головы моих детишек, поднимавшихся о лестнице.

Тэн на секунду замолчал, чтобы усилить впечатление. Жанна подыграла ему:

— И что дальше?

— Ну, детишки убежали к себе в комнату, а Натали так и шарит взглядом по сторонам. Дала мне инструкции насчет детских одежек, а под конец напомнила, чтобы я заплатил за школьную столовку. В общем, все как обычно. Я уж думал, легко отделался. И тут увидел на книжной полке в прихожей солнечные очки Одри.

— Натали их заметила?

— Нет. Я сунул их в карман, пока она смотрела на часы.

— Раз она ничего не заметила, в чем подстава?

— Ну, я проводил ее до входа и уже собирался закрыть дверь, а она вдруг спрашивает: «Ты мои солнечные очки не видел? Похоже, я их где-то оставила».

Жанна улыбнулась:

— Жизнь у тебя бьет ключом. Как же ты выкрутился?

— Добрых пять минут мы с ней искали очки, лежавшие у меня в кармане. Потом я незаметно их вынул и сделал вид, что обнаружил их на полке.

Принесли закуски. Зеленый салат для Жанны, суши из красного тунца для Тэна. Несколько секунд они наслаждались едой в молчании, нарушаемом лишь постукиванием вилок. Гул голосов обедавших в ресторане дельцов был подобен их костюмам: нейтральный, гладкий, безликий.

— Что у тебя сейчас в работе? — спросил Тэн.

— Ничего особенного. А у тебя?

— У меня серьезное дельце.

— Какое же?

— Убой. Труп нашли три дня назад. Жуткое зрелище. На парковке в Гарше. Расчлененка. Следы каннибализма. Стены сплошь покрыты кровавыми знаками. Никто ничего не понимает.

Жанна положила вилку. Переплела пальцы, опершись локтями на стол:

— Ну-ка расскажи.

— Мне позвонил прокурор. С места преступления. Попросил немедленно приехать. Дело тут же всучили мне.

— А как же расследование по горячим следам?

— В соответствии со статьей семьдесят четвертой Уголовного кодекса «Установление причин смерти», учитывая особо жестокий характер преступления, прокуратура решила подключить следственного судью сразу же, для координации действий.

История все больше увлекала Жанну:

— Опиши-ка место преступления.

— Жертва обнаружена на последнем уровне подземной парковки. Медсестра.

— Возраст?

— Двадцать два года.

— Место работы?

— Центр для умственно отсталых. Ему и принадлежит парковка.

— Что дал опрос свидетелей?

— Никто ничего не видел. Ни внутри, ни снаружи.

— Камеры наблюдения?

— Камеры не было. Во всяком случае, на этом уровне.

— Окружение девушки?

— Пусто.

— Ты упомянул Центр для умственно отсталых. Может, убийца — один из пациентов?

— Это заведение для детей.

— Другие следы?

— По нулям. Следственная группа проверяет ее комп. Чтобы выяснить, не заходила ли она на сайты знакомств. Только все без толку. По мне, так это серийный убийца. Видно, ее выбрал какой-то псих. И захватил врасплох.

— У нее была какая-нибудь физическая особенность?

Тэн поколебался.

— Скорее хорошенькая. Пухленькая. Возможно, ее особенности соответствуют какому-то типу. Тому, который привлекает именно этого убийцу. Как обычно, больше узнаем, когда появится следующая жертва.

— Что-нибудь еще?

Жанна забыла про свой салат, гул голосов в ресторане, прохладный кондиционированный воздух.

— Пока это все. Жду от криминалистов результатов вскрытия и анализов. Но я бы не слишком на них рассчитывал. Почерк

преступления — смесь дикой жестокости и тщательной подготовки. Не сомневаюсь, убийца принял все меры предосторожности. Что странно, так это отпечатки ног.

— Обуви?

— Нет, голых подошв. По мнению легавых, он раздевается догола. Чтобы исполнить свой ритуал.

— Почему «ритуал»?

— На стенах знаки. Что-то первобытное. Прибавь к этому следы каннибализма…

— Ты уверен?

— Руки и ноги вырваны и обглоданы до костей. По полу разбросаны остатки внутренних органов. По всему телу — следы человеческих зубов. Настоящий кошмар. А я даже не уверен, что в нашем законодательстве есть статья, предусматривающая наказание за людоедство.

Жанна смотрела в зал, но ничего не видела. Описание места преступления вызвало у нее воспоминания. Осколки ее собственной души, глубоко погребенные, тщательно скрытые под респектабельной маской судьи.

— А что за знаки на стенах?

— Причудливые формы, первобытные фигурки. Убийца смешал кровь с охрой.

— Охрой?

— Ага. Краску, наверное, принес с собой. Он и впрямь чокнутый. Показать фотографии?

— Вы передадите рисунки антропологам?

— Да, полиция уже этим занимается.

— Кто руководит следственной группой?

— Тебе не стоит им звонить, я…

— Имя.

— Патрик Райшенбах.

С ним Жанна была знакома. Еще тот мужик. Крутой. Настоящий профи. Неразговорчивый. Привык брать от жизни все. Ей вспомнилась одна подробность. Всегда небритый, а волосы — липкие от геля для волос. Просто с души воротит.

— Почему в СМИ об этом ничего не было?

— Потому что мы делаем свою работу.

— Тайна следствия, — улыбнулась Жанна. — Растущая ценность…

— Оно и к лучшему. В таком деле лишняя шумиха только мешает, надо ведь изучить каждую деталь. Я даже привлек специалиста по психологическому профилированию.

— Официально?

— Подключил его к делу, старушка, прямо как в Америке.

— Кто он?

— Бернар Левель. Собственно, у нас он один такой… Ну, еще ведутся поиски в архивах. Убийства, которые хоть каким-то боком походили бы на наше дело. Да только я в это не верю. Похоже, тут что-то совсем новенькое.

Жанна представила, как бы она погрузилась в такое расследование. Искала бы в картотеке, копалась в газетных вырезках. Приколола бы к стенам своего кабинета фотографии с места преступления. Она опустила глаза. Незаметно для себя она вертела в руках хлеб, так что он почти раскрошился. Несмотря на кондиционер, она вся взмокла.

Тэн расхохотался. Жанна подскочила:

— Что тебя так рассмешило?

— Ты знакома с Ланглебером, судебным медиком?

— Нет.

— Сверхинтеллектуал. Каждый раз выдает что-нибудь эдакое.

Жанна стряхнула крошки и сосредоточилась на словах Тэна. Она боялась приступа тоски. Как во время депрессии. Когда, выехав из туннеля, она бросала машину где придется. Или весь обеденный перерыв рыдала в туалете ресторана.

— На месте преступления Ланглебер поманил меня к себе. Я уж думал, сейчас выдаст мне стоящую подсказку. Потрясающую деталь, как в кино. А он вдруг тихо так говорит: «Человек — это канат, протянутый между животным и сверхчеловеком». Я ему: «Чего?» А он мне: «Канат над пропастью».

— Это из Ницше. «Так говорил Заратустра».

— Угу. Он мне так и сказал. Но кто, кроме этого придурка, читал Ницше? Ну и тебя, конечно, — добавил он с улыбкой.

Жанна улыбнулась в ответ. Неприятное ощущение прошло.

— А ты бы ему ответил: «Величие человека в том, что он мост, а не цель».[7] Это продолжение того же фрагмента. Хотя я согласна, что от Ницше в расследовании толку мало.

— Мне нравится, когда ты так делаешь.

— Как — так?

— Массируешь себе затылок, запустив пальцы под волосы.

Жанна покраснела. Тэн огляделся, словно боялся, что их подслушивают. Потом наклонился к ней:

— Может, как-нибудь поужинаем вместе, а?

— Со свечами и шампанским?

— Почему бы и нет?

Им подали горячее. Тэну — говяжье филе «Россини», а Жанне — карпаччо из тунца. Она отодвинула тарелку.

— Похоже, я перейду сразу к чаю.

— Так что насчет ужина?

— Ты ведь уже как-то попытал удачу. Даже не раз?

— Как говорит Одри, «прошлое — чистая тоска».

Жанна рассмеялась. Ей нравился этот парень.

Его заигрывания хотя бы были бесхитростными. Без оттенка лицемерной грубости, как у других хищников. Напротив, в его смехе слышалась подлинная щедрость души. У него было что предложить. Эта мысль напомнила ей о другом.

— Извини.

Она покопалась в сумке. Взяла мобильный. Ни одного нового сообщения. Твою мать. Ощутив горький привкус во рту, она сглотнула. По-настоящему вопрос стоял так: почему она все еще ждет звонка? Все кончено. И она это знала. Но никак не могла в это поверить. Как говорят нынешние дети, «не догоняла».

6

На обратном пути Жанна обдумывала рассказ Тэна. Она завидовала ему. Завидовала тому, что дело досталось не ей. Тому, что убийство было таким кровавым. Напряженности и сложности подобного расследования. Она решила стать следственным судьей, чтобы раскрывать кровавые преступления. Ее целью было преследовать серийных убийц. Проникать в их смертоносное безумие. Бороться с жестокостью в чистом виде.

За пять лет работы в Нантерском суде ей доставались лишь жалкие мелкие происшествия. Торговля наркотиками, семейное насилие, махинации со страховками. А если она расследовала убийство, его мотивом всегда были деньги, спиртное или личная неприязнь.

Она пересекла Порт-Майо и поехала по проспекту Шарля де Голля в сторону моста Нейи. Из-за уличных пробок машина еле ползла. Вопреки собственному желанию Жанна почувствовала, как заработала ее память. Дело Франсуа Тэна пробудило одно воспоминание. Худшее из всех. Им-то и объяснялось ее призвание. Одиночество. Интерес к кровавым преступлениям.

Она стиснула руль и приготовилась к встрече с прошлым. Когда она думала о Мари, своей старшей сестре, ей всегда приходила в голову игра в прятки. Та, что так и не закончилась. В безмолвном лесу…

В действительности все было совсем не так, но в ее воспоминаниях водила именно она, Жанна. Считала, прижавшись лбом к дереву, зажав глаза ладошками. И в памяти вновь всплывали события — под звуки ее собственного голоса, бормотавшего: «Раз, два, три…».

Однажды вечером семнадцатилетняя Мари не пришла домой. Мать, одна растившая двух дочерей, забеспокоилась. Обзвонила всех подруг дочери. Ее никто не видел. Никто не знал, где она. Телефонные звонки убаюкали Жанну. Борясь с тревогой, она считала шепотом: «Десять, одиннадцать, тринадцать…». Сестра спряталась. Это игра. Вот и все.

На следующее утро пришли какие-то люди. Они говорили о вокзале Курбвуа, о парковке под насыпью. В безлюдном месте между ними и нашли Мари. Полицейские считали, что тело перенесли туда на рассвете, но убили девушку в другом месте, и… Больше Жанна ничего не слышала. Ни воплей матери, ни того, что говорили полицейские. Она изо всех сил считала: «Двадцать, двадцать один, двадцать два…». Игра продолжалась. Надо только держать глаза закрытыми. Когда она их откроет, то снова увидит сестру.

Она увидела ее через три дня, в комиссариате, когда матери стало плохо. Полицейские хлопотали над ней. Жанна смогла потихоньку заглянуть в папку. Снимки тела. Труп лежал в тени парапета, руки и ноги поменяли местами, внутренности вытащили наружу, белые носки, детские чешки, обруч.

Жанна не восприняла эту сцену целиком. Только растр снимков. То, что они черно-белые. Светлый парик, закрывавший сестре лицо. Зато она прочитала. Фразы из полицейского рапорта. Там было написано, что смерть Мари наступила от асфиксии — она так и не поняла, что это значит. Что ее раздели. Что была произведена эвисцерация — еще одно незнакомое слово. Что ей отрезали руки и ноги и поменяли их местами: ноги приставили к плечам, а руки — к бедрам. Еще там было написано, что убийца устроил «зловещую мизансцену». Вот только что это такое?

«Тридцать один, тридцать два, тридцать три…» Так не бывает. Сейчас Жанна откроет глаза и увидит кору дерева. Обернется и окажется в безмолвном лесу. Мари будет где-то там, среди листвы. Надо только считать. Не пропуская ни одной цифры. Чтобы дать ей время спрятаться. Так будет легче ее найти…

Потом были похороны. Их Жанна пережила как сомнамбула. Приходили полицейские. С понурыми лицами, запахом кожи, одними и теми же вопросами. Затем мать стремительно опустилась. Через год неизлечимая наркоманка заплетающимся языком поведала Жанне, что она всегда была ее любимицей. «Ты родилась из хаоса, поэтому тебя я всегда любила больше…»

У Жанны и Мари были разные отцы. Отец Мари ушел, и о нем никогда не говорили. Отец Жанны тоже ушел, и о нем говорили еще меньше. Единственным наследством, которое он ей оставил, была ее фамилия — Крулевска. Много лет спустя Жанна попыталась узнать о

нем хоть что-нибудь. Расспросила мать. Отец был поляком. Наркоман, называвший себя киношником и уверявший, что окончил Высшую школу кинематографии в Лодзи, ту самую, где учились Роман Полански, Ежи Сколимовски, Анджей Жулавски. Настоящий соблазнитель. И краснобай. В конце семидесятых он вернулся на родину. Больше они о нем не слышали.

Жанна была плодом случайной встречи двух хиппи в лучших традициях семидесятых. Парочку нариков свела кислота, а может, и шприц с герой. Они переспали. От их трипа родилась Жанна. Но, как утверждала мать, ее она любила сильнее, чем Мари. И теперь это обернулось против нее. Мари погибла из-за недостатка внимания. Мать невозможно было разубедить. А значит, во всем виновата Жанна. Избалованная любимица. Та, о которой позаботились. Она-то была в безопасности, а ее сестру расчленили…

«Сорок три, сорок четыре, сорок пять…»

Слова матери повлияли на решение Жанны больше, чем убийство Мари. Она ощущала себя обязанной. Это был ее нравственный долг. Перед Мари. Перед всеми жертвами женского пола. Перед изнасилованными. Перед женами, которых бьют мужья. Перед убитыми незнакомками. Она станет следственным судьей. Она настигнет подонков и именем закона потребует возмездия. «Пятьдесят четыре, пятьдесят пять, пятьдесят шесть…»

С этой мыслью она на «отлично» сдала выпускные экзамены в школе. С этой навязчивой идеей защитила магистерскую диссертацию. Одержимая той же манией, окончила подготовительный курс в Институте юридических исследований, затем поступила в Национальную школу судебных работников. Завершив образование, год провела в Латинской Америке, пытаясь избавиться от своего наваждения, но ничего не вышло. Она вернулась во Францию. Два года проработала в Лиможе, три в Лилле, прежде чем осесть в Нантере.

Ни на миг не забывая о своей цели.

Вернувшись в Иль-де-Франс, она извлекла на свет божий дело об убийстве сестры. Преступление было совершено в Курбвуа, подпадающем под юрисдикцию Нантерского суда. Она запросила досье из архива прокуратуры.

Прочитала его. Перечитала. Изучила вдоль и поперек. Озарение так и не наступило. Она наивно полагала, что недолгий опыт работы в

суде поможет ей разобраться. Разглядеть след. Но нет. Ни единой зацепки. Убийца больше ни разу не проявил себя.

Единственное, что ее поразило, — замечание журналиста из «Актюэль». Вырезку от октября 1981 года она обнаружила в папке с делом. Там отмечалось сходство между поставленной убийцей мизансценой и «куклами» художника Ханса Беллмера. Те же переставленные руки и ноги.

Тот же светлый парик. Те же белые носочки и черные туфельки. Тот же обруч…

Жанна собрала сведения. Беллмер — немецкий художник и скульптор начала XX века, позже увлекшийся фотографией. Его куклы в человеческий рост стали для нее откровением. Они в точности походили на изувеченное тело сестры. За свой счет она совершила несколько путешествий. Побывала в Музее современного искусства в Нью-Йорке. В галерее Тейт в Лондоне. В музеях Германии. Обошла весь Центр Помпиду. Видела скульптуры, гравюры, рисунки. И плакала. Она воображала убийцу, прошедшего тот же путь. Безумца, проникшегося в каждом из музеев дьявольским духом этих инсталляций. Похитителя бредовых идей, у которого не оставалось иного выбора, как только воплотить их в жизнь, пользуясь человеческими телами.

Она побывала во многих местах, где когда-то жил художник. В Германии. Во Франции — в Париже и Провансе. Она обращалась в ближайшие полицейские участки. Всюду искала след убийцы. Деталь. Улику. Все впустую.

Наконец она смирилась с очевидностью. Она навсегда останется девочкой, которая зажимала глаза ладошками и потихоньку считала. Которой не терпелось отправиться в лес на поиски правды. Не затем, чтобы найти сестру или ее убийцу, а чтобы найти объяснение. Однажды она отыщет источник зла…

«Шестьдесят семь, шестьдесят восемь, шестьдесят девять…»

Жанна подскочила. В окно машины кто-то стучал. Она огляделась. Машинально она доехала до Нантерского дворца правосудия на проспекте Жолио-Кюри. И затормозила.

Над окном наклонился полицейский:

— Здесь нельзя останавливаться, мадам. Это… Ох, простите, я вас не узнал, мадам судья.

— Я… я на парковку.

Она поехала к подземной парковке. Бросила взгляд в зеркало заднего вида. Лицо мокрое от слез.

На полутемной парковке она наконец узнала странный звук, заполнивший салон машины. Это был ее собственный голос, тихонько считавший: «Восемьдесят один, восемьдесят два, восемьдесят три…».

Девочка, припавшая к дереву.

Зажавшая глаза ладошками.

7

Когда Жанна вошла в свой кабинет, Клер предупредила ее, что по Восточному Тимору пришло обвинительное заключение. Значит, расследование поручено ей официально. Клер уже завела дело. Под номером 2008/123. И Жанна решила с головой уйти в работу. В конце концов, и здесь пролилась кровь. А если ей удастся убрать с политической арены нескольких подонков, тем лучше.

Она быстро провела допросы свидетелей, назначенные на вторую половину дня. В пять часов отпустила Клер домой. Переключила телефон на автоответчик, заперла дверь. И сосредоточилась на документах. В папке оказалось всего несколько листков. Составленный судьей из По перечень следственных действий, которые в 2006 году ни к чему не привели. Отпечатанный на машинке анонимный донос от февраля 2008 года. Справка налоговых служб департамента О-де-Сен, подтверждающая некоторые упомянутые в нем факты.

Все началось в мае 2006 года.

Авиадиспетчер на пенсии отслеживал через интернет французские коммерческие рейсы. У него была навязчивая идея — торговля оружием. Прежде всего он следил за полетами с гражданских аэродромов, расположенных вблизи от производителей вооружения. Главным образом его интересовал регион, в котором он жил. Юго-запад Франции, где размещается один из лидеров рынка вооружений — «EDS Technical Services».

В мае 2006 года его внимание привлек странный рейс. «Сессна-750» под номером 543VP, принадлежащая компании «CITA», 15 мая вылетела с аэродрома в Жука вблизи Биаррица в столицу Гамбии Банжул. Весьма необычное место назначения. А главное, с этой полосы самолеты уже не взлетали.

Бывший авиадиспетчер собрал сведения о компании «CITA». Как ни странно, такого общества не существовало. Через интернет он проследил за таинственным рейсом. Самолет так и не приземлился в Банжуле. Судя по всему, едва поднявшись, пилоты сменили радиочастоты и легли на другой курс.

Авиадиспетчер тщательно изучил связанные с этим рейсом счета. Все они были выложены в интернете. Горючее. Снабжение. Оплата экипажа. Еще одна неожиданность: все расходы взяло на себя общество «Noron», филиал компании «EDS Technical Services».

Сыщик-любитель выяснил, что хотел. Французское оружие втихую переправляют за рубеж. Он разослал мейлы по всему миру другим фанатам воздушных полетов, но так ничего и не добился. Шерлок Холмс исчерпал свои ресурсы.

Сентябрь 2006. С собранными документами он обратился в главное полицейское управление города По. Ему повезло: полицейский, к которому он попал, прислушался к его истории. И передал этот первый протокол в прокуратуру По. Расследование было поручено судье, наделенному полномочиями, чтобы провести международное расследование и отыскать самолет, а также имевшему право запросить счета у общества «Noron». И снова удача: судья по фамилии Виттали увлекся этим делом.

Допрос Жан-Луи Деммара, президента общества «Noron», производящего оборудование для спутниковой связи, ничего не дал. О рейсе он ничего не помнил. Пообещал проверить свои счета. Но изготовить подложные документы — план полета, заказы на поставку, платежки — ничего не стоит. Судья поторопился. Плохо подготовился к первому допросу свидетеля…

Тем временем международное расследование принесло свои плоды. В феврале 2007 года Виттали кое-что узнал о том самом бизнес-джете. 15 мая 2006 года в 22 часа борт совершил посадку в международном аэропорту Дубая в Объединенных Арабских Эмиратах, чтобы заправиться горючим. Куда он двинулся дальше? Судье понадобилось еще два месяца, чтобы выяснить это наверняка. На следующий день «сессна» под номером 543VP приземлилась в Восточном Тиморе, независимом государстве, расположенном на одном из Зондских островов, между Индонезией и Австралией. Причем борт сел не в Дили, столице Тимора, а на втором аэродроме острова, на западе, у города Бакау. Какой груз перевозил самолет?

Судья решил не бросать деньги на ветер. Не было ни допросов, ни обысков, ни телефонных прослушиваний. Жанна догадывалась почему. В среднем следственный судья одновременно ведет сто пятьдесят расследований. Пока Виттали ждал известия о самолете, прошло

полгода. Тем временем у него в кабинете скопилась целая гора дел. Не имея ни исков, ни конкретных данных, он отказался от расследования. Как говорят судьи, «новое дело прогоняет старое».

Конец первого акта.

Следующий начался через год, в конце февраля 2008-го. В прокуратуру О-де-Сен поступил анонимный донос. Настоящее обвинительное заключение, к которому были приложены документы из По, а также отчеты налоговых служб департамента. Все это означало, что анонимный доносчик не только располагал сведениями о махинациях «EDS Technical Services», но и имел возможность получить официальные документы. Следовательно, он — не частное лицо.

А для затравки анонимщик сообщал, какой именно груз перевозила «сессна». Пулеметы. Пусковые установки. Гранаты. Штурмовые винтовки, о которых в документе содержались уточнения. Полуавтоматические винтовки «скорпион» со стандартными патронами НАТО 56х45 мм, с оптическим прицелом и лазерным целеуказателем. Эксклюзивный поставщик — «EDS Technical Services».

К этому прилагалась и другая информация. «Скорпион» — винтовки, которые были обнаружены у повстанцев, 11 февраля 2008 года совершивших в Дили покушение на президента Жозе Рамуш-Орта. Он был тяжело ранен. Доставлен в больницу в австралийском Дарвине. Сейчас он вне опасности.

Жанна задумалась. Дело опасное. Даже взрывоопасное. Франция причастна к покушению на жизнь лауреата Нобелевской премии мира, президента зарождающейся демократии. Греха не оберешься…

А ведь Жанна даже не уверена, что правонарушение имело место. На Восточный Тимор не наложено эмбарго. Значит, нет ничего незаконного в том, чтобы ввозить туда оружие. Конечно, его нельзя продавать преступникам. Но всегда остается возможность, что оружие просто попало не в те руки, хотя первоначально предназначалось для правительственных войск или сил безопасности. Скорее всего, австралийских. Именно это и будет утверждать руководство «EDS». Жанна уже представляла себе эти допросы. Боссы с целой свитой адвокатов, прикрываемые политиканами. Такие могут себе позволить утверждать все, что угодно. Ей же останется передать дело

тиморскому судье, издав международное судебное поручение. Процедура, которая затянется на несколько лет.

Хотя все куда сложнее.

Третий акт расследования.

Отчет налоговых служб перемещал его в совершенно другую сферу. В сферу фальшивых счетов и политической коррупции. Анонимный источник, не приводя доказательств, тем не менее утверждал, что одновременно с поставкой оружия «EDS Technical Services» уплатила около миллиона евро консалтинговой фирме «ВЧ» — налоговый отчет подтверждал, что «ВЧ» выставляла счета этой компании. А это предприятие, расположенное в Леваллуа-Перре, в департаменте О-де-Сен, подозревали в выставлении фальшивых счетов различным компаниям, стремившимся к получению госзаказов. Жанна отметила иронию, наверняка намеренную, заключавшуюся в названии консалтинговой фирмы. «ВЧ» в военных сводках означает «Все чисто».

Все знают, как работает эта система. Депутаты получают деньги, передавая специализированным предприятиям госзаказы на строительство или на поставки продукции. Эти предприятия «покупают» госзаказы через подставные фирмы, которые затем переводят средства в кассу политической партии, от которой избран депутат. Или же деньги поступают непосредственно в карман последнего через заграничные счета или фирмы, зарегистрированные где-нибудь в «налоговом раю». Именно так политические партии финансируют избирательные компании, а депутаты обогащаются. Подобная махинация была раскрыта во Франции в девяностых годах в ходе расследования по делу компании «Урба». Первому в длинной череде подобных дел, заляпавших грязью все партии: как левые, так и правые.

Судя по налоговому отчету, фирма «ВЧ» связана с новой центристской партией РПС — Республиканской партией свободы. Жанне уже доводилось слышать об этом во время мартовских муниципальных выборов. Вопрос в том, за чьи именно услуги платила компания «EDS Technical Services». Ответ лежал на поверхности. Поставка оружия в Восточный Тимор стала возможна благодаря Бернару Жименесу, который в 2006 году был советником Управления военной контрразведки. А Жименес — один из основателей РПС…

Жанна выронила маркер. «Посолишь, поперчишь и подашь нам горяченьким». Рейнхар прав. Здесь есть из чего состряпать добротный политический скандал. Только бы не промахнуться. А еще сохранить свое расследование в тайне. Жанна не забыла процесс в Нантерском суде в 2004 году по делу о прослушивании: кабинеты тех, кто осудил Алена Жюппе,[8] тайно обыскивали, рылись в компьютерах, а телефонные разговоры записывали, не говоря уже о давлении, угрозах и анонимных письмах…

Но сейчас ей не хватало главного — улик. Если она берется за это дело, ей придется доказать вмешательство Жименеса как представителя министерства обороны в момент, когда экспортировалось оружие. Доказать, что счета, выставленные фирмой «ВЧ», не соответствуют никаким реальным услугам. Проследить путь денег на счетах компании, а затем на счетах Республиканской партии свободы. И конечно, на счетах самого Бернара Жименеса. Придется продираться через целую сеть подставных фирм, номерных счетов в Швейцарии, денежных переводов в какой-нибудь налоговый рай. А это титанический труд, на который уйдут годы, и без малейшей уверенности в успехе.

Жанна готова была рискнуть. Но на успех она почти не рассчитывала. Во Франции подобные дела никогда не доводятся до конца. Еще со студенческих лет она следила за громкими «скандалами Республики». Фальшивые счета, махинации с госзаказами, черные кассы, финансовый рэкет, взятки, фиктивные рабочие места… И ни разу ни одному судье не удалось прижать политиков. Ни единого раза. Разражался скандал. Какое-то время он занимал первые полосы газет. Затем о нем забывали. Даже если спустя годы начинался судебный процесс, правосудие и политика договаривались полюбовно. И каждый выходил сухим из воды. Как пел Ален Сушон: «Паханы снова на коне, и все у них в ажуре».

Она сняла трубку и связалась с Восьмым отделом судебных поручений, который занимается фальшивыми счетами. Там у нее был знакомый — капитан Эрик Кредель по прозвищу Крендель, его еще иногда называли Счетчиком за способность разбираться в счетах, в которых сам черт ногу сломит.

— Крендель? Крулевска.

— Как жизнь, Крулевска?

— Нормально. У меня снова аврал. Посылаю тебе факсом первую часть. Посмотрим, что ты скажешь.

— Послушай, Жанна, у нас тут и так дел невпроворот…

— Сначала прочти.

— А что это?

— Не телефонный разговор. Прочти и перезвони.

— С чего ты думаешь начать?

— С прослушки. Целой кучи номеров.

— Еще чего не хватало! У нас нет ни одной свободной бригады, и…

— Прочти факс. Потом посмотри свою почту. Я посылаю тебе список тех, кого надо поставить на прослушку. Сейчас поищу их координаты. С остальным разбирайся сам.

Жанна повесила трубку. Она мало что смыслила в прослушивании. Это дело непростое. Нужно добиться от операторов стационарной телефонии, чтобы они подключили отводные кабели. Договориться с компаниями мобильной связи. А Жанне требовалось еще больше. Установить жучки в кабинетах, прослушивать квартиры. Она собиралась обратиться в Межминистерскую службу технической поддержки. К горстке людей, которые незаметно устанавливают жучки. Затем офицеры полиции прослушивают аудиозаписи, заносят в протоколы все самое интересное и передают следственному судье.

Нередко все это ничего не дает. Или суд отклоняет доказательства из-за вмешательства в личную жизнь подозреваемых. Это первое, что приходит в голову их адвокатам. Легко доказать, что установленный в квартире микрофон позволил вмешаться в личную жизнь в значительно большем объеме, чем это требуется для записи двух-трех подозрительных разговоров. Тем самым следственный судья оказывался виновным в незаконных действиях. Он превысил свои полномочия. Дело закрывается. Но Жанна была готова и к этому риску. Все равно другого пути она не видела.

В ожидании звонка Кренделя она зашла в интернет и отыскала адреса и телефоны. Рабочие и домашние. Заодно проверила кое-что еще. Она задумала это с самого начала. Отправила мейл и снова погрузилась в досье.

Через полчаса зазвонил городской телефон. На часах половина восьмого. Звонок. Минутная пауза. И новый звонок. Жанна взяла

трубку. Это точно Крендель. Они придумали этот код, чтобы не нарваться на надоедливого журналюгу. Газетная братия взяла манеру звонить судьям после семи, чтобы не попасть на секретаршу.

— Это бомба, — сказал Крендель. — Я в деле.

Его голос дрожал от возбуждения.

— В понедельник заберу судебные поручения. А пока сегодня же вечером начнем прослушивать мобильные и домашние телефоны. В субботу установим жучки в офисах. Нам не помешают. Еще я пошлю ребят в По, чтобы поработали с производственными помещениями.

Жанна вздрогнула. Запущенная «боевая машина» взбудоражила и ее. Торопливая речь Кренделя лишь подтверждала то, что она знала и так. Этот человек не боится. Он не думает ни о повышении, ни о пенсии. Он на ее стороне.

— Есть одна неувязочка, — сказал он. — Последняя фамилия в твоем списке — Антуан Феро. Он-то тут при чем?

Жанна ждала этого вопроса:

— Не бери в голову. У меня все под контролем.

— Он ведь не то психоаналитик, не то психиатр?

— И то и другое.

— Ты предупредила Национальный совет врачей?

— Говорю же, у меня все под контролем.

— Нарушение врачебной тайны. Смотри не погори, красотка.

— Это ведь мое расследование? Записи не надо обрабатывать. Будешь посылать мне сырые данные. Прямо в электронном виде. С опечатанным оригиналом. Каждый вечер. О'кей?

— Что ты затеяла?

— Ты мне доверяешь или нет?

— Завтра после обеда поставим его кабинет на прослушивание.

Жанна повесила трубку, чувствуя, что во рту пересохло. Только что она совершила самое тяжкое нарушение профессиональной этики. Смертный грех для судьи.

Она внесла в список лиц, подлежащих прослушиванию, психоаналитика, к которому ходил Тома.

Она знала, как его зовут.

Нашла в телефонном справочнике адрес его кабинета.

Она прослушает сеансы Тома и наконец узнает.

8

Прошло шесть дней. Все сложилось не так, как было задумано.

В субботу, 31 мая, Крендель направил в «Оранж» и «Франс Телеком» предписание о прослушивании. В свою очередь, служба технической поддержки установила жучки в кабинете Бернара Жименеса в штаб-квартире Республиканской партии свободы. В 2007 году политик ушел из министерства обороны, чтобы занять пост казначея своей партии.

То же самое было сделано в кабинетах генерального секретаря РПС Жан-Пьера Гриссана и президента фирмы «ВЧ» Симона Матюри. Уже в пятницу вечером Крендель нашел в По нужных людей, чтобы поставить на прослушку телефоны компаний «EDS» и «Noron». В соответствии с параграфом 4 статьи 18 Уголовного кодекса следственный судья может посылать полицейских в любое место во Франции, если это нужно для «установления истины». В выходные аппаратура была установлена в кабинетах Жан-Луи Деммара, владельца «Noron», и Патрика Лэша, директора «EDS». К городским телефонам подключили отводные кабели. Мобильные прослушивались через единый сервер.

Во вторник, 3 июня, Жанна получила первые письменные отчеты. Всего несколько страниц. С нулевым результатом. Ни одного подозрительного разговора. Ни намека на лоббирование чьих-то интересов. Не говоря уже о денежных переводах, внесении средств на банковский счет или выплатах наличными. Никаких двусмысленных слов, которые указывали бы на использование шифра. Ничего. У подозреваемых был какой-то другой способ связи. Жанна в этом не сомневалась.

В тот же день она обязала провайдеров перехватывать их мейлы. Но и это ничего не дало. Фирма «ВЧ» на самом деле работала чисто.

Но инстинкт подсказывал Жанне, что махинации не прекратились. Как знать, не предупредили ли их о прослушивании? Крендель вне подозрений, как и парни из технической поддержки. Но утечки есть всегда. Юридическое сообщество подвержено им, как никакая другая административная инстанция.

По правде говоря, с тех пор как развернулись следственные действия, Жанну Крулевска гораздо больше интересовали совсем другие записи. Те, что с вечера понедельника велись в кабинете Антуана Феро, психоаналитика Тома. Каждый вечер под дверь квартиры ей подсовывали крафтовый конверт, содержащий два диска — запечатанный и копию для прослушивания. Запись консультаций психоаналитика за один рабочий день.

И здесь улов оказался богатым.

Пожалуй, даже слишком.

Жанна знала, в какое время Тома ходит на консультации. В два часа по понедельникам. В полчетвертого по средам. В первый же вечер она прогоняла запись в компьютере, пока не услышала голос Тома. Так она узнала то, что хотела знать. У Тома была не одна, а две любовницы.

Он говорил о женитьбе, детях, колебался между двумя женщинами.

Говорил, что в его возрасте пора остепениться. Создать семью.

Но Жанна в кастинге не участвовала. Тома не упомянул о ней ни разу. Она не входила в его текущие планы, тем более — в планы на будущее. Была всего лишь одной из тех, с чьей помощью легко удовлетворить свои желания и утолить жажду побед, — одной из тех, с кем, как изящно выражаются мужчины, можно «перепихнуться», чтобы затем, словно пресытившийся вояка, зажить тихой семейной жизнью. Обеим потенциальным невестам было не больше двадцати пяти. Чтоб тебе…

Рыдая, бесясь, чертыхаясь, Жанна десять раз прослушала это место. Чего ради она угрохала на этого мерзавца столько времени, столько надежд? В ту же ночь она порвала его письма, выбросила фотографии, уничтожила мейлы и стерла из памяти мобильного номер его телефона. Трудно сказать, полегчало ли ей, но она хотя бы расчистила место.

И все-таки она ждала вечера среды в каком-то оцепенении и, признаться, со смутной надеждой. С той подлой надеждой, которая сгубила не одну женщину. А вдруг на следующем сеансе он вспомнит и о ней? Куда там. Новый диск лишь подтвердил диагноз. Две любовницы. Обе молоденькие. Намерение жениться на одной из них. И ни слова о ней. Старой кошелке.

И тут Жанна почувствовала признаки исцеления. Кажется, это началось еще в понедельник… В каком-то смысле удар, нанесенный первой записью, пошел ей на пользу. Вызвал катарсис. Болезненный, но необходимый. Пора идти своей дорогой.

Заодно наметилось кое-что новое. Тогда же, в понедельник, когда Жанна, даже не присев, ела у себя в гостиной рис, нездоровое любопытство толкнуло ее прослушать и другие сеансы. Голоса. Тайны пациентов.

Одно место ее особенно поразило. Говорил священник лет пятидесяти.

— Моя вера слабеет, доктор. Никому, кроме вас, я не могу в этом признаться. Убежденность оставляет меня… Она словно сгорает. Тает как свеча. Но всегда останавливается в одной точке…

— Какой точке?

— Скажем, я верю во все, что было до казни Христа. А вот дальше ничего не получается. Не верится в последующие чудеса. В воскресение Христа. В его возвращение к апостолам. Ничего не выходит.

— То есть ваша вера останавливается на распятии?

— Вот-вот, на распятии.

Молчание.

— Вы ведь родились в многодетной семье?

— Семь братьев и сестер. В Эльзасе. Мы это уже обсуждали: у меня было счастливое детство.

— Но ваш отец всегда отдавал предпочтение младшим?

— Доктор, это меня нисколько не задевало. Я был старшим. Понимал отцовские чувства. К тому же я рано уверовал. Вера заполнила мою жизнь. Из-за нее я очень рано уехал из дома.

Антуан Феро никак не прокомментировал сказанное. Священник причмокнул губами. У него наверняка пересохло в горле. Жанне хорошо знакомо это ощущение. Когда говоришь лежа на кушетке, во рту не остается слюны, а к голове приливает кровь.

— Вера, которая останавливается на распятии Христа, — повторил Феро.

— Ну и что?

— Вы ведь помните последние слова Иисуса?

Снова молчание. Затем голос священника покорно произнес: «Отче Мой! для чего Ты Меня оставил?»

Продолжая клевать белый рис из пиалы, Жанна улыбнулась. «Хорошая работа, Феро…» Она представила себе его кабинет. Блестящий паркет. Марокканский килим. Золотисто-коричневые тона. Книги на полках. Кресло рядом с кушеткой, спинкой к окну. Чуть подальше наискосок стоит стол.

Не все сеансы оказались интересными. Но они всегда были разными. Торопыги, вечно убегавшие раньше времени. Болтуны, из тех, что говорят не закрывая рта. Молчуны, из которых слово клещами не вытянешь. Рационалисты, все подвергающие анализу, старательно выстраивающие свои воспоминания и фантазии. Поэты, которых убаюкивают собственные слова и чувства. А еще те, что склонны к ностальгии и с упоением и грустью вспоминают прошлое. Упрямцы, приходившие скрепя сердце, каждый раз уверяя, что этот сеанс — последний.

Она слушала. Снова и снова.

— Я онанирую каждый раз, когда вспоминаю о ней, — звучал низкий голос. — А ведь в прошлом году я выставил ее как последнюю дрянь. И уже три года к ней не прикасался! Откуда это внезапное желание? Откуда это наваждение, ведь я больше знать ее не хотел?

— Ваше наслаждение связано не с самим актом онанизма, а с чувством вины, — отвечал Феро. — Онанируя, вы ласкаете не тело той женщины, а собственные угрызения совести. На самом деле вы любите свое злодеяние. Вы виновны, и вам это нравится. Это чувство и порождает наслаждение.

Жанна веселилась от души. Все эти разговоры психоаналитиков она знала наизусть. Два года кряду ее пичкали подобными ответами, всегда противоречивыми и туманными, но иногда попадавшими точно в цель. Во всяком случае, они побуждали к размышлениям, заставляли погружаться в собственные потемки, чтобы искать там новую истину.

Но больше всего ее завораживал голос Антуана Феро. Потусторонний, но мужественный. С легкой хрипотцой. Интонация тоже была необычной.

Неторопливой и торжественной, придававшей каждому слову особую значительность. В этом голосе звучало что-то сладостное и чарующее, словно льющийся на душу бальзам.

Три диска — за понедельник, вторник и среду — позволили Жанне насладиться благотворной силой его голоса. Она разработала целый ритуал. Каждый вечер выключала свет, устраивалась на диване и надевала наушники. Укрывшись во тьме, она отдавалась во власть его обольстительной мягкости. Голос проникал внутрь и подобно рычагу раздвигал ребра, давая сердцу, будто расширявшемуся от этого звука, биться в полную мощь…

И вот накануне вечером Жанна почувствовала, как что-то в ней надломилось. Непреодолимый порыв побудил ее сунуть руку в трусики и ласкать себя, пока не кончилась запись. Уже сожалея, что все испоганила. Замарала голос, внушивший ей чистое чувство…

Утром 5 июня, в четверг, она застряла под душем, ругая себя последними словами. Мастурбировать под голос психоаналитика, одна, у себя дома, в темноте. Нечего сказать, докатилась…

Она вытерлась. Причесалась. Запотевшее зеркало еще не просохло. Она и не торопилась увидеть свою физиономию. Бледная как смерть. Заострившийся нос. А все-таки она красивая. Тонкие черты. Матово-белая кожа в россыпи веснушек. Высокие скулы. И эти зеленые глаза, в хорошие дни сверкавшие, как агаты. Однажды Тома сравнил ее с абсентом, который теперь запрещен, а в XIX веке был необычайно популярен. Тогда-то его и прозвали «зеленой феей». Над рюмкой бледно-зеленого напитка полагалось растапливать сахар.

Тома трудно назвать поэтом, и все же он подметил сходство. Зеленого абсента с ее глазами. Пламени с рыжиной ее волос. И она так же кружит голову… В тот вечер он прошептал: «Ты моя зеленая фея…» Метафора завершилась в постели. Жанна не сомневалась, что эти сравнения он позаимствовал в глянцевом журнале, и все же воспоминание грело ей душу.

С влажными волосами она вышла из ванной. Выпила сваренный заранее кофе. Сгрызла тост из хлеба с отрубями. Проглотила обычную дозу эффексора.[9] Открыла шкаф и, не раздумывая, как форму, выбрала одежду.

Белые джинсы.

Белая с черным узором блузка. Льняной пиджак.

И туфли от «Джимми Чу» с заостренными, как кинжалы, носками.

Подхватила ключи, сумку, папку с документами — и с силой захлопнула дверь.

А теперь на работу.

Дела. Допросы свидетелей. Очные ставки. И гнать от себя все эти глупости с безликим голосом, сердечным бальзамом и ночными ласками.

9

Едва поднявшись к себе на этаж, она поняла: что-то стряслось. В коридоре спиной к ней стояли двое полицейских. Здоровяки с красными повязками на руках. На поясе пистолеты, выставленные напоказ. Все серьезно.

Один из них обернулся. Она узнала плохо выбритого, слегка щекастого капитана Патрика Райшенбаха, начальника группы в уголовке. Волосы, как обычно, вымазаны гелем. Жанна поспешно попыталась взъерошить свою еще влажную шевелюру. Напрасно.

— Привет, — улыбнулась она. — Каким ветром вас занесло?

— Заехали за Тэном.

Только Жанна хотела расспросить его поподробнее, как из кабинета показался Тэн собственной персоной. Свежевыбритый, на ходу натягивающий пиджак, с кожаным портфелем в руке. За ним вышла его секретарша.

— В чем дело? — спросила Жанна.

— Еще одно. — Тэн подвигал плечами, оправляя пиджак. — Новое убийство. Опять людоед. Еду туда. В девять-три.[10] Прокуратура Бобиньи передает дело нам.

Жанна окинула их взглядом. Непроницаемый Райшенбах. Второй, незнакомый ей полицейский, такой же замкнутый. Тэн уже натянул на себя стандартное выражение невозмутимого следственного судьи. Секретарша у него за спиной последовала его примеру. Все суперсерьезно.

— О'кей, — произнес Тэн, читая мысли Жанны. — Ты с нами?

— А можно?

— Не вопрос. — Он взглянул на часы. — Это в Стене. К обеду вернемся.

Жанна кинулась в свой кабинет. Дала указания Клер и присоединилась к остальным в лифте.

На улице разразился назревавший с самого утра ливень. Чудесный летний ливень. Теплый. Мутный. Освежающий. Капли, словно китайские петарды, громко захлопали по асфальту. Небо походило на огромный парашют из переливчатого темного шелка, в который

играючи задувал ветер, на лету вылепляя из облаков подвижные, изменчивые скульптуры.

Их ждала служебная машина, припаркованная во втором ряду на проспекте Жолио-Кюри. Напарник Райшенбаха по фамилии Леру сел за руль. Капитан устроился рядом. Судьи и секретарша заняли заднее сиденье.

Не дожидаясь, пока «пежо» тронется с места, Тэн спросил:

— Что там у нас?

— Жертва — Нелли Баржак. Двадцать восемь лет.

— Где работала?

— В медицинской лаборатории. Убита на служебной подземной парковке.

Жанна сидела справа, соприкасаясь плечами с втиснувшейся в середку секретаршей.

— Ее убили среди ночи, — продолжал Райшенбах. — Она работала допоздна и уходила последней. Видно, убийца поджидал ее внизу. Захватил врасплох, когда та садилась в свою тачку.

— Убита на месте?

— Не совсем. Он утащил ее в другое подземелье. Еще ниже. Похоже, он хорошо ориентируется на месте. Или работает там, или приходил раньше, чтобы осмотреться. Как бы то ни было, он избегал камер слежения.

— Кто нашел тело?

— Охранник. Сегодня рано утром. Шел дождь. Он осматривал подземный уровень, предназначенный для стоков. Не сразу понял, что перед ним труп. Я имею в виду, труп человека.

После каждого ответа Тэн выдерживал короткую паузу, словно раскладывал информацию по особым ящичкам мозга. Жанна слушала, одновременно пытаясь сообразить, где именно они сейчас проезжают. Ничего не разобрать. Пути. Указатели. Цифры. Все словно размыто дождевыми струями. Небо над ними набухло от воды, будто серая губка. Время от времени его вспарывала яркая вспышка молнии.

Шофер выехал на север, в сторону Сена-Сен-Дени, в объезд Парижа. Единственной светлой точкой посреди бури оставался экран навигатора на приборной доске, на котором время от времени высвечивались отрезки маршрута.

— Что за лаборатория?

Райшенбах вынул из куртки записную книжку и надел очки:

— Лаборатория… цитогенетики. Там исследуют эмбрионы. Сам толком не знаю.

— Моей жене делали такой анализ, — вмешался Леру. — Это чтобы проверить, что зародыш нормальный.

— Амниоцентез.

Все уставились на Жанну. Она продолжала, стараясь говорить непринужденно, а главное, не поучительно:

— Гинеколог берет в матке беременной женщины пробу околоплодных вод. Затем отслоившиеся клетки зародыша или пузыря, в котором он находится, помещают в питательную среду и исследуют хромосомы, чтобы установить кариотип формирующегося младенца.

Тэн спросил, глядя в окно, словно вовсе не интересовался ответом:

— А что такое кариотип?

— Хромосомный набор ребенка. Двадцать три пары хромосом, определяющие его будущую личность. Это позволяет отследить возможную аномалию в одной из пар. Например, трисомию по двадцать первой хромосоме, то есть синдром Дауна. В Париже таких лабораторий раз-два — и обчелся. А эта как называется?

Райшенбах заглянул в записную книжку и обернулся к ней:

— «Павуа». Слышали о такой?

Жанна отрицательно покачала головой. Она едва не добавила, что ей это ни к чему. Она-то не беременна. И даже ни с кем не живет. И вообще ее жизнь — полный отстой. Но сдержалась. Все-таки она здесь в качестве судьи. Да и время для излияний неподходящее.

— А первая жертва, — уточнил Тэн, обращаясь к полицейскому, — вроде работала в центре для умственно отсталых детей?

— Ну да. Детишек, страдающих… — Райшенбах полистал свою записную книжку, — ПРР — первазивными расстройствами развития. — Он обернулся к Тэну, снимая очки: — Думаете, есть связь между такими детишками и амнио… как его там?

— Есть сходство с первым убийством? — продолжал Тэн, не отвечая. — Я имею в виду модус операнди?

— Совпадает все. Парковка. Надписи на стенах. И конечно, труп. В том же состоянии, что и первый.

— А между жертвами есть что-то общее?

— Пока рано судить. Мы ведь еще не видели, как выглядела вторая женщина… до убийства.

Его слова оборвала дробь дождя. Жанна продолжала смотреть по сторонам. Ливень мешал разглядеть пейзаж, но не настолько, чтобы скрыть его неприглядность. Всякий раз, когда ей случалось проезжать по лабиринтам заводов, промышленных зданий и корпусов, она невольно задавалась вопросом: как можно было до этого довести?

Ей мерещилась связь между убийцей и этими мерзкими городами. Жилыми комплексами. Улицами. Среди них находятся те самые очаги, из которых рвется наружу жажда насилия. Все равно что поджоги. «Раз, два, три…» Надо пройти по лабиринту вспять, углубиться в городскую чащу, чтобы обнаружить очаг возгорания. «Четыре, пять, шесть…» Понять, почему он убивает на парковках. В этих подземельях. Первобытных пещерах, где он справляет свой обряд. Совершает жертвоприношение…

— Проводите опрос в округе? — спросил Тэн.

— А как же. Мои ребята уже на месте. Опрашивают охранников. Окрестных жителей. Но вряд ли это что-то даст. Все-таки промышленная зона. По ночам там пусто. В любом случае, на мой взгляд, убийца действовал обдуманно. Он явно все рассчитал, прежде чем нанести удар.

— Есть что-нибудь по первой жертве? Я до сих пор не получил отчет судмедэксперта.

— Как и я. Утром я с ним говорил. Сегодня, думаю, все получим, включая токсикологию и анатомо-патологию. Но вряд ли узнаем что-то новое. Уже известно, что убийца перерезал девчонке горло, выпустил кровь и сожрал некоторые части тела. Вскрытие мало что к этому добавит.

— А подозреваемые? Родные? Сотрудники? Опрос соседей?

— Ни черта. У девчонки был жених. Его мы допросили. Безобидный. Еще она игралась с интернетом. Как все.

— Сайты знакомств?

— Вроде того. «Фейсбук». Чаты. Мы проверяем. И в другом направлении уже покопались.

— В каком другом?

— Я о людоедстве. Не поверите, сколько сайтов посвящено этой теме. Все англоязычные. Бредовые форумы, чаты, объявления

желающих участвовать в расчленении, рецепты блюд из человечины. И даже кандидаты на роль угощения для людоедов-любителей! Рехнуться можно. Тысячи людей хотят, чтобы их сожрали.

Таковы были точные слова, которые произнес на суде «ротенбургский людоед» Армии Майвес. Человек, мечтавший сожрать себе подобного, в 2001 году через интернет нашел добровольца — Бернда Юргена Брандеса.

В ночь с 9 на 10 марта 2001 года Майвес перед камерой отрезал ему пенис. Они съели его вместе, затем Майвес зарезал, расчленил и съел Брандеса, вслух комментируя все свои действия.

— И что? — продолжал Тэн.

— Ничего. По мне, так это сплошной блеф. И трудно выследить тех, кто пишет подобную чушь. Так или иначе, там нет ни следа убитой, Марион Кантело. С этими придурками она дела не имела. Я считаю, она просто оказалась в неподходящее время в неподходящем месте. Как оно всегда и бывает.

— А мне кажется, он давно ее выслеживал.

— Верно. Но сперва она, себе на горе, попалась ему на глаза.

— А отпечатки пальцев? ДНК? Помнится, там повсюду его пальчики. Слюна…

— И его дерьмо.

— О'кей. Так что?

— Да ничего. В базе данных его отпечатков нет. Результаты анализов на ДНК еще не готовы. Но похоже, и здесь нам ничего не обломится. Раз он не принимает мер предосторожности, значит, нигде не засветился.

Судья, понизив голос, спросил:

— Родным новой жертвы уже сообщили?

Райшенбах показал на своего напарника за рулем автомобиля:

— Этим займется Леру. Я смотрю, он нынче в ударе.

Леру что-то проворчал и ткнул пальцем в дисплей навигатора.

— Ладно, — буркнул он. — Приехали.

Лаборатории находились в отдельно расположенной промышленной зоне. Мощные корпуса из стекла и бетона, сборные конструкции, хозблоки из стекловолокна. При каждом здании — несколько гектаров заросшей травой, раскисшей, усеянной лужами земли. Вокруг ни души.

Подъезжая к длинному трехэтажному строению со стандартными окнами, Леру притормозил. Вывеска гласила: «Лаборатории Павуа». Здание окружали полицейские фургоны, служебные машины, кареты скорой помощи. Жанну охватила дрожь. То и дело вспыхивали синие мигалки, отражаясь от низких дождевых туч, дробясь в стеклах фасада и стекая по ним брызгами блестящей краски. В мутных струях суетились люди в глянцевых дождевиках. Весь этот адский круг был очерчен желтыми лентами полицейского ограждения.

Они вышли из машины в сотне метров от корпуса. Горячий воздух казался липким. Упрямые порывы ветра то и дело осыпали их брызгами. Асфальтированная подъездная аллея утопала в грязи. Жанна на своих каблуках едва не упала и оперлась на руку Тэна. Согнувшись, они добрели до двери. Чтобы их впустили за ограждение, Леру высоко поднял руку с удостоверением. Жанна была сбита с толку. Вся эта сырость, грязь, заводская обстановка… Совсем не таким представляла она идеально стерильное место, где проводят амниоцентез.

Навстречу им вышел капитан территориальной жандармской бригады. Заместитель прокурора уже уехал. Тело не увозили до приезда Тэна. Полицейский в двух словах рассказал о жертве, ничего не добавив к тому, что они узнали от Райшенбаха.

— Нам направо, — предупредил он, махнув рукой. — Вход на парковку в задней части здания. Но имейте в виду, зрелище… еще то.

Словно из-под земли выросли полицейские. Послышались хлопки зонтов. По аллеям из бирючины они обогнули здание, оскальзываясь и увязая в грязи. В этой процессии было даже что-то смешное, а Жанна на своих шпильках от «Джимми Чу», в промокшем насквозь пиджаке и перепачканных белых джинсах вообще походила на пугало.

— Нам сюда. — Капитан указывал на бетонный скат, терявшийся во тьме. — Рольставни подняты. А иначе надо заходить в корпус и спускаться на лифте. Понадобятся пропуска, коды. Это не лаборатория, а бункер какой-то.

Жанна с Тэном переглянулись. Как же сюда проник убийца? Дождевая вода мутными волнами с журчаньем стекала в туннель. Воздух до того пропитался влагой, что они буквально дышали паром. Жанне казалось, что она попала в перегретую пещеру. Древнее и тайное место, порождающее городские легенды.

Парковка с низким потолком была разделена на части колоннами. Ни одной машины, кроме окруженного желтой лентой крохотного «смарта». Очевидно, он принадлежал жертве. Полицейские в дождевиках прочесывали помещение, подметая пол пучками света от карманных фонариков.

— Нам еще ниже, — сказал капитан. — На второй уровень. Приходил кто-то из мэрии, объяснял нам, зачем нужно это подземелье, только я ничего не понял. Под парковкой находится система стоков, построенная еще в шестидесятых, туда попадает вода со всей промышленной зоны. Может, наденете маски? Там такая вонища!

От масок они отказались. Еще один спуск. А вот и первые сотрудники научно-технического отдела в белых комбинезонах с надписью «Криминалистическая служба». Освещая пол прожекторами, криминалисты фотографировали место преступления, собирали фрагменты в специальные пакеты.

Они подошли к бетонному люку, который охраняли двое полицейских. Похоже, сюда созвали легавых со всего Иль-де-Франс. У их ног собирались отбросы, обрывки бумаги, жевательная резинка, принесенные сюда водой, натекшей из-под двери.

Крышку люка открыли. Перешагнув через мусор, они начали спускаться по бетонной лестнице. Жанна снова оперлась на плечо Тэна. К потолку крепилась штормовая лампа. И все равно темнота была такой густой, что казалась осязаемой. Непроходимой.

— До дна здесь спускаться метров пятнадцать. Наверное, он тащил ее на спине…

Снизу доносились тошнотворные запахи канализации с примесью машинного масла и бензина. Но все испарения перебивала какая-то стойкая, острая вонь. Запах паленой свиньи.

— Чем это так разит? — спросила Жанна.

Капитан бросил на нее недоверчивый взгляд.

С самого начала у него на языке вертелся один вопрос. Если на дело приехали два следственных судьи, кто из них лишний?..

— Это все убийца, — сказал он, обращаясь к Франсуа Тэну. — Какие-то куски он поджарил. А кроме того…

— Что «кроме того»?

— Нашлись необычные куски. Криминалисты не исключают, что это сало.

— Что вы называете салом?

— Животный жир. Он вроде бы хорошо горит. К тому же долго. Убийца использовал его для освещения. Криминалисты все растолкуют. Вам сюда.

Еще одна дверь. Несколько ступенек. Здесь Жанну ждало потрясение. Помещение в двести-триста квадратных метров, без окон, со сводчатым потолком. Почерневшие от сырости бетонные стены. Пол, блестящий от сточных вод. Настоящая пещера новой эры. Эры бетона и бензина. Когда-то был железный век. Затем бронзовый. И вот пришел нефтяной.

В лужах отражался свет прожекторов криминалистической службы. Вокруг суетились эксперты в масках. Не прекращая работу, один за другим они оглядывались на вновь прибывших.

И снова Жанну поразило двойственное впечатление, какое на нее всегда производило место преступления. Все вокруг пропиталось насилием. Но еще сильнее — покоем, облегчением. Тем, которое испытал убийца. Эта кровь, этот труп. Ошметки плоти стали ценой его умиротворения. Здесь убийца насытился. Успокоился. Расслабился…

— Можно увидеть тело? — спросил Тэн.

Капитан сунул фонарик под мышку и натянул одноразовые перчатки. Осторожно откинул брезент, покрывавший жертву. Внезапно свет фонарика выхватил труп из темноты. Жанна отшатнулась. Ноги подкосились. Чтобы взять себя в руки, ей пришлось вспомнить о своем статусе судьи. О годах учебы. О своем непоколебимом призвании. Думать как судья, и только как судья.

Тело расчленили не меньше чем на пять кусков.

Туловище с распоротым животом, из плеч и таза торчат беловатые кости. Руки и ноги оторваны. Голова женщины, вернее, того, что осталось от женщины, закинута назад и не видна. Волосы плавают в луже.

Несмотря на черный ужас, в который все больше погружалась Жанна, некоторые детали поразили ее. Белизна кожи. Полнота тела. Плечи, бедра округлые, словно отполированные скалы. Жанне вспомнились скульптуры Жана Арпа. Белые мягкие формы без рук и ног, которые хочется погладить, так чисты их линии…

Жанна разглядела разбросанные в потемках руки и ноги. Полуобглоданные. Местами подгоревшие. В глубине, вдоль стены, в

грязной воде мокли серые слипшиеся внутренности.

Только теперь Жанна заметила, что все молчат. Они потрясены не меньше ее: Тэн, Райшенбах, Леру, секретарша… Она подошла поближе, увидев, что капитан нерешительно направил пучок света на жуткую сцену. В глаза ей бросилась разверстая рана на горле. От уха до уха.

— Вы не осветите лицо?

Но капитан не шевельнулся. Жанна взяла у него фонарик. Мышцы и кости лица превращены в месиво. Сплошной багровый синяк, словно красное родимое пятно. Убийца наносил жертве удары камнем или дубинкой. Много раз. Разлившаяся кровь свернулась под кожей. А значит, во время избиения женщина была еще жива. Жанна заметила сгустки крови у нее в волосах — убийца раскроил ей череп. Кусочки мозга запутались в распущенных прядях.

Жанна осветила живот. Он был рассечен от грудины до таза. На боках — раны, царапины, глубокие разрезы, а может, и надписи. Одной груди не хватало. Вторая едва держалась. Жанна поняла, что убийца погружал лицо в эти раны и вгрызался в мышцы. От каждого укуса кожа по краям повисала лохмотьями. Обнажив мясо, убийца запускал внутрь зубы. Он не любит кожу. Ему хочется соприкоснуться с мягкой, еще теплой плотью, ощутить сеть мускулов, жесткость костей…

Она переместила луч фонарика еще ниже. Гениталии. Она ожидала, что эта область будет изуродована страшнее всего. И оказалась права. Убийца вырвал лобок. Зубами. Или руками. Отодвинув кожу, он вгрызался в органы, втягивал кровь, заплевав все вокруг багровыми сгустками. Жанна не патологоанатом, но ей показалось, что он сожрал все половые органы. Губы, клитор, трубы, матку… Он проглотил все. Вобрал в себя, в свое чрево эти драгоценные символы женственности.

Ее поразила одна мысль. А вдруг убийца — женщина? Чудовище, мечтающее присвоить детородную силу своей жертвы. Как папуасы, пожирающие сердце или мозг врага, чтобы завладеть его лучшими качествами. Вспомнились слова, что ей твердили в церкви во время первого причастия: «Ядущий Мою плоть и пиющий Мою кровь пребывает во Мне, и Я в нем».[11]

Жанна увидела в луже свое мертвенно-бледное лицо. «Черт. Я того и гляди грохнусь в обморок». Чтобы взять себя в руки, она отдала фонарик капитану и обернулась к Тэну:

— А первая была в таком же состоянии?

Судья не ответил.

— Так ты видел тело?

— Только на фотографиях. Когда я туда приехал, его уже увезли.

— Но там все было так же?

Он только кивнул. Послышался чей-то голос. К ним, что-то бормоча в диктофон, приближался пузатый коротышка, обтянутый синим джемпером от «Ральфа Лорена». Лет шестидесяти, кожа бронзовая, волосы с проседью посередине разделены пробором. Нос с горбинкой. Водянистые голубые глазки. В живом, смешливом взгляде сквозило что-то агрессивное и отталкивающее, словно эти прозрачные глаза были неуместны на его загорелом лице.

— Ланглебер, — пробормотал Тэн. — Медэксперт. Пусть только начнет корчить из себя умника, я ему покажу.

Тэн представил их друг другу. Все обменялись дежурными рукопожатиями.

— Кажется, я знаю, как он это делает, — произнес медэксперт, засовывая диктофон в задний карман джинсов.

— Мы слушаем.

Он задрал голову, указывая на арматуру, поддерживающую неоновые светильники.

— Подвешивает девушку вниз головой. Разбивает ей лицо и перерезает горло. Точно так же, как забивают свиней на фермах. Он пользуется острым ножом. Края раны ровные. Режет слева направо. На это ясно указывает конец раны. Наш ублюдок — правша. И, скажу я вам, рука у него твердая. Я уже зафиксировал разрезы, идущие через трахею и пищевод до внутренней части позвоночника.

В детстве Жанна два месяца летних каникул проводила в Перше. И не раз присутствовала при таких варварских расправах. Настоящий ритуал. Забивали свинью…

— Крови не так уж много, — заметила она.

Медэксперт уставился на нее своими глазами цвета синьки. Он оценил точность наблюдения.

— Верно. Полагаю, он ее собирает. В тазик или еще какую-то емкость.

— Зачем она ему?

Ланглебер смерил следственных судей взглядом. «Двое по цене одного». Похоже, эта мысль показалась ему забавной.

— Учитывая то, что мы здесь видим, он, скорее всего, выпивает ее на месте. Еще теплую.

— Почем тебе знать?

— Насчет способа я уверен. У жертвы на щиколотках следы веревок. Поглядите над светильниками, наверняка там найдутся отметины. У первой жертвы были сломаны обе щиколотки. Здесь, по-моему, та же картина. Все будет в моем отчете.

— Раз уж заговорили об отчете, — встрял Райшенбах, — мы до сих пор не получили первый.

— Скоро получите. Это не к спеху.

— Не представляю, что тогда к спеху.

— Нельзя ли уточнить, — заговорила Жанна. — Женщина еще жива, когда он ее подвешивает?

— Ну конечно. Чтобы брызнула кровь, сердце должно работать.

Тэн молча помотал головой. Похоже, он был в замешательстве. Ему хотелось и довести расследование до конца, и поскорее смотаться отсюда. Забиться с головой под одеяло и все забыть.

— Затем, — невозмутимо продолжал Ланглебер, — он вспарывает ей живот. Пригоршнями вырывает внутренности из тела. Типа потроха в меню, и…

— Мы всё поняли.

— Чем он вспарывает живот? — спросила Жанна. — Каким именно орудием?

— Чем-то очень простым. Я жду результатов анатомо-патологической экспертизы первой жертвы. Думаю, там будут частицы металла или камня. Все это сильно отдает пещерным веком.

— А что он делает потом?

— Дает телу упасть. Убирает веревки и крючки. Приступает к пиршеству. Видели область лобка? Думаю, прежде всего он пожирает эти части.

— Почему «прежде всего»? — спросил Тэн.

— Чутье подсказывает. Во всяком случае, их он сжирает сырьем. Без промедления. А другие поджаривает. Женская матка влечет его неодолимо.

Довод, подкрепивший предположение Жанны. А вдруг убийца — женщина?

— Затем он вырывает ей руки и ноги. Кстати, сил вашему клиенту не занимать. По-моему, он перебивает суставы и выкручивает ногу или руку, пока не оторвет.

Нет, не женщина…

— Потом он разжигает костер и поджаривает отобранные куски. Руки, ноги, кое-какие органы. Тут я не успел все проверить, но у первой жертвы он съел печень, почки и, конечно, сердце. Главное — сердце.

Тэн провел по лицу рукой. Он все еще держал свой портфель. Рядом с ним застыла его секретарша. Точь-в-точь соляной столб. Власть, которую воплощала собой эта пара, вдруг стала бессмысленной и нелепой.

— Он точно людоед? — заговорил судья. — Я хочу сказать, а не мог он унести… эти куски с какой-то другой целью?

— Нет. Я уже изучил объедки, оставшиеся после первого убийства. На костях видны бороздки. Следы разрезов. Некоторые кости разбиты, чтобы легче было извлечь костный мозг. Точно так же поступали наши доисторические предки. В верхней части черепа имеется особая рана. Убийца разбивает черепную коробку, чтобы высосать мозг. Я не специалист, но предполагаю, что это тоже в обычаях кроманьонцев.

Жанна заговорила. Цепляясь за собственные вопросы, она надеялась не поддаться панике.

— А что насчет сала?

— Жир он использует для освещения.

— Нам говорили о «животном жире». Что это за животное?

— Кто вам говорил?

Капитан территориальной бригады вышел вперед:

— Так мне сказали криминалисты.

— И попали пальцем в небо. Судя по анализам с первого места преступления, это человеческий жир. Убийца использует подручные

средства. Отрезает куски в области паха или живота. Такие светильники долго не сгорают.

— Раз он уже разжег костер для своего… пиршества, — произнесла Жанна, — зачем ему светильники?

— Чтобы сделать надписи.

Ланглебер навел прожектор на одну из стен. Она была покрыта иероглифами. Вертикальными штрихами, которые усложнялись с каждой строчкой. Ряды деревьев, у которых рисунок ветвей никогда не повторялся. В них можно было увидеть и стилизованных человечков. Или буквы примитивного алфавита.

Жанна отошла подальше, и ей в голову пришло еще одно сравнение, связанное с родом деятельности самой лаборатории Павуа. Эти изогнутые штрихи могли изображать и пары хромосом, какими они выглядят в кариограммах.

— Криминалисты вам расскажут об этих надписях, — пояснил Ланглебер. — Насколько мне известно, они сделаны с помощью кошмарной смеси. Крови, слюны, экскрементов. И охры. Словом, только натуральные компоненты.

Охра: Тэн уже упоминал о ней в ресторане. Жанна попросила пояснений насчет этого пигмента.

Ланглебер лишь отмахнулся — «ждем результаты анализов». И в заключение добавил:

— Пока нам не понять, что все это значит. Но я бы сказал, что так оно и задумано. Как говорит Рене Жирар, «это фармакон».

— Вот только твоей зауми нам не хватало, — раздраженно заметил Тэн.

Эксперт улыбнулся. Его широкое мощное лицо со светлыми глазами источало необычайную силу.

— «Жертвенная процедура предполагает определенное непонимание. Верующие не осознают и не должны осознавать роль насилия».[12]

Тэн открыл было рот, чтобы возмутиться, но Жанна сжала ему руку. Ланглебер уже уходил, засунув руки в карманы. В своем джемпере, выцветших джинсах и мокасинах он словно собирался вернуться к себе на яхту.

— Пока, ребятишки. Отчет по первой жертве получите сегодня. Со вторым постараюсь поторопиться.

Кивнув, Ланглебер направился к лестнице. Тэн выругался:

— Вот придурок…

— Рене Жирар — антрополог, — пояснила Жанна. — Он написал очень известную книгу — «Насилие и священное».

— Да ну? — усмехнулся Тэн.

Он повысил голос и указал на тело, обращаясь ко всем присутствующим:

— Ну что, на вынос?

Несколько человек взялись за дело. Жанна продолжала:

— В ней говорится о том, как первобытные сообщества контролировали уровень насилия в племени с помощью жертвоприношений. Что-то вроде клапана, который давал выход агрессии и снимал напряжение. Такое кровопускание успокаивало умы.

— А что за штука фарма… как его там?

Тело засунули в пластиковый чехол.

— Фармакон по-гречески означает вещество, которое представляет собой и яд, и противоядие. По мнению Жирара, насилие у древних народов выполняло именно эту роль. Лечить насилие насилием. Как знать? Возможно, убийца стремится спасти наше общество от хаоса.

— Полный бред. Какой-то псих считает себя людоедом, а у нас ни единой зацепки. Мы в дерьме.

— Привет. Давайте я вам кое-что покажу.

Вошедший был одет в белый комбинезон. С бумажным шуршанием он откинул капюшон. Али Мессауд, глава криминалистического отдела. Все его знали и просто кивнули в знак приветствия.

Мессауд подвел их к тому месту, где липкими лентами было отмечено положение тела.

— Вот смотрите.

Очерченный лентами силуэт окружали черные следы. Жанна их уже заметила, но приняла за брызги крови. Вблизи было видно, что это фрагменты отпечатков. Изогнутые, усеченные, неясные очертания.

— Следы ног, — подтвердил Мессауд. — Точнее, голых ног. По-моему, этот чокнутый раздевается догола и топчется вокруг жертвы.

Об этом она уже слышала от Тэна. Жанна вообразила голого мужчину, склонившегося над своей жертвой, прежде чем сожрать ее. Хищник.

— Здесь не только следы ног. Есть и отпечатки ладоней. Убийца передвигается на четвереньках. Сдохнуть можно.

— Отпечатки довольно узкие, — заметила Жанна. — Они могут принадлежать женщине?

— Нет, не думаю. Анализ ДНК внесет ясность. Пальцы подогнуты. Он опирается на землю кулаками. Я еще кое-что заметил. Если сравнить ось, по которой располагаются ладони, с направлением стоп, видно, что он перемещается, выворачивая ладони внутрь.

— У него есть физический недостаток? — спросил Тэн.

— Может, и так. Или он подражает некоторым обезьянам. Пока рано судить.

Жанна развивала свою мысль:

— А ты можешь по следам рук и ног предположить, как он сложен?

— Более-менее. У него сороковой размер обуви, руки маленькие. Учитывая, что он сотворил с телом, убийца должен быть здоровяком. Тем не менее, судя по глубине следов, весит он не так уж много.

Тэн указал на жуткие знаки на стенах.

— А это? — спросил он у Райшенбаха. — Ты отдал их экспертам?

— И не одному, — откликнулся Мессауд. — Антропологу. Археологу. Криптологу. Но ответа пока нет.

Постукивая по циферблату наручных часов, к ним подошел капитан территориальной бригады и снова воззвал к Тэну:

— Может, поднимемся наверх, господин судья? Директор лаборатории ждет нас у себя в кабинете.

10

— Дамы и господа, чем я могу быть вам полезен?

Жанна и Тэн переглянулись. В сложившихся обстоятельствах вопрос прозвучал неуместно. Бернар Павуа выглядел настоящим великаном, неподвижным, как мраморная статуя. Он сидел за письменным столом и, насколько можно судить в таком положении, ростом был под метр девяносто, а весом — килограммов сто двадцать. Широкие плечи загораживали чуть ли не весь оконный проем. Сильно за пятьдесят, лицо квадратное, густые волнистые волосы, некогда светлые, а теперь поседевшие, очки в роговой оправе. Он мог показаться спокойным, если бы не золотистые глаза за стеклами очков, напоминавшие льдинки в бокале виски. Физиономия человека on the rocks.[13]

— Что же, жду ваших вопросов.

Судьи, полицейский и секретарша устроились по другую сторону массивного письменного стола. Тэн, закинув ногу на ногу, ответил ему в тон:

— Расскажите нам о жертве.

Павуа рассыпался в дежурных фразах. «Образцовая сотрудница. Прелестная женщина. Никто не мог желать ей зла». И т. д. Невозможно угадать, верил ли он сам хоть единому слову из этих стандартных славословий. Жанна особенно не прислушивалась. Она старалась совладать со своими чувствами, все еще ослепленная ярким светом лаборатории.

После темной парковки они миновали залы ослепительной белизны. Стерильные помещения. Герметичные отсеки. Офисы, разделенные стеклянными перегородками. По дороге им встретились десятки людей в белых халатах. Настоящий промышленный улей. «Двадцать тысяч амниоцентезов в год», — пояснила сопровождавшая их заместительница директора.

Но больше всего Жанну потрясла специализация лаборатории. В пробирках, центрифугах, стерильных вытяжных шкафах — повсюду околоплодная жидкость. Воды плодородия. Рождения. Невинности…

После увиденного ими в подземелье они словно угодили из ада прямо в рай. Перешли от смерти к жизни.

— Двое судей на одном деле, — заметил Павуа, — такое не часто увидишь. Нововведение Саркози?

— Жанна Крулевска здесь в качестве консультанта, — не растерялся Тэн.

— В какой области?

Жанна вмешалась, пропустив вопрос мимо ушей:

— А кем, собственно, работала Нелли Баржак? Лаборанткой?

Павуа приподнял брови. У него был двойной подбородок, настоящий пеликаний зоб, придававший ему еще более невозмутимый вид.

— Отнюдь. Она была блестящим цитогенетиком. Необычайно одаренным.

— Она определяла кариотипы?

— Не только. По вечерам трудилась над программой, связанной с молекулярной генетикой.

— А в чем тут разница?

— Цитогенетики занимаются клетками. Молекулярные генетики работают на более микроскопическом уровне. На уровне ДНК.

Заметив недоумение собеседников, директор вздохнул и снизошел до объяснений:

— В каждой клетке есть хромосомы. Эти хромосомы представляют собой нити, нечто вроде спиралевидных пружин, в свою очередь состоящих из генов. Как раз их и изучает молекулярная генетика. Это неизмеримо более глубокое погружение в микромир.

— У вас есть оборудование для подобных исследований?

— Да, на третьем этаже. Но это не наша специальность. Наш насущный хлеб — кариотипы. Ищем отклонения в хромосомных парах.

— Вы упомянули какую-то программу, — продолжала Жанна. — А над чем именно работала Нелли? Я имею в виду, по вечерам?

— Она заканчивала докторскую диссертацию о генетическом наследии народов Латинской Америки. Отовсюду получала образцы крови. Классифицировала их. Сравнивала. Вообще-то я и сам толком не знаю, чем она занималась. Она не слишком распространялась об

этом. С нашей стороны это было проявлением лояльности: она использовала наше оборудование для собственных исследований.

Павуа склонился над столом, словно статуя Будды, пошатнувшаяся на пьедестале:

— Но к чему все эти вопросы? Какое отношение они имеют к случившемуся?

— Мы не исключаем наличие связи между ее исследованиями и мотивом преступления, — заявил Тэн.

— Вы шутите?

Видимо, надеясь на сотрудничество директора, судья пояснил:

— Мы уже расследуем подобное убийство. Жертва — медсестра, работавшая в центре для детей с нарушениями развития. Не исключено, что отклонения, которые лечат в этом учреждении, как-то связаны с деятельностью вашей лаборатории.

— О каких отклонениях идет речь? Чем страдают эти дети?

Тэн, которого вопрос застал врасплох, оглянулся на Райшенбаха.

— Понятия не имею, — признался он. — По крайней мере, пока. Лучше объясните нам, какие именно отклонения вы распознаете по кариотипам?

— Главным образом трисомию двадцать один. Мы так ее называем, потому что это нарушение касается двадцать первой пары хромосом. Мы распознаем и другие отклонения, такие как трисомия тринадцать, вызывающая задержку психомоторного развития и физические недостатки. А также то, что называют делецией, потерей участка хромосомы. Эта патология имеет тяжкие последствия для развития ребенка.

— Такие аномалии — редкость?

— Зависит от того, что вы понимаете под словом «редкость». Для нас это обычное дело. Или почти обычное.

— Они могут привести к особым видам безумия?

— Не понимаю вопроса.

— Вы упомянули трисомию. Может анализ кариотипа выявить такие болезни, как, например, шизофрения?

— Никоим образом. Даже если предположить, что подобные патологии имеют генетическое происхождение, понадобилось бы выявить их специфический ген и изучить ДНК. Наши исследования не настолько специализированные. К чему вы клоните? Боюсь даже

предположить. Вы думаете, что убийцей может оказаться сумасшедший, чья генетическая аномалия когда-то была выявлена у нас?

— Существует и другая возможность: родители, затаившие на вас злобу.

— За что?

— За ненормальный результат. За ребенка, родившегося с каким-то изъяном.

— Что за нелепость? — возмутился Павуа.

— Если бы вы знали, с какими мотивами нам приходится сталкиваться.

— Я хочу сказать, что это действительно нелепость. Даже если предположить, что кариограмма покажет аномалию, нет никакой причины винить в этом нас. А главное, подобные исследования как раз и нужны, чтобы избежать появления на свет ненормального ребенка. Амниоцентез проводится заблаговременно, чтобы беременность можно было прервать.

— А если вы совершили ошибку? Если вы не разглядели патологию и ребенок родился ненормальным?

Павуа выглядел удрученным. Впрочем, на его губах все еще блуждала неопределенная улыбка.

— Нет, — ответил он просто. — Нам можно доверять на все сто процентов.

— И ни разу не путали пробирки? Не было ни единого сбоя в компьютерах?

— Вы плохо представляете себе, в каких условиях мы работаем. Мы соблюдаем строжайшие меры безопасности. За нами постоянно наблюдают правительственные эксперты. Я никогда не слышал о каких-либо ошибках в нашей профессии. Ни у нас, да и нигде в мире.

Бернар Павуа произнес свою речь совершенно бесстрастно. Никто и ничто не способно выбить его из колеи. Настоящая глыба льда.

По-видимому, Тэн был удивлен не меньше Жанны:

— Похоже, вы не так уж потрясены гибелью Нелли Баржак. Вас даже не поразили невероятные обстоятельства ее смерти.

— Я предпочитаю принимать мир таким, какой он есть. Я не мог бы изо дня в день читать газеты, убеждаясь в том, что наше общество

захлебывается в насилии, и при этом отвергать возможность того, что однажды оно постучится и в мою дверь.

Судья с досадой развел руками:

— Но где же ваше сострадание? Вас даже не шокирует то, как погибла Нелли? Такая молодая? А пытки, которым ее подвергли, причиненные ей увечья?

— Погибло лишь это воплощение Нелли. Ее душа продолжает странствие.

— Вы… Вы верите в реинкарнацию? — изумилась Жанна.

— Я буддист. Верю в череду перерождений и единство души. Что до моих чувств, лучше сказать вам прямо сейчас: Нелли была моей любовницей. Наша связь длилась около года. Но то, что я сейчас испытываю, касается только меня одного. Не в обиду вам будь сказано.

Повисло молчание. Жанна, Тэн, Райшенбах и секретарша невольно поежились. Не каждый день встретишь такого свидетеля.

— Если хотите знать, — продолжал ученый с той же заносчивостью, — алиби у меня нет. Я ждал Нелли у себя дома. Один. Она предупредила, что собирается работать допоздна.

— У нее была назначена встреча?

— Ничего такого она мне не говорила.

— Вас не встревожило ее отсутствие?

— Ей случалось работать до утра. Я для нее значил меньше, чем ее исследования. И это одна из причин, почему я любил ее и восхищался ею.

Несколько секунд Жанна всматривалась в него. Она поняла, каков он на самом деле. Его внешнее спокойствие свидетельствовало о необычайной внутренней силе. Смерть Нелли вовсе не была ему безразлична. Напротив. Память о ней запечатлелась в его сердце. Будто эпитафия, вырезанная в мраморе. Обращенная внутрь.

Тэн распрямился как пружина:

— Благодарю вас, доктор. На днях я попрошу вас заехать в Нантерский суд.

— Вы хотите снова меня допросить?

— Нет. Вы просто подпишете свои показания. Тем временем присутствующий здесь капитан Райшенбах проверит кое-какие детали.

— Такие, как отсутствие алиби?

— К примеру.

— У меня последний вопрос, — произнесла Жанна, поднявшись.

Секретарша взглядом спросила Тэна, надо ли ей продолжать записывать. Она уже встала и убрала блокнот. Судья знаком дал ей понять, что не надо.

— А кариотипы определяют и в других случаях? Например, у взрослых?

— Да, по анализу крови. — Павуа все не вставал из-за стола. — У взрослых мы ищем признаки бесплодия.

— Неужели о бесплодии можно узнать по кариотипу?

— Да. Репродуктивные расстройства могут объясняться дефектами хромосом. Кроме того, некоторые нарушения развития у детей также бывают обусловлены генетически. Например, трудности обучения. Кариограмма позволяет нам судить о том, какой именно патологией страдает ребенок.

Жанна обдумала свою первоначальную версию. Бесплодная женщина, чей кариотип был исследован в лаборатории Павуа. Душевнобольная, которая стремилась отомстить самому этому месту и в то же время, сожрав Нелли Баржак, присвоить себе ее плодовитость… Но как в эту теорию вписывается первая жертва, медсестра? Да и невероятная сила убийцы?

Поднявшись, Павуа оправдал их ожидания: здоровый как бык, ростом под два метра. Одет в бесформенную футболку цвета травы с надписью «NO LOGO»[14] и бежевые полотняные брюки. Расплывшаяся, некогда спортивная фигура напоминала огромную грушу.

— Я, конечно, не эксперт, — усмехнулся он, — но разве тут орудует не серийный убийца? По телевизору такое показывают изо дня в день. Почему бы этому не случиться в действительности?

Никто не откликнулся. Правды не скроешь: они в тупике. А этот насмешливый великан действует им на нервы. Он открыл дверь. Его ухмылка словно повисла в воздухе. Они молча прошли мимо него. Павуа помахал им на прощание и вернулся в кабинет.

В лифте Франсуа Тэн сказал Жанне:

— Вот придурок! Как по-твоему?

— Проверь, не крали ли околоплодную жидкость.

— Откуда?

— Из лаборатории.

— А кто?

— Убийца.

— Ему-то она зачем?

Жанна пропустила вопрос мимо ушей:

— Прочеши квартал. Свяжись с ночными патрулями. Убийца ушел на рассвете. Не на летающей же тарелке он улетел. Может, его останавливали.

— Таких чудес не бывает.

— Чего только не бывало!

Двери открылись. Тэн, стоявший спиной к выходу, попятился. Похоже, напряжение, охватившее его на месте преступления и во время допроса, наконец отпустило.

— О'кей, — заключил он, хлопнув в ладоши. — Я все это проверю, получу отчеты о вскрытии и позвоню тебе. Может, поужинаем вместе по такому случаю?

Жанна поморщилась. Подтвердилось подозрение, терзавшее ее с тех пор, как они покинули здание суда. Франсуа Тэн рассчитывал подкатиться к ней под предлогом расследования этих кровавых убийств.

Неужели она настолько чокнутая, что ее можно соблазнить трупом?

11

20.30.

Жанна заехала в суд, но опросы свидетелей отменила. На это у нее не осталось сил. Переделала кое-какие текущие дела. Подписала повестку на имя Мишеля Дюнана, похотливого мерзавца, отравившего свинцом целое здание. Бегло просмотрела другие досье. Но вплотную заняться Восточным Тимором так и не решилась. Завтра. Так она протянула время до сеанса у психоаналитика. Только это и могло ей помочь…

И вот она дома. За окном темнело, разбухшее от дождя небо, казалось, ждало лишь ночи, чтобы разверзнуться вновь. Она стояла на кухне, не двигаясь, не снимая отсыревший пиджак, и разглядывала китайскую еду, купленную неизвестно зачем. Есть совсем не хотелось.

Никак не выкинуть из головы погибшую женщину. Изуродованную. Расчлененную. Обглоданную. Ее прозрачные глаза на заплывшем кровью лице. Раскиданные руки и ноги. Внутренности. А еще — рисунки на стенах, темные, словно машинная смазка… Вспоминались лаборатории — слишком белые, слишком стерильные. Застывшее лицо Бернара Павуа. Его очки, как у Элвиса Костелло. Погибло лишь это воплощение Нелли. Ее душа продолжает странствие.

Вдруг желудок скрутило от боли. Чувствуя, что ее вот-вот вырвет, Жанна бросилась к раковине. Но ничего не вышло. Она включила кран с холодной водой. Подставила лицо под прозрачную струйку. Пошатываясь, выпрямилась, схватила мешок для мусора и швырнула в него китайскую еду. Странное ощущение — как будто она поела. Мусорка, желудок, не все ли равно.

Она зашла в спальню за чистой одеждой. Жанна жила в безликой трехкомнатной квартирке на улице Вьё-Коломбье. Белые стены. Темный паркет. Кухня с современным оборудованием. Одна из тех отремонтированных квартир, куда столица ссылает многотысячную армию своих холостяков.

С облегчением она встала под душ. Обжигающая струя смыла с кожи дождевую воду и пот. Жанна укуталась в пар, в шум воды, словно

растворилась в ней. Она все время ступает по краю пропасти. А вдруг на нее вновь обрушится депрессия? Она нащупала флакон с шампунем. Одно это простое прикосновение успокоило ее. Как будто она промывала не только волосы, но и мысли.

Из-под душа Жанна вышла немного успокоившись. Вытерлась. Расчесала волосы. Увидела в зеркале свое отражение и на какое-то мгновение не поверила, что это жесткое, замкнутое лицо принадлежит ей. За день она постарела лет на десять. Черты заострились, скулы выступили еще сильнее. Глаза запали, в уголках залегли морщинки. Впервые она порадовалась, что Тома ей больше не звонит. Что никто ей больше не звонит. Сейчас она испугает кого угодно.

Она вернулась в гостиную. Послеполуденные ливни напитали воздух влагой. Словно сама ночь истекала потом. На низком столике лежал крафтовый конверт с ее именем. Запечатанный оригинал и копия с записями рабочего дня Антуана Феро.

Вот что поможет ей отвлечься.

Жанна быстро подготовилась к ритуалу. Кофе и стакан газировки (эту привычку она вывезла из Аргентины). Темнота. Ноут. Наушники. Она свернулась на подушках, словно кошка. Сунула диск в дисковод.

— Мне все время снится один и тот же сон, — произнесла женщина.

— Какой?

— Золотой ангел прилетает и спасает меня от гибели.

— Гибели?

— Я выбрасываюсь в окно.

— Самоубийство?

— Да, самоубийство.

— А в жизни вы уже предпринимали подобные попытки?

— Вы же знаете. Три года депрессии. Два месяца в больнице. На год у меня парализовало лицо. Так что да, я уже «предпринимала попытки», как вы выразились.

— Вы пытались выброситься в окно?

— Нет.

Психолог помолчал, как бы приглашая ее подумать.

— Вообще-то да, — призналась женщина.

— И когда?

— Понятия не имею. Это мой самый… забытый период.

— Постарайтесь припомнить обстоятельства. Где вы тогда жили?

— На бульваре Генриха Четвертого, в Четвертом округе.

— Рядом с площадью Бастилии?

— Да, на самой площади.

Антуан Феро больше не задает вопросов. Все происходит так, будто он обладает детектором лжи, который позволяет ему распознавать в потоке слов легкую дрожь, деталь, способную открыть душу пациента.

— Припоминаю, — шепчет женщина. — Я открываю окно. Вижу небо… В нем Дух… Дух Бастилии.[15] Он сверкает в пасмурном небе. В голове у меня все переворачивается. Пустота уже не манит меня. Меня пронзает мощь ангела. Его сила. Он удерживает меня внутри. Подталкивает к жизни. — Она зарыдала. — Я спасена… Спасена…

Кабинет доктора Феро — словно «Тысяча и одна ночь». Истории. Судьбы. Люди. Жанна невольно сравнила поведение психиатра со своим собственным, когда она раскалывает подозреваемых. Подход у нее прямо противоположный. Жанна допрашивает своих «пациентов», чтобы засадить их в тюрьму. Феро задает вопросы, чтобы их освободить. Но в сущности цель одна — подтолкнуть их к признанию…

Жанна снова прислушалась. Особенно к голосу Феро. Мягкий, обволакивающий, словно уютное, теплое и вместе с тем прохладное гнездышко, где так легко раскрыться. Что-то растительное, как листья, сомкнувшиеся вокруг цветка.

Она увеличила скорость воспроизведения. Остановилась на одном случае. Взволнованная, торопливая речь. Мужчина говорил. Умолкал. Заговаривал снова. Слова цеплялись друг за друга. Ассоциации. Аллитерации. Противопоставления. Немного напоминает старинную игру. Вкусные пирожки… Рожки козла… Злая, как мегера… Гера ревнива…

Пациент описывал свой сон и обстоятельства, при которых он его видел. Прежде чем лечь спать, он просматривал журнал «Правила игры». Название навело его на мысль о Жане Ренуаре, снявшем одноименный фильм. Но приснился ему другой фильм Ренуара, «Человек-зверь», в котором Жан Габен ведет паровоз. Страшные, незабываемые черно-белые кадры мчащегося на полной скорости поезда и трагическая маска управляющего им Габена. Во сне это

видение ассоциировалось с заключительной сценой чеховской пьесы, пациент не помнил, какой именно, где герои обмениваются последними репликами, а вдали в это время слышен гудок паровоза. Увидев этот сон, он потом весь день не мог избавиться от неясной тревоги.

Теперь ему вспомнилась еще одна подробность. Когда он учился на филфаке, то написал для театрального семинара комментарий об этой чеховской пьесе. В заключении он отметил, что в психоанализе появление поезда во сне символизирует смерть. Сейчас он припомнил кое-что еще. Выполнив это задание, он впал в депрессию. Два года не посещал университет. Как будто несколько строчек, написанных им о русской пьесе, а главное, о прибытии поезда где-то за сценой, вызвали этот срыв и внушили ему мысль о смерти.

Сегодня, благодаря сну и кушетке, он осознавал и другое обстоятельство. Событие, которое он никогда не связывал с этой историей. В то время мать, воспитавшая его одна, снова вышла замуж. Той самой весной она переехала к мужу, оставив квартиру. Поезд — смерть — ворвался в чеховские диалоги и в тот комментарий. Как и в реальность. Он унес вдаль мать, тем самым убив его в собственном сознании.

Жанна слушала как зачарованная, уставившись в темноту широко раскрытыми глазами. Она утратила представление о времени — и даже о пространстве. Плыла в потемках, неотрывно следуя за мягким и спокойным голосом Феро, слившись с этими голосами, которые пронзали ее и завораживали.

Внезапно она очнулась. Взглянула на часы. Два ночи. Ей надо поспать. Чтобы завтра быть в форме. И так сегодня весь рабочий день пошел насмарку…

Она быстро прослушала вечерние сеансы. Последний, на посошок. Остановилась на шестичасовом пациенте.

— Вы не ложитесь? — спросил Феро.

— Нет.

— Тогда присядьте. Устраивайтесь поудобнее.

— Нет. Вы же знаете, дело не во мне.

Властный низкий голос с испанским акцентом звучал сухо.

— Есть новости?

Тон Феро изменился. Стал напряженным, нервным.

— Новости? Его припадки все сильнее и сильнее.

— Что он делает во время припадков?

— Не знаю. Он исчезает. Но это опасно, я уверен.

— Я должен его увидеть.

— Невозможно.

— Я не могу поставить диагноз, не поговорив с ним, — возразил Феро. — Не могу лечить его через посредника.

— Все равно из этого ничего не выйдет. Вы ничего не увидите. Ничего не почувствуете.

— Позвольте мне судить самому.

Эти слова Феро произнес с необычной для него властностью. Он стал почти агрессивным. Но испанца, похоже, это не смутило.

— Недуг у него внутри, понимаете? Скрытый. Невидимый.

— Я здесь только и делаю, что охочусь за подавленными тайнами, о которых не подозревают даже их обладатели.

— У моего сына все иначе.

— В чем же разница?

— Я вам уже объяснял. Бояться следует не моего сына. А того, другого.

— Значит, он страдает раздвоением личности?

— Нет. У него внутри живет другой человек. Или, скорее, ребенок. Ребенок, у которого своя история, свое развитие и свои требования. Ребенок, который вырос внутри моего сына. Словно раковая опухоль.

— Вы говорите о том ребенке, которым был ваш собственный сын?

Упавшим голосом испанец произнес:

— Вы же знаете, что тогда меня с ним не было.

— Чего вы опасаетесь теперь?

— Что эта личность вырвется на свободу.

— В каком смысле вырвется?

— Не знаю. Но это опасно. Madre de Dios![16]

— А о припадках вы что-то знаете наверняка?

Послышались шаги. Испанец пятился назад. Видимо, к двери.

— Мне пора. В следующий раз я расскажу вам подробнее.

— Вы уверены?

— Я сам должен все обдумать. Все это — часть целого.

Шум отодвигаемого стула: Феро встает.

— Какого целого?

— Это как мозаика, понимаете? Каждый кусочек привносит свою долю истины.

У испанца тоже был завораживающий голос. Он становился все теплее и теплее. Если тут вообще есть какой-то смысл, он казался загорелым. Обожженным годами жары и пыли. Жанна воображала высокого, седого, элегантного мужчину лет шестидесяти. Иссушенного светом и страхом.

— Я хочу встретиться с ним, — настаивал Феро.

— Это бесполезно. Он не станет говорить. Он ничего вам не скажет. Я имею в виду — тот, другой.

— Может, все-таки попытаемся?

Звук шагов. Феро догнал испанца у порога. Короткое молчание.

— Я подумаю. Я вам позвоню.

Они попрощались. Хлопнула дверь. И больше ничего. Видимо, Антуан Феро тут же вышел из кабинета. Жанна несколько раз подряд прослушала этот таинственный разговор, потом улеглась, не включая свет ни в спальне, ни в ванной.

Когда она чистила зубы, ей пришло в голову, что сегодняшний вечер не завершился постыдным. Она не мастурбировала. От этого она испытала смутную гордость. Вечер остался чистым.

Жанна вытянулась на простынях. Ночь задыхалась в собственной духоте. Из глубин неба надвигалась гроза. Мимо окна проплывали облака, окаймленные лунным сиянием. Она повернулась на бок, щекой на подушку. Свежесть. Каждый вечер она сбрызгивала подушку эвкалиптовым маслом. Привычка родом из детства…

Она закрыла глаза. Антуан Феро. Его голос. Несколько часов назад на сеансе у своей психологини она не удержалась.

— Мне говорили об одном психиатре, — сказала она как бы невзначай. — Об Антуане Феро. Слышали о таком?

— Вы хотите сменить врача?

— Нет конечно. Вы с ним знакомы?

— Немного.

— А что вам о нем известно?

— Проводит консультации в одной клинике. Не помню точно в какой. Еще у него частная практика в Пятом округе. Прекрасная

репутация.

— Какой он?

— Я его толком не знаю. Так, встречала на семинарах.

— Какой он… внешне?

У психологини вырвался смешок. Сеанс подходил к концу.

— Скорее симпатичный.

— Симпатичный насколько?

— Симпатичный выше среднего уровня. А почему вы спрашиваете?

Жанна что-то наплела о психологической экспертизе, о срочной встрече. И спаслась бегством, как мышь, унося эти драгоценные сведения. Симпатичный насколько? Симпатичный выше среднего уровня…

Жанну клонило в сон, но в голове все еще проносились мысли. Она посреди брода. Уже рассталась с берегом Тома — и это далось ей легче, чем она могла себе представить, — но пока не достигла другого берега. Берега голоса. Берега Феро.

А тем временем река дней утекала между ее босых ног…

Она засыпала. Дождь хлестал по окнам — наконец разразилась гроза. Жанна приняла решение. Решение смутное, безвольное, уже размытое сном, но она знала, что завтра утром оно вернется с новой силой.

Мне необходимо увидеть его лицо. Лицо голоса.

12

— Кажется, у меня кое-что есть, — сказал Крендель.

Жанна не поняла. Звонок мобильного вырвал ее из сна. Взглядом она поискала часы на прикроватном столике, залитом лужицей света. 9.15. Твою мать. Она проспала.

— Слушаю, — произнесла она, откашлявшись.

— Три перевода со счетов «ВЧ». В Швейцарию. Все на один счет. В Объединенный банк Швейцарии.

Жанна заслонила лицо ладонью. Солнце заливало спальню. Мешало ей видеть, о чем он говорит.

— Какие суммы? — спросила она машинально.

— Двести тысяч евро. Триста тысяч евро. Двести пятьдесят тысяч евро. Меньше чем за неделю.

— Имя получателя известно? — сказала Жанна, так до конца и не проснувшись.

— Нет конечно. Но даты совпадают. Июнь две тысячи шестого года. Сразу после переброски оружия и оплаты счетов «EDS»… И примерно на те же суммы. Пора ехать туда на разведку. В Швейцарию.

«ВЧ». Швейцарские банки. «EDS»… До нее наконец дошло. Восточный Тимор. Торговля оружием. Коррупционные игры между промышленными компаниями и людьми из французского министерства обороны. Но из головы никак не шел кошмар. Тот, что мучил ее всю ночь напролет.

Жанна брела по сырому бетонному лабиринту. Натыкалась на лежащее в луже изуродованное жирное тело Нелли Баржак. Ее плоть пожирало подобие толкиеновского Горлума с шишковатым черепом. Отрыгивая и постанывая, он поглощал кровавые куски, сдирал кожу, обсасывал кости, копался скрюченными пальцами в мозгу. Во сне Горлум был женщиной. Бесплодной. Или изнасилованной. Из окровавленного рта вырывалось рычание. Живот рассекал свежий шрам. Быть может, оставленный рождением чудища, которое не сумела предотвратить толстуха цитогенетик…

Но страшнее всего был конец. Горлум поднимал глаза и видел зеркало. Людоед — не кто иной, как сама Жанна.

— Ты что, не слушаешь? Я тебя хотя бы не разбудил?

— Вовсе нет.

— Я говорил, что со Швейцарией мы еще намучаемся.

Жанна сосредоточилась. Крендель прав. Ей уже приходилось работать с этой страной. Чтобы добиться идентификации банковского счета, пришлось доказывать, что переведенные на него суммы имеют незаконное происхождение. В данном случае необходимо предъявить доказательства, что деньги действительно получены по фальшивым счетам.

— Там видно будет, — сказала она, садясь в постели. — А что с записями?

— Пусто. Ничего подозрительного. Тупик.

— Мейлы?

— По нулям. Пора переключаться на другую скорость. Обыски?

— Нет. Лучше вызову их повесткой.

— Ты на что-то рассчитываешь?

— Разве только на эффект неожиданности.

— Тебе виднее. А я еще покопаюсь в денежных переводах и перечислениях.

— Тогда перезвонишь. Я выписываю повестки.

— И вот еще. Мне не хватает одного СП.

СП — судебное поручение. Его положено выписывать на каждую прослушку. Жанна прикинулась идиоткой:

— Какого?

— На прослушивание психиатра. Антуана Феро.

— Наверное, секретарша забыла.

— Не держи меня за дурака, Жанна. Положим, я готов закрыть на это глаза, но парни из технической поддержки такого не потерпят. На каждый жучок им нужно подписанное судебное поручение. Это знает любой первокурсник.

— Ладно, сделаю. Будет тебе бумажка.

— Плевать на бумажку. Вздумала раскрутить меня на незаконную прослушку — так и скажи. Встретимся и все обсудим.

— Идет. Встретимся и обсудим. Только не по телефону.

Жанна повесила трубку. Тут же позвонила в офис и предупредила Клер, что опаздывает. Включила кофемашину. Проглотила антидепрессант. Пошла в ванную. Стоя под душем, размышляла о

предостережении Счетчика. Эта история с прослушкой ей еще аукнется. Наивно было думать, что прослушивание психоаналитика останется незамеченным…

После душа, причесанная и накрашенная, она вернулась на кухню. Кофе уже остыл. Она приготовила новый, не забыла сделать тост из хлеба с отрубями. Откусила от него, и тут в голове замелькали картинки из ее ночного кошмара. Горлум. Черно-белая плоть. Урчание. Сон пробудил реальные воспоминания. О виденном накануне. О месте преступления. О жажде плодовитости. О сожранной матке. А вдруг убийца — женщина?

Через полчаса Жанна неслась по шоссе, забыв и думать об ограничениях скорости. Еще через двадцать минут она уже сидела за своим столом среди документов по Восточному Тимору. Остаток сегодняшнего утра она потратит на изучение досье, прежде чем разослать повестки.

Жанна еще раз перечитала начало судебного дела. Что-то тут не сходится. Зачем продавать оружие повстанцам в богом забытой стране? Ради денег? Сделка принесла жалкий миллион евро, которым пришлось еще и делиться. Совсем немного для торговли такого рода. И при этом все шансы засветиться в СМИ. Участие в убийстве лауреата Нобелевской премии мира — это не шутки.

Она вернулась к материалам дела в поисках ключа к разгадке. И вскоре его нашла. В Восточном Тиморе была нефть. Недавнее бурение показало значительные ее залежи в районе острова. Прибыли от необлагаемой налогами торговли тиморской нефтью на ближайшие двадцать лет оценивались в пятнадцать миллиардов долларов. Австралийцы уже заключили договор с нынешним правительством. В случае государственного переворота новые лидеры страны — мятежники — найдут для эксплуатации нефтяных месторождений новых партнеров. Почему бы не тех, кто поставлял им оружие?

Выходит, события надо толковать с точностью до наоборот. Работая в министерстве обороны, Бернар Жименес не обращал в звонкую монету свое покровительство «EDS Technical Services», чтобы пополнить левыми доходами кассу Республиканской партии свободы. Как раз напротив. «EDS» по приказу политиков снабжала оружием заговорщиков, готовивших государственный переворот, который был бы на руку Франции. Затем политики и промышленники поделили

пирог — прибыль от торговли оружием, но это было лишь легкой закуской. Все ждали продолжения банкета: доходов от добычи нефти.

Но вышла одна неувязка: государственный переворот не удался. Планы пришлось свернуть. Вот почему прослушка ничего не дала. Контакты между «EDS Technical Services», «ВЧ» и РПС прервались. Эти выводы укрепили решимость Жанны. Из прослушивания все равно ничего не выжмешь. Пора переходить к допросам свидетелей. Вызывать всю эту шайку в суд.

— Я пойду? — спросила Клер.

Жанна взглянула на часы: уже четыре. Изучая документы, она не заметила, как пролетел день. Вспомнила, что сегодня пятница. В короткие дни перед выходными она ничего не успевала.

— Ступай, я еще поработаю.

Зашуршало платье, и Клер словно испарилась. Потянувшись, Жанна оглядела папки на столе. До вечера ей надо заняться и другими делами. Но сперва она хотела разобраться с Тимором. Понять, где находится этот стратегический пункт в Тихом океане. Она развернула карту, накануне купленную Клер в Национальном географическом институте, и принялась за поиски острова, по форме напоминающего крокодила.

Вглядываясь в контуры, рифы, побережья, Жанна отдалась на волю волн, убаюканная экзотическими названиями. Мысли поплыли. Она вспомнила свое великое путешествие. Окончив Школу судебных работников, она взяла годичный отпуск, чтобы пересечь Южноамериканский континент.

И начала с Центральной Америки. Никарагуа. Коста-Рика. Затем — собственно Южная Америка. Бразилия. Перу. Аргентина. Чили… Это была не обычная туристическая поездка. Жанна избороздила бескрайние просторы в одиночку, стиснув зубы, твердя: «Этого у меня уже никогда не отнять. Каждое ощущение, каждое воспоминание станет моей тайной». Отпечатком, отметиной, зарубкой, которую она сохранит в глубине души. И если ее постигнет любовное разочарование, душа найдет убежище там, среди этих далей…

Семнадцать часов. Целый час она витала в облаках. Твою мать. Она заторопилась. Написала несколько записок с поручениями для Клер, чтобы та выписала повестки Бернару Жименесу, казначею Республиканской партии свободы, ее генеральному секретарю Жан-

Пьеру Гриссану, президенту фирмы «ВЧ» Симону Матюри, Жан-Луи Деммару, президенту общества «Noron», и Патрику Лашу, директору «EDS».

Она положила записи Клер на стол. Взглядом оценила оставшиеся папки. Перед ней стоял выбор: запереться в кабинете до десяти вечера, перебирая бумажки, или потихоньку смыться домой и в постели посмотреть несколько серий «Анатомии страсти», уплетая свою ежевечернюю порцию белого риса.

Но была еще и третья возможность.

Та, что с самого утра не давала ей покоя.

13

Кабинет доктора Антуана Феро располагался в доме № 1 по улице Ле-Гофф. Коротенькой улочке вблизи Пантеона, связывающей улицу Гей-Люссака с Суффло. В ее сумрачных закоулках скрываются каменные лестницы на манер монмартрских, ведущие к совсем уж узким проулкам. Дом № 1 смотрит на улицу Суффло. Жанна припарковалась чуть пониже, на углу.

План у нее был простой. Можно сказать, простенький. Подстеречь психиатра на выходе. Позвонить ему на мобильный, чтобы убедиться, что это действительно он. Потом следовать за ним по пятам, куда бы он ни направился… И вот уже час она ждала, не сводя глаз с подъезда из обтесанных камней, слегка нагревшихся под лучами послеполуденного солнца. Пока оттуда вышли только двое мужчин и одна женщина.

Но Антуана Феро не видно.

У нее было время подумать. Например, о нелепости ситуации: следственный судья сидит в своей тачке в засаде, подстерегая психиатра с соблазнительным голосом. Как патетично. Но она и была настроена романтично. Все время представляла, каким он окажется. Высокий. Худой, но не слишком. Волосы темные. Пальцы длинные. Пальцы — это очень важно. Ну а главное — лицо. Она смутно представляла, какое оно. Но непременно значительное. Отмеченное сильным характером. Бросающейся в глаза решительностью.

Прошло еще полчаса. Она включила радио. Рок-н-ролл. Он помог ей отвлечься. Тома уже не позвонит. И она ему так и не позвонила. Ну и слава богу. Когда умирает надежда, остается хотя бы гордость. Еще она подумала о Восточном Тиморе и о дурацких вызовах в суд — они еще выйдут ей боком. О судебном поручении на прослушивание кабинета Феро, которое она так и не выписала. И это ей тоже не сойдет с рук…

Из подъезда вышел мужчина. С первого же взгляда она поняла, что это он. Ростом под метр восемьдесят. Очень худой. Длинные черные волосы. Узкое лицо с едва наметившейся бородкой. И все же, несмотря на густые черные брови, его чертам недоставало

мужественности. Особенно подбородку, немного округлому и чуть скошенному, лишенному решительности, о которой мечтала Жанна. Нельзя иметь все. И с его возрастом тоже что-то не так. На вид Феро лет тридцать пять. А по голосу она дала бы ему на десять лет больше.

Она набрала его номер. Мужчина остановился. Покопался в карманах. На нем был серый льняной костюм, сильно помятый, словно воплощение прошедшего рабочего дня.

— Алло?

Она отключилась. Это он. Сердце сладко защемило, когда он прошел мимо к подземной стоянке на улице Суффло. Прежде чем исчезнуть, провел рукой по волосам. Длинные пальцы пианиста. Они полностью искупали слабый подбородок и слишком моложавую внешность. Жанна включила зажигание. Отыскала глазами два выезда со стоянки по обеим сторонам улицы. Из какого появится он? Какая у него машина? На другой стороне из-под земли вылетел видавший виды скутер и понесся к бульвару Сен-Мишель. Она едва различила лицо под шлемом. Феро. Включив первую скорость, она развернулась. Психиатр уже затормозил на красный свет у бульвара Сен-Мишель. Судя по мигающей фаре, он собирался свернуть направо, к Сене. Через несколько секунд Жанна с бешено бьющимся сердцем уже ехала следом.

Зеленый свет. Он спустился по бульвару, миновал фонтан на площади Сен-Мишель и свернул влево на набережные. Вел он уверенно, как человек, которому некуда торопиться и не о чем тревожиться. Есть ли у него женщина? Жанна то и дело сжимала и разжимала руль. Ладони вспотели. Она выключила радио. В темных очках она выглядела героиней пародии на шпионский фильм.

На набережной Гран-Огюстен Феро прибавил скорость. Набережные Конти, Малаке, Вольтера. Он свернул на скоростной путь вдоль берега и влился в поток автомобилей. Пропустив вперед две машины, Жанна поехала следом. Все шло хорошо. Не спуская глаз с Феро, она успевала любоваться вечерним городом. Мосты в сумерках загорались огнями. Здания на правом берегу окутывала густая тень. Сена тяжело катила плотные, словно грязевые потоки, волны. И этот необъятный розовый свет, опускавшийся на город подобно савану. Феро все ехал. Но куда?

Миновав мост Согласия, он взял левее и въехал в короткий туннель, ведущий к дорожной развязке. На мосту Инвалидов повернул направо, пересек Сену, снова свернул направо и по набережным добрался до моста Александра III. Жанна было подумала о «Show-Case», новом модном клубе под мостом. Но Феро припарковался у садов, окружающих Гран-Пале, убрал в седельную сумку шлем и пешком двинулся к проспекту Уинстона Черчилля.

Жанна последовала за ним и припарковалась у подножия одной из квадриг Гран-Пале. Упряжка диких коней, рвущихся вверх со стеклянной крыши. Феро направился к входу во дворец. Жанна вспомнила, что в музее проходит выставка «ВЕНА-1900», посвященная художникам Венского Сецессиона. Климт. Эгон Шиле. Мозер. Кокошка. В голове мелькнула нелепая мысль: очень кстати, ей давно хотелось ее посмотреть.

Психоаналитик уже поднимался по ступеням. Она ускорила шаг, угадывая высоко над головой гигантский купол из стекла и стали, собирающий солнечный свет подобно гигантской линзе. Она чувствовала себя крошечной и вместе с тем легкой, взбудораженной, опьяненной вечерним Парижем, тающим в закатном свете.

Феро как сквозь землю провалился. Видно, у него есть пропуск, чтобы не стоять в очереди. В длинной очереди на ночную выставку, тянувшейся в противоположную сторону, к Елисейским Полям. Жанна покопалась в сумке. У нее тоже был пропуск. Трехцветная карточка, выданная ей по указу президента. Годится для обысков, сгодится и для венских художников.

Через несколько минут она входила на выставку. Ей подумалось, что эти золотистые, красноватые и коричневатые полотна — огромный занавес над сценой, где разыгрывается еще более обширное и богатое действо, в котором смешались все искусства. Вена начала XX века, когда все достигло расцвета: живопись, скульптура, архитектура, а благодаря Малеру и в скором времени Шёнбергу — музыка… Не говоря о фундаментальном перевороте, ставшем фоном этого действа, — психоанализе.

В нескольких шагах от нее Феро, не торопясь, вглядывался в каждую картину. У него не было каталога. И на названия он не смотрел. Похоже, он здесь не впервые. Вспотевшая Жанна расслабилась и тоже без спешки принялась любоваться полотнами. В

первом зале царил Климт. Как всегда, ее потрясло своеобразие этого художника. Каждый оттенок. Каждая линия. Каждый рисунок. Все буквально кричало о разрыве с тем, что писалось прежде. Но этот разрыв дышал нежностью. Размытые цветовые поверхности, напоминающие японские гравюры. Утонченные сочетания красок. Мазки золота. Игра эмалей, жемчугов, цветных стекол, бронзовых пятен…

И женщины. Уснувшие феи с длинными медовыми волосами, укрывшиеся среди рисунков одновременно строгих и экстравагантных. Каждую женщину, охраняя ее сон, окружал симметричный узор: изображения и изгибы тянулись в ряд, как рисунок на ткани. А иногда полотно казалось расплывчатым, водянистым. Пряди вились, словно рыжие водоросли. Сквозь прозрачные воды пробивались вспышки золота и жемчуга, танцуя под толщей сверкающей смолы. Взгляд, ум, сердце буквально утопали в этих полотнах…

Феро застыл перед небольшой картиной меньше метра в высоту. «Сейчас», — подумала она. Двинулась в его сторону, собираясь просто встать рядом. А там посмотрим. Во рту пересохло, ноги стали ватными. Она подошла, повторяя про себя несколько комплиментов, которые ей делали в последнее время. Сравнение с абсентом, придуманное Тома. Замечание Тэна о том, как она массирует себе затылок. Слова секретарши Клер о ее сходстве с актрисой Джулианной Мур…

Она стояла рядом с Феро не меньше минуты, не шевелясь, перед картиной, которой не замечала.

И он только что произнес… Голос, который она так часто слышала в наушниках, теперь раздался у самого ее уха…

— Про… Простите?

— Я сказал, что каждый раз при виде этой картины вспоминаю Бодлера: «Я грязь смешал и золото добыл…».

Жанна едва не расхохоталась. Мужчина, который с ходу цитирует Бодлера, явно не дозрел до сайта знакомств. Хотя почему бы и нет? Она вгляделась в полотно Климта. Это был поясной портрет очень бледной женщины в бирюзовом платье на оранжевом фоне.

Ее голос прозвучал почти агрессивно:

— По-вашему, грязь — это натурщица?

— Нет, — мягко отозвался Феро. — Грязь — это время, уничтожающее красоту женщины. Монотонная повседневность, которая ее подтачивает. Банальность, которая затягивает ее день за днем. Климт вырвал ее из этого болота. Ему удалось запечатлеть внутреннее горение этой женщины. Раскрыть тот благословенный миг, что проходит между двумя ударами сердца. Он даровал ей вечность… Личную.

Жанна улыбнулась. Тот же голос, что она слышала в записи. Только ближе. Реальнее. Он оправдал ее ожидания. Она всмотрелась в полотно. Психиатр прав.

Портрет Иоганны Штауде.

Два дополнительных цвета наносили вам удар в лицо. Бирюзовый оттенок платья — такой естественный, словно художник писал его минералами. Красноватый фон, пылавший подобно лаве. Жанне это напомнило не Бодлера, а знаменитое стихотворение Поля Элюара: «Земля вся синяя как апельсин…».[17]

Оправившись от удара, вы замечали лицо. Круглое и белое как луна. Это бледное пятно, окруженное черным меховым воротником, и было ключом к картине. Открывавшим несказанную истину, поэзию волшебной сказки: она не требует объяснений, проникая в вас до самого нутра, а то и ниже — до гениталий. До самых корней естества…

Жанна прониклась нежностью к этой женщине. К этому лицу лунного Пьеро. К черным, коротко стриженным волосам — прическе совершенно необычной для того времени. Тонким красным губам. Широким, выразительным, словно знаки препинания, бровям. Ко всем этим штрихам, напомнившим ей рекламу, которую она обожала девчонкой. Духов «Лулу» от Кашарель. Молодая женщина, будто скользящая под самую сладостную мелодию на свете: «Павану» Габриеля Форе…

Она обрела союзницу. И сразу же почувствовала прилив сил и уверенности, хотя по-прежнему не знала, что ему сказать. Пауза затянулась. Она ломала голову в поисках темы для разговора.

— Я на этой выставке уже пятый раз, — продолжал он. — Здесь я обретаю некое… умиротворение. Источник спокойствия и просветления. — Он на миг замолчал, словно приглашая ее

прислушаться к журчанию источника. — Пойдемте. Я хочу вам кое-что показать.

Жанна повиновалась. Отдалась на волю волн. Они прошли в следующий зал. Несмотря на охватившее ее смятение, она ощутила, как мгновенно изменилась атмосфера.

Стены покрыты криками и ранами. Телами, сведенными судорогой. Лицами, искаженными страстью или ужасом. Но агрессивнее всего была сама живопись, как нечто материальное. Сгустки коричневого, охры, золота, точно ободранные ножом. Мешанина густых, вывернутых мазков, напоминавшая вспаханные поля. Узкие лица. Выпученные глаза. Конвульсивно сжатые руки. В памяти всплыла севильская Семана Санта.[18] Неделя покаяния с этими лицами вместо колпаков и светящимися руками вместо свечей.

— Эгон Шиле! — воскликнул Феро. — Он не похож на Климта, но так же приносит мне облегчение. Насилие у него позитивно. Спасительно. Я психиатр и психоаналитик. У меня случаются… трудные дни. Эти полотна начала века придают мне сил и мужества.

— Мне очень жаль, — еле выговорила она. — По правде сказать, я не понимаю…

— Да ведь полотна вскрывают подсознание! Они доказывают реальность того мира, которому я посвящаю свою жизнь. Сон. Пол. Тревога… Эгон Шиле выворачивает душу как перчатку. Конец притворству, мещанскому ханжеству, спасительным уловкам…

У Жанны голова пошла кругом. С утра у нее во рту маковой росинки не было. От переполнявших ее эмоций она плохо соображала. А Антуан Феро, несмотря на чарующий голос и смазливое лицо, сильно смахивал на психа.

— Извините, — сказал он, понизив голос, словно пытаясь ее успокоить. — Я увлекся. А ведь я даже не представился. — Он протянул ей руку: — Антуан Феро.

Она вяло пожала ему пальцы, впервые разглядывая его вблизи. Перед ней предстало нервное, лихорадочное, но странно потухшее лицо. Феро не стремился пустить пыль в глаза или отгородиться от взглядов. Вот он перед ней, уязвимый, без прикрас, словно голый…

— Жанна Крулевска.

— Это по-польски?

— Кажется, это значит «королевская».

Господи, да что она несет? К чему?

— Но у вас польские корни? — настаивал Феро.

— Весьма дальние. Я хочу сказать, мой отец был поляк, но всегда держался… на расстоянии.

Эти слова только все усложнили. Ей хотелось быть забавной, а вместо этого она выставила себя жертвой. Но взгляд Феро будто обволакивал ее, выражая внимание и поддержку.

— Вам как будто не по себе. Вы слышали о синдроме Стендаля?

— Дарио Ардженто, — пробормотала она.

— Простите?

— «Синдром Стендаля». Итальянский фильм ужасов. Режиссер Дарио Ардженто.

— Не смотрел. Я говорил о психологическом синдроме. О людях, сверхчувствительных к живописи. При виде картины они падают в обморок.

— Фильм как раз об этом.

И зачем она настаивает? Чередой вспышек перед ней пронеслись кадры из фильма. Азия Ардженто, идущая по римским улицам в белокуром парике, готовая убивать всех подряд. Изнасилованные женщины. Лицо, развороченное пулей из автоматического пистолета…

Она подняла руку ко лбу и, словно извиняясь, добавила:

— Я… Я весь день ничего не ела. Мне…

Он не дал ей закончить, решительно взяв ее под руку:

— Идемте. Выйдем на воздух. Я угощу вас мороженым.

14

Уличный воздух не принес никакого облегчения. В лучах заката листья отбрасывали на землю дрожащие тени, а ей казалось, что ее подводит зрение. Она стыдилась своего состояния, но втайне ей было приятно, что за ней так ухаживают. Они пересекли проспект по направлению к театру Мариньи, купили в киоске итальянское мороженое.

— Хотите прогуляться?

Она кивнула в ответ, смакуя прохладное мороженое и ту мягкость, с которой был задан вопрос. Молча они шли к площади Согласия. Давно уже ей не случалось бродить по этим садам. Другие, обнесенные оградой парки всегда выглядят какими-то куцыми. Напротив, сады Елисейских Полей распахнуты навстречу городу, они заключают проспект в объятия, смешиваясь с уличным движением, шумом, выхлопными газами… Ты словно попадаешь на свидание. Наблюдаешь за историей любви листвы и асфальта, гуляющих и машин, природы и загрязнения атмосферы…

— Я от этого без ума, — признался Феро. — Вена. Начало двадцатого века… Просто наваждение. Времена, когда за всеми этими уютными пивными, кафе и штруделями открылось столько откровений! Климт, Фрейд, Малер…

Ей не верилось, что он снова затянет ту же песню. А он уже пустился в подробнейшее описание интеллектуального кипения той эпохи. Жанна не прислушивалась. Она физически наслаждалась его присутствием.

Они все шли в тени листвы, мимо летящих на полной скорости машин. Вечернее солнце заливало багряным лаком каждую былинку. Огненными кругами сверкали металлические решетки вокруг деревьев. Давно уже Жанне не бывало так хорошо.

Феро увлеченно говорил, но она не слушала. Ее трогал только его пыл. Эта его непосредственность, разговорчивость. Как и его стремление очаровать ее своими познаниями.

На площади Согласия он взял ее под руку:

— Ну что, теперь в Тюильри?

Она кивнула. Рев машин. Вонь выхлопных газов. Каменные фонтаны, розоватые струи. Туристы, в восторге фотографирующие друг друга. В любой другой день все это только раздражало бы ее, но сейчас казалось волшебным, сказочным, нереальным.

— Я все болтаю без умолку, а ведь ничего о вас не знаю, — заметил Феро, когда они входили в сады Тюильри. — Чем вы занимаетесь?

Только бы не отпугнуть его своей работой.

— Маркетингом, — нашлась она.

— В смысле?

— Я руководитель. Возглавляю пиар-агентство. Мы делаем буклеты, рекламные тексты. Ничего особенного.

Феро указал на скамью. Они уселись. По садам расползались сумерки, вырисовывая каждую деталь, придавая предметам плотность. Темнота была созвучна настроению Жанны, с радостью погрузившейся в эту глубину, в эту густоту.

Феро продолжал голосом, который словно напитался вечерним сумраком:

— Главное — ежедневно, ежеминутно любить свое дело.

— Нет, — не задумываясь отозвалась она. — Главное — это любовь.

И тут же закусила губу от досады, что сморозила подобную глупость.

— А вы знаете, что вы совершенно по-особому говорите «нет»?

— Нет.

Феро рассмеялся от души.

— Вот опять вы это сделали. Вы чуть-чуть поворачиваете голову, но не до конца.

— Все потому, что я не умею говорить «нет». Никогда не дохожу до конца.

Он ласково взял ее за руку:

— Никогда не говорите это мужчине!

Она покраснела. За каждой репликой следовала короткая пауза. Пауза, состоявшая из смущения и удовольствия. Так ласково с ней не говорили уже… Уже слишком давно!

Она постаралась задержать это мгновение, поддержать разговор, не утонув в блаженстве.

— Ну а как вам вся эта стирка? — через силу спросила она.

— Какая стирка?

— Вы ведь стираете грязное белье своих пациентов, верно?

— Да, можно и так сказать. Иногда бывает нелегко, но эта работа — моя страсть. Только ради нее я и живу.

Эти слова показались ей хорошим знаком. Ни жены. Ни детей. Она уже жалела, что солгала ему. Ведь то же самое она могла бы сказать и о своей работе. Два увлеченных профессионала. Два свободных сердца.

— Вы могли бы назвать главную причину этой своей страсти?

— Вы подвергаете психоанализу психоаналитика?

Она молчала, дожидаясь его ответа.

— Думаю, больше всего мне нравится, — сказал он наконец, — быть в центре всего механизма.

— Какого механизма?

— Механизма отцов. Отец — ключ ко всему. Его тень всегда лежит в основе личности ребенка, его поступков и желаний. Особенно в том, что касается зла.

— Боюсь, я не совсем вас понимаю.

— Представьте себе настоящее чудовище в человеческом обличье. Существо, которое и человеком-то не назовешь, настолько ужасными представляются его поступки. Например, Марка Дютру. Помните его историю?

Жанна кивнула. Если бы Дютру орудовал в Иль-де-Франс, ей бы, возможно, пришлось вести его дело.

— Нам не понять действий такого преступника. Он уморил голодом девочек, которых держал в подвале. Он их насиловал. Торговал ими. Некоторых закопал живыми. Этому нет оправдания. Но если вы пороетесь в его истории, то найдете там другое чудовище — его отца. У Марка Дютру было кошмарное детство. Он и сам жертва. Таких примеров сколько угодно. Ги Жоржа бросила мать. А мать Патриса Алегра использовала его в своих сексуальных забавах.

— Теперь вы говорите о матерях.

— Я говорю о родителях в широком смысле слова. О первых объектах детской любви. В сознании ребенка они неразделимы. Серийные убийцы всегда сходны в одном, будь то психопаты или извращенцы, — у всех у них было несчастное детство. Все они —

результат ошибки, насилия, не позволивших им стать нормальными людьми.

Интерес Жанны поутих. Эти общие фразы она выучила наизусть. Ей приходилось выслушивать их всякий раз, когда она назначала психиатрическую экспертизу убийцы. И все-таки она спросила:

— А что вы понимаете под «механизмом отцов»?

— Я часто бываю на судебных заседаниях. Каждый раз, когда говорят о семье убийцы, я задаюсь вопросом: почему родители этого человека оказались не на высоте? Почему сами они были чудовищами? А что, если и они дети родителей, склонных к насилию? И так далее. За каждым преступником уже стоит преступный отец. Зло — это цепная реакция. Так можно дойти до самых истоков человека.

— До самого праотца? — спросила она, вдруг заинтересовавшись.

Феро приобнял Жанну. По-прежнему без малейшей двусмысленности. Несмотря на серьезность разговора, он оставался непринужденным и оживленным:

— У Фрейда была своя теория по этому поводу. Он изложил ее в «Тотеме и табу». Изначальная вина.

— Адам и яблоко?

— Нет, убийство отца. Фрейд сочинил притчу. Давным-давно, в незапамятные времена, племенем правил один мужчина. Доминирующий самец. У волков это называется Альфа-самец. У него было право выбора самки. Из ревности сыновья убили его и съели. И с тех пор они жили в раскаянии. Они создали культ отца — тотем — и запретили браки с женщинами из своей группы. Так появился запрет на инцест и отцеубийство. Мы до сих пор живем, подавляя в себе угрызения совести. И хотя научная антропология всегда оспаривала этот тезис Фрейда — ничего подобного в действительности никогда не случалось, — не следует забывать о значении мифа. Мы несем ответственность за эту вину. Или хотя бы за намерение. Лишь хорошее воспитание позволяет нам сохранять равновесие, находя для подавленных желаний другой выход. Но при малейшем сбое наша склонность к насилию вырывается наружу, усугубленная тем, что до того ее подавляли, а также нехваткой любви…

Жанна не была уверена, что все поняла, да и какая разница? Вдали хрустальным конусом сверкала Луврская пирамида. Наверное, уже около десяти. Ей не верилось, что их разговор принял такой оборот.

— Ну а что делал ваш отец?

Нескромный вопрос вырвался у нее против воли. Феро непринужденно ответил:

— Это могло бы стать темой еще одного свидания, как по-вашему?

— Вы хотите сказать, еще одного сеанса?

Они рассмеялись, но порыв уже угас. Феро замкнулся в себе. И Жанну невольно охватила печаль.

— Я хочу домой. — Она поправила волосы. — Кажется, с меня хватит.

— Ну еще бы…

Психиатр, очевидно, подумал, что она имеет в виду их разговор и слишком серьезные темы, которых он касался. Но он ошибался. Жанне Крулевска просто-напросто хватило счастья.

15

У дверей квартиры Жанна чуть не наступила на лежавший на коврике конверт. Записи за сегодняшний день. Сеансы доктора Антуана Феро. Она подобрала диски, решив оставить их на завтра. Не хотелось снова слышать голос психоаналитика. Перебивать недавние впечатления.

Она направилась прямиком в ванную и встала под душ как во сне. Будто пьяная. Она даже толком не поняла, чем закончилась их встреча. Они обменялись номерами мобильных, вот и все.

Выйдя из кабинки, она натянула майку и «боксеры». Она уже не испытывала ни жары, ни усталости. Лишь оцепенение. Чудесное ощущение пустоты. В ней только и осталось, что это смутное, без четких границ чувство рождающейся любви.

Кухня. Свет. Есть не хотелось. Жанна налила себе чашку черного чая. Хотелось сейчас же лечь в постель. Уснуть в опьянении, прежде чем тревога все испортит. Она себя знала. Если не заснет, начнет задаваться вопросами. Понравился ли он ей? Перезвонит ли он? По каким, положительным или отрицательным, признакам можно угадать его душевное состояние? Она способна до утра анализировать любую мелочь. Проводить настоящее предварительное расследование. По окончании которого так и не добьется внутренней убежденности.

И снова в полумраке на глаза ей попался конверт. Захотелось услышать голос. Его голос. Она устроилась в гостиной с ноутбуком на коленях, надела наушники. Вставила диск.

Прокрутила запись. Жанна собиралась прослушать только один или два сеанса. Из каждого она выхватывала первые слова и принимала решение. Узнавала голоса, интонации и хорошо обустроенные психические преисподние, по которым каждый метался, как крыса в своем лабиринте. Но лишь в самом конце диска ей наконец попалось нечто действительно заслуживающее внимания.

Отец-испанец пришел снова.

Вместе с сыном.

— Познакомьтесь с Хоакином.

В темноте она усилила звук. Выходит, отец с сыном приходили к Феро около шести. Как раз тогда, когда она караулила его в машине… И она видела, как они входили и выходили из дома № 1 по улице Ле-Гофф. Но ничего такого не припомнит.

Поджидая одного мужчину, на двух она не обратила внимания.

— Здравствуйте, Хоакин.

— Здравствуйте.

По голосу Жанна предположила, что ему около сорока. Значит, как она и думала, отцу не меньше шестидесяти.

— Вы согласны ответить на несколько вопросов?

— Согласен.

— Сколько вам лет?

— Тридцать пять.

— Вы женаты?

— Холост.

— Работаете?

— Я адвокат.

— В какой области?

— Занимаюсь негосударственными организациями, размещенными на Южноамериканском континенте.

Хоакин говорил без всякого испанского акцента. Похоже, он вырос во Франции. Или у него природные способности к языкам.

— Какова сфера деятельности этих неправительственных организаций?

— Все как обычно. Помогаем самым бедным. Лечим детей, делаем им прививки. Что касается меня, я управляю пожертвованиями, собранными по всему миру.

Молчание. Феро записывал. На каждый вопрос Хоакин отвечал уверенно, не спеша и не путаясь.

— У вас есть проблемы со здоровьем?

— Нет.

— Вы пьете?

— Нет.

— Принимаете наркотики?

— Никогда.

— Ваш отец говорит, что у вас случаются, скажем, приступы.

Жанне послышался смешок. Видимо, Хоакин не принимал все это близко к сердцу.

— Приступы. Хорошо сказано.

— Что вы об этом скажете?

— Ничего.

— Почему?

— Я о них ничего не помню. Это словно провал в памяти.

— Это-то меня и беспокоит, — добавил отец.

Опять молчание. Феро снова сделал запись.

— И для этих провалов характерно появление другой личности?

— Говорю вам, понятия не имею!

Хоакин повысил голос. Первый признак нервозности. Голос Феро тоже изменился. Стал тверже.

— Вы согласны провести сейчас короткий сеанс гипноза?

— Как в «Экзорцисте»?

Адвокат заговорил шутливым тоном. Отстраненным.

— Как в «Экзорцисте». Именно. Этот метод часто преподносит сюрпризы.

Снова смешок.

— Думаете, я одержим дьяволом?

Голоса собеседников звучали то нервно, то непринужденно. Как у Хоакина, так и у Феро.

— Нет, — ответил психоаналитик. — Возможно, во время ваших провалов действуете вы сами и какая-то другая личность, хотя вы об этом не подозреваете. Или скорее другая сторона вашей личности. Вместе мы, несомненно, сумеем заставить ее проявить себя. Для вас это совершенно безопасно.

Феро говорил уверенно. Словно хирург перед тем, как дать наркоз. Послышался шорох. Хоакин заерзал на стуле.

— Не знаю.

— Хоакин, — шепнул отец.

— Папа, не вмешивайся.

Молчание. И потом:

— Хорошо. Давайте попробуем.

— Позвольте, я задерну шторы.

Шум шагов. Постукивание жалюзи. Скрип передвигаемых стульев. Жанна слушала как зачарованная. Она не могла избавиться от

мысли, что все это произошло перед самой их встречей. Ей открывалась истина. Когда она расслабилась, лакомясь мороженым в садах на Елисейских Полях, Антуан Феро тоже пытался развеяться. Выходит, они помогали друг другу. Жанна ускорила прослушивание, пропуская подготовительный этап перед сеансом гипноза. Теперь Хоакин был в трансе. Замедленные ответы. Невыразительный голос, словно исходивший из глубины гортани, прямо из голосовых связок. Жанна представляла всех троих в полумраке кабинета. Феро сидит за столом или, возможно, рядом с пациентом. Хоакин выпрямился на стуле, с закрытыми глазами или неподвижными зрачками. А в стороне стоит отец. Она бы не сказала почему, но он виделся ей с пышной, тронутой сединой или совсем седой шевелюрой.

— Хоакин, вы меня слышите?

— Я вас слышу.

— Я бы хотел обратиться к тому, кто находится в вас, если он существует.

Нет ответа.

— Могу я поговорить с ним?

Феро повысил голос:

— Я обращаюсь к тому, кто живет внутри Хоакина. Отвечай!

Жанна заметила, что Феро перешел на «ты». Наверняка чтобы различить двух своих собеседников: Хоакина и чужака. Последняя попытка, более спокойным тоном:

— Как тебя зовут?

Короткое молчание. Затем в комнате зазвучал другой голос:

— У тебя нет имени.

От этого тембра ее передернуло. В нем было что-то металлическое, скрежещущее, сверлящее. Ни мужчина и ни женщина. Возможно, ребенок. На каникулах в деревне, в Леперше, они с сестрой мастерили рацию из консервных банок, связанных веревочкой. Из металлических цилиндров раздавался точно такой же звук. Жестяной голос. Голос металлической струны.

— Как тебя зовут.

Отец прошептал:

— Оно никогда не говорит «я». Оно всегда говорит во втором лице.

— Замолчите.

Феро прочистил горло:

— Сколько тебе лет?

— У тебя нет возраста. Ты из леса.

— Какого леса?

— Тебе будет очень больно.

— Чего тебе надо? Чего ты хочешь?

Нет ответа.

— Расскажи мне о лесе.

Металлический скрежет. Вероятно, смешок.

— Его надо слушать. Лес мертвецов.

— Почему ты его так называешь?

Нет ответа.

— Ты узнал этот лес, когда был маленьким?

— Ты узнал этот лес, когда был маленьким?

Отец снова негромко вставил:

— Я заметил, что это значит «да». Оно повторяет вопрос.

Феро не ответил. Жанна представила, как он сосредоточился на Хоакине. Наверняка склонился над ним, упираясь руками в колени.

— Опиши мне его.

— Лес опасен.

— Почему?

— Он убивает. Он кусается.

— В лесу тебя искусали?

— В лесу тебя искусали?

— Когда ты появляешься внутри Хоакина, что ты заставляешь его делать?

Молчание.

— Ты хочешь отомстить лесу?

Молчание.

— Отвечай на вопрос.

Молчание.

— Отвечай, это приказ!

Снова скрежет. Возможно, смех. Или отрыжка. Детский голос стал чуть выше, и теперь это было похоже на быстрое заунывное чтение:

— Todas las promesas de mi amor se irán contigo.

Me olvidorás, me olvidorás.

Junto a la estación lloraré igual que un niño,
Porque te vas, porque te vas,
Porque te vas, porque te vas…[19]

Феро попытался перебить его, но мужчина-ребенок все бормотал:

— …se irán contigo.

Me olvidorás, me olvidorás.
Junto a la estación lloraré igual que un niño,
Porque te vas, porque te vas,
Porque te vas, porque te vas…

Голос был ужасен, словно связки раскалились от трения и чуть не лопались. Повысив голос, Феро удалось вывести Хоакина из транса. По его приказу тот замолчал.

— Хоакин, вы меня слышите?

— Да, слышу.

Он снова говорил мужским голосом.

— Как вы себя чувствуете?

— Усталым.

— Вы помните, что сказали мне под гипнозом?

— Нет.

— Отлично. На сегодня достаточно.

— Что со мной, доктор?

К нему вернулся шутливый тон, в котором, однако, сквозило беспокойство.

— Еще слишком рано делать выводы. Вы согласны приходить ко мне регулярно? Пройти обследование?

— Все, что хотите, — произнес он, сдаваясь.

— А теперь мне надо переговорить с вашим отцом. С глазу на глаз.

— Ну конечно. До свидания, доктор.

Скрип стульев. Стук двери. Затем — дрожащий голос отца:

— Ужасно, правда?

— Вовсе нет. Но придется провести исследования. Проверить, нет ли неврологических нарушений.

— Разумеется.

— У вашего сына — я говорю о том существе, к которому я обращался во время сеанса гипноза, — наблюдаются специфические симптомы.

— Симптомы чего?

— Реверсия местоимений. Повторение вопросов. Эхолалия. И даже лицо: вы заметили, как оно исказилось, когда заговорил другой!

— Симптомы ЧЕГО?

— Аутизма.

— Я не желаю слышать это слово.

— Вы никогда не лечили его от этого?

— Вам известна его история. В первые годы его жизни меня не было рядом.

— Какие отношения были у него с матерью?

— Мать умерла от родов. Hay Dios mio,[20] вы что, ничего не записываете?

— Я не понимаю, как вы поступили с этим ребенком.

— Так было принято у меня на родине. Все так делали.

Говорили они тихо. Жанна попыталась представить себе эту картину. Феро так и не открыл шторы. Значит, они все еще в потемках.

— Мне надо больше знать о его прошлом. По-вашему, что он имел в виду, когда упомянул лес мертвецов?

— Не знаю. Меня там еще не было.

— А что за испанские слова он все время повторяет?

— Это я могу сказать. Слова из испанской песни семидесятых годов. «Porque te vas». Из фильма «Cria cuervos».[21] Стоит ему почувствовать себя в опасности, как он повторяет эти слова.

— Его надо лечить. Его состояние… сложное. Раздвоение личности как будто указывает, что он страдает еще и шизофренией. Но симптомы схожи с симптомами аутизма. Придется на несколько дней положить его в больницу. Я даю консультации в прекрасной клинике, и…

— Не могу! Ведь я вам уже объяснял. Стоит поместить его в клинику, как откроется правда. Наша правда. Это невозможно. Теперь вся надежда на Господа. «И будет Господь вождем твоим всегда, и во время засухи будет насыщать душу твою».[22]

Феро, казалось, уже не слушал. Он пробормотал себе под нос:

— Я беспокоюсь. За него. За других.

— Слишком поздно.

— Слишком поздно?

— Думаю, сегодня ночью он кого-то убьет. В Париже, в Десятом округе. Он все время рыщет по кварталу Бельвиль.

16

До самого утра Жанна почти не сомкнула глаз. Переживания, размышления, голоса сменяли друг друга в бесконечных кошмарах. Встреча с Антуаном Феро. Я угощу вас мороженым. Сеанс гипноза. Голос чужака. Лес кусает тебя. И страхи отца. Думаю, сегодня ночью он кого-то убьет. В Десятом округе…

В глубине души она ни во что не верила. Ни в любовное свидание. Ни в будущее убийство. Свидание — это слишком хорошо, чтобы быть правдой. И можно ли доверять признанию в убийстве, сделанному в кабинете психоаналитика? Того самого психоаналитика, чей кабинет она поставила на прослушку? Немыслимо.

Да и сам Феро не больно-то в это верил. Иначе не поспешил бы на выставку Венского сецессиона. И не стал бы заигрывать с рыжей незнакомкой. С другой стороны, она понимала, почему он выглядел измученным. Почему за его разговорчивостью сквозило беспокойство. Вероятно, его, как и ее теперь, снедало мучительное сомнение. Произойдет ли убийство? Надо ли сообщить в полицию? Жанна улыбнулась. Если бы он только знал, чем она занимается на самом деле…

Она встала. Взглянула на часы. Девять. Сегодня суббота. Солнце уже заливало квартиру. Она пошла на кухню и приготовила себе неспрессо. Черный аромат и вкус жженой земли. Делать тартинки она не стала. Смотрясь в хромированную стенку холодильника, проглотила обычную дозу эффексора.

Надела майку с надписью против олимпийских игр в Пекине — вместо олимпийских колец на ней были изображены наручники — и «боксеры» от «Кальвина Кляйна». Слова отца не шли у нее из головы: «Думаю, сегодня ночью он кого-то убьет. В Десятом округе».

Ей, судье, ничего не стоило это проверить. Позвонить в парижскую префектуру полиции и узнать, не находили ли прошлой ночью в столице какой-нибудь труп. Если предположить, что «мужчина-ребенок» перешел к действию и избавился от трупа где-то в пригороде, можно даже обзвонить все прокуратуры Иль-де-Франс. Она знакома со всеми прокурорами. Или почти со всеми.

Еще один неспрессо. Она прошла в гостиную. Уселась перед низким столиком на диван. Достала из портфеля специальный телефонный справочник, выпущенный министерством юстиции, и взяла телефонную трубку.

Сначала она позвонила в офис прокурора ПП — префектуры полиции. Ни одного убийства за ночь. Во всяком случае, ни одного трупа сегодня утром. Но еще нет и десяти. К тому же сегодня суббота, а значит, труп могут найти через два дня, если он находится в офисе, на складе или любом другом рабочем месте.

Затем она позвонила в прокуратуру Нантера.

Ничего.

Прокуратура Бобиньи.

Ночью произошло убийство в Ганьи. В пьяной драке. Преступник уже задержан.

Кретей.

Ничего.

Жанна нашла телефонные номера прокуратур Большой короны.[23]

Версаль.

Ничего.

Сержи.

В Сене утонул бродяга.

Мо.

Ничего.

Мелен.

Убита женщина. Обычное семейное насилие.

Фонтенбло.

Ничего.

Понтуаз.

Ничего…

Она взглянула на часы. Почти одиннадцать. Ее долг выполнен. Каждый раз она просила дежурного перезвонить ей на мобильник, если что-то обнаружат. Все обещали. Не задавая вопросов. Репутация судьи Крулевска говорила сама за себя. У нее наверняка есть на то причины. Оставалось лишь ждать.

Пора забыть эту историю. И все-таки напоследок она набрала номер парижского штаба на площади Бово,[24] куда приходили

сообщения обо всех серьезных преступлениях, совершенных в Иль-де-Франс. Тоже ничего.

Штаб жандармов в Форт-Рони. Снова ничего. Тут она вспомнила, что на двенадцать записана к парикмахеру, потом у нее обед в Восьмом округе.

И вернулась в реальный мир.

Она собралась и причесалась. Отражение в зеркале оправдало худшие ее опасения. Можно подумать, что она курила и пила ночь напролет. Хороша Джулианна Мур… Жанна попыталась исправить положение с помощью макияжа.

Она вышла в полдень, когда ей уже следовало быть у парикмахера. Черные джинсы. Открытые босоножки. Майка от «Донны Каран». И прическа «боб», пока парикмахер не начнет над ней колдовать. Об убийстве она уже и думать забыла. Как и о Феро. Она не думала ни о чем.

Привести голову в порядок.

Самое неотложное субботнее дело.

17

Спустя полтора часа Жанна Крулевска со сносной стрижкой переступила порог ресторана, где была назначена встреча. В баре она назвала фамилию того, кто ее ждал, и ее провели между столиками. Высокие потолки. Витражи на окнах. Стиль ар-деко. А главное, много простора. Где-то она читала, что это направление в архитектуре навеяно кают-компанией пассажирского судна. Так или иначе, но здесь ей всегда казалось, что она поднимается на борт корабля.

— Извини за опоздание.

Эмманюэль Обюсон выпрямился во все свои сто восемьдесят пять сантиметров и с отцовской нежностью расцеловал ее в обе щеки. Старик никогда не был ее любовником. Он был для нее чем-то гораздо большим. Ее учителем, наставником, крестным. Жанна познакомилась с ним в самом начале своей карьеры, когда только заканчивала Школу судебных работников. Она работала с ним, когда он еще был председателем исправительной палаты парижского суда. В свои семьдесят Обюсон остался худощавым и широкоплечим. Глаза сверкали, как красный орден Почетного легиона у него в петлице. Настоящий кондотьер. И не только.

Этот человек состоял из парадоксов. Из них была соткана его мудрость. Сторонник левых взглядов, он, когда ему стукнуло шестьдесят, сколотил состояние, став экспертом по бракоразводным делам. И по сей день мог потребовать десятки тысяч евро только за то, чтобы надеть очки и пробежать глазами брачный договор. Одинокий, высокомерный, он так и не женился, но всегда оставался дамским угодником. Не имея детей, испытывал безграничную нежность ко всему юному и невинному. Но прежде всего этот холодный, суровый, строгий человек был эстетом. Поклонником искусства.

Обюсон научил Жанну всему. Профессии юриста. Истории искусств. И вот однажды оба знания соединились в Лувре, в зале греческой и римской скульптуры.

— Почему вы пригласили меня сюда?

— Я уже давно интересуюсь греческой скульптурой. Первые века. Затем Пракситель, Фидий, Лисипп. Эллинизм мне уже не так нравится.

Много драпировок, движений. И в каком-то смысле меньше чистоты.

— А как же напутствия, которые вы хотели мне дать, прежде чем я приступлю к работе судьи?

— Это место — их метафора.

— Не понимаю.

Он ласково взял ее под руку и подвел к атлету с белыми мраморными глазами, держащему ребенка на сгибе локтя.

— «Гермес с младенцем Дионисом», единственная дошедшая до нас статуя Праксителя. Хотя нельзя ничего утверждать наверняка. Взгляни на эти линии, изгибы, выступы. Говорят, греки идеализировали природу, как фотограф ретуширует портрет. Но это не так. Греческие скульпторы поступали ровно наоборот.

Жанне уже не удавалось отвести взгляд от вытянутого тела: казалось, мышцы натягивают мраморную кожу. Живут. Сокращаются.

— Поначалу греческие скульпторы отталкивались от древнеегипетских образцов, постепенно наделяя их чертами, признаками, особенностями человека. Слабостями своей модели. Они старались вдохнуть в эти древние формы как можно больше жизни. И как раз во времена Праксителя этот метод принес наилучшие плоды. В руках скульптора древние каноны начали жить, дышать. Было достигнуто равновесие между абстракцией и индивидуальностью.

Жанна почувствовала, как старик стиснул ее руку. Орлиной хваткой.

— Я все-таки не вижу связи с моими расследованиями.

— Твои расследования, Жанна, — это твои скульптуры. Всегда будет соблазн что-то подогнать, чтобы они стали безупречными. Чтобы показания свидетелей совпадали минута в минуту. А мотивы были измерены с точностью до миллиметра. Словом, чтобы оставался один-единственный подозреваемый… Я же тебе советую поступать наоборот.

— В каком смысле?

— Работай как греки. Учитывай все несовершенства. Несовпадающие места и минуты. Пробелы в показаниях свидетелей. Противоречивые мотивы. Сохраняй все эти неправильности. Пусть твои расследования остаются живыми! Тогда ты увидишь, ты обнаружишь другие истины, и подчас они уведут тебя куда-то еще. Не следовало бы мне тебе это говорить, но некоторые дела до сих пор не

дают мне покоя. Те, в которых были нестыковки. Невписывающиеся детали, которые я отбросил ради стройности, логичности целого. Эти неточности мучили меня годами, пока мне не открывалась другая истина. Или хотя бы не одолевали сомнения.

— Вы хотите сказать, что невиновные сели в тюрьму?

— Невиновные, которых я, разумеется, считал виновными. Так тоже бывает. Мы сами, судьи, — лишь еще одно несовершенство судебной системы.

Кажется, тогда Жанна не совсем его поняла. Спустя десять лет она все еще шлифовала свои досье, стараясь, чтобы они выглядели стройными и логичными. Зато она заразилась его страстью к греческой и римской скульптуре. Не раз побывала в Греции, Италии, Северной Африке, где музеи ломятся от древних статуй. Да и в Париже она нередко приходила в Лувр, чтобы вновь полюбоваться этими телами, в которых столько жизни и дыхания…

— Как дела? — спросила она, устраиваясь напротив.

— Теперь, в июне, уже лучше. — Он надел очки и просматривал меню, которое им только что принесли. — Наконец-то прекратилась глупая болтовня о мае шестьдесят восьмого.[25]

Жанна улыбнулась. Сразу видно старого социалиста.

— Ты ведь в этом участвовал?

— Участвовал.

— И не согласен со всем, что говорили и писали о тех событиях?

Он закрыл меню. Снял очки. Высокий лоб, волнистые волосы с проседью, властное удлиненное лицо, вокруг черных глаз залегли лиловые круги. Словно внутреннее пламя изрезало морщинами его кожу, как трескается африканская земля под лучами жаркого солнца. Но в Обюсоне чувствовалась прочность. Хрупким его не назовешь.

— Видишь ли, — начал он, — в то время родители не готовили нам сэндвичи, когда мы шли на митинг. Мы были против них. Против буржуазного порядка. Мы боролись за свободу, великодушие, ум. А сегодня молодые выходят на митинг ради прибавки к будущей пенсии. Буржуазия заразила все. Даже мятежный дух. Когда установленный порядок сам порождает свою оппозицию, системе нечего бояться. Наступила эра Сарко. Эра, когда сам президент воображает, что он на стороне искусства и поэзии. Разумеется, поэзии преуспевшей. Скорее Джонни Холлидея, чем Жака Дюпена.

Ни один обед с Обюсоном не обходился без колкостей в адрес Саркози. Ей захотелось сделать ему приятное:

— Ты заметил? Его рейтинг все время падает.

— Еще поднимется. За него я не беспокоюсь.

— В глубине души он тебе все больше нравится.

— Я похож на охотника, со временем привязавшегося к старому слону, за которым гонялся многие годы…

Подошел официант, чтобы принять заказ. Два салата, бутылка минеральной воды с газом. Оба они были аскетами.

— А сама ты как? — вновь заговорил Обюсон.

— Неплохо.

— Ну а дела любовные?

Она подумала о Тома. Все кончено. О Феро. Даже не начиналось.

— Типа Ground Zero.[26]

— На работе как?

Жанна мгновенно поняла, что сюда ее привело бессознательное желание попросить совета. Коснуться своей дилеммы. Незаконной прослушки. Предполагаемого убийства. И как ей из этого дерьма выбраться.

— Я в затруднении. У меня есть сведения. Данные, которые я пока не проверила, но они могут оказаться важными.

— Политика?

— Криминал.

— Что именно тебя беспокоит?

— Я не могу назвать свои источники. Не поручусь, что информация достоверная.

— Но она может помочь тебе начать расследование?

— Нет, не совсем. Информация неполная.

— Что ты имеешь в виду?

— Возможно, сегодня ночью в Десятом округе было совершено убийство.

— Имя жертвы тебе известно?

— Только убийцы. И то не совсем. И это тоже нельзя использовать. Мои источники слишком… сомнительные.

Обюсон задумался. Жанна вновь залюбовалась золотисто-коричневыми тонами, в которых был выдержан зал. Зеркалами.

Витражами. И правда, похоже на кают-компанию. Да, она взошла на корабль, но курс ей пока неизвестен.

— Помнишь, как мы ходили в Лувр? — спросил наконец старик. — Обсуждали с тобой древнегреческое искусство. Человеческие несовершенства, слитые с совершенством правила.

— Я до сих пор пытаюсь понять смысл послания.

— Несовершенство — часть нашей работы.

— Значит, мне можно вести расследование вне правил? Сойти с проторенного пути?

— Но только если ты вновь на него встанешь. Потом отшлифуешь дело.

— Если оно достанется мне.

— Обратись в прокуратуру. Участвуй в расследовании. Засчитывается только результат.

— А вдруг я ошибаюсь?

— Значит, ты такая, какая есть. Обычный человек, наделенный необычными полномочиями. И это тоже часть правила.

Жанна улыбнулась. За этим она сюда и пришла. Она подозвала официанта:

— Я бы выпила чего-нибудь покрепче. А ты?

— Давай.

Бокалы с шампанским не заставили себя ждать. Сделав несколько ледяных глотков, она почувствовала прилив сил. Холод защищает от смерти. От разложения. Эти колючие пузырьки наполняли ее энергией. Они заказали еще по бокалу.

— А как твои любовные дела?

— Ну, есть у меня студенточки на черный день, — сказал старик. — Не считая моей официальной подруги. Адвокат лет сорока, до сих пор не теряет надежды женить меня на себе. В моем-то возрасте! Да парочка бывших. Воображают, что еще не сошли с дистанции.

— Ты, наверное, совсем измучился.

— Я же не говорю, что всем им оказываю честь. Но мне нравится эта аура любви вокруг меня. Словно «Танец» Матисса. Они водят хоровод, а я рисую их на синем фоне.

Жанна через силу улыбнулась. В душе она не одобряла поведение своего наставника. Неверность. Ложь. Манипулирование. Она еще не так стара, чтобы отказаться от мечты о честных отношениях.

— А сам-то ты как? Как тебе живется со всеми этими изменами и лицемерием? — Она улыбнулась, чтобы смягчить резкость своих слов. — Где тут уважение?

— Все дело в смерти. — Обюсон вдруг стал серьезным. — Смерть наделяет любыми правами. Считается, что с ее приближением люди раскаиваются. Очищаются. В действительности все наоборот. Чем больше стареешь, тем яснее видишь, что никакие верования, никакие вопросы не находят разрешения. Можно быть уверенным лишь в одном: скоро ты сдохнешь. А второго шанса уже не будет. И тогда ты изменяешь жене, предаешь свои клятвы. Прощаешь себе все или почти все. Другие, те, кто проходит через твой кабинет, воруют, убивают, насилуют с той же мыслью. Добиться того, чего они желают, пока не поздно. Как в том фильме: «Небеса подождут».

Жанна допила бокал и икнула. Шампанское обожгло ей горло. Вдруг ей стало грустно. Официант предложил им выбрать десерт. Жанна отказалась. Обюсон заказал еще два бокала шампанского.

— А знаешь, — продолжал он уже веселее, — как раз сейчас я кое-что обдумываю. Исправление, которое сделал Рембо в одном стихотворении.

«Ее обрели. Что?

Вечность

Это море, слитое с солнцем».

Жанна не помнила стихи, но в памяти всплыл финальный кадр фильма Годара «Безумный Пьеро». Линия горизонта. Солнце тонет в море. И за кадром — негромкие голоса Анны Карина и Жан-Поля Бельмондо произносят слова Рембо…

— Ты хотел сказать: «Это море, идущее с солнцем»?

— А вот и нет. Рембо опубликовал это четверостишие дважды. В первый раз — в стихотворении «Вечность». И позже, во второй раз, в книге «Одно лето в аду». Сперва он написал: «Это море, идущее с солнцем». А затем: «Море, слитое с солнцем». При этом была утрачена идея движения. Очень жаль. Самое прекрасное в этом стихотворении — мысль о том, что вечность — это результат встречи. Бесконечность, движущаяся к другой бесконечности. В моем возрасте прельщают именно идеи. Как будто смерть — не обрыв, а скорее изгиб, дуга. Плавный спуск…

— Как по-твоему, зачем он это сделал?

— Может быть, он чувствовал, что умрет молодым и ему не суждено познать это движение. Рембо был торопливым вестником.

Жанна подняла бокал:

— За фактор Рембо!

Она уже чувствовала опьянение. И вздрогнула, вспомнив слова старого испанца: «Думаю, сегодня ночью он кого-то убьет. В Париже, в Десятом округе. Он все время рыщет по кварталу Бельвиль».

Она порылась в сумке и взглянула на мобильный.

Сообщения нет.

А значит, нет и трупа.

Жанна поняла, что ждет еще и звонка от Феро. Такова уж ее участь. Она — абонент не компании мобильной связи «Оранж», а желания быть любимой.

Пожизненный абонент.

18

Выйдя из ресторана на проспекте Монтеня, Жанна не стала забирать машину с парковки. Слишком много выпила. Чтобы протрезветь, решила прогуляться. Отсюда до садов на Елисейских Полях рукой подать. Стоит совершить небольшое паломничество…

Жанна нашла места, по которым они бродили вчера вечером. Всего-то несколько часов прошло с тех пор, а этот миг уже казался ей таким далеким. Или неуловимым. Словно она пыталась вспомнить ускользающий сон.

Она прошлась еще, истекая потом под горячим солнцем, на ходу освобождаясь от винных паров. Дойдя до площади Согласия, пересекла Елисейские Поля и повернула обратно, к парковке на проспекте Матиньон. У входа Жанна поколебалась и пошла дальше, к скверу у Елисейских Полей. Зайдя за ограду, присела на солнышке. Сквер был пуст. Повсюду валялся мусор. Но слева от нее, как всегда по субботам, шла бойкая торговля марками. А темно-зеленый театр «Гиньоль», казалось, скрывал какую-то тайну, нечто притягательное, одновременно страшное и чудесное, перед чем детишки не в силах устоять.

И она снова погрузилась в мечты. Уже без удержу. Мысленно она даже рискнула, как в телеиграх, пойти ва-банк: вспомнила те слова, которых всегда избегала. Самые старые, самые обычные, самые истертые слова на свете: большая любовь, мужчина моей жизни, красивая история…

К собственному удивлению, она уже применяла их к Антуану Феро. К мужчине, с которым разговаривала меньше часа. К психоаналитику, за которым следила, установив прослушку. К специалисту, о котором ничего не знала, хотя у него, похоже, были дела поважнее. Но сама эта скоропалительность подтверждала диагноз. Любовь с первого взгляда…

Жанна и сама знала, что душа ее слишком серьезна. Но когда в ее присутствии упоминали физиологические проявления беременности, рассказывали о женщине, у которой теперь «прекрасная кожа» или,

наоборот, «толстый зад», она не понимала, зачем об этом говорить. Все это внешнее.

Ей, когда она забеременеет, откроется тайная логика космоса. Она достигнет глубинного понимания своего бытия и в то же время станет частью устройства Вселенной. Между ней и Жизнью установится тайная связь. Да. В боязливом восторге она ждала, когда на нее снизойдет понимание смысла человеческой жизни. Когда ее матка выполнит свое предназначение, чтобы позволить ей исполнить свою самую прекрасную роль. Когда мужчина предложит ей свою любовь, доверие, преданность, чтобы она превратила их в искорку жизни в своей утробе. Вот в чем суть зачатия. Любовь, обретающая тело. Дух, который превращается в материю…

Солнце скрылось. Небо потемнело. Опять собиралась гроза. Хлюпая носом, она встала со скамьи, готовая расплакаться. Теперь ей уже казалось, что все потеряно. Несбыточно. Никогда она не встретит свою половинку. Никогда не сольется с мужчиной. Так и останется разорванной. Как ее сестра, которую нашли расчлененной на парковке возле вокзала. Или та цитогенетичка, которой позавчера перерезали горло, изувечили и сожрали…

Она ощутила горечь во рту. Сейчас ее вырвет. Ее спас звонок мобильного. Уже пошел дождь. Она порылась в карманах, в сумке, едва не пропустила звонок. Ее трясло. Сначала она подумала, что это Феро. Потом — что звонят из префектуры полиции. Нашли его труп. Нашли…

— Алло?

— Гони сюда. У меня еще одно.

Голос Франсуа Тэна. Напряженный. Дрожащий.

— Еще одно?

— Еще одно каннибальское убийство.

— Где?

— В Гонкуре. Улица Фобур-дю-Тампль. В Десятом округе. Звонила заместительница прокурора. Она знает, что я расследую предыдущие убийства.

Жанна не ответила. Мозг лихорадочно заработал. Озарение поразило ее как молния.

«Думаю, сегодня ночью он кого-то убьет. В Париже, в Десятом округе».

Хоакин и есть убийца-людоед.
Вернее, мужчина-ребенок у него внутри.
Она едва сдержала раздиравший ее горло крик и выговорила:
— Давай адрес.

19

Заскочив домой, чтобы принять душ и переодеться, к восьми Жанна подъехала к месту преступления. Не по официальному адресу Фобур-дю-Тампль, 111, а с обратной стороны жилого массива, там, где к зданиям можно незаметно подобраться через дворы, вдали от полицейских фургонов и мигалок.

Подъезд охраняли всего два полицейских. Тут же ее ждал Франсуа Тэн.

— Что там у нас? — спросила Жанна без предисловий.

— Молодая женщина. Горло перерезано. Труп расчленен и объеден. Наверняка тот же убийца.

— Как ее зовут?

— Франческа Терча.

— Сколько лет?

— Старше других. Ей тридцать четыре.

— Занималась медициной?

— Нет. Она скульптор. Родом из Аргентины.

— Где именно ее нашли? На парковке?

— Нет. В мастерской, где она работала. Вон там, в глубине двора.

— Что за скульптуры она делала?

— Не совсем обычные. Собственно говоря, это мастерская палеографической реконструкции. Они воспроизводят доисторических людей в сверхреалистической манере. Получаются кошмарные хреновины из силикона и волос, аж жуть берет. Там, среди кроманьонцев и неандертальцев, ее и убили.

Жанна слышала об этой мастерской, едва ли не единственной в мире. Ей попадались статьи о создавшей ее женщине. Фамилию она не помнила, но эта женщина была способна восстановить лицо человека, умершего тридцать тысяч лет назад, воссоздав его черты по ископаемому черепу и вылепив лицевые мышцы из глины.

Была еще одна причина, по которой она могла знать об этой мастерской.

— А на нас, — спросила она, — они не работали?

— На нас?

— На судебную полицию. Восстановление по костным останкам. Они используют специальные программы.

— Не знаю. Хозяйка там. Спросишь ее сама.

— А что тебе известно о жертве?

— Пока ничего.

Тэн стоял у стены рядом с почтовыми ящиками, сцепив руки за спиной. На нем была тенниска «Лакост» и полотняные брюки. Свет он не включил, так что его лицо тонуло в полумраке. Не поймешь, в каком он настроении, разве что по голосу, выдававшему множество противоречивых чувств. Досаду. Возбуждение. Радость оттого, что она здесь, рядом с ним. И будет прибегать очертя голову, пока они находят трупы.

— А внешне она похожа на других? — настаивала Жанна.

— Трудно сказать. Молодая. Темненькая. Полненькая. Пожалуй, хорошенькая. Мне показали ее фотографии… до убийства. Убийца предпочитает определенный тип, это ясно, но между жертвами нет разительного сходства. Возможно, он выбирает их по причине, о которой мы даже не подозреваем, и…

— Ты выяснил то, о чем я спрашивала?

— В одном ты не ошиблась: убийца украл околоплодную жидкость в лаборатории «Павуа».

— А в остальном?

— Тут ты не права. Мы получили анализ ДНК. Убийца — мужчина. Естественно, во всех случаях один и тот же.

Это мужчина, — подумала Жанна, — и я знаю его имя.

— ДНК еще что-нибудь нам дало?

— Кто он такой, мы уж точно не узнали. Как и следовало ожидать, парня нет в картотеке.

— У него нет какой-нибудь генетической аномалии? Отклонения?

— Куда там. Стандартный набор. Ничего особенного.

— Это все?

Тэн со вздохом оторвался от стены и принялся расхаживать взад-вперед.

— Все, — процедил он сквозь зубы, — а этого мало. У нас нет и намека на улику. Ни видеосъемки, ни свидетелей. Ни одну из жертв ни разу не видели с кем-то подозрительным. Или хотя бы незнакомым. Ничто не указывает на то, что они общались. Ни по телефону, ни через

интернет. Просто человек-невидимка. Материализовался, совершил жертвоприношение и словно растворился в воздухе. — Тэн щелкнул пальцами. — И все тут.

— Вы действительно рылись в жизни убитых?

Тэн обернулся к Жанне, засунув руки в карманы. Лицо его оставалось в тени, но глаза горели.

— А ты как думаешь? Райшенбах изучил их жизнь день за днем. Кредитки. Чековые книжки. Звонки с мобильных. Даже проследил их передвижения на велосипеде. У них был абонемент в «Велиб».[27] И все впустую. Результаты только отрицательные. Они не были знакомы. И до своей смерти не встречались с убийцей.

— Это точно?

— По крайней мере, за последние полгода они не встречались с одним и тем же человеком. Впрочем, обе они мало с кем общались. Первая была помолвлена. С учителем, вьетнамцем по происхождению. Вторая недавно развелась. Брак длился два года. Детей не было. И она жила с тем толстяком из лаборатории.

— Вы допросили ее бывшего мужа?

— Жанна, ты говоришь мне о рутине. А эти убийства совсем другого масштаба. В них нет ничего рутинного, усекла?

Да уж, она усекла.

Лес кусает тебя…

— Все говорит о том, что это расчетливый убийца. Несмотря на все его зверства, голова у него холодная. Он выбрал себе жертву. Выследил ее. Гнался за ней, пока не застал ее врасплох в подходящий момент. И все это — по причинам, известным ему одному.

— Не может быть, чтобы вы ничего не нашли.

Тэн снова прислонился к стене рядом с почтовыми ящиками.

— Ладно, — признался он. — Кое-что у нас есть.

— Что?

— Аутизм.

— Объясни.

— Я подробнее узнал о центре, где работала первая жертва, Марион Кантело. Туда принимают только детей с первазивными расстройствами развития, а это обычно означает синдром аутизма.

— И какая тут связь с Нелли Баржак, второй жертвой? — спросила она с наигранным простодушием. — Или с убийцей?

— Насчет Баржак понятия не имею. Но вывернутые ладони убийцы могут быть симптомом аутизма. Он перемещается на четвереньках, выворачивая ладони назад.

Были и другие симптомы. Ей снова почудился голос Феро: «Реверсия местоимений. Повторение вопросов. Эхолалия. И даже лицо: вы заметили, как оно исказилось, когда заговорил другой».

Сам того не зная, Тэн напал на след Хоакина.

«Оно» у него внутри.

— И что ты об этом думаешь?

— Трудно сказать. Я выяснил, что гипотеза об убийце-аутисте несостоятельна. Он недостаточно организован, чтобы подготовить такие убийства. А главное, человек с подобным расстройством может стать агрессивным, если почувствует угрозу, но он не способен совершить преднамеренное убийство.

— И амниоцентез тут ни при чем?

— Нет. В лаборатории «Павуа» не выявляют таких генетических аномалий. Не доказано, что аутизм вообще связан с генами. Специалисты расходятся во мнениях.

— Вернемся к первой жертве. Может, в детстве убийцу помещали в этот центр?

— Ну да. Только и здесь нас ждет тупик. Наш клиент — взрослый человек. Значит, туда он мог попасть не меньше двадцати лет назад. А в то время центр еще не существовал.

Тэн похлопал по почтовым ящикам. Они были из дерева и походили на скворечники, какие развешивают в садах.

— А что с надписями?

— Ничего нового. Впрочем, тут я ни на что и не рассчитываю. Убийца придумал новый язык. Никакого смысла в нем нет. Даже если эти знаки напоминают какой-нибудь алфавит.

— Подожди заключения экспертов.

Тэн пожал плечами:

— А что еще мне остается?

Он снова принялся расхаживать взад-вперед, но уже не так нервно и решительно. Похоже, они возвращались в пространство размышления.

Смутных ощущений. На стадию субъективных впечатлений.

— Я нюхом чую, — признался Тэн, — что за всем этим есть какой-то общий фон. Как бы возвращение к первобытным временам. Человеческая деградация. Место преступления всегда напоминает о ритуале жертвоприношения. Все происходит на парковках, в подземных помещениях, то есть в пещерах. В этом смысле сегодняшняя мастерская отлично вписывается в общую картину.

— Почему?

— Сама увидишь. Еще одна деталь. По мнению патологоанатома, кости жертв разбивали кремнем. Или каменным орудием. Кроме того, их ломали, чтобы высосать костный мозг. Похоже, этот тип в самом деле принимает себя за первобытного человека со склонностью к каннибализму. И тут возникает связь со специальностью Франчески Терча. Все вместе отсылает нас к чему-то допотопному, незапамятному. Даже аутизм можно рассматривать как возвращение к доисторическим временам…

Жанна нетерпеливо перебила его:

— Так пошли?

Свирепо улыбнувшись, Тэн спросил:

— Тебе ведь это нравится?

— Что нравится?

— Холодное мясо.

Жанна взвилась:

— Не больше любого другого.

— Рассказывай. Ладно, идем.

— Нет, погоди. По-твоему, я похожа на любительницу падали?

Тэн обернулся. Теперь в его улыбке сквозила нежность:

— Ты разве не замечала, что ты… малость мрачновата?

— Мрачновата? Вовсе нет.

— Скажем, шутницей тебя не назовешь.

— Все зависит от настроения.

— Спорим, ты не знаешь ни одного анекдота?

— А вот и знаю. Сколько хочешь.

— Ну валяй.

Жанна задумалась, взвесив всю нелепость ситуации. В двух шагах от места преступления она ломает голову, пытаясь припомнить анекдот. Но ей хотелось доказать этому придурку, что она не такая. Кровожадная судья. Одинокая женщина. Чокнутая с мрачными

мыслями. Пережившая травму девчонка, которая до сих пор считает про себя в безмолвном лесу…

— Знаешь, в чем разница между системой автоматической поливки и женщиной, которой предлагают заняться содомией?

— Не знаю.

— А нет никакой разницы.

Жанна медленно повертела головой, как система автоматической поливки, прицокивая:

— Це-це-це-це-це…

Тэн расхохотался.

— Идем. Полюбуемся бойней.

20

Первый зал заполняли расставленные по полкам головы, каждая из которых иллюстрировала отдельную эпоху, выражение лица и сферу деятельности. Здесь были представлены кинематографисты, телевизионщики, политики. А главное — пращуры рода человеческого. Были тут и керамические головы без кожи, с прорисованными шпателем голыми мышцами.

— Смотри, куда ноги ставишь.

Жанна шла вслед за Тэном среди этой диковинной фауны. Полицейские, стараясь ничего не свалить, тянули вдоль полок заградительные ленты. Все задевали друг друга локтями, стоял вязкий запах гончарной глины, стружки и химикатов.

Второй зал выглядел еще причудливее.

Вдоль стен выстроилось войско оранжевых тел, застывших в самых разных позах. По краям каждой фигуры, словно эластичная аура, висела бахрома из того же материала. На полу лежали полые торсы, гибкие руки и ноги. Формы. Жанна вспомнила, какую технику здесь применяют. Сначала скульпторы вылепляют тела из глины, потом покрывают их оболочкой из эластомера. Полученный отпечаток позволяет изготовить силиконовую статую.

Третий зал был местом жертвоприношения.

Тэн обратился к криминалистам в белых комбинезонах:

— Вы не могли бы оставить нас на минуту?

Те молча покинули помещение. Жанна вошла следом за Тэном. Зрелище ее потрясло. Первое, что приходило в голову, затмевая даже ужас от увиденного, — сегодня первобытные люди, истинные герои древних времен, лично явились на праздник. Жертва и на этот раз была подвешена вниз головой посреди помещения, вот только теперь ее окружали люди в звериных шкурах, неподвижные и безмолвные. Волосатые охотники с нависшими лбами и мощными челюстями, взвалившие на плечо лань или вздымавшие нанизанную на гарпун рыбу. Держались они смиренно и вместе с тем торжествующе. Гоминиды, гордые тем, что им вновь удалось восторжествовать над природой.

— Охренеть, — прошептал Тэн.

Жанна ограничилась кивком. Задержав дыхание, она вгляделась в жертву. Женщина была обнажена.

Подвешена к потолку за ногу. Убийца использовал уже существующую систему блоков, которой пользовались, чтобы подвешивать готовые скульптуры. Женщина и сама походила на раскрашенную статую. На белой коже выделялись синеватые гематомы и черные кровоподтеки. Свободная нога загадочным образом подогнута к животу, как у бегуна на старте. Неуместная деталь: судмедэксперт уже вставил ей в ухо термометр, чтобы измерить температуру барабанной перепонки.

Жанна продолжила осмотр. Убийца распорол жертве живот до самого лобка и вывалил внутренности так, что они свесились до земли. Под их завесой виднелось распухшее, побагровевшее лицо. И зияющая рана в горле…

Она попыталась воссоздать картину преступления. Возможно, убийце помешали — он не успел завершить свой ритуал. Но нельзя исключать и вероятность того, что он изменил свой модус операнди. Так или иначе, он не снял жертву с потолка и не расчленил ее. Лишь вырвал куски мяса на ляжках, в паху, на ягодицах. Наверняка чтобы их сожрать.

На полу остались следы крови, ошметки плоти и жил. Кости и хрящи, обглоданные, высосанные.

Сегодня ночью не было ни костра, ни варварского барбекю. Людоеду пришлось довольствоваться сырым мясом.

Жанна огляделась. Над развешанными инструментами и изделиями на полках виднелись кровавые знаки. Подобия деревьев с разными ветвями, составляющие бесконечное множество иксов и игреков. Эти повторяющиеся кадры еще больше напоминали хромосомы в кариотипе.

Она наконец перевела дух и осознала, что вонь от растворителей и полимеров заглушает запахи крови и плоти. Слабое утешение… Жанна снова задумалась о кровавом бреде убийцы. Даже про себя она не называла его Хоакином. Теперь, столкнувшись с кошмарным воплощением, она уже не верила, что слышала голос того, кто это сделал.

Этот убийца взывал к первобытным божествам. Возможно, он думал, что спасает свою душу. Или планету. Или весь род человеческий. Жанне вспомнился Герберт Малин, американский серийный убийца, веривший, что своими жертвоприношениями он предотвращает землетрясения, и определявший по внутренностям степень загрязнения воздуха.

Одно она знала наверняка: убийца выбрал Франческу Терча из-за ее профессии. Ему хотелось свершить свой обряд в этой обстановке, среди сородичей — первобытных людей, которые, как и он, повиновались инстинкту самосохранения и древним верованиям. Он оставил пещеры — парковки, стоки — ради этого единственного в своем роде места, где род человеческий сквозь тысячелетия стремительно возвращался к прошлому.

Она подумала о Хоакине. О его голосе, бормочущем: «Todas las promesas de mi amor…». И вновь усомнилась. Неужели он в самом деле убийца-каннибал? Или это простая случайность, совпадение?..

В зал вернулись криминалисты в белых комбинезонах.

— Я сейчас, — бросила она Тэну, что-то говорившему их главному.

Она вышла из комнаты. Нашла коридор. Навстречу попался Райшенбах с напомаженными волосами. Рожа мрачная. Для него каждая новая жертва — профессиональный прокол. На ходу поздоровавшись с ним, в конце коридора Жанна обнаружила последнюю, погруженную в сумрак комнату. Сама не зная зачем, она двинулась к этому темному помещению.

Центр зала занимал большой черный лакированный стол. За ним тянулся черный бархатный канат. А за канатом стояла толпа. И здесь первобытные существа. Их разделяли тысячи, даже миллионы лет эволюции, но расставлены они были как попало. Непроизвольно она попыталась разместить их в хронологическом порядке. Слева отыскала пару хрупких горилл, черных и волосатых. Блеск в глазах и задранные в усмешке уголки губ придавали им что-то человеческое. Подальше, тоже слева, скалилась еще одна пара. Не такие волосатые, уже более отесанные. Обтесанные, как кремни, которые они, вероятно, использовали на охоте и для разжигания огня. Прошедшие века высекли из их глаз новую искру. Искру высшего разума.

В стороне, будто семья мужланов, случайно попавших на праздник, теснились низколобые волосатые существа в звериных шкурах и с копьями. Косматые, с выпирающими челюстями и нависшими надбровными дугами. Судя по всему, им было отведено особое место в эволюционной цепочке. Жанна читала кое-какие статьи о развитии гоминид. Она вспомнила о семействе неандертальцев, сосуществовавших с homo sapiens sapiens,[28] прежде чем исчезнуть с лица Земли.

В глубине стояли люди. Не современные, но уже совсем не обезьяноподобные. Всклокоченные, одетые в замшевые лохмотья, как американские индейцы, они напоминали «Граждан Кале» Огюста Родена. Истощенные оборванцы. И все же страх в их стеклянных глазах сменился хитростью. Человек вступил в свои права.

Все они отражались в лакированной столешнице, словно собирались напиться из черного водоема. Жанна заметила последнюю статую, присевшую на корточки на краю пруда. Женщина, закутанная в черный мех или темные лохмотья, отсюда не разглядеть. Жанну поразили ее короткие ярко-рыжие волосы. Может, это доисторическая шаманка?

Жанна невольно отшатнулась. Статуя шевельнулась. У края стола сидела женщина в черной шали. Стриженные ежиком, как у панков, волосы словно пылали огнем. Казалось, она впала в оцепенение.

У Жанны мелькнула догадка. Начальница мастерской собственной персоной. Скульптор-виртуоз, наделявшая жизнью эти создания древних времен.

Она пришла сюда в поисках уединения. Не раздумывая, Жанна приблизилась и положила руку ей на плечо. Рыжеволосая женщина взглянула на нее и, поколебавшись, через силу улыбнулась. Потом поднялась и протянула ей руку:

— Изабелла Вьотти. Я руковожу мастерской. Вы из полиции?

— Нет. Жанна Крулевска. Следственный судья.

Зрачки собеседницы расширились от удивления.

— Но я уже разговаривала с судьей.

— Мы работаем в паре.

— Это обычная практика?

— Нет. Но это дело совершенно… необычное.

Женщина буквально рухнула на стул. Словно обмен любезностями исчерпал ее силы. Поставив локти на стол, она уронила голову на руки:

— Не понимаю… Не понимаю…

— Такое нельзя понять, — откликнулась Жанна. — Мы здесь не для того, чтобы искать объяснения. Или даже анализировать. Наша задача — найти преступника. Арестовать его. Но и когда он будет схвачен, поверьте — тайна не прояснится.

Изабелла Вьотти взглянула на нее:

— Я слышала разговоры полицейских. Это ведь не первый случай?

— Насколько нам известно, это третья жертва. За короткое время.

— Но почему? Я хочу сказать… почему именно Франческа?

Жанна придвинула стул и села напротив.

— Ее выбрали не случайно. Убийцу интересовала ваша мастерская.

— Моя мастерская?

— С самого начала все эти убийства как-то связаны с первобытной эпохой. Мотив кроется в доисторических временах. Вы видели надписи, которые убийца оставил на стенах?

— Да. Нет. Не хочу на них смотреть.

Жанна не стала настаивать. Позже она покажет ей фотографии. Она как специалист может что-то расшифровать, и… Жанна одернула себя. О чем только она думает? Это не ее расследование. Она занимается им незаконно. Даже если ей, возможно, известен убийца.

— Как вы их восстанавливаете? — продолжала она. — По костным останкам?

— По черепам. По костям. Собственно говоря, по муляжам. По копиям ископаемых костей, найденных в Африке, Европе, Азии. Из соображений безопасности оригиналы хранятся в музеях.

— От кого вы их получаете?

— От исследователей. От музейщиков.

— У вас ничего не пропадало?

— О чем вы?

— Череп, фрагменты костей? Все на месте?

— Не знаю. Надо бы проверить. Но кому они нужны?

— Я могу с тобой поговорить?

Жанна обернулась. В дверях стоял разъяренный Франсуа Тэн. Она вышла к нему в коридор. В соседнем зале криминалисты с помощью санитаров осторожно снимали тело с потолка.

— Что ты творишь? Проводишь следствие у меня за спиной?

— Нет. Просто хотела узнать…

— Я слышал. К чему эти вопросы? Теперь ты воображаешь, что убийца ворует кости?

— В «Павуа» он украл околоплодную жидкость. Что, если он каждый раз что-нибудь забирает? Какой-то трофей. И…

Тэн не слушал: он смотрел на что-то или на кого-то за спинами санитаров и скульпторов. Ну конечно, Ланглебер, судебный медик. Еще держит в руках диктофон. Значит, только что окончил осмотр. Он и дал разрешение на перевозку тела.

— Пусть только попробует завести свою шарманку… — процедил Тэн сквозь зубы.

Ланглебер подошел к ним:

— Знаете, как говорил Лакан?

— Твою мать… — прошипел Тэн.

— «Если вы поняли, вы наверняка ошибаетесь».

— Может, хватит выпендриваться? — Тэн ткнул в него пальцем.

Медэксперт примиряюще поднял руки:

— О'кей. Давайте о деле. Модус операнди все тот же. Разве что сегодня ночью месье схалтурил. Либо ему помешали, либо он по неизвестной нам причине очень спешил. Он не снял убитую с потолка. Не расчленил. Ничего не изжарил. А в остальном — все то же. Кровопускание. Укусы. Вырванные куски.

— Протокол вскрытия нужен мне к завтрашнему утру.

— Ты его получишь. Скопирую предыдущий и кое-что добавлю.

— Что добавишь? — спросила Жанна.

— Он сожрал ее глаза.

Тэн изо всех сил замотал головой.

— С меня хватит, — сказал он брезгливо. — Валим отсюда.

Попрощавшись с Ланглебером, они миновали залы с муляжами и головами. Снаружи суетились полицейские. Одни все еще натягивали заградительные ленты вокруг центрального двора. Другие следили за подъездами. Никого из гражданских не допускали в зону безопасности, но жильцы буквально прилипли к окнам.

Райшенбах подлез под ленту и двинулся им навстречу.

— Мы по уши в дерьме. Журналюги тут как тут.

— Постой, — сказал Тэн. — Как они узнали?

— Точно не от нас. Как будем выкручиваться?

— Скажи им, что послезавтра утром, в понедельник, состоится пресс-конференция. Что поделаешь. Придется все им выложить. Хотя выкладывать пока особо нечего.

Полицейский отошел. Тэн взял Жанну под руку и шепнул:

— Мотаем отсюда. Выйдем задами.

Через несколько минут они снова стояли у подъезда на улице Сивьяль.

— Я тебе звякну, когда получу все отчеты. В выходные пообедаем вместе, идет?

Как и в первый раз в лаборатории «Павуа», к нему вернулся его природный задор. Жанна осадила его:

— Найди убийцу. Мы не в игрушки играем.

Улыбка Тэна погасла. Нет, это не игра. Судья знал, что на кону — жизни будущих жертв. Часы с кровавым циферблатом и стрелками из кремня начали отсчет времени.

Жанна попрощалась с ним и направилась к своей машине, падая с ног от усталости. Разум цеплялся за две мысли.

Первое. Поспать хоть несколько часов, оглушив себя снотворным. Второе. Подловить Антуана Феро и заставить его расколоться.

Хватит прикидываться любительницей искусства и застенчивой влюбленной.

Пришло время закона и наказания.

21

На следующее утро она поняла, что ничего не может поделать.

Допросить Антуана Феро — невозможно. Он сошлется на врачебную тайну. Признаться, кто она на самом деле, — невозможно. Она потеряет его навсегда. Открыть ему, что она установила прослушку у него в кабинете из-за несчастной любви, — НЕВОЗМОЖНО.

Во всем покаяться Тэну, чтобы он довел дело до конца? Признаться в своей жалкой уловке, в том, что она распорядилась установить жучки, потому что ее бросил любовник, и, как последняя извра-щенка, слушала по ночам чужие тайны? Стыда не оберешься, а толку чуть. Тэн не сможет вызвать Феро на допрос, не сможет сослаться ни на одну запись. По очень простой причине: ЗАПИСИ СДЕЛАНЫ НЕЗАКОННО.

Жанна схватила мобильный, чтобы узнать время. 10.20. Воскресенье, 8 июня 2008 года. Она потерла лицо. Ее терзало медикаментозное похмелье. Вчера вечером она перерыла ящики в поисках средства, которое поможет ей забыться. Ксенакс. Стилнокс. Локсапак.[29] Сон накрыл ее, как саван из мгновенно схватившегося гипса. А теперь ей было трудно разодрать слипающиеся глаза.

Она еле поднялась с постели и поплелась на кухню, преодолевая жуткую головную боль. Долипран 1000.[30] Эффексор.[31] Кофе. Нет, чай. Снова стало жарко. Духота заполнила квартиру до отказа. Вскипятить воду. Заварить юннаньский чай… Все это она выполняла механически, твердя про себя, что ничего нельзя поделать. Абсолютно ничего.

Разве только…

Она поставила чашку и заварочный чайник на поднос и вернулась в гостиную. Развалилась на диване и выработала стратегию. Можно разыграть святую невинность. Позвонить Феро. Встретиться с ним. И поболтать как ни в чем не бывало. Навести разговор на серийные убийства. Вот только как? Ведь он считает, что она занимается рассылками. Откуда бы ей знать об убийствах? И с какой стати психиатр станет их с ней обсуждать? Они ведь едва знакомы.

Она поразмыслила. Солнце заливало светлые занавески. Свет проникал повсюду, такой яркий, что утро занималось жарким пламенем. Похоже, днем будет нечем дышать.

Жанна вспомнила, что к месту преступления слетелись журналисты. Она взяла свой ноут и вышла в интернет. «Журналь дю диманш». На первой полосе сегодняшнего номера: «Варварское убийство в Десятом округе». Жанна оплатила газету кредиткой. Загрузила страницы. В колонке «Происшествия» на седьмой полосе в общих чертах было описано убийство на улице Фобур-дю-Тампль. Впрочем, журналист почти ничего не знал. Он не упоминал ни о предыдущих убийствах, ни о каннибализме. Эти подробности станут известны лишь в понедельник на пресс-конференции Тэна.

Читал ли Антуан Феро эту статью? Или слушал утренние новости по радио? Если да, то он, возможно, связал убийство с Хоакином, сыном своего пациента. Она решила импровизировать. Набрала его номер. Автоответчик. Она повесила трубку, не оставив сообщения. Не знала, что сказать. Еще одна чашка чаю. А Тэн? Она позвонила ему. Снова автоответчик. На этот раз она сказала:

— Это Жанна. Уже полдень. Позвони мне, как только у тебя будут новости.

Больше делать было нечего. Разве что наблюдать за тем, как монотонно тянется унылое воскресенье. Чтобы чем-то заняться, она снова взяла ноутбук и еще раз прослушала оба роковых сеанса. Первый, когда говорил один отец.

У него внутри живет другой человек… Ребенок, который вырос внутри моего сына. Словно раковая опухоль…

И второй, на котором присутствовал Хоакин.

Лес кусает тебя…

Все так же страшно, но ничего нового она не узнала. Ни единой зацепки.

Час дня. Новый звонок Антуану Феро. Автоответчик. На этот раз Жанна самым нейтральным тоном надиктовала сообщение. Просто попросила его перезвонить. Отсоединяясь, закусила губы. Сегодня у психоаналитика наверняка найдутся дела поважнее, чем любезничать с нею. Надо думать, он по всему Парижу ищет испанца и его сына, чтобы убедить их сдаться полиции.

Она стояла под душем, пытаясь смириться с воскресной повинностью. Неотвратимой повинностью. Ей предстояло навестить мать в лечебнице для инвалидов. Она пропустила два воскресенья, выдумывая отговорки, чтобы избежать поездки в Шатне-Малабри. Эти отговорки нужны были не матери — та уже давно ничего не понимала, — а ей самой. Жанна считала, что обязана навещать мать.

Она пообедала на кухне, не присаживаясь. Пиала белого риса. Помидоры черри. Как она ненавидела такие дни! Секунды, минуты, часы сливались в сталактит одиночества. Она не говорила. Не включала ни радио, ни телевизор. Мысли расширялись, набухали, разносились по всей квартире. Ей казалось, что она сходит с ума. Слышит голоса. А может, просто разговаривает вслух, как старуха.

Как-то она видела на английском канале документальный фильм об одиноких горожанах. Сорокалетняя женщина у себя на кухне говорила в камеру:

— С каких пор можно говорить о настоящем одиночестве? Когда уже с четверга со страхом ждешь приближения выходных. Когда пытаешься занять всю субботу походом в супермаркет. Когда прикосновение сотрудника способно взволновать тебя до конца вечера…

Жанна вздрогнула, убирая пиалу в посудомойку.

Два часа дня. Никто так и не позвонил. Ни Феро, ни Тэн. Она попробовала открыть книгу, но не смогла сосредоточиться. Благодаря снотворным вздремнула, оттягивая поездку в лечебницу. Проснулась в половине четвертого. Голова не работала. Жанна схватила ключи от машины, айфон. Заперла квартиру. Глубоко вдохнула.

Порт-д'Орлеан. Национальная автомагистраль № 20. Жантийи. Аркёй. Кашан. Названия городов менялись, но пейзаж оставался прежним. Пыльный пригород. Грязные дома. Облезлые платаны под горячим солнцем трудились в поте лица, маскируя окружающее убожество. От перекрестка Круа-де-Берни расходились шоссе. Мосты. Пандусы. Названия городов на указателях. А под ними — целое море раскаленных крыш, каменных домов. И все это словно поджаривалось на дне серой сковороды.

Еще через несколько километров она увидела проспект Дивизьон-Леклерк в Шатне-Малабри. В конце его находилась лечебница «Альфедия». Современное здание, тусклое и безликое, напоминало

придорожную гостиницу в пригороде. Неоновая вывеска гласила «Дом покоя», хотя скорее это походило на человеческую свалку. Нечто среднее между дурдомом и хосписом.

В холле неизменные лежачие больные грелись на солнце, пробивавшемся сквозь грязные стекла. Неподвижные, с застывшим взглядом и морщинистыми, будто клубок веревки, лицами. Они уже не видели. Не думали. Жанне всегда казалось, что старческое слабоумие, болезнь Альцгеймера и все подобные расстройства — подарок небес, чтобы не замечать приближения смерти. В этом возрасте счастлив тот, кто разучился считать. Годы. Дни. Часы. Растительное состояние, при котором каждая секунда как жизнь.

Перепрыгивая через ступеньки, она поднялась по служебной лестнице. На третьем этаже, склонив голову, чтобы не смотреть на застывших перед телевизором доходяг, ринулась в комнату матери.

Мерзкие цвета. Дешевая мебель. Личные безделушки силились сделать комнату не такой безликой. Каждый раз, входя сюда, Жанна вспоминала фараонов, вместе с которыми хоронили привычные вещи и рабов. Эта комната и есть склеп, а она сама — рабыня.

— Привет, мама! Как ты?

Не ожидая ответа, она скинула пиджак. Приподняла мать, легкую как перышко. На лице у той ничего не отразилось. Жанна подложила ей под спину подушки. Старуха ее не видела. И в каком-то смысле Жанна тоже ее не видела. Она приходила сюда годами и замечала только, как смерть шаг за шагом отвоевывает территорию. Мать похудела еще на килограмм. Тело заметно одряхлело. Выступили кости…

Жанна присела и уставилась в окно. Перед ней теснились липы и ели. Казалось, здесь даже деревья заражены упадком и нищетой. Она наконец заметила, как воняет в комнате. Разило жратвой, мочой, лекарствами. Ей и в голову не пришло открыть окно. Да и к чему? Во дворе наверняка воняет еще хуже. Ей надо притерпеться. Как альпинисты, совершая восхождение, постепенно привыкают к разреженному воздуху.

Шло время. Она не шевелилась. Не включала телевизор — воскресные передачи доконали бы ее. И уже не смотрела на иссохшую седую женщину, погребенную под толстыми одеялами. Жара казалась

нестерпимой, и при виде этого укутанного полутрупа ей делалось не по себе.

За внешним спокойствием этой сцены скрывалась внутренняя борьба. Жанна пыталась отогнать назойливые воспоминания. Сожаления. Годы, проведенные с этой женщиной, которой после смерти Мари становилось все хуже и хуже. Ее поместили в клинику, когда Жанна поступила в институт. А потом — годы ритуальных воскресных визитов в разные лечебницы, изматывающих и бесполезных. И все же это была хоть какая-то веха. Какой-то полюс в ее жизни. Даже если каждый раз после этого она чувствовала себя еще более опустошенной, еще более потерянной…

Прошел час. Она решила, что отбыла свою повинность. Главное — сбежать отсюда до «ужина». Пять часов. Зрелище беззубых ртов, заглатывающих детскую кашку, напоминало ей полотна Брейгеля, где смех и ужас неразлучны и создают пугающий контраст. Пока, мама. Задержав дыхание, Жанна чмокнула мать. Подоткнула одеяла. И вот она за дверью. Гора с плеч.

Осталось последнее испытание.

Напротив лечебницы в открытом по воскресеньям баре, торгующем табачными изделиями, собирались все курильщики южного предместья. При виде очереди из помятых, неряшливых, дрожащих от нетерпения людей ей каждый раз становилось дурно. В глубине бара виднелись припавшие к стойке пьяницы. Они напоминали ей тараканов, мокриц, сороконожек, забившихся под камень.

А главное, неподалеку в закрытом газетном киоске была выставлена реклама порножурналов. «Хот-видео». «Пентхаус». «Вуайер»… Эти картинки были для Жанны последней каплей. Распластанная плоть, замаранная пылью и копотью. Жирные, бледные тела, призванные пробуждать столь же бледное желание.

Жанна нащупала ключи от машины. Девки с афиш пялились на нее, выставив напоказ свои тяжелые груди, лоснящиеся губы, толстые ляжки. Она открыла дверцу. Попыталась сесть в «твинго», не глядя на них. И не удержавшись, взглянула. Слишком поздно. Ей представилось, как рушились их мечты о славе — кино, телевидение, подиум, — прежде чем они оказались в этих журналах категории XXL. Как увядали их тела, вынашивая детей от случайных мужчин, как

истлевали души под грузом несбывшихся надежд, подавленных печалей, горьких лет… Эти красотки на обложках олицетворяют Женщину. Сущность женской судьбы. Любить. Надеяться. Давать жизнь. Гнить. Чтобы в итоге угодить в такую вот лечебницу, когда впереди только смерть. Утратив разум и чувства.

Жанна захлопнула дверь. Сорвалась с места. Слезы вырвались наружу, словно крик или рвота. Она включила радио на полную громкость. Поискала частоту. Выбрала «На моем месте» Акселя Бауэра и Зази. Пронзительный, горький, печальный хит.

«Я не жду, чтобы ты оставалась прежней, я не жду, чтобы ты меня понимала…»

В Париже ей стало лучше. Сверкающие платаны. Прекрасные строения Османа. Здесь даже ее одиночество и тоска переживались иначе… На бульваре Распай Жанна вспомнила о мобильном. Во время визита в лечебницу она его отключила. Нажала на кнопку, дисплей загорелся. Один пропущенный звонок.

Но не от Феро.

От Франсуа Тэна.

Лучше, чем ничего.

Она прижала телефон к уху. Кожа была липкой от пота и слез.

— Жанна? Нам надо увидеться. Ты не представляешь, что я обнаружил. Между жертвами есть кое-что общее. Ты была права. Он выбирает их не наугад. Вовсе нет. У него есть план!

Жанна слышала сразу два голоса. Скороговорку Тэна и одновременно — слова отца Хоакина: «Это как мозаика, понимаете? Каждый кусочек привносит свою долю истины».

— Приезжай ко мне часам к десяти, — продолжал судья. — Улица Монсе, восемнадцать. Я пришлю тебе код эсэмэской. Сперва мне нужно кое-что забрать дома у Франчески Терча, третьей жертвы. Сама увидишь. Ты просто обалдеешь!

Жанна отключила связь. Она вдруг успокоилась. Словно оледенела. Остановилась на углу бульваров Распай и Монпарнас. Шесть часов. Она как раз успеет принять душ. Собраться. И поразмыслить, глядя, как наступает вечер.

Она будет готова, когда поедет к Тэну.

Она будет чиста, чтобы принять голую истину.

22

Улица Монсе расположена в верхней части Десятого округа. В половине десятого Жанна ехала вверх по улице Клиши. На углу с улицей Атен ее охватило дурное предчувствие. Сумерки сгустились. Откуда-то потянуло гарью. Под вой сирен мимо мчались пожарные машины. Не задумываясь она прошептала:

— Франсуа…

На углу улицы Милан ее опасения подтвердились. Ночная тьма действительно изменилась. Стала чернее и гуще. В воздухе витал запах разрушения. Движение было перекрыто. Жанне удалось свернуть на улицу Милан и кое-как припарковать машину. Она вытащила из сумки удостоверение и бросилась к улице Монсе — к счастью, на ней были джинсы и «конверсы».

У подъездов домов толпились местные жители. Водители выходили из машин, чтобы узнать, что происходит. Полицейские сдерживали толпу, а спецфургоны перекрывали улицу. Жанна бежала не останавливаясь. Показав удостоверение, она пересекла первую полосу ограждений. Пронеслась мимо пожарных машин. Преодолела второе ограждение и свернула на улицу Монсе.

Сердце у нее оборвалось. Языки пламени вырывались из окон последнего этажа здания в середине улицы. Наверняка дом восемнадцать. В панике она укрылась под аркой, с трудом преодолев приступ тошноты.

Переждав несколько секунд, двинулась дальше, задыхаясь от едкого дыма. Темнота сгустилась в черный туман. Плотный воздух прорезали оранжевые всполохи. Во мгле блеснули хромированные части автомобиля. У задка пожарной машины она различила чей-то силуэт. Попыталась окликнуть, но из горла не вырвалось ни звука. Она похлопала пожарного по плечу.

Ему не было и двадцати. Жанна снова показала свое удостоверение. В данных обстоятельствах это ничего не значило, но национальные цвета всегда внушают уважение. Она расследовала немало дел о поджогах и нашла нужный тон:

— Жанна Крулевска, судья.

— Судья?..
— Кто у вас начальник наряда?
— Майор Кормье.
— Где он?
Паренек заорал, силясь перекричать рев брандспойтов:
— Думаю, внутри.
— Жертвы есть?
Каждое слово обжигало ей горло. Пожарный пожал плечами:
— Неизвестно. Загорелось на последнем этаже.
— Это ведь дом восемнадцать?
— Ага.
— Всех эвакуировали?
Но он не знал. И тут взрыв сотряс всю улицу. Горящие обломки посыпались на мостовую. Осколки стекла крупным градом застучали по тротуару и крыше машины. Инстинктивно пригнувшись, Жанна вцепилась в пожарного.
— Не стойте здесь, мадам!
Жанна не ответила. Вытаращив глаза, она уставилась на утонувший в пламени фасад. Из выбитых окон вырывались клубы черного дыма. Огненные языки лизали рамы. Пожар толчками изрыгал тучи дыма, искр и обломков. Темная пелена заволокла последний этаж. Этаж Франсуа…
Жанна поискала взглядом спасшихся жильцов. Перепуганные, они столпились поодаль, у «скорой», где медики оказывали им первую помощь. Но Тэна там не было. В голове все спуталось. Как-то раз она заходила к нему домой. Он перестроил чердак и сделал квартиру двухуровневой. Его кабинет находился на галерее без окон, и туда можно было попасть только из квартиры. Что, если там его и застиг пожар? Пожарные никак не могут знать об этом закутке. Этаже внутри этажа…
Опустив глаза, она заметила страховку — канат, который связывал машины с пожарными бригадами. Оттолкнула новичка и, ступая вдоль каната, добралась до следующей машины. То и дело она попадала в лужи. Каждый вздох причинял ей боль. Под стенами дома восемнадцать пожарные все еще вели сражение с огнем. Бьющие из брандспойтов струи скрещивались в воздухе.

Жанна открыла дверцы машины. Нашла куртку, шлем, перчатки, сапоги. Не раздумывая переоделась. Сапоги и куртка болтались на ней, как на ребенке. Когда-то она проходила стажировку у парижских пожарных. Ей всегда хотелось иметь четкое представление о технической стороне дела. Кое-что она еще помнила, хотя и не все. Опустила щиток и пелерину шлема, но забыла, как он застегивается. Зато не забыла, как важно надеть респиратор. Головкой вниз закрепила на спине баллон со сжатым воздухом. Подключила его к шлему. Отрегулировала давление воздуха. И наконец надела пожарный пояс. Прицепила к нему багор, топор, огнетушитель. Теперь ее не отличить от других пожарных.

Никто не обратил на нее внимания, когда она бросилась к дому. Про себя она твердила: «Я рехнулась, рехнулась…». Потом ощущения заглушили внутренний голос. Кожаная куртка весила не меньше тонны. От кислорода пересохло во рту.

Повсюду было настоящее пекло. Она подняла глаза: по щитку стекала хлеставшая со всех сторон вода. Пламя охватило уже все этажи здания. Огненные столбы высотой в несколько метров вырывались из окон четвертого и пятого этажей, а водяные струи выглядели жалкими и бессильными.

Она проникла в здание. Ни зги не видно. Но она шла вперед. Справа от нее смутно виднелись почтовые ящики. Страха она не чувствовала. В этом снаряжении она казалась себе неуязвимой. Жанна добралась до лестницы. Клубы густого, как асфальт, дыма проникали повсюду. Между лестничными пролетами завывал и потрескивал огонь. Натыкаясь на пожарных, она добралась до ступеней. Даже наружная стена раскалилась. Вздулась под напором воздуха.

Второй этаж.

Она окинула взглядом лестничную площадку. Темно, хоть глаз выколи. С верхних этажей падал горящий мусор, на мгновение прорезая искрами мглу. Она поднялась выше, ориентируясь по страховочному тросу и тянущимся вверх трубам.

Третий этаж.

Огня нигде не видно. Только темнота. От сжатого воздуха у нее онемели легкие. Она спотыкалась. Продвигалась ощупью. И все-таки шла вперед.

Четвертый этаж.

А вот и огонь. Потрескавшиеся двери. Дерево, изъеденное, обожженное, истерзанное пламенем. Ни одного пожарного. Ни страховки, ни труб уже не найти. Жанна нащупала перила и продолжила подъем. Теперь ступеньки казались ей ненадежными. Вот-вот провалятся. Надо поторапливаться, пока все не рухнуло.

Пятый этаж.

Три пылающих дверных проема. Здесь работали пожарные. В каждой из квартир по бригаде, борющейся с очагами пламени. Жанна обнаружила, что перил больше нет. Лестничная площадка обрывалась над пропастью.

Тэн жил еще выше. Жанна двинулась дальше по лестнице, и тут кругом вспыхнуло яркое пламя. Огненные языки со свистом взметнулись вверх. Жанна повернулась и шлепнулась оземь. Через секунду из квартиры слева от нее, уступая напору огненной стихии, выскочили пожарные. Один из них, отбиваясь от горящего мусора, попятился к обрыву.

Жанна не раздумывая вскочила и схватила его за рукав в тот самый миг, когда он потерял опору под ногами. Силы иссякли, но ей было достаточно, не отпуская рукав, повалиться на спину, чтобы, притянув пожарного к себе, не дать ему упасть. Оба рухнули на лестницу.

Изогнувшись, Жанна вцепилась в его куртку. Ноги пожарного все еще висели над пропастью. Ее кроссовки вязли в обугленном ковре и тлеющем паркете. Тут их обоих осветили лучи фонарей, и Жанна заметила знаки различия у него на куртке. Капитан. Или майор. К ним протянулись руки в перчатках. Дым рассекли сверкающие, как расплавленная ртуть, щитки.

Выбравшись из кучи, Жанна повернула обратно и на четвереньках преодолела последние ступеньки. И тут она, подобно самолету, который, поднявшись над тучами, летит к солнцу, угодила в самое пекло.

Шестой этаж.

Повсюду полыхал огонь. Вырываясь из паркета, он лизал стены и пожирал потолок. На Жанне загорелся шлем. Она сорвала его. Отшвырнула баллон. Навалилась на центральную дверь и, заслонив лицо, бросилась в дверной проем. Квартира Тэна превратилась в пылающие джунгли.

Она пробиралась вперед, прикрывая рукавом лицо и пытаясь вспомнить расположение комнат. Пересекла вестибюль. Гостиную залила огненная лавина. Поддавшись страху, Жанна отступила и упала навзничь.

Поднимаясь на ноги, она увидела его. На галерее Франсуа Тэн пытался выбраться из огня. Он был не один. Тэн боролся с карликом, который не давал ему вырваться. Она хотела закричать, но раскаленный воздух обжег горло, вынудив ее сжать губы.

В ужасе она вновь отступила. Прищурилась, чтобы лучше видеть происходящее. Противником Тэна был голый коротышка. Возможно, ребенок. Черный, со скрюченными руками. По взлохмаченным волосам пробегали языки пламени. Огромный череп с вытянутым затылком, как у инопланетянина из фантастического фильма. И похоже, он не чувствовал ожогов. Удерживал свою жертву в огне, точно фридайвер, который топит пловца, утягивая его на глубину.

Жанна подумала: «Хоакин», и тут чудовище обернулось к ней. Она окаменела. Уродливый подросток уставился на нее горящими глазами, словно не замечая огня, пожиравшего их с Тэном. Почерневшее лицо, будто иссушенное жаром, обрело обезьяноподобные черты наших пращуров.

Жанна протянула руку. В этот миг галерея с грохотом рухнула, поглотив обоих противников. Больше она ничего не видела. Только чувствовала, как ее тащат назад.

23

— Вы проснулись?

В дверях палаты стоял врач. В белом халате, руки в карманах. На груди приколот бейджик с фамилией. Отсюда не разглядеть. Он подошел к ее кровати. Широко улыбнулся. Открытое, добродушное лицо, очки в тяжелой роговой оправе.

— Как вы себя чувствуете?

Жанна попыталась ответить, но не смогла разлепить пересохшие губы. Она чувствовала себя опустошенной, как сдутая воздушная камера. Кожа, липкая от высохшего пота, которым она истекала, пока длился этот кошмар. Она поморгала. Предметы вокруг встали на свои места. Линолеум на полу. Металлическая тумбочка. Рядом пустая койка. Обычная больничная палата.

Наконец ей удалось выговорить:

— Нормально.

Эти три слога причинили ей боль. Ее голосовые связки словно обуглились.

— Вам невероятно повезло, — сказал врач.

Жанна решила, что он иронизирует. Она совсем не помнила, как ее спасли. Она потеряла сознание. Ее перевезли сюда. Солнце уже взошло. Вот и все.

— Вы только-только начали задыхаться, — добавил врач. — Даже не получили ожогов. Легкие очистятся сами собой. Мне сказали, что вы судья…

— Так и есть.

— Если когда-нибудь надумаете сменить профессию, из вас получится отличный пожарный.

— А Франсуа Тэн?

— Кто?

— Тот человек, которого я пыталась спасти в квартире.

Врач пальцем поправил оправу. Его лицо приняло скорбное выражение. Он нахмурился:

— Кажется, они ничего не смогли поделать.

Жанна даже не удивилась. Значит, все это ей не приснилось.

— Теперь вам надо подумать о себе, — продолжал доктор. — Те, кто чудом уцелел, просто обязаны себя беречь.

— Когда меня выпишут?

— Через пару дней. Мы вас понаблюдаем. — Он похлопал себя по груди: — Посмотрим, как поведут себя ваши легкие.

Жанна не ответила. Врач прокомментировал ее молчание:

— И не вздумайте сбежать. Судья, которой не терпится вернуться к работе, — это хорошо в кино. Поверьте, два-три дня постельного режима вам не повредят. Вы сейчас не в лучшей форме. Давление понижено. Вы явно недоедаете. К тому же, похоже, горстями поглощаете антидепрессанты.

— Это преступление?

Ее враждебный тон заставил врача улыбнуться:

— Только если вы не воспользуетесь своим пребыванием в больнице.

— Который час?

— Девять утра.

— А день?

— Девятое июня, понедельник.

— Где мы?

— В детской больнице Неккера.

Он опять потянулся к своим очкам. И снова улыбнулся:

— Больше нигде не было места. Вы в отделении эндокринологии.

Жанна опустила глаза. К ее правой руке была подсоединена капельница. Другая трубочка тянулась к лицу. Видимо, в ноздрю ей ввели кислородную канюлю.

Врач подошел к окну и слегка приоткрыл жалюзи. У нее есть право на свет. Улыбчивый доктор попрощался с ней и обещал заглянуть после обеда.

Оставшись одна, она сорвала с себя трубки, соскочила с кровати и стала выдвигать металлические ящики. В третьем она нашла свои вещи, почерневшие от сажи. Ощупала карманы. Отыскала мобильный. Вспомнила, что ее тачка и сумка так и остались на улице Милан.

Нажала кнопку, чтобы набрать номер.

— Райшенбах? Это Крулевска.

— Как ты там? Мне сказали, что…

— Нормально. Я не пострадала.

— Черт… Не знаю, что и сказать.

— Я тоже, — прошептала Жанна. — Бред какой-то. Это…

Она замолчала. Полицейский в ответ тоже промолчал. Они поняли друг друга без слов. Лучше забыть о патетике и подумать о следствии. Разберемся, сказала она себе.

— Что там у нас по пожару?

Говорить было трудно. Должно быть, дым обжег ей слизистые.

— Официально пока ничего.

— Но?

— Эксперты говорят о поджогах. Но письменных отчетов у меня пока нет.

— А есть шанс, что убить хотели не Тэна?

— Честно говоря, вряд ли. Пожар начался на его этаже.

— О'кей, — сказала она. — Надо проверить все его текущие дела. И кто из тех, кого он посадил, недавно откинулся. Ты уже этим занимаешься?

— Сейчас девять утра. И я даже не уверен, что это дело поручат мне. Или вообще кому-то с набережной Орфевр![32]

— Тогда кому?

— Госбезу. Или Управлению собственной безопасности. Дело-то секретное. Судей не каждый день убивают.

— А это не может быть связано с делом людоеда?

— Это бы означало, что убийца почувствовал угрозу. А ему пока бояться нечего. Мы топчемся на месте.

— Тэн что-то откопал.

— Неужели? — Райшенбах скептически хмыкнул. — Ну, если он что-то и нарыл, все пропало вместе с ним. Он забрал дело домой. Все сгорело.

Теперь она была уверена в своей правоте. Тэн нашел что-то настолько важное, что его сожгли вместе с бумагами. Наверное, он выдал себя телефонным звонком. В общем, прокололся и спугнул убийцу. Хоакин отреагировал мгновенно.

Она вспомнила эту сцену: чудовище с огромной головой и скрюченными руками схватилось с Тэном. Она поняла то, в чем боялась себе признаться. Тварь с горящими волосами была не адвокатом, сыном испанца, а ребенком с металлическим голосом. «Лес

кусает тебя…». Неужели их двое? Неужели адвокат Хоакин способен превращаться в ребенка-монстра?

Она отбросила нелепые предположения. Все равно чудовище погребено под рухнувшей галереей.

— Тело Франсуа уже вывезли?

— Ну да. То, что от него осталось.

— А другое тело?

— Какое другое?

— Разве вы не нашли второй труп?

— Нет.

— Завалы уже разобрали?

— Вроде бы. Не пойму, ты что-то видела?

Тут ее осенило. Та тварь, похоже, не боялась огня. Вдруг она выбралась из него живой? Если так, то Антуан Феро — следующий в списке.

— Мне нужно к тебе зайти. Заглянуть в досье.

— Не получится. Это не твое расследование.

— Посмотрим.

— Нечего и смотреть. Если тут действительно есть связь, оба дела — о людоеде и о поджоге — поручат одному следователю. И вряд ли это будешь ты.

— Так я все-таки заеду?

Райшенбах вздохнул:

— Тогда пошевеливайся. Дело у меня вот-вот заберут.

— Уже еду.

Жанна отсоединилась. Ее бросало то в жар, то в холод. Она поспешила в ванную. При бледном неоновом свете ее кожа напоминала пожелтевшую эмаль умывальника. На висках все еще виднелись черные следы копоти. Обгоревшие пряди торчали, словно дреды. Настоящее пугало.

Она умылась. Подняла голову. Посмотрела, что вышло. Не стало ни хуже, ни лучше. Она оделась. Застегнула на запястье часы. 9.30. У нее в запасе всего пара часов до того, как полиция и суд окончательно обо всем договорятся.

Жанна схватила мобильный. Позвонила по номеру из списка контактов. Нет ответа. Оставлять сообщение она не стала. Черт возьми, Феро, где ты?

Она пошла по коридору. Здесь, толкая перед собой передвижные капельницы, прохаживались дети. Другие, стараясь не шуметь, играли в своих палатах. Жанна отвела глаза. От этого зрелища ей стало не по себе. Лестница. Выход. Пройдя под деревьями центральной аллеи, она спустилась по склону.

Надо взять такси. Забрать с улицы Милан свою машину. Спецпропуск на лобовом стекле наверняка спас ее от эвакуации. А потом пулей на набережную Орфевр. Просмотреть следственное дело. Но прежде всего надо заехать к психоаналитику. И хватит ходить вокруг да около. Антуану Феро придется все выложить. Фамилию и адрес испанца и его сына. А там уж Жанна сама разыщет эту парочку и вытрясет из них всю правду.

Выйдя за ворота, она оказалась на улице Севр. От яркого солнечного света защипало глаза. Жанна невольно вскрикнула. Помахала рукой, пытаясь остановить такси. Солнце мешало разглядеть, свободна машина или нет.

Этот пустяк стал последней каплей. У Жанны опустились руки. Все вдруг показалось ей безнадежным. Тротуар слишком узким. Улица в лучах слепящего солнца слишком черной. Стены больницы Неккера и стоящего напротив Института незрячих детей — слишком голыми. Она оперлась о каменные ворота, чувствуя, что теряет сознание…

И тут рядом остановилось такси.

Она забралась внутрь и из последних сил шепнула:

— Улица Ле-Гофф, один.

24

Кодовый замок днем не работал. На почтовых ящиках в холле были указаны фамилии съемщиков. Доктор Антуан Феро. Четвертый этаж, направо. Жанна поднялась на лифте. В доме пахло пылью и холодным мрамором. Как в церкви.

Она попросила таксиста подождать ее в машине. Жанна толком не знала, что скажет психоаналитику, да и застанет ли его на месте. Позвонила в дверь. Никто не ответил. Позвонила снова. Тишина. Постучалась. Бесполезно. Вдруг ее охватила тревога.

Жанна взяла сотовый и позвонила в справочную, чтобы узнать номер кабинета Антуана Феро. Через несколько секунд она связалась с его регистратурой и прикинулась пациенткой, которую подвел врач.

Ответ последовал незамедлительно:

— Пока к доктору Феро нет записи.

— Почему?

— Я не уполномочена давать объяснения.

Жанна разглядывала медную табличку на дверях: «АНТУАН ФЕРО. ПСИХИАТР. ПСИХОАНАЛИТИК». Сердце заколотилось как бешеное.

— Он болен?

— Я не уполномочена…

— О'кей. — Жанна переменила тон. Попробуем иначе. — Я — Жанна Крулевска, следственный судья Нантерского суда. Или вы будете отвечать, или я немедленно пришлю к вам полицейских, которые занимаются этим делом вместе со мной. Славные ребята. Вот только несговорчивые.

Повисло молчание.

— Антуан Феро сам предупредил вас, чтобы к нему не записывали?

— Да. Сегодня утром.

Гора с плеч.

— В котором часу?

— В девять.

— Вы уверены, что звонил он сам?

— Да. Я не думаю, я…

— Что именно он вам сказал?

— Все отменил. Сказал, что пока не принимает. До новых распоряжений.

— Он как-то это объяснил?

— Нет.

— Оставил свои координаты? Сказал, как с ним связаться в экстренном случае?

— Нет. У нас есть только номер его мобильного.

— Он не сказал, когда перезвонит?

— Нет.

Жанна отсоединилась. Вот бы вызвать плотника и взломать кабинет, обыскать архивы. Найти координаты отца и сына… Нет. Не сейчас. И не так.

Она вернулась к такси. Перед тем как в него сесть, заметила газетный киоск. И поспешила купить ежедневники. «Фигаро». «Паризьен». «Либерасьон». Стоя среди уличного шума, она просмотрела первые полосы и пролистала газеты до конца. Во всех понедельничных изданиях упоминалось убийство Франчески Терча, но так же кратко, как и в «Журналь дю диманш». У газетчиков все еще нет информации. Пресс-конференцию по понятным причинам отменили. Сведения не должны просочиться в прессу, прежде чем будет назначен новый судья и дело поручат новой следственной группе.

Она села в такси и велела ехать на улицу Милан. По пути попыталась восстановить ход событий. Наверняка Феро видел одну из утренних газет. А может даже, вчерашнюю «Журналь дю диманш». И понял всю правду, но не стал разыскивать испанца и его сына. Он попросту испугался и сбежал. Вряд ли его можно в этом упрекать. С другой стороны, нет причин считать, что ему известно о пожаре и смерти Франсуа Тэна.

На улице Милан Жанна забрала свой «твинго», все еще припаркованный у самого подъезда. На какое-то мгновение ей захотелось вернуться на пепелище. Но едва представив себе обугленное здание и запах гари, она передумала.

Резко тронув машину с места, она помчалась на набережную Орфевр. Через двадцать минут припарковалась во дворе дома № 36. С

трудом поднялась по лестнице. На нее косился каждый встречный легавый. Не так часто здесь встретишь судью, к тому же с обгорелыми волосами и в закопченной, как у трубочиста, одежде.

— Ты мне отксеришь документы?

— Даже не знаю…

Райшенбах переминался с ноги на ногу в своем кабинете, плохо выбритый, с блестящими от геля волосами. Перед ним лежали две толстенные папки с документами по делу каннибала.

— Только основные протоколы.

Полицейский не двинулся с места. Жанна наклонилась вперед:

— Теперь или никогда, Патрик. Факты тебе известны. Убийца напал на Франсуа. — Она треснула по столу кулаком. — Он не мог далеко уйти. Отксерь мне эти чертовы документы, пока у нас не забрали дело! Через пару часов назначат нового следственного судью и все это передадут какому-нибудь центральному управлению. Мы уже ничего не сможем сделать.

Райшенбах задумчиво наморщил лоб. В этом легавом было что-то располагающее, притягательное. И в то же время опасное: «глок» на поясе, широкие, как лопаты, ладони. Жанна знала, что в ходе оперативных действий он не меньше трех раз пускал в ход оружие.

— Оставайся здесь, — сказал он наконец и взял папки. — Схожу за чистой бумагой.

Ксероксы на набережной Орфевр заправлены гербовой бумагой. Чтобы снять левые копии, нужна обычная бумага. Об этом известно всем газетчикам, ведущим журналистские расследования. И судьям, которые, как она, любят ходить по краю.

Капитан вскоре вернулся, держа в каждой руке по папке. Оригиналы и ксерокопии документов. Жанна просмотрела их. Здесь было все. Протоколы допросов свидетелей. Результаты вскрытия. Выводы криминалистов. Фотографии жертв. Обзоры опросов, проведенных в окрестностях каждого места преступления. И снимки с мест преступления, в особенности странные надписи на стенах. Над этим придется работать до самого вечера. Одной в своем кабинете.

Она взглянула на часы. Полдень. Прежде всего надо выяснить, какую именно связь между тремя жертвами установил Тэн.

«Ты не представляешь, что я обнаружил… Он выбирает их не наугад. Вовсе нет. У него есть план!»

— Если я дам тебе два мобильных номера, ты сможешь получить детализацию последних звонков?

— Мне нужно судебное поручение.

— Проведи запрос по другому делу. Сам что-нибудь придумай.

— Не психуй.

Жанна написала первый номер на стикере. Райшенбах удивился:

— Я его знаю. Это же…

— Номер Франсуа Тэна.

— Совсем сдурела? Мы не можем…

— Слушай сюда. Вчера Франсуа обнаружил что-то очень важное. Все сгорело вместе с его квартирой. Остались только его телефонные звонки. Сечешь?

— Это плохо кончится. А другой номер?

Жанна написала фамилию и координаты Антуана Феро.

— Кто такой?

— Потом объясню. Пока запроси детализацию и местонахождение мобильного.

— Я рискую работой, — заметил легавый, засовывая оба стикера в карман.

— Но не шкурой. Подумай о Франсуа. И последнее: я ищу адвоката по имени Хоакин, испанского происхождения, практикующего в Париже.

— Хоакин, а дальше?

— Фамилии не знаю. Поручи это кому-нибудь из своих людей.

Райшенбах черкнул пару слов на клочке бумаги. Жанна сунула под мышку папку с ксероксами.

— Я еду в суд. Свяжемся, когда будут новости.

На автомагистрали Жанне пришлось лавировать между машинами, упорно не желавшими превышать предельную скорость пятьдесят километров в час. По мосту Альма она пересекла Сену. Площадь Этуаль. Порт-Майо. Проспект Шарля де Голля. Кольцевой бульвар… Жанна выжимала из своего «твинго» все, что могла. Мотор ревел, словно время, которое она пыталась обратить вспять. Перерыть. Обыскать. Обогнать. Чтобы к концу дня найти ключ. Установить, что было общего у всех трех жертв. Раскрыть план убийцы.

Парковка Нантерского суда. Жанна бросилась к лифту, держа документы под мышкой и забросив сумку за плечо. Душ она так и не приняла. От нее разило гарью, потом, страхом. В кабине никого, и слава богу. Только бы не выслушивать дежурные выражения скорби, пустые рассуждения о судьбе и прочую чушь. Даже здесь, у тех, кто постоянно сталкивался с преступлениями и насилием, мозгов хватало лишь на банальные соболезнования.

Едва держась на ногах, она пошла к своему кабинету. Открыла дверь и порадовалась, что не встретила сотрудников. И удивилась, увидев Клер. Совсем про нее забыла. Молодая женщина заливалась горючими слезами, уткнувшись в «клинекс». Оплакивала смерть Тэна. И радовалась тому, что Жанна жива. Как видно, новости достигли суда еще утром.

Клер бросилась ей в объятия. Через несколько секунд у Жанны промокло плечо.

Она мягко отстранилась и прошептала:

— Успокойся…

— Ужас какой… Я…

— Ступай домой. Я тебя отпускаю.

— А как же… допросы?

— Отмени все. Мне надо разобраться в деле.

— Его передают нам?

— Еще нет, — соврала Жанна. — Но это не за горами.

Клер высморкалась, сделала необходимые звонки и наконец надела пиджак, взяв с Жанны слово, что завтра та ей все расскажет. Жанна ласково вытолкала ее за дверь. Тут же прихватила сменную одежду, которую держала на работе, и пошла в туалет. С грехом пополам помылась под краном, как в уборной на автостоянке, и переоделась.

Она вернулась к себе в кабинет. Заперла дверь. Опустила шторы. Уселась за письменный стол, разложив ксероксы. Она выжмет из досье все, что можно.

Но сперва сделает пару звонков.

25

— Доктор Ланглебер?

— Нет, я его ассистент.

Жанна позвонила врачу на мобильный.

По телефону она легко выяснила, что вскрытие Франсуа Тэна поручено медику-интеллектуалу.

— Позовите его.

— Мы в прозекторской. Кто его спрашивает?

Жанна услышала, как Ланглебер что-то вполголоса наговаривает на диктофон. Чей труп они вскрывают? Франсуа Тэна? Она представила двух мужчин в белых халатах, склонившихся над столом из нержавейки, где лежит тело ее друга — черное, обугленное, скорченное.

— Передайте ему, что звонит судья Крулевска.

До Жанны донеслись приглушенные голоса. Ассистент прикрыл трубку ладонью. Наконец послышался голос Ланглебера:

— Чего вы хотите?

Голос был резким. Он звучал гулко, как под сводами церкви. Жанна догадалась, что врач включил громкую связь.

— Задать вам пару вопросов.

— В каком качестве?

— Дело пока не у меня, — признала она.

— Какое дело? Вы о чем?

— Я надеюсь, что расследование каннибальских убийств поручат мне.

— Тогда и звоните.

— Доктор Ланглебер, время не терпит. Есть подозрение, что каннибальские убийства связаны с пожаром, в котором погиб Франсуа Тэн.

— Что за подозрение?

Жанна ломала голову, не находя ответа. Пришлось увести разговор в сторону:

— Вы закончили вскрытие Франсуа Тэна?

— Работаю над отчетом.

Она попала в точку: как раз сейчас они занимаются его телом. Перед глазами вспыхнула картинка: двое схватились на пылающей галерее.

— Вы обнаружили следы борьбы?

— Вы что, шутите? То, что осталось от Франсуа Тэна, у меня перед глазами. Уверяю вас, что здесь и в помине нет следов чего бы то ни было. Тэн превратился в головешку.

Он почувствовала, как к глазам подступили слезы. С самого пробуждения она едва сдерживалась, но теперь… Она хлюпнула носом, затем твердым голосом произнесла:

— То есть нет никаких следов, указывающих на то, что произошло перед пожаром?

— Сразу видно, что вам мало что известно о горении. Когда пожарные извлекли тело, оно было неузнаваемым. Под воздействием температуры плоть разбухает, так что лопается кожа. Вам приходилось запекать в духовке курицу?

— Доктор, вы говорите о моем друге.

— Он был и моим другом, что не помешало ему лопнуть, как сосиска.

Жанна замолчала. Медик продолжал:

— Чтобы установить причину смерти, я должен вскрыть тело. На отравление угарным газом указывает розоватая окраска органов. Будем надеяться, что он задохнулся, а не сгорел заживо.

Тэн и та тварь дерутся на галерее, охваченные пламенем. Ответ ей известен. И вдруг, когда она уже потеряла надежду что-то узнать, медэксперт произнес:

— Ладно. Есть тут одна странность.

— Какая?

— Следы какого-то вещества на теле. Особенно на ладонях и на руках.

— Горючего?

— Напротив.

— Не понимаю.

— Чего-то негорючего. Вроде лака. Или смолы. Как бы защитный слой.

Зачем Франсуа Тэн стал бы покрывать себе руки защитной пленкой? Похоже, Ланглебер пришел к тому же выводу, что и она.

— Если он хотел спастись от огня, у него ничего не вышло. Руки обгорели ничуть не меньше, чем все остальное.

— Вы уже отправили образцы на анализ?

— Да.

— Кому?

— Крулевска, вы переходите все границы.

— Скажите хотя бы это.

— Мессауду. Начальнику криминалистического отдела.

— Спасибо, доктор.

— Не за что.

Пока он не повесил трубку, Жанна поторопилась задать еще один вопрос:

— Вы проводили вскрытие Франчески Терча?

— Да, в субботу.

— Вы заметили что-то необычное по сравнению с первыми двумя жертвами?

— Ничего. Разве что ублюдок не успел завершить свое дело.

— Раны и увечья совершенно одинаковые?

— Совершенно. Не считая глаз. Но об этом мы уже говорили.

— И нет никакой зацепки?

— Главная зацепка именно в том, что все идентично. Знаете, что говорил Мишель Фуко? «Под шум повторения возникает то, что случается лишь единожды…»

Жанна почувствовала, как в ней закипает гнев. Она подумала о Тэне, которого тоже бесит этот вещающий с кафедры интеллектуал. И не сразу сообразила, что только что думала о Франсуа в настоящем времени. У нее защемило сердце. До каких пор она будет вспоминать его таким живым, привычным, чтобы рассудок вновь и вновь возвращал ее на землю, напоминая о его смерти? Фуко был прав: «Под шум повторения возникает то, что случается лишь единожды…».

Скорбь.

— Можно, я тоже задам вам один вопрос?

— Задавайте.

— Зачем вы полезли в огонь?

— Пыталась спасти Тэна.

Они помолчали. Затем медик с цинизмом и смирением провозгласил:

— Судьям не дают медалей. Не звоните мне больше, Крулевска. Если только дело не передадут вам официально.

Жанна повесила трубку и набрала номер Али Мессауда. Не успела она сказать, что ей нужно, как начальник криминалистов перебил ее:

— Это что, заговор? Мне уже звонил Райшенбах. Я буду говорить только с уполномоченными лицами, и…

— По-вашему, десять лет дружбы не дают мне полномочий?

Мессауд промолчал. Похоже, его ошеломил ее напор. Жанна решила, что смерть Тэна — это совершенно особый случай. На сей раз погибшего знали все участники расследования. Полицейские, врачи, криминалисты, следаки были и судьями, и потерпевшими. И пока большинство из них реагировали с холодной расчетливостью, вооружившись всем своим профессионализмом и авторитетом, чтобы не поддаться эмоциям.

— О'кей, — продолжала она. — Вы уверены, что речь идет об умышленном поджоге?

— Безусловно. Выявлены следы горючего вещества.

— Какого?

— Углеводорода. Пока не ясно, бензина или растворителя.

— Где находился очаг возгорания?

— На шестом этаже. На лестничной площадке Тэна. В этом месте паркет почернел лишь сверху. Значит, он не разгорался постепенно, а занялся мгновенно. Отсюда и распространилось пламя.

Жанна вспомнила, как она в огне выбивала дверь квартиры Тэна.

— Дверь Франсуа не сгорела.

— Ничего удивительного. Как видно, поджигатель налил бензин под дверь. Огонь проник внутрь, а затем по фасаду достиг нижних этажей.

— Я слышала о каком-то веществе… смоле или лаке на руках у Тэна.

— Верно. Какой-то пластик. Я отдал образцы на анализ.

— Можно мне узнать координаты вашего эксперта?

— Нет. К тому же его выводы станут официальными не раньше, чем их затребует судья, которому будет передано дело. А это не вы, пока не доказано обратное.

Жанна пропустила его выпад мимо ушей:

— Я говорила с Ланглебером. Он считает, что это защитное вещество, что-то, чем Тэн покрыл себе руки, чтобы спастись от предстоящего пожара…

— Я не согласен. Не вижу, с чего бы Тэну опасаться пожара или держать дома подобное вещество. При любом раскладе мы пока не знаем, что это такое.

— А как по-вашему?

— Может, что-то расплавилось и пролилось ему на руки. Например, лак от книжного шкафа. Хотя среди образцов, которые мы успели взять в квартире Тэна, ничего похожего не найдено. Впрочем, работа еще не закончена.

Жанну вдруг осенило. А что, если все было наоборот? То, что протекло под дверь, не испугало убийцу… Он намазался каким-то негорючим веществом, чтобы защититься от пожара. Вот почему он был голым. Вот почему он как будто не замечал ожогов. Немного притянуто за уши, но она видела своими глазами, что ему не было больно. А его тело так и не нашли… Значит, он вышел из огня живым.

— На этом, — заключил Мессауд, — вынужден попрощаться с вами, Жанна. Поговорим, когда дело поручат вам официально.

Как же они достали ее с этой своей присказкой!

— Вы исследовали образцы, взятые с последнего места преступления в мастерской Вьотти?

— Мы работаем над этим.

— Они не отличаются от образцов с предыдущих мест преступления?

Криминалист не ответил.

— Так отличаются или нет?

— Только надписи на стене. В них обнаружено еще одно вещество. Там есть кровь, слюна, экскременты, а кроме того, околоплодная жидкость. Убийца похитил ее с предыдущего места преступления. Настоящий псих.

Жертвоприношение плодородию. Обряд, совершенный во исполнение обета. Все это связано с какой-то детской травмой…

Может, Хоакин бесплоден? Или его рождение было осложнено бесплодием родителей?

Она поблагодарила начальника криминалистов и пообещала перезвонить, как только получит дело. Он явно был настроен скептически. Она набрала последний номер. Чего уж теперь. Снявши голову, по волосам не плачут. Жанна собиралась поговорить с Бернаром Левелем, специалистом по психологическому профилированию, к которому обращался Тэн. Жанна не была сторонницей психологических методов, но выбирать не приходится… Номер она нашла в папке.

— Дело передали вам?

Левель держался настороженно. Жанна твердо ответила:

— Пока его никому не передали. Я всего лишь коллега и друг Франсуа Тэна. Передо мной лежит следственное дело, которое он вел. Здесь нет ни одного отчета за вашей подписью. Почему?

— Меня отстранили прежде, чем я успел представить свои выводы.

— Сам Франсуа Тэн?

— Нет. Кто-то из вышестоящего начальства. После третьего убийства сочли, что мои заключения уже… устарели.

— А меня они интересуют.

Повисло молчание. Левель размышлял. Стоит ли говорить по телефону с этой незнакомкой? А что, если это удастся обернуть в свою пользу? Вдруг его снова подключат к расследованию? Она сыграла на его тщеславии:

— Я слежу за расследованием с самого начала. Побывала на двух из трех мест преступления. И я знаю, что только судебный психолог поможет нам разобраться в этом деле. Здесь мы столкнулись с чем-то совершенно непостижимым.

— Вы сами это сказали, — усмехнулся Левель.

— Взять хотя бы кровавые надписи.

— Они были и на третьем месте преступления?

— Да, те же самые.

— И он использовал те же материалы?

— На этот раз он добавил околоплодную жидкость. Похищенную из лаборатории Павуа.

— Я так и знал.

— Почему?

— Место он выбирает не наугад. Ему нужна не столько определенная жертва, сколько обстановка. Контекст. Вот почему он каждый раз там что-то крадет. Эта лаборатория — настоящий храм плодородия. Насколько мне известно, место третьего преступления связано с первобытной эпохой. Все это взаимосвязано.

— Пожалуйста, поподробнее.

— Каждое убийство представляет собой жертвоприношение. Жизнь жертвы — дар, приносимый таинственному божеству. Акт каннибализма здесь также играет роль. Он возрождает того, кто его совершает. Ритуал строится на таких понятиях, как жизненная сила или женская матка.

— А что вы скажете о психологическом профиле убийцы?

— Это одновременно и психопат, холодный, асоциальный, владеющий собой, и психотик, подверженный… припадкам, во время которых он полностью теряет над собой контроль.

Жанна вспомнила Хоакина. И тот металлический голос.

— По-вашему, он может страдать раздвоением личности?

— Это слово применяют к месту и не к месту. Если вы говорите о шизофрении, я бы сказал, что нет. Но он определенно страдает расщеплением. Какая-то часть его личности ему не подвластна.

Над этим Жанне еще предстояло подумать. Хоакин был подвержен приступам, о которых он не помнил. Но в таком случае кто планировал убийства? Кто готовил место жертвоприношения? Чей холодный ум все организовывал?

Она вспомнила диагноз Феро — аутизм. И упомянула это отклонение.

— Чепуха, — не задумываясь отрезал Левель. — Для аутизма характерно полное отрицание внешнего мира. По-древнегречески autos означает «сам». Но хотите вы того или нет, убийство предполагает признание другого человека. К тому же аутист недостаточно организован, чтобы подготовить что-либо подобное. Несмотря на распространенный в народе миф о «гениальных аутистах», большинство из них страдает выраженной задержкой в умственном развитии.

— Вы говорили о расщеплении. А не может убийца, с одной стороны, быть здравомыслящим человеком, организатором, а с другой

— аутистом, карающей дланью?

— Аутизм — это не патология, поражающая лишь часть мозга. Это системное расстройство, понимаете?

Жанна согласилась. В психологическом профиле Хоакина что-то не сходилось. Она попрощалась с психологом и отсоединилась. Через несколько секунд у нее в кармане пиджака зазвонил мобильный.

— Это Эмманюэль. — У Жанны полегчало на душе. — Только что прочитал «Монд». Что за история с пожаром?

Жанна взглянула на часы. 15.30. Значит, в «Монде» за вторник вышла первая статья, посвященная событиям на улице Монсе. Она вкратце описала вчерашнюю безумную ночь. Звонок Тэна. Огненный ад. Свою попытку спасти друга…

— Тут есть какая-то связь с тем делом, о котором ты говорила в субботу?

— Самая прямая.

— Твои подозрения подтвердились?

— Это уже не подозрения, а факты.

— Думаешь, дело поручат тебе?

— Нет. Но я сделаю то, что должна.

— Будь осторожна, Жанна.

— В каком смысле?

— Во всех. Если это был поджог, убийца снова, не раздумывая, уничтожит любого, кто сумеет к нему подобраться. С другой стороны, ты не можешь вести расследование в одиночку, без полномочий. Не говоря уж о разборках с начальством. Никто тебе не позволит заниматься самодеятельностью.

— Я буду держать тебя в курсе.

— Удачи, детка.

Жанна отключилась и подумала об Антуане Феро. Не то чтобы она ждала от него звонка. Психоаналитик в бегах. Он не позвонит. Да он и не знает, что она — следственный судья и единственный человек в Париже, который может ему помочь.

Снова зазвонил телефон. Но не сотовый, а городской.

— Жанна?

— Я.

Она уже узнала голос «Председателя». Председателя Нантерского суда.

— Жду тебя в моем кабинете. Немедленно. Можешь не обращаться к секретарше.

26

Председателя трудно было назвать представительным. Тот, кто твердой рукой правил Нантерским судом и чье понимание французского правосудия было законом для одного из крупнейших департаментов Иль-де-Франс, выглядел настоящим уродцем. Маленький, тщедушный, сухонький, он едва был виден из-за письменного стола и буквально утопал в своем кресле. Чем-то он напоминал жителей Помпеи, погребенных под слоем пепла после извержения Везувия: плешивый, поседевший и сморщенный.

Но больше всего поражало его лицо. Оно состояло из рытвин и шишек, глубоких впадин и безобразных выступов. Череп такой неправильной формы, что казалось, его распирают легионы безумных мыслей и извращенных суждений. Выпуклые глаза постоянно затянуты желтоватой пленкой. И только глубокий баритон, исходивший из толстых, словно недовольно надутых губ, вполне соответствовал его должности.

— Садись.

Жанна повиновалась. Поднимаясь по лестнице, она тешила себя надеждой, что председатель поручит ей расследование каннибальских убийств или пожара на улице Монсе. А то и оба дела. Но при виде его будто выкованной молотом физиономии она поняла, что ее ждет кое-что куда более банальное. — Добрая старая головомойка по всем правилам.

— Ну что, гордишься собой?

Жанна предпочла промолчать. Она не знала, что он, собственно, имеет в виду — слишком много проступков и нарушений было на ее совести. И теперь ждала продолжения.

— Как судья ты обязана заботиться о своей безопасности и всегда обращаться в компетентные органы. В данном случае тебе следовало обратиться к пожарным. Точка.

— Я действовала как частное лицо.

— А взысканию ты подвергнешься как судья. Dura lex, sed lex.

Жанна мысленно перевела: «Закон суров, но это закон». Судьи охотно прибегают к латинским цитатам, унаследованным от отцов

правосудия — римлян. Председатель сыпал ими направо и налево.

— Досадно, — добавил он с притворным сожалением, — но теперь ты свидетель по делу, и прокуратура не может поручить тебе расследование.

— Никто и не собирался.

— Откуда тебе знать?

— Женская интуиция.

Председатель нахмурился:

— Тебе его не поручили бы, потому что ты женщина?

— Проехали, — сказала Жанна, к которой вернулась самоуверенность.

— И второе. Мне говорили, что ты выезжала на каннибальские убийства вместе с Тэном.

— Так и есть.

— В каком качестве?

— Консультанта.

Он медленно кивнул. Мешки у него под глазами наводили на мысль о таинственных железах, наполненных жидкостью, которую вырабатывают время и опыт.

— Вы с ним под ручку прогуливались по местам преступлений?

— Франсуа в этом расследовании чувствовал себя не слишком уверенно. Он полагал, что у меня… ну, скажем, более адекватный взгляд на вещи.

— Хотя ты никогда не занималась подобными делами?

Теперь Жанна знала наверняка, что все пропало. Не видать ей ни дела о пожаре на улице Монсе, ни расследования каннибальских убийств. А может даже, ей вообще ничего уже не поручат… Судье гарантирована несменяемость, но есть много способов отстранить его от дел.

— Я поговорил с прокуратурой. Это расследование тебе не передадут.

— Почему?

— Ты слишком в нем увязла. Была близким другом Тэна. Для этого дела нужен кто-то незаинтересованный. Объективный. Беспристрастный.

— Ничего подобного. — Жанна повысила голос. — Тут нужен энергичный следак, который не упустит убийцу и сумеет расшевелить

уголовку. И уж точно не чиновник, для которого это будет просто одно из дел. Господи, да сколько трупов вам еще нужно?

Председатель наконец улыбнулся. Его покрытые пигментными пятнами руки теребили кожаный бювар.

— Так или иначе, следователя назначат сверху. Это дело — настоящий гадюшник. Три убийства. Следственный судья сгорел заживо. СМИ разбушевались. Мне звонила сама Рашида Дати.[33]

Раз в следствие вмешалась политика, толку не будет. Административное рвение в расследовании имеет эффект, прямо противоположный ожидаемым результатам. Бумажная волокита. Соперничающие службы. Жанна совсем по-другому представляла себе следствие. Небольшая следственная группа. Схватка с убийцей mano a mano.[34]

— Есть кое-что еще, — продолжал председатель своим загробным голосом. — Дело о Восточном Тиморе.

Она выпрямилась. Это расследование совершенно вылетело у нее из головы. Приготовленные повестки. Возможный резонанс во властных структурах…

«А Клер разослала письма?» — подумала она.

— Мне звонили. Люди, с которыми лучше не связываться.

Теперь она знала ответ. Выходит, сегодня утром Клер зря времени не теряла. Нашла у нее на столе поручения о вызове Жименеса и его шайки. И поспешила выписать повестки и разослать их с курьером.

— Я только приступила к делу, — ответила она коротко.

— Насколько мне известно, даже не начинала. Пока у тебя ничего нет. Так стоит ли ворошить это осиное гнездо?

— Ты меня поддерживаешь или нет?

— Адвокаты Жименеса и прочей компании по-дотрутся твоими повестками. Потребуют документального обоснования предположений. Не говоря уж о том, что они будут настаивать, чтобы дело у тебя забрали, ссылаясь на твои левые убеждения.

Жанна не ответила. Председатель продолжал:

— И еще одно. Ты распорядилась установить прослушку по многим адресам. У меня есть список. — Он снова похлопал по бювару. — Я-то думал, ты умнее. Хочешь, чтобы тебя отстранили? Ты вмешиваешься в личную жизнь подозреваемых, на которых у тебя

ничего нет. К тому же, если верить моим источникам, эти прослушивания так ничего и не дали.

— Каким источникам?

Он отмахнулся от вопроса.

— Ты всегда торопишь события, Жанна. Вечный твой недостаток. Расследование — это забег на длинную дистанцию. Festina lente. Торопись медленно.

— Так я отстранена или нет?

— Дай мне закончить.

Он вынул из папки листок — со своего места она не видела, что это такое.

— Мне звонили из службы техподдержки. Им не хватает одного судебного поручения.

Жанна заломила мокрые от пота руки. Председатель потряс листком.

— Каким боком этот чертов психиатр причастен к расследованию? Зачем тебе понадобилось его прослушивать? И почему ты не выписала судебное поручение?

Пришлось импровизировать на ходу:

— Эти прослушивания понадобились для другого дела.

— Я так и думал. И для какого?

— Дела каннибала. Я кое-что узнала. У этого психоаналитика наблюдается отец убийцы.

— Но ты ничего не сказала Тэну?

— Хотела сперва все проверить.

— И поэтому установила прослушку у психиатра? Просто чтобы «проверить»? Что за бандитские методы, Жанна? Откуда у тебя такие сведения?

— Этого я не могу сказать.

Судья стукнул по столу. Первый признак того, что он действительно нервничает.

— За кого ты себя принимаешь? За журналистку? Мы обязаны соблюдать принцип прозрачности, детка.

— Я тебе не детка. Прослушка понадобилась, чтобы проверить информацию, прежде чем поделиться ею с Тэном.

— И что?

Жанна колебалась. Уладить все очень легко. Стоит только отдать записи двух сеансов Феро с испанцем. Но дело заберут, и тогда прощай ее улики.

— Подозрение не подтвердилось, — солгала она. — Я ничего не добилась.

— Записи у тебя?

— Нет, я все уничтожила.

— Даже оригиналы?

— Все. Я получаю диски каждый вечер. Выписок для меня никто не делает. Я прослушиваю копию и уничтожаю ее вместе с оригиналом.

Он схватил ручку — массивный лакированный «монблан», — словно собрался выписать приказ.

— Мы всё утрясем. По-тихому.

— Что — всё?

— Дело с Тимором. Ты отстранена. Acta est fabula! Пьеса сыграна, Жанна.

Она улыбнулась. Так она и знала. Ни дела о пожаре, ни серийных убийств она не получит. А теперь у нее забрали даже Восточный Тимор. Впрочем, плевать. К ней возвращалось спокойствие. Про себя Жанна твердо решила: она сама остановит Хоакина, где бы он ни был. И чтобы этого добиться, у нее оставался единственный выход. Вести расследование в одиночку. И вне закона.

— В таком случае я беру отпуск. У меня накопилось много свободных дней. Думаю, никто не будет возражать.

— Как пожелаешь.

Председатель открыл ящик. Вынул сигару. Неторопливо вставил ее в гильотинку, которая с щелчком отсекла кончик. Жанна медленно встала. Ладони у нее уже не потели. Она была совершенно спокойна.

— Прежде чем уйти, я все-таки выскажу тебе одну истину, — произнесла она самым сладким голоском.

Председатель поднял глаза, поднося к сигаре тяжелый золотой «дюпон».

— Ты старый гнусный сексист, — сказала она бесстрастно.

Судья улыбнулся во всю свою вставную челюсть.

— Если это такой способ сказать мне «до свидания», то не пойти ли тебе…

— На хрен? — Она склонилась над его столом. — Это уже было. Меня поимели давным-давно. Ты! И все остальные — судьи, прокуроры, адвокаты в этом суде! Мелочные придурки-женоненавистники, которые только и думают, что о карьере и пенсии!

Председатель молча разжег сигару. Золотые прожилки в его зажигалке блеснули на солнце. Перед серым невозмутимым лицом взвился огонек. Это каменное выражение вернуло Жанну к реальности. Ни к чему кричать и выходить из себя. Acta est fabula! И все же она чуть ли не бегом выскочила из кабинета, чтобы удержаться от искушения подпалить ему морду его же золотым «дюпоном».

27

Пять вечера.

Надо поторапливаться. Через несколько часов оба дела, связанных с Франсуа Тэном, поручат кому-то другому. И тогда ни она, ни Райшенбах не смогут ни получить информацию, ни что-либо предпринять иначе, как в нарушение закона. Но прежде всего ей надо погрузиться в следственное дело. Освоиться с фактами. Лучше узнать жертвы. Понять, что убийце понадобилось от этих женщин. Она положила перед собой часы и постаила будильник на шесть вечера.

Жанна открыла первую папку.

Марион Кантело.

22 года.

Убита в ночь с 26 на 27 мая 2008 года в Гарше.

Жанна вгляделась в фотографию. Здоровое, хотя и слишком накрашенное лицо. Ротик сердечком. И много лишних килограммов… Семьдесят два при росте метр шестьдесят три. Полицейские восстановили ее биографию. Родилась в Нанси. Третья из пяти детей в семье. Отец — мастер по керамике. Мать — служащая. В 2001 году Марион получила аттестат зрелости. Выучилась на медсестру, потом специализировалась в области детских умственных расстройств. В 2005 году приехала в Париж на стажировку в Центре для умственно отсталых детей имени Бруно Беттельгейма в Гарше. Здесь с ней заключили договор — сначала на год, затем бессрочный.

Марион была идеальной медсестрой. И вполне обычной девушкой. Жила одна в квартирке неподалеку от площади Италии, на улице Толбьяк, но у нее был жених. Лукас Нгиен. Двадцати семи лет. По происхождению вьетнамец. Учитель. Его допросили и исключили из числа подозреваемых. Кроме того, Марион Кантело увлекалась подводным плаванием, которым занималась круглый год в бассейне, и детективами. Она поглощала их без разбора, в невероятном количестве.

Жанна полистала протоколы опросов свидетелей и записи полицейских. Люди Райшенбаха изучили последние дни жизни Марион чуть ли не по минутам. Все ее перемещения. Выходы в

интернет. Звонки. Расходы. Она не встречалась с незнакомцами. В ее распорядке не удалось найти ничего подозрительного.

Она вернулась к фотографии. Лицо девушки было под стать ее характеру. Улыбчивое. Кукольное. Очень юное. Цветущая молодая женщина, легко мирившаяся со своим избыточным весом. Жанне понравилась забавная история, рассказанная Фаридой Беккер, двадцативосьмилетней медсестрой, работавшей вместе с Марион.

«Она была славная. Никогда не унывала. Однажды в кафе мы с девочками болтали о диетах. Одна сидела на одних ананасах. Другая придерживалась протеиновой диеты. Третья вообще бросила есть. Когда у Марион спросили, как она борется с лишним весом, она ответила: «Я? Одеваюсь в черное». Вообще без комплексов!»

Жанна улыбнулась. Жить в ладу с собой. Выйти замуж. Не откладывая, завести детей. И продвигаться по службе там, где работаешь. Все просто, но совсем неплохо. Особенно для Жанны, которой не давались ни любовь, ни простая жизнь. Ее улыбка растаяла. Все эти надежды пошли прахом. Потому что какой-то чокнутый, психопат, поклонявшийся первобытным богам, избрал Марион для жертвоприношения. Почему именно ее?

Она подумала о Хоакине. О его аутизме. О возможных связях с институтом Беттельгейма. Хотя Тэн проверял: взрослый человек, страдающий аутизмом, не мог в детстве лечиться в этом центре, созданном не так давно. А что, если связь следует искать в благотворительной деятельности адвоката? Не сотрудничала ли Марион Кантело с какой-нибудь негосударственной организацией? Но в показаниях свидетелей ни о чем подобном не упоминалось. Ни путешествий. Ни занятий благотворительностью. Хоакин вышел на нее как-то иначе. Но как?

Жанна перешла ко второй папке.

Нелли Баржак.

28 лет.

Убита в ночь с 4 на 5 июня 2008 года в коммуне Стен.

Намного красивее Марион. Блондинка. Черты лица правильные. Светлая, бесплотная красота, несмотря на массивные плечи. Нелли тоже была полной. Точнее, толстой. По документам, девяносто пять килограммов при росте метр семьдесят два сантиметра. Чтобы оценить ее красоту, пришлось бы забыть нынешнее повальное

увлечение худобой. Нелли Баржак родилась не в ту эпоху. Она бы расцвела во времена Рабле или Курбе.

К несчастью, Нелли тоже была современной женщиной. К своему избыточному весу она относилась как к чему-то позорному. Среди отчетов Жанна нашла описание ее квартиры. Там обнаружили множество средств для похудения, таблеток, вырезок из газет, все об одном: как похудеть, как справиться с целлюлитом и тому подобное. По словам близких, она никогда не говорила о своей беде. Эту навязчивую идею она хранила в тайне.

Нелли была необыкновенно способной. В семнадцать блестяще окончила школу. Проучившись шесть лет на медицинском факультете университета имени Анри Мондора, получила диплом врача и четыре года проходила специализацию в области цитогенетики в парижской больнице Неккера. Затем поочередно стажировалась в цитогенетических лабораториях и в клиниках педиатрии и медицинской генетики. В 2006 году поступила в лабораторию Павуа, где ей позволили совмещать работу по основной специальности — определению кариотипов — с научными исследованиями по классификации человеческих генов.

Удалось восстановить все, что происходило в последние дни ее жизни. После развода — два года она была замужем за врачом — Нелли Баржак с головой ушла в работу. В девять утра приходила в лабораторию. Проводила там целый день. После ухода сотрудников перебиралась на другой этаж для занятий молекулярной генетикой. До десяти часов, до одиннадцати, а то и до полуночи… Она совмещала две профессии, две специальности. Потом ехала к Бернару Павуа.

И где Хоакин нашел подобную женщину? Жанна снова вспомнила о благотворительной деятельности адвоката. Есть ли тут связь со статистикой, которую собирала Нелли? Может, она изучала отсталые народности, которым помогала одна из неправительственных организаций Хоакина? Вряд ли. И все-таки надо проверить и этот след.

Она перешла к третьей папке.

Франческа Терча.

34 года.

Убита в ночь с 6 на 7 июня 2008 года в Париже.

Папка совсем тоненькая. Расследование только началось. Известно, что она родилась в Буэнос-Айресе. Изучала пластические

искусства и антропологию. Затем уехала в Барселону. Позже перебралась в Париж. Насколько удалось выяснить, в столице у нее не было ни жениха, ни сколько-нибудь длительной любовной связи.

Жанна долго рассматривала фотографию. Франческа тоже была недурна собой. Очень черные брови придавали породистым латинским чертам что-то трагическое. Чернильно-черные волнистые волосы — шелковистая масса, в которую мужчинам хочется зарыться лицом… Единственная фальшивая нота: толстые щеки. Франческа Терча тоже входила в категорию тяжеловесов. Впрочем, Жанна помнила ее тело, подвешенное к потолку мастерской. Полные бедра. Толстые ляжки. Выпирающий живот в жировых складках…

В общем, «Три грузные грации». Или «Три грандиозные грации»…

Жанна прикусила губы. Пока в голову будет лезть подобная чушь, ей не стать настоящим судьей. Сочувствующим. Сопереживающим. Чутким. Она всегда была циничной. И ее профессия только укрепила этот недостаток.

Как и Нелли Баржак, Франческа вела двойную жизнь. Почти двойную. Днем в мастерской Изабеллы Вьотти она создавала доисторических людей — более правдоподобных, чем настоящие. А по вечерам занималась скульптурой для себя, в мастерской, адрес которой пока не удалось выяснить. Личная жизнь у нее, похоже, была не слишком бурной.

Что общего у нее с Хоакином? Франческа родом из Аргентины. Хоакин работал с неправительственными организациями, размещенными в Южной Америке. Есть ли тут какая-то связь? Может, в Париже они встретились в одном из посольств?

Жанна расставила три портрета перед собой. Все жертвы похожи, но не более того. Общим у них был только избыточный вес. Недавно она прочитала книгу о «преступной любви с первого взгляда», которая подталкивает убийцу к преступлению. Как правило, детонатором становится одна деталь, одна черта, присущая жертве. Но на деле все гораздо сложнее. Совпасть должно сразу несколько обстоятельств. Внешних и внутренних. И только тогда происходит вспышка…

А главное, Жанна оказалась перед дилеммой: выбрал ли убийца этих женщин из-за их внешности или из-за профессии? Всякий раз окружение жертв интересовало убийцу. Аутизм. Плодовитость.

Первобытная эпоха… Жанне снова послышался голос Тэна. Он выбирает их не наугад. Вовсе нет. У него есть план!

Она вновь задумалась, можно ли здесь говорить о предумышленном убийстве. Не вызывало сомнений, что преступления были тщательно подготовлены. Между тем Хоакин убивал во время припадков и не помнил, что с ним происходило, когда случались «провалы в памяти». Кто же тогда находил ему жертв? И готовил сцену?

Завибрировал мобильный. Жанна инстинктивно взглянула на часы. Почти шесть вечера. Она взяла трубку.

Райшенбах.

— Как ты там?

— Я отстранена. Мне не достались ни убийства, ни дело о поджоге.

— Добро пожаловать в нашу команду. У меня олько что забрали досье по каннибальским убийствам. Передали другой группе, из особо приближенных к префекту. Говорят, назначили аж тридцать легавых. Ну а госбез и управление внутренних расследований набросились на убийство Тэна, как стая голодных псов.

— Ты хочешь сказать, как стая стервятников?

— Угу, — процедил Райшенбах сквозь зубы. — Именно это я и собирался сказать. Что будешь делать?

— Я взяла отпуск. Чтобы работать над делом в одиночку. Ты со мной или нет?

— Не представляю, чем я буду тебе полезен. Раз дело не у меня, я не могу и пальцем пошевелить.

— Поступай как я. Пусть правая рука не знает, что делает левая.

— А что тебе нужно прямо сейчас?

— Я прочитала то, что ты накопал на всех жертв. Отличная работа. Но этого недостаточно.

— Куда копать дальше?

— Надо понять, как убийца их находит. Где-то же он с ними пересекся. Думаю, это всякий раз происходило в одном и том же месте. Место как-то связано с их профессией, привычками или внешностью.

— Может, на собраниях Weight Watchers?[35]

— Очень смешно. Поройся еще в их распорядке, привычках, знакомствах. Выясни, у кого они стриглись, где тренировались, к

каким гинекологам обращались, по каким маршрутам ездили в метро или на автобусе…

— Ты, похоже, не поняла. У меня нет ни времени, ни людей. Я…

— Выкручивайся как знаешь. Спиши все на другие дела.

— Это не так-то просто.

— Патрик, речь идет о серийном маньяке. Психе, который будет убивать и дальше. Мерзавце, прикончившем Франсуа Тэна.

Райшенбах помолчал.

— Может, тебе взяться за дело с другого конца? — предложил он. — Нам известно, что убийца интересовался их работой. Что, если он наблюдал за «опорными» точками — институтом Беттельгейма, лабораторией Павуа, мастерской Вьотти, — а потом уж выбрал среди служащих трех упитанных молодых женщин?

— Такое возможно. Но, изучив твои документы, я пришла к другому выводу. Он их знал. Лично.

— С чего ты взяла?

— Ни в одном случае не было ни взлома, ни посягательства с применением насилия. Что касается первой жертвы, то на парковке не нашли следов борьбы. Что до второй, то лаборатория Павуа — настоящая крепость. Туда нельзя проникнуть, не оставив следов. Нелли Баржак ночью сама встретила убийцу и показала ему лабораторию. Это точно. Что касается мастерской Вьотти, тут все то же самое. Никаких следов взлома. Франческа сама открыла убийце, ночью, ничего не опасаясь. Она его ждала.

— Мы проверили все их звонки. Входящие и исходящие. И сверили все три распечатки. Ни одного совпадения.

— Убийца поддерживал с ними связь как-то иначе. Он умудрялся встречаться с ними в определенном месте. И это место нам надо вычислить. Пусть твои парни займутся этим, Патрик!

— Что-нибудь придумаю.

Жанна поняла: счет один-ноль в ее пользу. И продолжала уже спокойнее:

— Удалось продвинуться с Франческой Терча?

— Мы побывали у нее дома. Это большая мастерская в Монтрёй.

— Ты хочешь сказать, что там она занималась скульптурой для себя?

— Ага.

— И как тебе ее скульптуры?

— Отстой. Сцены пыток. Я покажу тебе снимки.

— Еще что-нибудь?

— Да вроде нет. Но, по-моему, она собиралась переехать.

— Почему?

— Она жила в двухуровневом лофте. Внизу мастерская, наверху квартира. Так вот, на мебели стояли цифры. Точнее, одна и та же цифра.

— Какая?

— Пятьдесят. Написано фломастером на клейких бумажках. На шкафах. На холодильнике. На зеркалах в ванной. Сперва мы даже не поняли, а потом сообразили, что, верно, она готовилась к переезду. Думаю, это понадобилось для мебельного склада.

Жанна уже поняла. Она спросила:

— У тебя в группе есть женщины?

— Нет.

— А стоило бы пригласить одну-двух.

— Зачем?

— Протокол вскрытия Франчески у тебя?

— Перед глазами.

— Какого она роста?

— Метр пятьдесят семь.

— А весила сколько?

— Медэксперт пишет — шестьдесят восемь. Зачем ты спрашиваешь?

— Потому что Франческа сидела на диете. Пятьдесят килограммов — вес, который она себе наметила. И написала повсюду как памятку. К примеру, цифра на холодильнике призывает к порядку. Не сметь перекусывать!

— Ты чокнулась?

— Сам ты чокнулся. Пока убийства женщин будут расследовать одни мужчины, они и половины не поймут.

— Спасибо за нотацию, — буркнул Райшенбах обиженно.

— Не за что. Я, например, записываю то, что задумала, помадой на зеркале в ванной.

Легавый поддел ее:

— So what?[36] Чем это поможет расследованию?

— Это еще раз указывает на то, что у них было общего: избыточный вес. И соответствующий образ жизни. Ищи места, имеющие отношение к таким вещам. Может, они ходили в один и тот же спортзал, в турецкую баню… Ищи.

Райшенбах не ответил. Жанна поняла, что пора передать ему инициативу.

— Сегодня ничего не нарыл?

— Нет.

— А как насчет совпадений? В данных о детишках из Центра Беттельгейма и амниоцентезах из лаборатории Павуа?

— Еще не закончили, но пока никаких результатов.

Жанна не стала настаивать. В этот след она уже не верила. Теперь она знает имя убийцы, только и всего.

— А как насчет моего адвоката? — спросила она. — По имени Хоакин?

— Во Франции нет ни одного адвоката с таким именем. Ты уверена, что он француз?

— Не уверена. А с детализацией звонков?

— Завтра утром я получу полную распечатку звонков Тэна. А пока у меня есть список звонков этого твоего парня, Антуана Феро.

Сердце Жанны учащенно забилось.

— В последние дни звонков было немного. Сегодня утром всего два. А после ничего. Оно и понятно.

— Почему?

— Потому что я позвонил на оба номера. Первый звонок был в его телефонную регистратуру. Он отменил все встречи с пациентами. Второй звонок — в турагентство «Путешествия Одиссея». Феро забронировал билет на самолет до Мадрида. Потом — до Манагуа.

— В Никарагуа?

— Точно. В полдень он вылетел в Испанию. Если собиралась послать ему повестку, то опоздала. Через несколько часов он будет лететь над тропиками.

Выходит, Антуан Феро ударился в бега. Эта мысль ее успокоила. Но при чем тут Никарагуа? Может, у него там друзья? Она знала эту страну. Не лучшее место для туризма, пусть даже политическая ситуация там заметно стабилизировалась…

Внезапно ее осенило. Акцент отца. Связи сына с Латинской Америкой. Возможно, оба они родом из Никарагуа. Тогда отъезд Феро мог означать нечто иное. Он не бежал. Напротив, он вел расследование, связанное со своим пациентом и его сыном. Шел по следу…

— Ты выяснил, кому он звонил в субботу?

— В общих чертах.

— Проверь их возраст. Профессии. Нет ли в этом списке испанской фамилии.

— Посмотрю. На первый взгляд ничего особенного.

— Еще одно. В твоих папках нет ни слова о записных книжках, данных из мобильников, смартфонов жертв.

— Они существовали, но теперь у нас их нет. Тэн забрал их домой.

— Выходит, они…

— Сгорели. Вместе со всем остальным.

Жанна устало вздохнула:

— Я вот подумала… Похоже, убийца одержим доисторическими временами. Ты проверял, не было ли краж, ограблений или актов вандализма в Музее первобытного искусства или Музее естествознания в Ботаническом саду?

— Нет. А что, собственно, ты ищешь?

Жанна вспомнила, как она пропадала в музеях, где были выставлены работы Ханса Беллмера. Долгие годы она надеялась напасть там на след убийцы своей сестры. Искала любую мелочь, зацепку, которая привела бы ее к маньяку-кукольнику. Из этого ничего не вышло. Но может, на этот раз…

— Проверь все места, имеющие отношение к первобытной эпохе, — настаивала Жанна. — Книжные, музеи, библиотеки… Расспроси тех, кто там работает. Вдруг всплывет чье-то имя. Что-то необычное, странное… Он где-то там, я это чувствую.

— Жанна…

— У нас остались считаные часы.

28

— Без проблем.

— Точно?

— А то. Она не бронированная. Сделаю мигом.

Мишель Брюн вынул инструменты. На нем был рабочий комбинезон с логотипом фирмы «Замки Криос». Скрестив руки, Жанна смотрела, как он работает. Они стояли перед дверью Антуана Феро. Было девять вечера.

Брюн — необычный слесарь. Жанна познакомилась с ним в своем рабочем кабинете, когда его обвиняли в серии краж. В свои двадцать шесть он усвоил дурную привычку сохранять дубликаты ключей, которые делал в течение дня. А затем собирал улов. Бюстгальтеры. Грязные трусики. Журналы «National Gйographie». Ручки…

Жанна учла незначительность краж. А главное, она оценила незаурядные способности молодого клептомана к открыванию замков. Такой специалист мог оказаться полезным. Она не передала дело в суд. И освободила Брюна. Но сохранила папку с его делом. С тех пор она вызывала его время от времени. Для несанкционированных обысков.

— Готово.

Замок открылся. Жанну прошиб озноб. Рубикон перейден. Поздно отступать. Поздно думать о соблюдении закона.

Брюн толкнул дверь и пошутил:

— Уходя, закройте дверь.

Жанна натянула резиновые перчатки. Вошла в темное помещение. В квартире было жарко. Она осторожно прикрыла двери. Зажгла фонарик. Заслонила свет ладонью, чтобы его не увидели в окно. Было темно и тихо.

Дверь слева по коридору вела в приемную. Белые стены. Лепнина под старину. Лакированный паркет. Два-три стула. На низком столике — несколько книг. Не какие-нибудь глянцевые журналы, а выставочные каталоги, монографии. Здесь вы сразу погружались в интеллектуальную атмосферу. Переступив порог, Жанна обнаружила справа еще одну дверь. Открыла ее и оказалась в кабинете психоаналитика. В комнате для прослушивания.

Примерно такой она ее себе и представляла. Около тридцати квадратных метров. Справа книжный шкаф. В центре у окна под углом стоял письменный стол. Два стула. Слева кушетка, прикрытая желто-коричневым пледом. На полу красный ковер. Над кушеткой висела перуанская шаль. Тоже красная. Ей вспомнились слова Ингмара Бергмана на презентации «Шепотов и криков»: «Ребенком я представлял себе душу в виде дымчато-синего, похожего на тень дракона… Но внутри дракон был сплошь красный».[37] Она оказалась в комнате души. Казалось, сами стены пропитались звучавшими здесь голосами…

Жанна зашла за письменный стол. Приступила к обыску. Ежедневник с чистыми страницами. Безделушки. Карандаши. Ци записной книжки. Ни заметок. Ни имен. Она выдвинула ящик. Бланки для рецептов. Нетронутые. Французский фармацевтический справочник «Видаль». «Diagnostic and Statistical Manual» — американское руководство по диагностике и статистике психических расстройств… И ничего, что касалось бы пациентов.

А ведь ей представилась единственная возможность убрать жучок, установленный технической поддержкой. Обернувшись, она пошарила глазами над карнизом. Техники всегда действовали одинаково: Жанна подвинула стул, прихватила нож для бумаг. Взобралась на стул, пошарила над рамой. Вот и жучок — вмонтирован в стену прямо над окном. Она ковырнула ножом, и микрофон упал ей в ладонь.

Рядом с книжным шкафом Жанна заметила еще одну дверь. Подошла поближе. Бинго! Каморка в пять квадратных метров, где хранились архивы Феро. Простые полки, заставленные папками, в которых лежали исписанные от руки страницы. Психиатр работал по старинке. Она наугад вынула одну из папок. На каждого пациента Феро заводил карточку — фамилия, имя, адрес — и после каждого сеанса делал новые записи. То, что нужно.

Ей предстояло выбрать все досье на пациентов с фамилиями, похожими на испанские, и подходящих по возрасту — от пятидесяти и старше. Все равно что искать иголку в стоге сена. Если Феро унес ноги и тем более если он сам затеял расследование, он прихватил досье на старого идальго. И вообще, с чего она взяла, что фамилия у него испанская? У южноамериканца вполне может быть немецкая, русская или итальянская фамилия…

Сначала надо завершить обход квартиры. Жанна, вся в испарине, вышла из комнаты. В конце коридора была спальня. Двуспальная кровать. В левой стене — встроенные шкафы. Напротив кровати плазменная панель. Теперь ясно, что Феро жил здесь. Она обратила внимание, что ни на стенах, ни на прикроватном столике нет ни одной личной фотографии.

Противоречивые чувства охватили Жанну. С одной стороны, это открытие ее обрадовало. У Антуана Феро не было семьи. Ни жены, ни детей. А с другой, при мысли о его одиноком существовании, сосредоточенном вокруг рабочего кабинета, ей стало не по себе. Феро жил как студент. Без удобств. Без тепла. Без размаха. Такая жизнь не будоражит воображение. Но разве сама она живет иначе?

Она заглянула в выдвижные ящики. Трусы. Носки. Рубашки. Все темное. Вещей так немного, что сразу ясно: хозяин в отъезде. За раздвижными дверцами — гардеробная. Несколько костюмов из черной шерсти. Настоящий гардероб похоронного агента. Может, все свои легкие цветные вещи он забрал в Никарагуа?

Жанна продолжила осмотр. На полу у кровати валялись книги. «Пустая крепость» Бруно Беттельгейма. «Волшебная гора» Томаса Манна. «Евгений Онегин» Пушкина. Она полистала их. Потрясла. В надежде, что книга заложена фотографией. Ничего. Заметила письменный столик, втиснутый между окном и плазмой. Без компьютера. Она открыла ящичек. Перерыла блокнотики, листки и прочий бумажный мусор. Ничего. Феро растворился вместе со своими секретами.

Она прошла по коридору. Мокрая от пота майка липла к телу. Жанна нашла кухню и сунула лицо под холодную воду. Эта комната походила на все остальные. Чистая. Холодная. Безликая. Открыла холодильник: пусто. Прошла в ванную. То же самое. На полках — ни косметических средств, ни зубной пасты. В голове промелькнуло дикое подозрение: а что, если Феро жил здесь только в будни, а по выходным возвращался к семье, в роскошный особняк где-нибудь в Провансе? Но нет, тогда были бы фотографии, детские рисунки, письма. Феро — настоящий фанатик психиатрии. Одинокий человек, увлеченный лабиринтами мозга, «венской революцией», механизмом отцов.

Она вернулась в каморку с папками. Снова встала на стул и принялась за поиски. Вскоре она приноровилась. Надо направить свет фонарика в нужную сторону. Подхватить стопку папок. Положить ее на согнутую руку. Открыть первую страницу папки правой рукой, чтобы увидеть фамилию пациента. За два часа Жанна отобрала пять папок, подходивших к человеку, каким она его себе представляла.

Конечно, если брать широко.

Очень широко.

Карлос Вила, 57 лет.

Рейнальдо Рейес, 65 лет.

Жан-Пьер Венгас, 69 лет.

Клаудио Гарсия, 76 лет.

Томас Гутьеррес, 71 год.

Богатый урожай? Что-то не верится. И все же она проштудирует каждую папку. Она взглянула на последнюю, самую нижнюю полку. Затылок, виски, подмышки липкие от пота. К тому же пот смешался с поднявшейся пылью. На коже образовалась омерзительная корка.

Она опустилась на колени, чтобы взяться за последний ряд, и тут ее сердце замерло от страха.

В дверь постучали.

Это был не просто стук, а мощные удары. Отчетливые. Неистовые. Прерывистые. Словно запущенные изо всех сил камни. Жанна уронила фонарик. Она не сомневалась: это убийца.

Новые удары.

И треск дерева.

Дверь пытались выломать…

Жанна оперлась о полки. В крови бушевал адреналин. В голове заметались мысли. Подобрать фонарик. Сложить папки. Найти другой выход. Она наклонилась. Поскользнулась на бумажке. Рухнула на гору папок. Падение отрезвило Жанну. К ней вернулось хладнокровие. Она подхватила фонарик. Собрала толстые папки. Удары сыпались градом. Дверь едва держалась. Жанна вспомнила, что не опустила засов. К тому же при ней нет оружия.

Стоя на четвереньках, она продолжала собирать папки. Эти груды бумаги вдруг показались ей бесценными. Ее добыча, ее сокровище. За этим она пришла и без них не уйдет. Вокруг шуршала бумага.

Страницы выскальзывали из рук. Засунув их под мышку, она осознала, что тишину квартиры разорвал новый звук.

Крик.

Рычание.

Ничего подобного она еще не слышала. Такое низкое и хриплое, что больно ушам. Нечто вроде звукового скребка, проникающего сквозь барабанные перепонки, царапающего нёбо и дерущего по горлу. Звук стал выше и перешел в протяжное воркование. Переливчатое, как у голубя.

Похоже на глиняный свисток, если несильно в него подуть. «Хоакин», — прошептала она. В этом крике ей послышался металлический голос с цифровой записи. Из тела адвоката вырвалось «оно»… Тварь пробудилась… И вернулась, чтобы прикончить Антуана Феро, как накануне убила Франсуа Тэна. Уцелевших не будет.

Она метнулась в коридор. Оглянулась через плечо. И увидела — или ей только показалось, — как входная дверь прогибается под ударами. Жанна бросилась в спальню. На кухню. В ванную. Оглядела каждую комнату. Заметила окно прямо над ванной. Попыталась вспомнить, куда оно выходит. Вдруг через него можно попасть во двор?

Торопливо включила свет в ванной. Нашла на раме задвижку, но ручки не оказалось. Она замерла. Положила папки. Поискала какое-нибудь орудие…

Треск.

И крик, отчетливее и ближе. Убийца пробил дверь. Его воркование разносилось по коридору, отражалось от стен. Жанна шарила в ящиках. Мыло. Пилочка для ногтей. Расческа… Снова послышались удары. Дверь затряслась. Пинцет для волос. Дезодорант. Гигиеническая помада… Черт. Черт. Черт. Жанну безудержно трясло. Полотенца. Флаконы. Спреи…

И снова треск. Посыпались щепки. Дверь не устояла. Убийца уже внутри. РРРРРРУУУУУУ!!! Ребенок-монстр почти пел. Она нашла похожие на клещи щипчики для ногтей. Бросилась к окну, зажала стержень шпингалета и повернула. Не получилось. РРРРРРУУУУУУ!!! Новая попытка. И снова неудача. Глаза заволокло слезами.

Наконец стержень повернулся. Окно открылось. Жанна высунулась наружу. По фасаду тянулся узкий карниз. Внизу — внутренний двор. Она засунула папки под майку. Выбралась в окно.

Когда ее каблуки коснулись карниза, шепот слышался у нее за спиной:

— Todas las promesas de mi amor se irán contigo.

Me olvidorás…

Перешагивая через сточные трубы, Жанна двинулась по карнизу к углу здания. По двору несся шепот:

— …me olvidorás.

Junto a la estación lloraré igual que un niño,

Porque te vas, porque te vas,

Porque te vas, porque te vas…

Стараясь не смотреть под ноги, она уже шла по другому карнизу. В полумраке разглядела открытое окно. За ним была лестничная площадка. Она бросила туда свои папки. Вила, Рейес и прочие Гарсии рассыпались по ступенькам. Она перекинула ногу через подоконник.

И только тогда решилась оглянуться.

Чудовище не стало ее преследовать.

Дрожа всем телом, оно замерло у окна ванной. Несмотря на жару, его бил озноб. Это был лишь темный силуэт, но Жанне показалось, что она различает детали. Взлохмаченную гриву. Голое плечо. Вывернутую внутрь когтистую руку на раме.

Жанна была уверена, что оно следит за ней, но в этот миг луч света коснулся глаз чудовища. Дергающийся взгляд был направлен вниз. Глаза смотрели не на нее.

Ни на нее и ни на кого другого. Эти глаза были устремлены внутрь. На «Я» убийцы.

На лес, заставлявший его убивать. Снова и снова.

29

Жанна проснулась совсем разбитая.

Первую часть ночи она пыталась оправиться от пережитых волнений. Вторую — изучала украденные у Феро досье. Но все впустую. Самые обычные невротики. Ни намека на отца и сына-убийцу. Третью часть ночи, всего два-три часа, она посвятила сну. Как всегда, наглотавшись снотворных.

В результате ее мучили нескончаемые кошмары. Горлум вернулся. Тот же, что в первых ее снах. Теперь он был в квартире Франсуа Тэна. На галерее, в самом сердце пожара. Жанна пыталась крикнуть, но пламя душило ее. Потом ребенок-монстр врывался в выломанную дверь. Уже в квартире Феро. Жанна ползла по коридору к зеркалу, но не продвигалась ни на шаг. Сзади был ребенок. А впереди — его отражение в зеркале. Голый, черный, он больше не шевелился, только бормотал что-то прерывисто-заунывное. Его устремленные вниз глаза подрагивали. Жанна все пыталась убежать. Но не могла сдвинуться с места, охваченная жалостью к этому темнокожему ребенку со скрюченными руками и густой гривой, тень от которой на стене напоминала вершину ливанского кедра…

Она проснулась и вновь уснула.

Потом просыпалась снова и снова…

До нее наконец дошло, что в дверь звонят. Жанна поднялась с постели, словно во сне. Прошла через гостиную. Осознала, что на ней пижамные штаны от «Кальвина Кляйна» и застиранная футболка, в которой едва ли прилично показаться кому-то на глаза. Солнце уже взошло. Пока еще не палящее, но уже предвещающее зной.

В дверь опять зазвонили. Она споткнулась о разложенные на полу папки и вспомнила кабинет Феро. Ей удалось ускользнуть от убийцы. Она выжила. Отныне каждая секунда полнилась тайным восторгом и несказанной благодарностью…

Звонки не прекращались.

Она открыла дверь. Даже не взглянув в глазок. Не накинув цепочку.

Перед ней стоял незнакомец. Лет пятидесяти. Стриженные ежиком волосы с проседью. Черная кожаная куртка. Серебристые усы.

Но больше всего ее удивило то, что он держал в руках.

Букет цветов.

— Мадам Крулевска?

— Это я.

— Майор Кормье. Мы с вами уже встречались.

— Не припоминаю.

Мужчина отвесил старомодный поклон:

— Позавчера. В горящем здании. Тогда все мы были в шлемах. Если бы не вы, я бы полетел с пятого этажа. Я — начальник пожарной бригады Десятого округа.

Жанна кивнула, восстанавливая случившееся в памяти. Задымленная лестница. Пылающая площадка. Пожарный, который вывалился из квартиры напротив и пятился к обрыву. Она почти забыла, что в этом хаосе спасла кому-то жизнь.

— Я сделала это машинально, — сказала она, стараясь приуменьшить свою заслугу.

— Но чертовски вовремя.

— Входите.

У Жанны было чувство, будто ее застигли врасплох. От снотворного в голове гудело. Ее все еще мучили обрывки кошмарного сна. В квартире было не убрано. Воздух спертый. И только солнечный свет как-то скрашивал общее впечатление.

— Хотите кофе? — спросила она на всякий случай.

— Спасибо. Не буду вас утруждать. Я зашел, только чтобы поблагодарить вас. — Он протянул букет. — Подарок скромный, но…

— Присаживайтесь, — сказала она, забирая букет. — Я отнесу их на кухню.

Когда она вернулась, он стоял у окна, держа руки за спиной. Невысокий. Крепкий. Подтянутый. От него так и веяло силой, уверенностью, готовностью прийти на помощь.

— Как вы узнали, где я живу? Я еще не давала показаний.

Пожарный обернулся. В солнечном свете его глаза отливали металлом.

— В больнице. Заглянул в акт о несчастном случае.

В гостиной запахло кофе. Она вдруг поняла, что пожарный появился как нельзя более кстати.

— Что вы думаете о пожаре?

— Если честно, я мало что знаю. Похоже на поджог. Но тут я не специалист. Я уверен в одном: очаг возгорания был на шестом этаже. Там, где жил ваш друг.

— Это вы меня вытащили?

— Да, вместе с моими людьми.

— А в квартире вы не заметили ничего подозрительного?

— В каком смысле?

— Чьей-то тени. Убегающего человека.

— Нет. Не представляю, чтобы кто-то мог там выжить без снаряжения.

Она представила себе чудовище. Голое. Черное. Скрюченное. Покрытое смолой?

— Как по-вашему, существуют вещества, способные полностью защитить от огня?

— Похоже, в этой области наметился прогресс. Во всяком случае, в кино. Появились какие-то новые составы. Но в этом я тоже не слишком разбираюсь.

Жанна задумалась. Возможно, это зацепка. Кормье, казалось, угадал ее мысли:

— Хотите, я попробую выяснить?

Жанна кивнула. Написала на визитке свой номер мобильного. Пожарный сунул его в карман. У него были широкие мозолистые ладони. Ощущение надежности усиливалось с каждой секундой.

Теперь она знала, кого звать, если снова вспыхнет пожар. Он попрощался и вышел, едва не задевая широкими плечами стены узкого коридора.

Десять утра. Кофе. Эффексор. В такое солнечное утро только и думаешь, что об отпуске. Да и визит стриженного под ежик Деда Мороза показался ей добрым предзнаменованием. Зазвонил телефон. Она предупредила Клер, что сегодня ее не будет. Завтра тоже. В общем, еще долгое время. Секретарша, похоже, совсем растерялась.

— За делом по Тимору заходил пристав, — сказала она тихо, словно опасаясь, что ее услышат. — С судебным поручением.

— Кому передали дело?

— Стефану Рейнхару.

Могло быть и хуже. В конце концов, это дело она получила с его подачи. Он докопается до мотива — нефти. И придумает, как прижать виновных. Во всяком случае, из них с Кределем (он же Крендель) выйдет отличная команда.

— Больше ничего?

— Звонки. Письма. Что мне отвечать?

— Свяжись с председателем. Пусть поручит самые срочные дела кому-нибудь еще.

— А как же я? Думаете, меня прикрепят к другому судье?

— Я позвоню председателю.

Не беспокойся. Жанна попрощалась и обещала перезвонить. Едва она повесила трубку, как зазвонил мобильный.

— Алло?

— Райшенбах.

— Есть новости?

— Я получил распечатку последних звонков Тэна.

— Что-нибудь интересное?

— Два странных звонка. Один — в Никарагуа, в пять часов в воскресенье. И сразу за ним второй — в Аргентину.

Все сходится. Что бы ни нашел Тэн, это как-то связано с Центральной или Южной Америкой. А Феро вчера вылетел в Манагуа.

— Ты выяснил, кому он звонил?

— Пока нет. Оба номера засекречены. В Манагуа он звонил на мобильный, а в Аргентине — на стационарный телефон. Мы над этим работаем. В течение дня что-то должно проясниться.

Он сделал паузу и заговорил снова:

— А этот твой Антуан Феро, который смылся в Никарагуа? Он-то тут при чем?

— Он психиатр. Я думаю, он лечит убийцу-каннибала. Точнее, его отца.

Пораженный, он не сразу заговорил снова:

— Ты знаешь, кто убийца?

— Нет. Мне известно только имя.

— Хоакин?

— Точно. Ты нашел адвоката с таким именем?

— Пока нет.

— Поищи еще. Он работает с негосударственными организациями, размещенными в Южной Америке.

Ее собеседник прочистил горло:

— Слушай, Жанна, мы оба отстранены. У меня нет людей для этого дела, и…

— Давай сегодня выложимся на все сто. Других новостей нет?

— После сообщения об убийстве Франчески Терча телефоны, как обычно, обрывают чокнутые с признаниями и свидетельствами. Этот поток дерьма иссякнет еще не скоро.

— А что там с расследованием?

— Совсем тупая? Забыла, что это дело — stand by?[38] Мы им больше не занимаемся, и…

— А что с ограблениями в музеях, связанных первобытной эпохой?

— Я разослал запросы. Пока ничего, и… — Похоже, Райшенбах о чем-то вспомнил. — Погоди-ка, у меня для тебя кое-что есть… — До нее донесся шорох бумаги. Полицейский рылся в своих записях. — Сегодня утром Мессауд послал мне сообщение. Он не знал, кому его отправить… Пришли результаты анализов охры, которую убийца смешивал со всем остальным, чтобы делать свои надписи. Оказывается, это вообще не охра, а… — Жанна снова услышала, как он шелестит бумажками. — Урукум.

— А что это?

— Растение из бразильской Амазонии. Мессауд звонил специалисту. По его словам, местные индейцы размалывают семена в порошок и натираются им, чтобы защититься от солнца и комаров. Поэтому португальцы в шестнадцатом веке и прозвали их краснокожими.

— Это растение наделено магическими или символическими свойствами?

— Не знаю. Мессауд все записал. — Полицейский снова порылся в бумагах. — Вот. Оно очень богато бета-каротинами. Только не спрашивай, что это за хрень. А еще содержит олигоэлементы: цинк, магний, селен… В наше время урукум входит в состав некоторых биопродуктов. Тех, что подготавливают кожу к солнечным ваннам.

Жанна попросила его произнести по буквам название растения, а также его ботаническое наименование: Bixa orellana.

— Это поможет нам выяснить, откуда убийца родом, — подытожил полицейский. — По крайней мере, узнать, где он бывал.

Данные подтверждали то, что уже было известно о каннибальских убийствах. Они как-то связаны с Южной Америкой, но в самом широком смысле: Манагуа в Никарагуа, Буэнос-Айрес в Аргентине и Манаус в Бразилии разделяют тысячи километров…

Жанна задумалась, действительно ли эти сведения полезны для расследования или они — всего лишь бесконечная пульсация некой расширяющейся вселенной? В одном она была уверена: старик и его сын родом не из Бразилии. Она достаточно хорошо знала те края, чтобы отличить испанский акцент от португальского выговора. Да и когда чудовище внутри Хоакина произносило слова песни «Porque te vas», оно говорило на безупречном испанском.

Одна эта мысль напомнила ей об ужасе, пережитом накануне. Окруженная влажной тьмой, она балансирует на карнизе, а позади нее шепот заполняет весь двор: «Todas las promesas de mi amor se irán contigo. Me olvidorás……»

— Эй, ты меня слушаешь?

— Что ты сказал?

— Я говорю, что вечером завязываю с этим делом. Судебная полиция — это тебе не частное агентство. Все, чем я еще могу помочь, так это покопаться в данных сегодня, и…

— Тогда за дело.

30

— Сегодня термин «аутизм» каждый понимает по-своему. Им обозначают различные патологии, которые в целом имеют схожую симптоматику. Расстройства речи. Бегство от реальности. Трудности в обучении. То есть этим словом называют скорее симптомы, чем какую-то отдельную болезнь. Последствия, но не причину. Понимаете?

Жанна не ответила. Чего она и правда не понимала, так это чем она сейчас, собственно, занимается. Сидит босиком, в блузке и подвернутых штанах, на краю бассейна. Крытого бассейна в институте Беттельгейма. Директриса центра Элен Гароди согласилась принять ее при условии, что Жанна подстроится под ее расписание. Сейчас, например, она купала девочку лет шести-семи со странно напряженным телом.

Элен Гароди поддерживала девочку одной рукой, а другой поливала ей лобик.

— Как назло, — продолжала она, — специалисты и сами никак не договорятся ни о классификации этих патологий, ни об описании симптомов. А тем более об их причине. И у каждого свое представление о том, как их лечить…

Жанна попыталась сосредоточиться, но запах хлорки, голубая керамическая плитка, само звучание слов — все это только отвлекало ее. Уж не говоря о сорока пяти минутах пути до Гарша, где располагался институт Беттельгейма.

— Как бы вы описали симптомы, общие для всех патологий?

Она задала этот вопрос, чтобы вернуться к чему-то конкретному. Что до симптомов, то с некоторыми из них она уже познакомилась. Жанна вспомнила мечущийся, несфокусированный взгляд убийцы в запотевшем окне ванной. Вновь услышала голос, скороговоркой причитавший: «Porque te vas?»

— Существует бесчисленное множество проявлений, — ответила Элен Гароди. — Как и степеней тяжести, и вариантов развития заболевания. Одни дети обучаются речи, другие нет. Одни со временем могут стать самостоятельными, приобрести профессию. Другие не могут. Обобщая, можно сказать, что все симптомы связаны с

изоляцией от мира. Аутист игнорирует все, что приходит извне. Он ведет себя так, словно другие не существуют. Даже его родители. Боится физического контакта. Еще одна важная составляющая аутизма — потребность в постоянстве. Ребенок хочет жить в неизменном мире. Его окружение не должно меняться. Например, у себя в комнате он всегда все кладет на место, причем прекрасно помнит каждую мелочь. Можно предположить, что он, по сути, не делает различия между собой и своим окружением. Таким образом, любая перемена переживается им как травма, как посягательство на его личность.

— Мне что-то говорили о нарушениях речи…

— Да, у тех, кто вообще выучивается говорить.

Жанна помнила все, что сказал Феро. Но ей требовались подтверждения:

— Какие нарушения встречаются особенно часто?

— Ребенок говорит о себе во втором или третьем лице, словно у него нет собственного «Я». А еще ему трудно сказать «да». Нередко в знак согласия он повторяет вопрос. Иногда встречается такой феномен, как эхолалия. Ребенок точно воспроизводит обрывки слов, всегда с одной и той же интонацией. На первый взгляд они ничего не значат, но один из первых психиатров, изучавших такие случаи, Лео Каннер, отмечал, что эти обрывки отсылают к той ситуации, когда ребенок услышал их впервые. Тогда ряд слов становится метафорическим выражением ситуации и связанного с ней опыта.

Жанна снова вспомнила о песенке «Porque te vas».

— Опыта травматического?

— Не обязательно. Например, ребенок запоминает фразу в момент, когда ему хорошо. И всякий раз, когда он ее повторяет, это означает: «Мне хорошо». Только имейте в виду: все, что я вам сейчас говорю, нельзя понимать буквально. Я выражаю типичные человеческие эмоции и реакции по отношению к миру, который имеет мало общего с душой человека. Мир аутиста — это нечто совершенно… особенное.

Жанна села на край бассейна, свесив ноги в воду. Элен Гароди все еще поддерживала лежащую на воде девочку. Ребенок не двигался, губы искривились в жуткой усмешке. Жанна сосредоточилась на своих вопросах. Она пришла сюда, чтобы найти связь между тремя

вершинами, на которые указывали профессии жертв: аутизмом, генетикой, первобытной историей.

— А патологии, вызывающие аутизм, могут быть обусловлены генетически?

— Да, некоторые современные исследователи стремятся доказать, что подобные синдромы могут объясняться генетическими отклонениями. Утверждают даже, что аутизм — психическое расстройство, связанное прежде всего с дефектными генами. Но я бы не стала высказываться столь категорично. Мы до сих пор не знаем, о каком типе генов идет речь. А главное, мы не знаем, какие внешние факторы вовлечены в этот процесс.

— Выходит, аутизм нельзя выявить до рождения ребенка, например по кариотипу зародыша?

— Обнаружены некоторые области хромосом, которые в отдельных случаях могут быть связаны с аутизмом. Но ранняя диагностика пока невозможна. Такие исследования имеют чисто экспериментальный характер.

— А травматические причины? — спросила Жанна, отклоняясь от темы. — Может ли ребенок, переживший сильный шок, заболеть аутизмом?

Элен Гароди улыбнулась. По ее лицу невозможно было ни определить ее возраст, ни сказать, красива она или безобразна. Оно выражало одно только непоколебимое превосходство. И полную невозмутимость.

— Многие дети-аутисты такие от рождения. А значит, жизнь не могла оказать на них никакого влияния. Если только мы не говорим о жизни до рождения. О внутриутробном существовании. В этом случае мы разделяем взгляды Бруно Беттельгейма.

— Ваш центр носит его имя?

Директриса не ответила. Она осторожно перемещала девочку по поверхности воды. Движения ее были плавными, и все же контраст белой кожи, желтых спасательных нарукавников и бирюзовой воды казался невыносимым. На девочку с ее оскаленным ротиком, деснами свекольного цвета и застывшим тельцем было больно смотреть… Медсестра, которая только что вошла в бассейн, подхватила ребенка и направила к ожидавшим на берегу санитарам.

Элен Гароди одним движением выскользнула из воды, оказавшись в нескольких шагах от Жанны. У нее была стрекозиная талия и выпуклый зад.

— Идем, — сказала она, подхватывая с пола полотенце и полотняную сумку, — погреемся на солнышке. У меня обеденный перерыв. Я вас приглашаю.

За широкими окнами простирались лужайки, яркие и гладкие, как поля для гольфа. Блоки из белого мрамора вздымались вверх, подобно современным скульптурам. Жанне пришло в голову, что в этих садах царит умиротворение римского атриума.

Жанна думала, что директриса наденет белый халат медсестры. Но Элен просто сняла резиновую шапочку и осталась в купальнике. Ее волосы были собраны в нарочито небрежный пучок, а затылок отличала грозная грация натянутого лука.

Она вынула из сумки пачку «Мальборо» и закурила, оглянувшись на ребенка. Санитары бережно вынули девочку из бассейна и усадили в кресло-каталку.

— С ней надо быть очень осторожным. Купание ее успокаивает, но…

— Она опасна?

Не сводя глаз с окруженного медсестрами ребенка, Гароди выпустила дым изо рта:

— Отец воспитывал ее вместе с собаками. Хотя о собаках он заботился куда больше, чем о дочери. Когда мы ее забрали, она подражала животным, надеясь, что так с ней будут лучше обращаться. Усвоив, что мы-то скорее занимаемся людьми, она возненавидела собак. К тому же теперь она до смерти их боится. Из-за этого у нее ужасный внутренний конфликт.

— Почему?

— Потому что какая-то ее часть так и осталась собакой.

Теперь санитары везли девочку к центральному зданию. Один из них снял с нее купальную шапочку. На солнце блеснули длинные рыжеватые волосы, словно на волю вырвалось ее звериное начало.

— Пошли. Сядем вон там.

Блоки были не мраморные, а из крашеного цемента. В тени одного из них стоял походный холодильник. Элен открыла его и вынула ледяную банку.

— Диетической колы?

— Это и есть наш обед?

— Фигура прежде всего!

Жанна взяла баночку. Ощутила под пальцами созвездие ледяных капель.

И тут из здания послышался душераздирающий крик. Жанна подскочила. Ей-то казалось, что это белое, плывущее в солнечном мареве строение символизирует замкнутый, непроницаемый, таинственный мир аутизма.

Директриса, не вынимая сигарету изо рта, открыла банку с колой. Казалось, она ничего не слышала. Каждое ее отточенное движение выражало спокойную уверенность.

— Мы говорили о Бруно Беттельгейме, — сказала Жанна.

— Да. Вы о нем слышали?

— Кое-что. Это он написал «Психоанализ волшебной сказки»?

— Прежде всего он занимался аутизмом. Беттельгейм — психиатр родом из Вены, перебравшийся в США. Он создал там реабилитационную школу-клинику при Чикагском университете. Но сначала, в тридцать восьмом году, в Европе, его отправили в лагерь. Он был евреем. Именно в концлагере, в Дахау, а позже в Бухенвальде, он разработал свой метод лечения детей-аутистов.

— Каким образом?

— Наблюдая за другими заключенными. Он заметил, что они замыкаются в себе, пытаясь уйти от враждебного окружения. Позже он пришел к выводу, что дети-аутисты также воспринимают окружающую реальность как неотвратимую угрозу. А значит, чтобы им помочь, следует создать мир, диаметрально противоположный этой угрозе. Мир совершенно позитивный, направленный на то, чтобы открыть их разум, освободить их от страха, обратив вспять процесс нарастания ужаса и самоизоляции…

— Именно этот метод он и применял у себя в школе?

— У него в центре этой цели служила каждая мелочь. Цвет занавесок и стен. Очертания мебели. Статуи в садах. Конфеты на полках, до которых всегда легко дотянуться. Открытые двери. Но все осложнялось, когда он запрещал родителям видеться с детьми.

— Он рассматривал их как угрозу?

— Во всяком случае, в восприятии ребенка. В этом и заключается теория Беттельгейма. Он считал, что аутизм — это результат заброшенности, воображаемой или реальной, но глубоко переживаемой ребенком. Его отгороженность от мира — психическая реакция. Защитный механизм.

Жанну поразило одно воспоминание. Среди настольных книг Антуана Феро была «Пустая крепость» Бруно Беттельгейма. Очевидно, после встречи с Хоакином психиатр решил освежить в памяти теорию аутизма…

— Эти методы вы применяете и здесь?

— Нет. Мы восхищаемся этим человеком, но методы лечения с тех пор ушли далеко вперед.

— Вы разрешаете родителям посещать детей?

— Ну конечно.

Слова директрисы натолкнули ее на другую мысль. Жанна подумала о Хоакине и его отце.

— Вам что-нибудь говорит имя Хоакин?

— Нет. Почему вы спрашиваете?

— Да так. — С усмешкой она призналась: — Расследование очень сложное. Я забрасываю удочки, но рыба не клюет…

— Не понимаю. Расследование ведете вы?

— Нет. Как раз это и сложно… С вами связывался Франсуа Тэн?

— А кто это?

— Следственный судья.

— Имя мне ни о чем не говорит. Но какой-то судья действительно звонил. Задавал вопросы об аутизме. У него забрали дело?

— Он умер.

— Как?

— Во время пожара. Позавчера.

С непроницаемым видом Элен Гароди глотнула шипучей жидкости. Близость смерти не страшила ее. Медсестра, которую несколько дней назад убили и сожрали в этом самом центре. Сгоревший заживо судья, расследовавший ее убийство. Все это скользило по ней, будто солнечный свет по коже.

— Эти события связаны между собой? — спросила она наконец.

— Несомненно. Не говоря о двух других убийствах. Жертвы — молодые женщины, похожие на Марион Кантело.

— Серийный убийца?

— По всей видимости.

Жанне не хотелось углубляться в детали. Прежде всего она стремилась разобраться во второй части своего уравнения с тремя неизвестными: аутизм, генетика, первобытная история…

— По-вашему, аутизм и первобытные времена как-то связаны?

— Что вы подразумеваете под первобытными временами?

— Примитивные инстинкты, регрессивное поведение.

— Да, такая связь существует.

Жанна вздрогнула. Она не надеялась на положительный ответ.

— Вам известно, что такое ребенок-волк? — продолжала Элен Гароди.

— Нет.

— Одичавший ребенок. Брошенный мальчик, который вырос во враждебной среде. Например, в лесу. Слышали о Викторе из Аверона?

— Я смотрела фильм Франсуа Трюффо.

— Это реальная история. Десятилетнего мальчика нашли в Аверонском лесу в тысяча восьмисотом году. Он передвигался на четвереньках и казался глухонемым. Беспрерывно раскачивался, не проявлял никакой привязанности к тем, кто его кормил. Мальчика отдали молодому военному врачу Жан-Марку Итару, который потратил уйму времени на его обучение.

Жанна вспомнила черно-белые кадры из фильма. Терпеливый воспитатель Итар, чью роль сыграл сам Трюффо. Косматый мальчишка, в котором переплелись животное и ангельское начала. Этапы его образования. Музыка Вивальди…

— Несмотря на все усилия, Итару так и не удалось вернуть Виктору человеческий облик.

— Не понимаю, при чем здесь аутизм.

— Сегодня все говорит о том, что Виктор был аутистом. Несомненно, это первый ребенок-аутист, которого наблюдали так пристально.

— А разве его немота не была вызвана жизнью в лесу?

— Есть несколько гипотез. По мнению Итара, состояние Виктора объяснялось отсутствием общения и тем, что он не получил воспитания. Но впоследствии появилось другое объяснение. Совершенно противоположное. Виктор с рождения страдал аутизмом,

и поэтому его бросили в лесу. Таким образом, он был брошен, потому что страдал аутизмом, а не наоборот.

В голове Жанны звучали слова: «Лес кусает тебя». Хоакина бросили в лесу? Он родился аутистом? Или он стал таким, потому что его бросили?

Жанна была в двух шагах от правды, но наверняка ничего не знала.

— В наше время считается, что все знаменитые истории детей-маугли — это случаи аутизма. Об этом писал Беттельгейм. По его мнению, дети-волки не утратили интеллектуальные способности, оказавшись в лесу. Они ими никогда и не обладали. Но слишком тяжело представить себе, чтобы ребенок мог так одичать, вот люди и придумали сказки о детях, воспитанных обезьянами или волками… Это относится и к знаменитым девочкам-волчицам из Миднапура в Индии, Амале и Камале, которых в тридцатых годах описал преподобный Сингх. Сегодня совершенно ясно, что эти девочки страдали аутизмом. Их угнетенность, неразвитость и примитивность ошибочно приняли за возврат к животному состоянию. Тогда как в действительности их бросили именно из-за их неполноценности…

Жанне захотелось изложить собственную, основанную на личном опыте, гипотезу о шизофренике с раздвоением личности, причем одна из двух его личностей страдает аутизмом. Это отрезанный от мира ребенок, существующий внутри цивилизованного человека. Но она уже понимала, что Гароди отреагирует так же, как полицейский психолог Бернар Левель. Назовет ее теорию чепухой.

И она вернулась к конкретным фактам:

— Некоторые детали на месте преступления наводят нас на мысль, что убийца страдает аутизмом.

— Вздор. Подобная патология не…

— Мне уже объясняли. Но что вы скажете об этом?

Жанна вынула снимки отпечатков окровавленных ладоней. Они так блестели на солнце, что казались горящими. Директриса внимательно рассмотрела их, оставаясь невозмутимой. Несомненно, она обладала поразительно сильным характером, но Жанне никак не удавалось понять, на чем эта сила основана.

— Это снимки с места убийства Марион?

— Да. Но следы на месте двух других убийств точно такие же.

— Ну и что?

— Совершенно ясно, что убийца бегал вокруг тела на четвереньках. Его ладони повернуты внутрь. Мне говорили, что это может быть признаком аутизма.

— Как и многого другого. Больше у вас ничего нет?

Жанна едва не упомянула металлический голос чудовищного ребенка. Его неспособность сказать «я», его заунывное «Porque te vas». Но тогда пришлось бы объяснить, откуда ей все это известно.

— А что вы скажете об этих рисунках? — спросила она, показывая снимки кровавых надписей. — Мог их сделать аутист?

— Да.

Жанна напряглась. Она и на этот раз задала вопрос наугад. И снова получила положительный ответ.

— Объясните мне.

— Я часто видела такие алфавиты… Повторяющиеся рисунки. Их расположение. Возможно, это один из неоязыков, которые иногда придумывают аутисты.

— И что это может означать?

— Как правило, таким рисункам приписывают защитную силу.

— Защитную?

— Об особенностях аутизма можно говорить до завтра. Повторю, что одна из них заключается в страхе перед внешним миром. Когда рисунки, как здесь, выстроены в ряд, они выполняют роль преграды. Фрески, фризы, имеющие значение границы. Беттельгейм писал о девочке Лори, которая выстраивала границу из кусочков коры. При этом она почти в точности воспроизводила синусоидальные волны…

— А что, если убийца хотел таким образом защитить пространство жертвоприношения?

— Возможно. В некотором смысле свой мир.

Элен Гароди взглянула на часы. Обеденный перерыв окончился.

Жанна задала последний вопрос:

— Как по-вашему, между каннибализмом и аутизмом есть хоть какая-то связь?

— А вы упрямая, — раздраженно ответила Гароди. — Я же сказала, что убийца не страдает подобной патологией.

— Но можно представить себе, что такая связь существует?

— Отчасти, — уступила Гароди. — Но только если понимать каннибализм как фантазм. В тридцатых годах многие психоаналитики, такие как Мелани Кляйн, отмечали, что сексуальные порывы аутистов имеют агрессивный характер.

Элен Гароди вернула ей фотографии и встала.

— Сожалею, — сказала она, поднимая с земли свою сумку, — пора браться за работу.

Жанна последовала за ней. Они пересекли лужайку, вошли в здание и спустились по лестнице, ведущей в раздевалку. В лицо ударил прохладный воздух из кондиционера. Жанне показалось, что она прошла сквозь ледяное зеркало.

— Никак не отрегулируют эту штуку как следует… — пробормотала Гароди.

Она подошла к одному из покрывавших стену шкафчиков. Открыла его, без малейшего стеснения сбросила купальник и натянула черные «боксеры» и лифчик того же цвета.

Выпрямилась и спросила, рассматривая Жанну:

— Что это на вас за блузка?

На Жанне была рубашка из тонкого хлопка, черная и прозрачная, под которой угадывался сверхтонкий бюстгальтер. Сухим тоном сапера, обезвреживающего мину, она перечислила:

— Хлопок. Дышащий. От «Джозеф».

— Парни небось слюной исходят?

Они посмеялись. Жанна без труда представляла себя с этой женщиной за бранчем. Как они перемывают мужчинам кости. Но тут Элен Гароди достала из шкафчика темную тунику. Белую накидку. Покрывало…

От удивления Жанна так и застыла. Директриса оказалась монахиней. Этим и объяснялось то хладнокровие, с которым она отнеслась к зверскому убийству Марион Кантело. Всеобъемлющая сила веры…

— Познакомьтесь с сестрой Элен, — сказала она, слегка присев. — Из Сионского ордена кармелиток. Персонал института Беттельгейма на пятьдесят процентов состоит из монахинь. И как видите, руководит им именно эта половина.

Сбитая с толку Жанна не нашлась что ответить.

— Не стоит судить по наружности, — улыбнулась сестра. — Особенно ничем не прикрытой.

31

— Жуткая вонь, правда?

Жанна и не подумала возражать. Она стояла перед застекленными корпусами лаборатории Павуа. Когда она назвалась на проходной, Бернар Павуа спустился к ней, и они вместе вышли наружу. Жанна спрашивала себя зачем. Здесь все перебивала удушливая, пронзительная, ржавая вонь.

— Это заводы Сен-Дени, — объяснил гигант. — Все, что осталось от былого промышленного подъема департамента. Знаете, почему с конца девятнадцатого века в девяносто третьем построили столько фабрик?

— Нет.

— Из-за розы ветров. Парижские капиталисты хотели быть уверенными, что промышленные ароматы не доберутся до столицы. Особенно до западных районов Парижа, где тогда возводили шикарные кварталы. Когда я был ребенком, заводы Сен-Гобена с их серной вонью еще работали в Обервилье и там же неподалеку жгли кости с боен Ла-Виллет. В те времена не говорили «пахнет серой» или «разит падалью», тогда говорили «воняет Обервилье».

— Вы родились в этом департаменте?

— В Бонди. Как Андре Мальро.

Жанна обернулась и окинула взглядом длинное строение из стекла и бетона. Тысячи квадратных метров, отведенных под научные исследования. Пять этажей стерильных помещений, компьютеров и ученых в белых халатах. Наглядное доказательство успеха Бернара Павуа. Идеально чистая цитадель науки посреди захудалого парижского предместья.

— Департамент девять-три открывает все пути, — пошутила Жанна.

— Если только задержаться в нем. Мне всегда хотелось что-то сделать для родных мест. Вот я и создал эту лабораторию. Вместо того чтобы прозябать в каком-нибудь научно-исследовательском отделе, я решил доказать всем, что северное предместье — не только рассадник атмосферных загрязнений, нищеты и насилия. Не уверен, что мне это

удалось. В итоге нас прославили городские беспорядки да два несчастных паренька, погибших в трансформаторной будке…

В первый раз Бернар Павуа показался ей Буддой — холодным и невозмутимым. А сейчас он был страстным, одержимым борцом, Големом с горячей кровью.

— Можно я закурю? — спросил он. — Дым вам не помешает?

— Хуже уже не будет.

— В этом преимущество здешних мест, — подмигнул ей Павуа. — Ниже не опустишься.

Он неторопливо закурил сигарету. К своему удивлению, Жанна находила в нем необычайное очарование. За силой и спокойствием в этом человеке скрывалась неподдельная нежность, стремление любить и защищать. Этот бесстрастный толстяк в квадратных очках и с пеликаньим зобом был еще и плюшевым мишкой. Мужчиной, который мог сделать свою подругу счастливой, вот только несколько дней назад его мир рухнул.

— Я читал газеты, — сказал он. — Пожар на улице Монсе. Узнал вашего коллегу на фотографии. Это связано с убийством Нелли?

— Франсуа Тэн — так его звали — обнаружил нечто опасное для убийцы. Все указывает на то, что его устранили.

Павуа молчал. Жанна и не ждала от него банальных соболезнований. Равно как и испуганных замечаний.

— Следствие переходит к вам? — спросил он, выпуская струйку дыма.

— Если честно, нет. Я и в первый раз не имела никакого права здесь находиться.

— Я так и понял. Тот судья был вашим другом?

— Очень близким. И я не брошу расследование, пока не найду убийцу.

Они шли по поросшему травой длинному полю. По сравнению с безупречными лужайками Гарша насыпные площадки вокруг лабораторий выглядели убого. Местами желтоватые, местами облезлые, кое-где раскисшие…

— Что вы хотели узнать?

Жанна пришла не затем, чтобы расспрашивать цитогенетика о Нелли Баржак. Да и о возможных связях между аутизмом и генетикой она уже была наслышана. Оставалась первобытная история…

— У меня есть один вопрос. Существует ли связь между генетикой и доисторическими временами?

— Не понимаю.

— Ну например, отличался ли кариотип первобытных людей от нашего?

— Лучше обратитесь к палеоантропологам… Если хотите, я могу назвать пару фамилий.

— А вам что-то об этом известно?

— Совсем немного. Кое-что я вам расскажу, только давайте вернемся в прохладное помещение. На таком солнцепеке мы того и гляди расплавимся.

По пути Бернар Павуа с законной гордостью продемонстрировал ей каждый этаж, каждый закоулок своих лабораторий. Как и в первый раз, увиденное ослепило Жанну — в прямом смысле этого слова. На солнце лабораторные помещения казались хрустальными. Бесчисленные предметные стекла, химические столы, стеклянные трубки сверкали, искрились и переливались. Она увидела стерильные отсеки, куда не проникали микробы. Герметичные боксы, где не было ни пылинки. Обсервационные залы, в которых стояли компьютеры с бинокулярными микроскопами.

Задерживаясь перед каждым столом и инструментом, Павуа комментировал всю цепочку операций, ведущих к определению кариотипа. Центрифуга для отделения клеток. Термостаты, куда их помещают для получения клеточной культуры. Бинокулярный микроскоп, чтобы наблюдать за делением хромосом. Полученные клетки в стадии метафазы фиксируются, окрашиваются и фотографируются под микроскопом, из фотографий формируется систематизированный кариотип — нумерованный набор пар гомологичных хромосом. Образец заносят в компьютер, присвоив ему порядковый номер из десяти цифр, куда входит и дата операции, и отправляют заказчику — гинекологу, в клинику или больницу.

— А как насчет первобытной эпохи? — напомнила Жанна.

— Я же сказал, здесь я не специалист.

— Но кариотип первобытных людей отличался от нашего?

— Разумеется. У неандертальца было сорок восемь хромосом вместо нынешних сорока шести. Как у шимпанзе.

— А на какой стадии эволюции закрепилась генетическая карта современного человека?

— Понятия не имею. Я даже не уверен, что это известно специалистам. Ископаемые останки не годятся для определения кариотипа. Тут нужен живой материал. Одно мы знаем наверняка: эволюция продолжается. Наши хромосомы постоянно меняются.

— Как именно?

— Давным-давно хромосомы X и У были одного размера. Но с течением тысячелетий У-хромосома становилась все меньше. В наше время по сравнению с женской Х-хромосомой у нее жалкий вид.

— Значит, когда-нибудь самцы исчезнут?

— Вот именно. На земле не останется мужчин.

Жанна попыталась вообразить себе мир, населенный амазонками, предоставленными самим себе. И хотя для нее мужчины всегда были сплошной головной болью, эта перспектива нисколько ее не прельщала.

— И когда же это случится?

— Через десять миллионов лет. Так что мы еще успеем попортить вам немало крови!

Он рассмеялся собственной шутке почти детским смехом, отдававшимся в его пеликаньем зобу, и тут же помрачнел. Жанна поняла: Павуа вспомнил Нелли. Свою женщину. Свою возлюбленную, погибшую от рук убийцы. Жанна не стала нарушать молчание. Если генетику захочется излить ей душу, он сделает это сам. Или не сделает.

— Можно мне зайти в кабинет Нелли?

— Полицейские его уже осмотрели.

— И все-таки мне хотелось бы взглянуть самой.

— Сюда, пожалуйста.

Они поднялись этажом выше. Кабинет Нелли оказался вполне обычным, но просторным. Большие окна. На письменном столе с черной столешницей — идеальный порядок. Шкаф. Стеллажи для папок. Жанна удивилась, что полицейские, вопреки своему обыкновению, не перевернули здесь все вверх дном. Павуа тактично вышел. Она села за стол. И попыталась влезть в шкуру Нелли Баржак, при этом стараясь представить себе ход мыслей людей, проводивших обыск.

Она взглянула на телефон. Они проверили все звонки и сообщения. Перевела взгляд на компьютер. Мейлы тоже просмотрели. И ничего не нашли. Но, как и Жанна, они сами не знали, что искать… Она решила не включать компьютер.

Жанна открыла в столе все выдвижные ящики. Нашла папки с бумагами. Какая-то тарабарщина вперемешку с цифрами, схемами и символами. Попадались названия стран и регионов, рассеянных по всему миру. Жанна вспомнила, чем Нелли занималась по ночам: изучала человеческий генофонд, сравнивала ДНК разных народов. В этом она все равно ничего не смыслит. Райшенбаху бы следовало показать материалы специалистам. Но что это даст?

Жанна выпрямилась в кресле и принялась разглядывать то, что стояло на столе. Его украшали безделушки, привезенные из путешествий.

Африканские браслеты из ракушек. Шерстяные нитки от шали или ковра из Латинской Америки. Крошечные деревянные статуэтки, вероятно из Океании. А еще там лежали скрепки. Резинки. Коробка из светлого бальсового дерева с логотипом, видимо из-под печенья. Жанна заглянула внутрь. Куча бумажек. Счета за канцелярские товары. Исписанные стикеры. Жанна удивилась, что полицейские их не забрали. Очевидно, там и не было ничего важного.

Она порылась еще. Накладные служб экспресс-почты. DHL. UPS. Fedex.[39] Некоторые не заполнены. На других указаны адреса отправителей. Нелли получала посылки со всех концов света. Жанна сообразила, что они связаны с ее исследованиями. Образцы крови. Пробы, позволяющие делать генетические анализы.

Ее внимание привлекла одна накладная. Доставлено UPS из Манагуа, столицы Никарагуа. Отправитель — Эдуардо Мансарена из компании «Плазма Инк.». Получено 31 мая 2008 года. За пять дней до убийства. Манагуа. Именно в этот город Франсуа Тэн звонил в воскресенье на засекреченный номер. Именно туда через Мадрид в понедельник утром вылетел Антуан Феро.

Не раздумывая Жанна сунула накладную в карман.

— Ну как, вы довольны?

На пороге кабинета стоял Бернар Павуа.

— Мне пора браться за работу. Я имею в виду, по-настоящему. У себя на этаже.

— Ну конечно, — сказала она, вставая. — Уже иду. Не беспокойтесь.

Великан проводил ее до лифта. Когда двери открылись, он зашел в кабину вместе с ней, решив до конца придерживаться роли радушного хозяина. Они спустились на первый этаж. Молча пересекли прохладный белый холл. Жанну так и подмывало расспросить его о бандеролях и посылках, которые получала Нелли Баржак, но инстинкт подсказывал ей, что на сегодня вопросов достаточно.

Уже в дверях, в послеполуденной духоте, Бернар Павуа нарушил молчание:

— Я почувствовал, как вас шокировало мое поведение в нашу прошлую встречу. То, что я никак не показывал своего горя.

— Горе не всегда выражается в слезах.

— А слезы могут выражать не только горе.

— Нирвана?

Цитогенетик засунул руки в карманы. Прищуренные глаза за стеклами очков снова напомнили ей статую Будды с его невозмутимой мудростью.

— Не знаю, какой вы судья, но как женщина вы мне нравитесь.

— Тогда расскажите мне, что у вас на душе.

— Мне пятьдесят семь, — сказал он, закуривая. — Нелли исполнилось двадцать восемь. У меня два сына примерно ее возраста. Она была красавица. Вы, надо думать, заметили, что меня трудно назвать привлекательным. И тем не менее мы жили с ней душа в душу. Вас это удивляет?

— Нисколько.

— И вы правы. Несмотря ни на что, она, как говорится, была моим последним шансом. И думаю, я сделал ее счастливой. Может, мы даже завели бы детей. Хотя при нашей работе о потомстве уже и думать не хочется.

— Вы опасались генетических отклонений?

— Обычный передоз. Работая в «Келлогс»,[40] не станешь есть хлопья на завтрак.

— Можно найти метафору и получше.

— А как вам нравится: «Не станешь есть где срешь»?

Павуа вновь рассмеялся собственной шутке. Громким, раскатистым смехом, уже не таким надрывным, как в прошлый раз.

Как и в их первую встречу, Жанну поразила его выдержка. Этот человек полностью владел собой и своими чувствами. Чем больше он говорил о Нелли и своей печали, тем спокойнее становилась его улыбка. Его разум достиг той точки, в которой горе и радость сливаются в единое целое.

— Я вам кое в чем признаюсь, — сказал он, поправляя очки. — В прошлый четверг, когда нашли тело Нелли, я поклялся найти убийцу. И прикончить его собственными руками. — Он вытянул ладони. — Поверьте, сил у меня хватит. Мне казалось, отомстить за Нелли — моя карма. А потом ко мне в кабинет явились вы.

— Ну и что?

— А то, что эта карма — ваша. По неведомой мне причине вам судьбой предназначено загнать этого ублюдка. Вы его не упустите. Границы вам не помеха. Не исключено, что это случится в следующей жизни. Но вашей душе и душе этого монстра суждено встретиться и вступить в поединок.

— Надеюсь, все случится еще в этой жизни.

Бернар Павуа закрыл глаза, словно медитирующий Будда, на которого снизошло озарение:

— А я и не сомневаюсь.

32

— Что там со звонками Тэна?

— Вроде я тебе уже рассказывал.

— Ты говорил о засекреченных номерах. Удалось выяснить, кому он звонил в Никарагуа и Аргентину?

— Пока только в Никарагуа.

— И как зовут этого типа?

— Эдуардо Мансарена.

Не отпуская руль, Жанна вытащила из кармана накладную экспресс-почты, которую раздобыла в кабинете Нелли. Она уже знала, что так звали отправителя посылки. От волнения у нее задрожали руки. Тот самый след, который Тэн разрабатывал в одиночку. 31 мая Нелли Баржак получила посылку от Мансарены, директора лаборатории «Плазма Инк.». 8 июня Франсуа звонил тому же человеку, очевидно гематологу, специалисту по заболеваниям крови и кроветворных органов.

— Это еще не все, — продолжал Райшенбах. — Я снова порылся в распечатке звонков этого твоего психоаналитика, Антуана Феро. Проверил не только последние два звонка в понедельник, а еще и звонки за уик-энд. В пять часов вечера в воскресенье он тоже звонил в Никарагуа. На мобильный. Угадай, на чей?

— Эдуардо Мансарены.

— В точку. Уж не знаю как, но тебе удалось взять самый горячий след. И он ведет в Манагуа.

Жанна промолчала. Да, тут есть какая-то связь. Между аутизмом, хромосомами и первобытной историей. Что-то органическое, глубокое, возможно сокрытое в образчике плазмы из Никарагуа…

— Ну а сама ты продвинулась? — спросил Райшенбах.

— Опрашиваю начальников убитых женщин. Элен Гароди, директора института Беттельгейма. Бернара Павуа, директора лабораторий Павуа…

— И они готовы отвечать?

— Запросто.

— Их не смущает, что ты приезжаешь к ним и пристаешь со своими вопросами?

— Они не подозревают, что обычно свидетелей вызывают в суд повесткой.

Сыщик настаивал:

— А они в курсе, что дело не у тебя?

— Моя должность действует на них завораживающе.

— Чего ты, собственно, добиваешься?

— К вечеру буду знать точнее.

— Уже пять вечера, Жанна. Время подпирает.

— К тебе это тоже относится. Ты порылся в распорядке дня всех трех девушек?

— Да. Все впустую. Ни одной точки пересечения, ни единого общего имени.

— А как насчет краж или актов вандализма в музее первобытной истории?

— Я получил результаты. Nada.[41]

— А от криминалистов и судмедэксперта нет новостей?

— Если и есть, мне они докладывать не станут.

— Ты знаешь, кому передали дело?

— Нет. Как только узнаю, позвоню.

— Чтобы я не попадалась им на глаза?

— Чтобы ты знала имена своих врагов.

Жанна заговорила настойчивей:

— Разузнай все про этого Эдуардо Мансарену. Выясни, чем занимается общество «Плазма Инк.». И как зовут типа из Аргентины, которому звонил Тэн.

— Жанна, сегодня вечером я бросаю это дело.

— Договорились. Созвонимся ближе к ночи.

Завидев Порт-де-ла-Шапель, Жанна свернула с кольцевого бульвара и выехала на улицу Шапель. Она уже отработала аутизм. Генетику. Оставалась первобытная история. Теперь она ехала в мастерскую Изабеллы Вьотти.

Доехав до воздушного метро, она свернула направо, на бульвар Шапель, потом налево, на улицу Мобёж, пока не добралась до бульвара Мажанта. Направилась к площади Республики, не доезжая, повернула на улицу Ланкри и в правильном направлении выехала на

Фобур-дю-Тампль. «Твинго» раскалился как печка. Кондиционер сломался так давно, что она уже забыла, когда он вообще работал. Жанне казалось, что она растворяется в собственном поту.

Она тормозила перед домом 111, когда зазвонил мобильный. Номер был ей незнаком.

— Алло?

— Это майор Кормье.

Жанна не ответила. Имя ни о чем ей не говорило.

— Утром я принес вам цветы.

— Ах да, конечно…

— Я попробовал разузнать, какие вещества могут защитить от огня. Позвонил знакомым киношникам. Каскадерам. Специалистам. И вот что я выяснил: вещества, способного защитить человека от огня, не существует. По крайней мере, ничего такого, что позволило бы уберечь голое тело от ожогов.

— Я так и думала. Спасибо. Я…

Голый человек, охваченный пламенем, который боролся с Франсуа Тэном на галерее. Обгоревшее чудовище, не ощущавшее боли. Неужели ей это приснилось?

— Вы в порядке? — спросил пожарный. — Как вы себя чувствуете?

— Хорошо. И еще раз спасибо за цветы.

— Спасибо, что спасли меня на лестнице.

Жанна вышла из машины и почувствовала, что дрожит всем телом. Пожарный был прав. Она далеко не в порядке. Нервы натянуты, как струны арфы — того и гляди порвутся.

Немного поплутав между дворами и зданиями, за бамбуковой рощицей она отыскала мастерскую реконструкции. Там царил переполох. Ассистентки Изабеллы Вьотти в белых халатах перевозили скульптуры на тележках. Другие переносили бюсты, головы. Жанна поискала глазами ярко-рыжие волосы хозяйки.

— Переезжаете?

Жанна стояла на пороге — дверь была открыта. Изабелла Вьотти ее узнала. Вытирая руки о халат, она с улыбкой подошла поближе:

— Просто решили устроить перестановку. Чтобы забыть… ну… вы понимаете… Изменить атмосферу.

— Понимаю.

— Франческу похоронили сегодня утром. Из полиции никто не пришел. И мне больше не звонили. Так и положено? Вы нашли убийцу?

— Скорее наоборот.

— Наоборот?

— Он сам нас нашел.

Жанна тут же пожалела о своей неуместной остроте. Получилось не вовремя и некстати. Посерьезнев, она продолжала:

— Вы не читаете газет?

— Только не сегодня.

— Следственный судья, который вел расследование. В прошлый раз я приезжала сюда вместе с ним. Он погиб в пожаре. Наверняка это дело рук того же маньяка.

Изабелла Вьотти побледнела. Контраст с ее яркими волосами был достоин кисти Климта. Белое и огненное.

— Вы… вы думаете, мы в опасности? Я имею в виду, здесь?

— Нет. Вовсе нет. Вы не могли бы уделить мне несколько минут?

С видимым усилием скульпторша взяла себя в руки:

— Сюда, пожалуйста.

Они вновь оказались в выставочном зале с длинным черным столом. Скульптуры стояли на прежних местах.

— Присаживайтесь. О чем вы хотели спросить?

— Я бы хотела знать основные этапы, — сказала Жанна, устраиваясь за лакированным столом.

— Нашей работы?

— Эволюции человеческого рода.

Изабелла Вьотти, которая так и осталась стоять, похоже, удивилась.

— Это важно для вашего расследования?

— Пока я продвигаюсь на ощупь.

— Вы говорите о миллионах лет эволюции… Нам понадобится целый вечер, чтобы…

— Давайте вкратце.

Женщина засунула руки в карманы. На ней был запачканный глиной белый халат. Поколебавшись, она спросила:

— Хотите чаю?

— Не стоит беспокоиться.

— Никакого беспокойства. У меня всегда есть горячий чай в термосе.

— О'кей. Тогда черный и без сахара.

Изабелла Вьотти принесла две дымящиеся чашки и приступила к рассказу. Доисторические существа у нее за спиной, казалось, тоже слушали лекцию — студенты и наглядные пособия в одном лице.

— Принято считать, что генетически мы отделились от обезьян шесть-восемь миллионов лет назад. В это время образовалась так называемая Великая рифтовая долина — расщелина, протянувшаяся по Восточной Африке на тысячи километров. Этот феномен привел к изменениям экологии, предопределившим нашу судьбу. С одной стороны от рифта сохранился влажный тропический лес, и обезьяны остались обезьянами. Земли по другую сторону осушились, и появилась саванна. В новых условиях обезьяна встала на задние конечности, чтобы вовремя замечать хищников. Так она перешла к прямохождению и превратилась в австралопитека, предка человека. Самый известный его экземпляр — Люси. О ней вы, наверное, уже слышали. Этой самке примерно три и три десятых миллиона лет. Есть только одна неувязка.

— Какая?

— Эта.

Изабелла Вьотти коснулась рукой черного создания ростом не более метра. Существа, во всем похожего на обезьяну, но твердо стоящего на ногах.

— Тумай. Ее открыли в две тысячи первом году. Нам удалось восстановить ее по слепку черепа и нескольких костей.

— И в чем же неувязка?

— Ей семь миллионов лет. Очевидно, она появилась раньше, чем Великая рифтовая долина. К тому же ее нашли в Чаде, то есть изменение ландшафта тут ни при чем.

— Получается, что она перечеркивает теорию рифта?

— Прежде всего это доказывает то, что уже давно предполагали палеоантропологи. Люди появились одновременно в разных уголках Африки. В разных климатах, ландшафтах, сталкиваясь с различными препятствиями, они искали себе подобных… Разные виды жили вместе, приспосабливаясь друг к другу и постепенно развиваясь.

— А что произошло после австралопитеков?

— Появился Homo habilis.[42]

Вьотти повернулась к очередному экспонату. Уже не такому волосатому, чуть повыше, полтора метра ростом. Но все еще обезьяноподобному.

— Ему меньше двух миллионов лет. Умелым его прозвали, потому что он начал использовать камни, орудия. Мозг у него побольше, и он всеяден, хотя еще не охотится. Он скорее падальщик, довольствующийся тем, что оставили хищники, или отрывающий куски павших животных. Это оппортунист, живущий в стойбище с десятком своих сородичей.

— А следующий этап?

— Homo erectus.[43] Появился около миллиона лет назад и расселился на обширной территории. Всего за несколько десятков тысячелетий он достиг Ближнего Востока, а потом и Азии.

— А скульптур этого вида у вас нет?

— Вот уже десять лет, как я стараюсь раздобыть череп… Homo erectus распался на два очень известных вида. С одной стороны, неандертальцы, которые постепенно вымерли, и архаические Homo sapiens, протокроманьонцы, чьи останки обнаружены в Европе и на Среднем Востоке. От них-то и произошел Homo sapiens sapiens. Пресловутые кроманьонцы. Наши предки…

Директор мастерской отодвинулась, чтобы показать Жанне существо повыше ростом и более крепкого телосложения, одетое в мех и размахивающее копьем. Грубое лицо, завешанное длинными волосами. Он мог бы быть roadie[44] хард-рок-бэнда или убийцей-выродком в старом фильме ужасов.

— Тотавельский человек. Европейский Homo erectus. Скелет нашли в Восточных Пиренеях. Ему не меньше четырехсот пятидесяти тысяч лет. Принадлежит к неандертальской ветви. На самом деле это предшественник неандертальца… Он еще не знает огня. Использует двусторонние орудия. Охотится и живет в пещерах, откуда следит за хищниками. А иногда ест человеческое мясо…

Жанна не сомневалась, что во время припадков убийца перевоплощался в подобное первобытное существо.

— А религия у него уже есть? — спросила она.

— Религия появится позже, вместе с погребением. Около ста тысяч лет до нашей эры. Тогда и неандертальцы, и кроманьонцы

поклонялись природным силам.

Жанна вспомнила кровавые надписи на месте преступления.

— И в это время они рисовали на стенах пещер?

— Нет. Неандертальцы так и не освоили настенную живопись. Они вымерли около тридцати тысяч лет до нашей эры. Тем временем кроманьонцы продолжали развиваться. А вместе с ними и искусство наскального рисунка.

— Это эпоха росписей в пещерах Коскер и Ласко?

— Да. Они выполнены в тот период.

— И что вы можете сказать об этих рисунках?

— Это не моя специальность. Если хотите, я дам вам координаты специалиста. Моего друга.

Изабелла Вьотти приблизилась к группе людей в вывернутых шкурах, похожих на индейцев сиу:

— А вот и кроманьонцы.

Как и в первый раз, Жанна удивилась. Она всегда представляла себе первобытных людей обезьяноподобными существами, одетыми в меха и ютящимися в пещерах. Но на самом деле кроманьонцы больше походили на североамериканских индейцев из вестернов: длинные черные волосы, кожаные штаны и туники, искусно сделанные украшения и оружие.

— Это кочевники, занимавшиеся охотой и собирательством. Весьма искусные в обтесывании камней, шитье, выделке шкур… Человеческая цивилизация в движении.

— Кланы сражались между собой?

— Нет. Все силы уходили на выживание. Считается даже, что отдельные группы помогали друг другу. Во всяком случае, союзы заключались между представителями разных племен, чтобы избежать эндогамии.

Жанне хотелось расспросить ее о запрете на кровосмешение — одном из древнейших правил, установленных человечеством. Но это было бы неуместно. Впрочем, из этой лекции она так и не узнала ничего нового об убийствах и о том, кто их совершил. Похоже, убийца наугад заимствовал обычаи и ритуалы из разных эпох. Жанна решила, что он не обладает глубокими познаниями в антропологии. Разве что обрывочными сведениями, почерпнутыми из книг и в музеях…

— А затем, — продолжала Вьотти, — произошла неолитическая революция. Мы находимся в десятитысячном году до нашей эры. Наступило потепление. Степь, в которой пасутся большие стада, превращается в обширный лес. Мамонты вымирают. Северные олени, мускусные быки переселяются ближе к северу. А люди за несколько тысячелетий осваивают скотоводство и земледелие. Тогда-то и возникло насилие. Каждое племя стремится захватить запасы соседей. Склады зерна, стада… Прав был Жан-Жак Руссо: насилие родилось вместе с собственностью. А вскоре наступает эпоха металла: сначала бронзовый век, затем железный. Религии усложняются. Появляется письменность. Первобытную эпоху сменяет Античность…

Жанна задумалась. Она и сама не знала, чего ждала от этой лекции, но озарение так и не наступило. Она не услышала ничего такого, что проливало бы свет на поведение убийцы. Позволяло установить связь между первобытной эпохой и двумя другими маниями убийцы: аутизмом и генетикой.

— Спасибо за лекцию, — поблагодарила она, допив почти остывший чай. — Можно, я задам вам несколько вопросов о Франческе Терча?

— Ну конечно.

— Давно она работала в вашей мастерской?

— Два года.

— У нее ведь было две профессии?

— Да. Скульптор и антрополог.

— А как вы ее нашли?

— Я устанавливала скульптуру в Барселонском музее науки Космокайша. Она показала мне свое портфолио. Я приняла ее не задумываясь.

— Как ей жилось во Франции? Она нашла здесь свое призвание?

Вьотти указала на скульптуры:

— Вот ее призвание. Она буквально жила с Тумай, неандертальцами, мадленскими[45] охотниками. Прямо одержимая.

— У нее был дружок?

— Нет. Вся ее жизнь заключалась в скульптуре. И не только здесь, еще и в ее лофте в Монтрёй. Это было более современное и более личное творчество.

— А в чем оно заключалось?

— Все это довольно необычно. Она применяла нашу технику отливки, но создавала современные сцены с гиперреалистическими персонажами. В основном с детьми. Жутковатое зрелище. Но о ней уже начинали говорить. Она выставлялась.

— У вас есть ключи от лофта Франчески?

— Она всегда хранила здесь дубликат.

— Можно взять?

Изабелла Вьотти колебалась:

— Мне неудобно спрашивать, но… ведь обычно следственные судьи сами не приезжают к свидетелям?

— Никогда.

— Это дело действительно поручено вам?

— Нет, не мне.

— Я так и знала, — улыбнулась скульпторша. — Выходит, для вас это… личное дело?

— Очень личное. Франсуа Тэн, погибший судья, был моим другом. И я сделаю все, чтобы остановить убийцу.

— Подождите меня здесь.

Изабелла вышла. В зале темнело. В сумраке глаза скульптур мерцали, как звезды таинственных галактик. Мертвых галактик, чей свет все еще доходит до нас.

— Пожалуйста. Дом тридцать четыре по улице Фёйантин возле станции Круа-де-Шаво в Монтрёй.

Она вложила в руку Жанны связку ключей.

— Имейте в виду, там жуткий бардак. Я ездила туда за одеждой для похорон. У Франчески в Аргентине не осталось родных. Она дитя эпохи диктатур. Ее родители были уничтожены режимом. Я… — Не совладав с волнением, она замолчала. Снова села. — Между прочим, когда я туда приезжала, то заметила кое-что странное.

— У нее в мастерской?

— Да. Там не хватало одной скульптуры.

— Какой?

— Не знаю. Той, которую она заканчивала. Франческа работала на специальном помосте посреди мастерской. Система блоков и лебедок позволяла удерживать скульптуру в вертикальном положении и перемещать ее, когда она будет закончена. На возвышении уже ничего

не было, но системой кабелей кто-то недавно пользовался. У меня глаз наметанный. Это ведь мое ремесло.

Райшенбах и его люди эту деталь упустили.

— Может быть, она отправила ее в галерею?

— Нет. Туда я звонила. Они ничего не получали. Да они ничего и не ждали раньше, чем через полгода. По их словам, она работала над секретным проектом, который для нее очень много значил.

— Думаете, кто-то украл эту скульптуру?

— Да. Причем уже после ее смерти. Бред какой-то.

Жанну вдруг осенило. Истина оказалась еще более бредовой, чем могла представить Изабелла Вьотти. И эта истина только что открылась Жанне.

Она знала, кто вор.

Франсуа Тэн собственной персоной.

Она вновь услышала его послание, отправленное за несколько часов до смерти:

«Приезжай ко мне часам к десяти… Сперва мне нужно кое-что забрать дома у Франчески Терча, третьей жертвы. Сама увидишь. Ты просто обалдеешь!»

Обалдеешь — не то слово. Прежде чем отправить сообщение, Тэн решил забрать из мастерской Франчески эту скульптуру. Почему?

И тут Жанну потрясла еще одна догадка.

Еще более чудовищная.

Она уже видела эту скульптуру.

Ту самую тварь, которая боролась с Тэном в огне пожара.

Горлума, которого она приняла за убийцу. Почерневшего от пламени чудовищного ребенка. Его движения и уродства были лишь иллюзией, вызванной разрушением силикона. А то, что показалось ей агрессией — убийца толкал Франсуа Тэна в пламя, — следовало понимать наоборот.

Тэн во что бы то ни стало пытался вырвать статую из огня. Вот почему у него на руках обнаружили следы пластика, смолы и лака. Остатки расплавившейся скульптуры. Вот почему тело убийцы так и не нашли. Не было никакого убийцы. По крайней мере в квартире.

Была лишь статуя.

С которой Тэну суждено было умереть…

Изабелла Вьотти продолжала говорить, но Жанна уже ничего не слышала.

Два вопроса занимали ее настолько, что вытеснили все остальное.

Почему Франсуа Тэн выкрал скульптуру?

Почему он непременно хотел спасти ее от пожара?

33

Бардак.

И это еще слабо сказано.

Маски. Бюсты. Руки. Приколотые к стенам фотографии. Снимки МРТ.[46] Веревки. Рельсы. Банки. Палитры с красками. Кисти. Щетки. Глаза из дутого стекла. Волосы. Зубы и ногти из пластика. Мешки с сухим гипсом. Брикеты белой глины. Блоки эластомера…

И скульптуры.

Леденящие душу своим реализмом.

Расставленные вдоль стен, на досках и подставках. Подпертые банками с краской и обвязанные веревками. Поднятые на помосты. Они совсем не походили на коричневые и бежевые статуи Изабеллы Вьотти. Ничего общего с доисторическими людьми, их грубыми лицами и одеждой из шкур. Здесь вы оказывались в гуще одержимой насилием современности, по сравнению с которой первобытные времена показались бы дышащими райским благолепием.

Франческа Терча изображала только ужасы.

И в них всегда участвовали дети.

Но не в роли жертв.

В роли палачей.

Жанна расхаживала под арматурой из свинца и цинка: мастерская представляла собой настоящий цех XIX века, переделанный под современный лофт. Сквозь наклонные стекла сочились последние закатные лучи.

На пьедестале ребенок засунул указательный палец учительницы в точилку, прикрепленную к школьной парте. Жертва вопила, а ученик рассматривал прозрачный цилиндр с обрезками плоти вместо обычной деревянной стружки.

В другом месте мальчишка в ярких бермудах и футболке ложечкой выковыривал глаза котенку. К столу на козлах была привязана девочка с раздвинутыми ногами и спущенными трусиками. Над ней склонился подросток, поигрывая ярко-оранжевой морковкой, похожей на кинжал.

Другая сценка: малыш в комбинезончике, сидя на полу, осторожно отрывает мухе крылышки. У него самого огромная мушиная голова и

фасеточные глаза с волосками.

Откуда только Франческа черпала подобные образы?

Жанна подошла к «шедевру с точилкой». На белом листке, приклеенном к подножию скульптуры, Франческа написала: «Бедная госпожа Кляйн». Очевидно, название произведения. Что бы это значило?

И тут она вспомнила. Только сегодня утром Элен Гароди упомянула Мелани Кляйн — одного из первых психоаналитиков, изучавших аутизм. Простое совпадение? Одна деталь: и мальчик, и «учительница» одеты по моде тридцатых годов.

Жанна схватила мобильник и набрала номер директрисы.

— Элен?

Она задумалась, а может, следовало сказать «сестра» или что-то в этом роде? Но женщина ответила все тем же легким, современным тоном, почти «jet-set».[47]

Жанна перешла прямо к делу:

— Сегодня утром вы говорили мне о Мелани Кляйн, которая занималась аутизмом еще в начале двадцатого века.

— Верно.

— Извините меня за этот вопрос, но, по-вашему, есть связь между Мелани Кляйн и… точилкой?

— Ну конечно.

Снова вопрос, заданный наугад, попал точно в цель.

— Мелани Кляйн одна из первых выявила неспособность детей-аутистов к абстрактно-символическому мышлению. Предмет, связанный с каким-либо человеком, не напоминает такому ребенку об этом человеке, а полностью с ним сливается. Кляйн занималась случаем мальчика по имени Дик. Однажды ребенок точил карандаш и, глядя на стружки, сказал: «Бедная госпожа Кляйн». Он не различал психоаналитика и стружки, напоминавшие ему о рисунках, которые он делал по ее просьбе. Для него карандаш и был, в буквальном смысле слова, «госпожой Кляйн».

Жанна поблагодарила монахиню и отключилась. Выходит, Франческа передала мысленный образ аутичного ребенка. Что же представляла собой статуя, украденная Франсуа Тэном? Тайну, связанную с аутизмом убийцы? Первичную травму? А если так, откуда об этом узнала аргентинка?

Она попыталась воскресить в памяти чудовищную фигуру. Вспомнился только коротышка-инопланетянин с пылающими волосами, сцепившийся с Тэном. Это ничего не давало.

Вдыхая запахи глины и лака, Жанна продолжала осмотр мастерской. Она расхаживала по просторному захламленному помещению, совсем не нервничая. Не то что вчера, когда она в лихорадочном возбуждении обыскивала квартиру Антуана Феро. А сегодня сумеречный свет словно лился ей в кровь, наполняя ее покоем и безмятежностью.

Она заметила письменный, скорее даже рабочий стол, где кроме компьютера громоздились папки, тюбики с краской, тряпки, шпатели, книги со слипшимися страницами… Обогнув это очередное препятствие, она всмотрелась в стену. Франческа Терча приколола к ней старые черно-белые фотографии, полароидные снимки, сделанные в вечернее время.

Жанна заметила групповой портрет университетского выпуска. Старый снимок формата А4. Она сообразила, что это однокурсники по университету Буэнос-Айреса, где Франческа Терча изучала пластические искусства и антропологию. Прищурившись, она поискала глазами Франческу. Та стояла в последнем ряду.

Ее внимание привлекла одна деталь: кто-то обвел маркером одного из студентов, смешливого кудрявого парня, и подписал: «Te quiero!»[48] Жанна догадалась, что это сделала не Франческа. Скорее сам весельчак послал ей тогда фотографию с признанием в любви… Жених? На мгновение она задумалась, а что, если это и есть Хоакин? Нет. Не таким она его себе представляла. Жанна осторожно сняла фотографию и посмотрела на оборот: «УБА, 1998». «УБА» — Университет Буэнос-Айреса. Она убрала снимок в сумку.

Затем поднялась на второй уровень. И перенеслась в другой мир. Здесь царил безупречный порядок. Пастельные цвета, легкие материалы. Здесь неистовая художница превращалась в аккуратную девушку. В «женщину, которая хотела весить 50 килограммов» в ближайшие недели. Повсюду так и остались стикеры с числом «50».

Жанна быстро поняла, что отсюда полицейские уже все вывезли. Личные вещи и документы. Торчать здесь дольше не имело смысла. К тому же все больше темнело. Уже начало десятого.

Когда она спускалась по лестнице, зазвонил мобильный.

— Я узнал, кто наши преемники, — сообщил Райшенбах. — Следственный судья — Тамайо из Парижского суда. Руководитель следственной группы — Батиз, как и я, майор из уголовки.

— Тамайо — придурок. У него всего-то две извилины, и те друг с другом не в ладу.

— Ну, это на целую извилину больше, чем у Батиза. Толку от них не будет.

— Отстой.

— Ты-то на что жалуешься? — заметил он. — Такие слабаки не помешают тебе работать в одиночку.

— Я не работаю, а роюсь в дерьме. А у них все возможности.

— У тебя есть что-то новое?

Жанна подумала об украденной статуе. Об уничтоженной улике. О том, что Франческа была знакома с Хоакином. Но все это — сплошные домыслы.

— Нет. А у тебя?

— Я кое-что разузнал об Эдуардо Мансарене, том типе из Манагуа. Он возглавляет самый большой частный банк крови в Манагуа. Солидное заведение. Существовало еще при диктатуре Мусаки.

— Ты имеешь в виду Сомосу?

— Ну… да. В семидесятых Мансарена скупал кровь у никарагуанских крестьян и втридорога перепродавал в Северную Америку. Его прозвали «Вампиром из Манагуа». Были погибшие. В конце концов жители Манагуа подпалили лабораторию. Говорят, это одно из событий, которые в семьдесят девятом привели к революции.

Этой истории Жанна не слышала, зато история сандинистской революции заставляла ее левацкое сердце биться сильнее. Поразительно, что расследование то и дело напоминало ей о стране, в которой она когда-то побывала. О стране, поразившей ее до глубины души.

— Когда к власти пришли коммуняки…

— Сандинисты — социалисты, а не коммунисты.

— Короче, Мансарена смылся. С тех пор в Никарагуа сменилось несколько правительств. К власти опять пришли правые, и Мансарена вернулся на сцену… Он снова руководит главной столичной лабораторией по переливанию крови — «Плазма Инк.».

Зачем Франсуа Тэн и Антуан Феро звонили этому кровяному магнату? Что именно Мансарена послал Нелли Баржак? Какой-то особый образчик крови? Что связывает Вампира из Манагуа и Хоакина? Были ли отец и сын родом из Никарагуа?

Жанна вышла из мастерской. Заперла за собой дверь. Направилась к машине.

— Ты выяснил, кому принадлежит второй засекреченный номер? Тот, по которому Тэн звонил в Аргентину?

— Ага. Ты не поверишь. Это Сельскохозяйственный институт в городе на северо-западе страны. Току… или Туку…

— Тукуман. Столица провинции Тукуман. Ты им звонил?

— А что бы я им сказал? Не представляю, при чем тут вообще этот институт?

— Дай мне номера.

— Ни за что, Жанна. Мы же договорились. Я работаю до сегодняшнего вечера. Завтра передаю все Батизу и компании. Меня это больше не касается, да и тебя тоже.

Жанна села в «твинго».

— Скинь мне номера, Патрик. Я говорю по-испански. Знаю эти страны. Так мы все выиграем время.

— Мне жаль, Жанна. На это я пойти не могу.

Жанна стиснула зубы. Попыталась встать на его место. Вообще-то Райшенбах неплохо потрудился.

— О'кей. Перезвони мне ночью, если еще что-то узнаешь. Или завтра утром.

Они коротко попрощались. Поведение сыщика из уголовки было первым предупреждением. С завтрашнего утра никто не станет с ней разговаривать. Ей перекроют доступ к информации.

По дороге к Порт-де-Монтрёй она попыталась соединить все кусочки головоломки. Три жертвы: медсестра, цитогенетик, скульптор. Убийца с признаками аутизма. Лаборатория по переливанию крови в Никарагуа. Сельскохозяйственный институт в Аргентине. Украденная скульптура, несомненно изображавшая ребенка — и травмирующую сцену. Психоаналитик, улетевший в Манагуа…

Разве что гению под силу связать все это воедино. И все же Жанна была уверена, что продвигается в правильном направлении. А главное,

Манагуа теперь светился в ночи пылающим следом, хранящим ключи к разгадке…

Порт-де-Венсен. Площадь Насьон. У Жанны закружилась голова. Десять вечера. Она с утра ничего не ела. Желудок напоминал воронку от снаряда на поле боя. Жанна свернула к Лионскому вокзалу, затем к центру города.

Самым разумным было бы вернуться домой.

Поесть белого риса. Выпить кофе. Минералки. И бай-бай.

Но у нее была идея получше.

34

Не поместившиеся в галерее гости потягивали шампанское прямо на улице Сены. Жанна припарковалась неподалеку. В конце дня ей улыбнулась удача. Она позвонила специалисту по наскальной живописи, чей телефон узнала сегодня от Изабеллы Вьотти. Эксперт, галерист Жан-Пьер Фроманталь, как раз сегодня вечером устраивал вернисаж. Подходящий случай, чтобы нанести ему визит…

Выходя из машины и поправляя одежду, она мысленно примеряла роль парижанки, пришедшей на вернисаж якобы ради искусства, но главным образом — в поисках мужчины своей мечты.

Эту роль Жанна знала как свои пять пальцев.

И чувствовала себя в ней словно рыба в воде.

Она надела сумку на плечо и, проложив себе путь в толпе, вошла в галерею. В тесном помещении собралось так много народу, что за спинами едва угадывались экспонаты, но, насколько ей удалось разобрать, это было африканское искусство. А может, искусство Океании.

Она задумалась, к кому обратиться, и тут заметила молодую чернокожую женщину, словно сошедшую с выставочного помоста. Судя по манере держаться, та была здесь своим человеком. Видимо, ассистентка Фроманталя.

Жанна поинтересовалась, как ей найти хозяина. Молодая негритянка взглянула на нее с жалостью, будто спрашивая: «Кому понадобилось говорить с этим ничтожеством?» Ее красота ослепляла. В ней не было ничего искусственного — лишь изящество, гармония, подлинность, от которых перехватывало дыхание. Естественные и одновременно загадочные черты. Огромные черные глаза с ослепительными белками светились как факелы, указывая дорогу к некой истине, к сокровищу, скрытому под черными скалами скул и шелковистых плеч.

Она знаком предложила Жанне следовать за ней. Пробираясь между гостями, они дошли до двери, которую африканка открыла не постучавшись. Среди коробок и деревянных ящиков к ним спиной стоял мужчина лет шестидесяти.

Он говорил по мобильному:

— Айша? Но ты же знаешь, Минушет, я ее выставил. ВЫСТАВИЛ! Как ты и просила… Я… да… Конечно…

Жанна взглянула на негритянку. Не требовалось быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что здесь происходит. Галерист обернулся и вздрогнул, увидев глядящих на него женщин.

Он тут же отсоединился и заскулил:

— Айша…

— Да пошел ты.

Черная принцесса скрылась. Фроманталь выдавил улыбку и слегка поклонился Жанне. На нем была стандартная форма престарелых парижских плейбоев. Темно-синий двубортный пиджак. Рубашка от «Шарве» в небесно-голубую полоску с белым воротничком. Мокасины с кисточками. Редкие волосы зачесаны назад. Загар яхтсмена…

— Добрый вечер… — К нему уже вернулась уверенность, грудной бархатистый голос. — Мы, кажется, не знакомы. Вас интересует какая-то вещь?

Жанна не стала ходить вокруг да около:

— Жанна Крулевска. — Она показала удостоверение. — Следственный судья Нантерского суда.

Фроманталь запаниковал:

— Но у меня все произведения сертифицированы. Я…

— Речь не о том. Я покажу вам фотографии. Вы выскажете свое мнение. И через десять минут вы свободны. Идет?

— Я… — Он закрыл дверь подсобки. — Хорошо. Идет…

Жанна вынула из сумки фотографии. Кровавые узоры с мест преступления. Галерист надел очки и изучил снимки. За дверью не стихал гул толпы.

— Вы… вы могли бы объяснить, откуда это?

— С мест преступления.

Фроманталь вопросительно взглянул на нее поверх очков.

— Сожалею, но больше мне нечего добавить.

Он кивнул. С самого утра Жанна не переставала дивиться хладнокровию, с каким ее собеседники воспринимали эти жестокие, варварские убийства. Словно вымышленный мир — мир кино,

телевидения, книг — с его потоком насилия приучил их к самой оголтелой дикости.

— Изабелла Вьотти сказала, что вы — специалист по наскальной живописи и можете мне помочь.

— Вы знакомы с Изабеллой Вьотти?

Казалось, это известие его чуть-чуть успокоило.

— Я обращалась к ней в рамках расследования. И только.

Галерист вернулся к снимкам:

— Это кровь?

— Кровь. Слюна. Дерьмо. И пигмент.

— Какой именно?

Жанна вспомнила, что этот след она так и не отработала. Совсем о нем забыла. Урукум. Растение из Амазонии. В Париже его так просто не достанешь…

— Урукум. Растение, которым пользуются индейцы Амазонии для…

— Я знаю.

Теперь Фроманталь целиком сосредоточился на изображениях. Из престарелого плейбоя он превратился в университетского профессора.

— Эти рисунки похожи на пещерную живопись? — спросила Жанна.

— Разумеется.

— Объясните.

— Ну, прежде всего урукум. Пигмент, близкий к охре. Так вот, охра — природный пигмент, имевший большое значение во времена неолита. Его использовали для татуировок. А также для погребений. Истинная его роль нам неизвестна. Возможно, ему приписывали магические свойства… Кроме того, это один из основных пигментов, применявшихся в наскальной живописи.

— А что вы скажете о самих знаках? Они напоминают пещерные росписи?

Фроманталь задумался:

— Отчасти. Подобные линии можно увидеть в некоторых пещерах эпохи палеолита. Одни из них замкнуты и представляют собой геометрические фигуры: круги, овалы, квадраты, прямоугольники, часто рассеченные вертикальной чертой. Другие —

палочки с боковыми ответвлениями или без них: иксы, крестики… Вроде ваших.

Жанна отметила, что Фроманталь упомянул эпохи неолита и палеолита, разделенные десятками тысячелетий. Это подтверждало ее предположение: убийца все смешивал, перескакивая через века, либо по незнанию, либо — и теперь она склонялась к этой версии — потому что считал себя воплощением обеих эпох.

— И что это означало для доисторических людей?

— Никто не знает. Обычно говорят, что пещерная живопись — это зашифрованное искусство, к которому у нас нет ключа. Способ самовыражения, все еще ожидающий своего Шампольона.

— Вернемся к живописной технике первобытных людей. Как они это делали?

Фроманталь снял очки и сунул в карман. Похоже, он понял, что парой фраз ему не отделаться. По ту сторону двери продолжался вернисаж, но его это, казалось, не слишком волновало. Жанна догадывалась, что он расстроен уходом Айши…

— Давайте по порядку, — сказал он. — Золотой век наскальной живописи начинается примерно сорокатысячным и заканчивается десятитысячным веком до нашей эры. Есть множество направлений, рисунков, стилей, но я не стану вас утомлять. Вам достаточно знать, что эти изображения всегда помещались в глубине пещер. Что довольно странно.

— Почему?

— Потому что, вопреки общему мнению, первобытные люди не жили в пещерах. Они обитали у самого выхода. Или строили шалаши. Зато рисовали они всегда в труднодоступных закоулках. Они защищали свои росписи. Возможно, это были даже места молитв… Нечто вроде храмов.

— И как они делали росписи в глубине пещер?

— Об их технике у нас достаточно точное представление. Найдены их карандаши, кисти. Художник работал с одним или двумя помощниками, готовившими ему краски, угли, марганец. Он поднимался на нечто вроде стремянки. В одной руке держал кисть, в другой — сальную свечу.

— Сальную?

И эта деталь тоже вылетела у нее из головы. Следы сала на месте преступления.

— Ему требовался источник света. Так он освещал свое «полотно». При помощи животного жира.

Во время жертвоприношения убийца вел себя как первобытный человек, повторяя те же жесты, применяя те же орудия, действуя в тех же пещерах: современные парковки заменяли ему древние укрытия.

Жанна вытерла лоб и затылок. Она вспотела. Фроманталь, казалось, ничего не замечал.

— А что обычно изображали эти росписи?

— Главным образом животных.

— Известно почему?

— Нет. И тут нам не хватает ключа. Некоторые думают, что кроманьонцы видели в животных божества, другие предполагают, что единственной целью этих росписей было задобрить духов — покровителей охоты. А кто-то усматривает в них символы половой принадлежности. Лошадь означала мужественность, бизон — женственность… Но в мире существует множество росписей, и им можно приписать практически любой смысл. А по-моему, все гораздо проще.

— То есть?

— Тут нечто вроде репортажа. Homo sapiens sapiens изображал то, что наблюдал в своей повседневной жизни: животных. Вот и все.

— Это не так романтично.

— Смотря каких животных.

Из книжного шкафа, который Жанна не разглядела за коробками, Фроманталь вынул книгу. Решительно надел очки и открыл ее.

— В наскальной живописи присутствуют и изображения полулюдей-полуживотных. Например, вот это…

Он показал рисунок: человек с рогами северного оленя, гениталиями, расположенными сзади, как у кошачьих, и лошадиным хвостом.

— Или вот эта скульптура, вырезанная из бивня мамонта.

Он открыл страницу с фотографией статуэтки, изображавшей человека с львиной головой.

— Тоже репортаж? — съязвила Жанна.

— Почему бы и нет? — отвечал Фроманталь. — Представьте себе, что эти создания в незапамятные времена действительно существовали. В конце концов, античные легенды возникли не на пустом месте. Возможно, герои греческих мифов происходят от реальных существ, живших тысячи лет назад. Разве вас не завораживает мысль, что эти росписи — нечто вроде фотографий волшебной реальности, существовавшей задолго до нас? Например, в одной пещере изображен человек с головой бизона, играющий на флейте или на «музыкальном луке». А что, если это предок фавна? Бога Пана? Откуда нам знать, что такого создания никогда не было?

Лоб галериста усеяли капельки пота. Он все больше смахивал на безумного ученого. Жанна решила вернуть его к реальности, прибегнув к провокации:

— Тогда я покажу вам своих существ.

Она вынула новые фотографии. Расчлененные, выпотрошенные, обглоданные трупы. Почему-то Жанна не сомневалась, что Жан-Пьер Фроманталь способен вынести подобное зрелище. И в самом деле, он и глазом не моргнул.

— Три жертвы, — пояснила Жанна. — Как по-вашему, есть связь между этими зверствами и первобытными обычаями?

— Он их сожрал?

— Частично. Но прежде всего меня интересуют… эстетические соответствия между этими жертвоприношениями и обрядами, которым следовали доисторические люди. Что скажете?

— Это Венеры, — заявил он безапелляционно.

— Венеры? Что вы имеете в виду?

Фроманталь вынул платок и промокнул лоб.

— Ощутив свое господство над природой, первобытный человек решил, что над ним самим господствуют высшие силы… Он стал поклоняться богам, духам, созданным по его образу и подобию. Ну а первыми божествами были богини. Примитивные Венеры, с тяжелыми грудями и широкими бедрами. Атрибутами плодовитости. А еще у них не было лица. Мы нашли много статуэток. Эти богини всегда лишены индивидуальных черт. Это… обобщения. Думаю, что ваш убийца как раз поэтому изуродовал лица своих жертв.

Жанна в свою очередь взглянула на снимки. Неожиданная мысль, но, пожалуй, Фроманталь прав. Возможно, удары, нанесенные по лицу,

объяснялись не только вспышками ярости. Убийца стремился лишить своих жертв индивидуальности.

И как ни странно, превратил их в богинь…

— Есть также правило ромба, — продолжал Фроманталь.

— Какого ромба?

Эксперт пальцем обвел очертания тел.

— Ваши жертвы вписываются в ромб. Голова скорее маленькая. Груди и ягодицы массивные. Ног нет… Эти тела в точности воспроизводят знаменитые статуэтки первобытных Венер. Могу показать вам другие фотографии…

Мелькнуло дикое воспоминание. Иронический голос Франсуа Тэна в ресторане. Мужчины предпочитают толстушек.

— Какой силой обладали эти богини?

— Ну конечно, детородной. Когда первые люди осознали неизбежность смерти, вся их вера, все их надежды сосредоточились на рождении. И на женщине.

Жанна узнала все, что хотела. Все в этой истории вертелось вокруг плодовитости. Каннибализм. Околоплодная жидкость. Выбор пышнотелых жертв…

Дверь подсобки открылась. На пороге, уперев руки в боки, стояла Айша.

— Все еще с Минушет?

При виде своей принцессы Фроманталь так обрадовался, что как будто не заметил сарказма. Он простер к ней руки. Жанна воспользовалась этим, чтобы выскользнуть наружу. И перевести дух.

35

— Я тебя разбудила?

— Ты смотрела на часы?

— Я хотела попрощаться.

— Ты что, уезжаешь?

— Манагуа. Никарагуа.

Райшенбах присвистнул:

— Думаешь, убийца там?

— Убийца и его мотив.

— Только потому, что Тэн и твой психоаналитик звонили по одному и тому же номеру?

— Не только. За два дня до смерти Нелли Баржак доставили бандероль или посылку от Мансарены.

— Что там было?

— Точно не знаю. Думаю, образцы крови.

— И это все?

— Нет. Вспомни, мой психоаналитик тоже улетел в Манагуа. Сперва я подумала, что он спасается от убийцы, сына своего пациента. Но на самом деле все наоборот. Он его преследует. Так или иначе, Феро узнал, что тот собирается в Манагуа. И решил отправиться следом, чтобы помешать ему убивать. Можно даже предположить, что он его опередил.

— И кто будет следующей жертвой? Мансарена?

— Весьма вероятно.

— Почему он?

— Не знаю. У меня сложилось впечатление, что вся эта история как-то связана с кровью. С заражением. Или еще с чем-то, чего я пока не знаю.

— Похоже на сказку.

— Поживем — увидим.

— Зачем ты все-таки звонишь?

— Из-за телефонов. Дай мне мобильный Мансарены. И телефон аргентинского института в Тукумане.

— Только не начинай все сначала. У меня их уже нет. А ты можешь найти их сама.

— Засекреченный номер мобильного в Манагуа?

— Ты ведь знаешь название банка крови. И вряд ли в том городе полно сельскохозяйственных институтов. Пошевели мозгами.

Жанна предвидела такой ответ.

— Будем на связи, — предложила она.

Райшенбах присвистнул снова, но уже дружелюбнее.

— Я передал досье Батизу. Они возобновят расследование. Как и мы, проследят звонки Тэна. И возьмут тот же след.

— Им придется соблюдать все формальности. Обратиться к офицеру связи Центральной Америки в Париже. То же самое с Аргентиной. Пока они дождутся официального ответа, убийца успеет вырезать целую армию.

— Тут ничего не поделаешь.

— Только то, что намерена сделать я. Я позвоню тебе оттуда.

— Удачи.

Устроившись у себя в гостиной, Жанна включила ноут и зашла на сайт компании «Iberia Lineas Aereas». При мысли, что билет предстоит забронировать по-испански, ее охватила дрожь. Как давно Жанна не говорила на этом языке, который так любила!

На следующее утро оставался один билет до Мадрида. Рейс IB 6347. Прибытие в 12.40. Пересадка на Манагуа в 15.10. Затем семь часов полета, которые из-за разницы часовых поясов надо вычесть. Значит, она приземлится примерно в то же время. Ее снова пробрала дрожь. Даже не верится.

Чтобы получить бронь, ей предстояло подтвердить введенные данные. Фамилия. Имя. Дата рождения. Парижский адрес. Пункт назначения. Время вылета. Номер кредитки…

В последний раз программа задала вопрос: уверена ли она, что хочет купить билет в один конец?

Жанна собиралась подтвердить заказ, но вдруг замерла. Как при ускоренной съемке, перед глазами пронеслись все события последних двух недель. Тома. Прослушки. Принесенные в жертву Венеры. Внезапная любовь к Феро. Пожар у Тэна.

Столкновение с Хоакином. Серия встреч с экспертами, когда она шла по следу дьявольской троицы. Отца, сына и Духа Зла…

Она кликнула на «ОК» и подтвердила свои планы на будущее.

Связаться с Мансареной. Найти Феро, прежде чем он найдет тех, других. Защитить его, пусть даже против его воли. Установить местонахождение Хоакина и его отца, пока вновь не пролилась кровь. Теперь она уверена, что парочка также отправилась в Никарагуа.

Она отправила своей секретарше Клер мейл с инструкциями. Наконец выключила компьютер и вытерла лицо. Жара не отступала даже в разгар ночи. Никогда еще лето не было ей так ненавистно.

Жанна собрала дорожную сумку. Никакой усталости она не испытывала. Подумала о председателе, который с радостью затащил бы ее в постель, что, впрочем, не помешало бы ему выставить ее из суда. О Райшенбахе — он неплохо к ней относился, но готов был отстранить ее от работы, чтобы расследованием занялись серьезные люди, то есть мужчины. О Франсуа Тэне, бедняге Франсуа, использовавшем серийные убийства, чтобы подкатить к ней…

Ей вспомнились слова героини ее молодости — Розы Люксембург: «Свободный человек тот, у кого есть возможность решить иначе». Жанна улыбнулась.

Что бы ни воображали эти господа, она такой же свободный человек, как и все они.

II. Дитя

36

Лик Христа, глядящий с автобусного зада.

Это было первое, что бросилось в глаза в Манагуа. Точнее, в его предместьях. Хаотичное смешение хрома, клаксонов, солнца и рекламных щитов. Жанну охватило ощущение, что она пробирается через огромный торговый центр. Фирмы. Магазины. Снова фирмы. Логотипы. И автобусы. Завывающие. Разноцветные. Сверкающие. Такси. Джипы. Пикапы… И повсюду — бело-голубой никарагуанский флаг, легко и ласково плещущий по ветру, словно споря с окружающим гвалтом.

Жанна сидела в такси, превозмогая дурноту. Часы в Манагуа показывали 14.00, но по ее собственным биологическим часам было девять вечера. Организм каждой своей жилкой все еще существовал по парижскому времени. До боли яркий свет лишал последних сил.

В центре оказалось немного потише. Манагуа — вытянутый в длину город, прожаренный на солнце и плоский, как ладонь. Здесь нет ни одного двухэтажного здания — люди живут в постоянном страхе перед циклонами и землетрясениями. Широкие, утопающие в зелени улицы производят впечатление, что не город потеснил лес, а наоборот. Синее небо кажется близким и составляющим единое целое с ветром, воздухом и постройками.

И на фоне этой мягкой голубизны — улыбчивые лица прохожих, невысоких меднокожих людей, словно выкрашенных темно-золотой краской. Неужели эта страна была театром самых чудовищных жестокостей, потрясших мир в конце XX века? Диктатура, революция, контрреволюция — все спуталось в диком клубке смерти и зверств.

Водитель спросил, куда именно ей надо.

— Отель «Интерконтиненталь», — наудачу ответила она.

— Новый или старый?

Жанна и не знала, что их сразу два.

— Новый.

Выпендриваться, так уж по полной программе. Водитель пустился в долгие объяснения. Старый «Интерконтиненталь», он же «Метросентро», стоит на берегу озера. В годы революсион он был

оплотом журналистов. А вот эль нуэво построили в самом центре города, возле парка Тискапа. Здесь тусуются бизнесмены.

— Манагуа хорошеет на глазах!

Жанна его не слушала. Спрятавшись за черными очками, она разглядывала город. Проспекты. Пальмы. Здания в розовой штукатурке. Девчонки в бело-серой школьной форме. Разноцветные стены домов, приветливых, душа нараспашку. И вдруг — бункер американского посольства, утвердившийся на завоеванной земле, но так и не сумевший скрыть своей боязни перед теми, кого покорил…

Потоком нахлынули воспоминания. Именно с этой страны когда-то началось ее великое путешествие по Латинской Америке. В ту пору она в режиме нон-стоп слушала легендарный альбом «Клэш» под названием «Сандиниста!», который потихоньку умыкнула у матери. «Крутые британские парни» посвятили его Никарагуа и сандинистской революции. Когда она, с плеером в ушах, ступила на эту землю, то ожидала увидеть здесь социалистический рай. Но со времени свержения диктатуры тут многое изменилось. Бывшего президента Арнольдо Алемана подозревали в том, что он прикарманил шестьдесят процентов валового дохода государства. А про лидера сандинистов Даниеля Ортегу говорили, что он изнасиловал собственную невестку… Но Жанна не собиралась смаковать горький вкус реальной действительности. Она просто открутила на максимум громкость «Magnificent Seven»[49] и, преисполненная иллюзий, покатила знакомиться со страной.

Такси остановилось. «Интерконтиненталь» оказался верхом безликой роскоши. В одинаковости шикарных современных отелей есть нечто успокаивающее, универсальное, не дающее проклюнуться ощущению чужеродности окружающего, но в то же время навевающее скуку и подспудное чувство неуюта. Куда бы ты ни приехал, повсюду встречаешь одну и ту же обстановку. Впрочем, здешние архитекторы добавили от себя пару-тройку испанских штрихов. Кастильский орнамент. Мавританская плитка. Фонтаны под мрамор. Но это мало помогало: все равно ты понимал, что попал в типичный туристский бастион. Вместе с его неотъемлемым атрибутом: едва успев войти, Жанна уже стучала зубами под ледяным дыханием мощных кондиционеров.

Номер был выдержан в единой цветовой гамме. Белый. Холодный. Комфортабельный. Ни одной индивидуальной ноты. Жанна приняла душ. Включила мобильник. Голос по-испански сообщил ей, что она сменила оператора. Она улыбнулась. Этой мелкой детали хватило, чтобы осознать: она и в самом деле пересекла грань. Новых эсэмэс не было.

Через гостиничный коммутатор она соединилась с лабораторией «Плазма Инк.». Эдуардо Мансарены на месте не оказалось. Должен появиться к концу дня. Жанна повесила трубку. Потом позвонила на ресепшн и попросила принести ей список двадцати лучших городских отелей. В одном из них наверняка обнаружится Антуан Феро.

Ей стало немного лучше. Душ. Прохладный кондиционированный воздух. Возможность говорить по-испански — слова и интонации со странной легкостью, сами собой, вырывались из горла. Получив список, она старательно обзвонила все без исключения отели. На это ушло больше получаса. Результат — nada. Феро нашел пристанище где-то в другом месте. У друзей? Или, может, зарегистрировался под вымышленным именем? Но почему? Боялся Хоакина? Почуял за собой слежку?

Три часа дня. Она включила ноутбук и записала идеи, осенившие ее в самолете. Почти все десять часов перелета она проспала, но все-таки в голову пришли кое-какие соображения: проверить два-три следа, уточнить некоторые детали. Потом надела куртку и взяла сумку. Пожалуй, перед тем как постучать в двери офиса Мансарены, имеет смысл предпринять ряд шагов.

У нее были две задумки.

Во-первых, проверить, чего на деле стоит солидарность слуг закона, разделенных границами.

Во-вторых, заглянуть в архив крупнейшей никарагуанской газеты «Ла-Пренса» и составить более четкое представление о личности Вампира из Манагуа и связанной с ним истории.

37

Здание суда, известное как «Los Juzgados»,[50] располагалось на юго-востоке города, неподалеку от квартала Ла-Эсперанса, втиснутое между овощным рынком и автобусной стоянкой. В воздухе здесь вечно витали смешанные запахи гниющих фруктов, жареного мяса и солярки. Жанна расплатилась с таксистом и нырнула в хитросплетение крытых проходов — тенистый лабиринт, в котором громоздились груды арбузов и бананов, сновали грузчики и чистильщики обуви, мелкие торговцы предлагали спички и телефонные карты…

В глубине, словно драгоценная жемчужина внутри раковины, таился дворец правосудия. Впрочем, при ближайшем рассмотрении сокровище оказалось очень так себе: невыразительное блочное строение, окруженное ветхим решетчатым забором, возле которого торчали сонные охранники. На деревьях болтались гамаки. Здесь же, поджариваясь на солнце, приткнулось несколько полицейских фургонов. Вокруг царила странная атмосфера, характерная для Центральной Америки, — некая смесь пофигизма и скрытой военной угрозы. Вдоль решетки тянулась бесконечная очередь, составленная из крестьян — неподвижных, безразличных к пеклу, прижимающих к себе папки, пакеты с бутербродами, детей…

Жанна ринулась напролом, обойдя очередь и потрясая перед лицом охранников своим трехцветным удостоверением. Блеф отлично сработал. Во всяком случае, первый заслон она миновала. Огромным ее преимуществом было то, что она знала испанский, не просто бегло говорила, но удачно воспроизводила местный акцент. На солдат она произвела впечатление — высокая рыжеволосая женщина, приехала из Франции, а на их языке болтает так, словно живет в соседнем барио. Вместо пропуска ей шлепнули прямо на ладонь синюю печать.

Внутри царила та же суета, только в замедленном темпе. Проходили funcionarios[51] с бумажками в руках, бродили посетители, в поисках нужного кабинета тыркаясь во все двери подряд. У стен застыли солдаты, словно приклеившись к ним потными спинами. Само здание, наскоро сляпанное из бросовых материалов, казалось,

пошатывается и ждет первого же землетрясения, чтобы окончательно рухнуть. Может, тогда его перестроят как следует.

Жанна разыскала кабинет судьи. Она тоже обливалась потом — несколько жалких вентиляторов и не пытались справиться с чудовищной жарой. Возле двери стоял охранник. Она предъявила свой паспорт, показала секретарю французское судебное удостоверение и попросила, чтобы Эва Ариас, чье имя она прочитала на дверной табличке, приняла ее немедленно.

Ей предложили подождать. Ждать пришлось долго. Через приоткрытые двери она видела, как к судебным залам толпами стекаются люди. В шуме голосов различалось постукивание компьютерных клавиатур, словно топоток сабо. Солдаты пытались навести хоть какой-то порядок. Больше всего здешняя обстановка напоминала распродажу в «Галери Лафайет» плюс тропическая жара.

— Сеньора Крулевска?

Жанна, успевшая устроиться на скамье, подняла глаза. Ей пришлось слегка запрокинуть голову. Стоявшая перед ней женщина ростом была под метр восемьдесят.

— Эва Ариас, — представилась она, протягивая для рукопожатия крупную ладонь.

Жанна последовала за великаншей в кабинет. Пока та занимала свое место за столом, попыталась разглядеть ее получше. Плечи как у грузчика. Руки атлета. Черты лица, выдающие индейские корни. Высокие скулы. Орлиный нос. Раскосые глаза. Волосы черные, словно лакированные. Причесаны на прямой пробор и по бокам заплетены в косы. И разумеется, полное отсутствие какого бы то ни было выражения на лице.

Жанна назвала себя. Объяснила, зачем приехала в Манагуа. В рамках проводимого во Франции расследования — серийные убийства — она ищет пожилого мужчину и его сына, по всей вероятности никарагуанского происхождения, очевидно замешанных в этих преступлениях. Все, что у нее есть, это имя сына — Хоакин — и предположение, что в последние несколько дней оба прибыли в Манагуа.

Эва Ариас слушала ее не перебивая, судя по всему из уважения к иностранке, проделавшей столь долгий путь. В ее лице не дрогнул ни один мускул, не промелькнуло ни намека на реакцию. Рассказывая,

Жанна пришла к выводу: с таким судьей, как Эва, шутить не стоит. Индеанка, взлетевшая на свой нынешний пост благодаря кампании по ликвидации безграмотности, организованной сандинистами в восьмидесятые годы. Таких, как она, называли «босоногими юристами», подчеркивая их скромное происхождение. Она принадлежала к числу тех представителей правосудия, которые не побоялись выступить против президента республики Арнольдо Алемана и его родни, когда собранных улик оказалось достаточно, чтобы доказать размах их коррупционной деятельности.

Жанна закончила рассказ. В кабинете повисла плотная тишина. Жанна физически ощущала исходившую от судьи сдерживаемую мощную силу.

Наконец строгим, хорошо поставленным голосом та спросила:

— Чего вы хотите от меня?

— Я думала… В общем, я думаю, что вы могли бы помочь мне их найти.

— У вас же нет ни одной фамилии. И ни одной зацепки, где искать.

Жанна вспомнила Антуана Феро. Он знал, как зовут отца. Рассказать или не стоит? Одна мысль о том, что Феро начнут разыскивать как преступника, показалась ей отвратительной.

— Судя по ряду улик, я склонна верить, что парижские убийства, о которых я только что говорила, совершил этот самый Хоакин.

— Ну и?..

— Если этот человек родом из Никарагуа, он, возможно, уже убивал раньше здесь, в Манагуа. Много лет назад.

— Когда именно?

— Хоакину тридцать пять лет. Я считаю, что убивать он начал с ранней юности. У него совершенно особенный почерк. Если проверить архивы двадцатилетней давности…

— Мне кажется, вы мало знакомы с историей нашей страны.

— Я с ней знакома. И понимаю, что вряд ли в восьмидесятые годы по уголовным делам велись серьезные расследования.

— В ту пору массовые убийцы только-только были отстранены от власти. Мы — молодая демократия, мадам. Страна, которая находится в процессе становления.

— Все это я знаю. Но ведь я толкую не об обычном убийце. Речь идет об убийце-каннибале. От такого преступления не могло не остаться следов. В полицейских участках. В судейских архивах. Да просто в памяти людской.

Эва Ариас опустила руки на стол ладонями вниз:

— Похоже, вы полагаете, что у нас тут водятся убийцы-дикари, каких не бывает в ваших, более цивилизованных странах.

Жанна поняла, что ее толкают на скользкий путь спора о национальных чертах характера. Судья, очевидно, отличалась в этом отношении болезненной чувствительностью.

— Я убеждена в обратном, senora jueza. Человек, которого я ищу, действует настолько варварски, что люди не могли забыть о его злодеяниях. Даже в разгар революции. Я покажу вам фотографии, которыми располагает следствие. Убийства, совершенные в Париже, превосходят воображение. Они свидетельствуют о том, что мы имеем дело с невероятной дикостью.

— Вы думаете, ваш убийца — индеец?

— Ни в коем случае. Сеньора…

— Зовите меня Эва. Мы ведь коллеги.

— Хорошо, Эва. Позвольте, я расскажу вам кое-что о себе. После окончания Национальной школы судебных работников во Франции я решила совершить путешествие по Центральной и Южной Америке. Из чистой любви к латиноамериканской культуре. Вы слышите мой испанский. Я больше года провела на вашем континенте. Прочитала большинство ваших великих писателей. Вам не удастся обвинить меня в предрассудках по отношению к Латинской Америке.

Эва Ариас молчала. Молчание и жара, сливаясь воедино, давили все сильнее. Дышать и то становилось трудно. Уж не допустила ли она непростительной бестактности, испугалась Жанна. Может быть, расхваливать перед индеанкой из Никарагуа прелести латиноамериканской культуры было не такой уж блестящей идеей. Примерно то же самое, что превозносить Марка Твена в индейской резервации в Дакоте.

— В каком отеле вы остановились? — спросила Эва более мягко.

— В «Интерконтинентале».

— В котором из двух?

— В новом. На оплату счета уйдет вся моя судейская зарплата.

Лицо индеанки вдруг, без перехода, расплылось в улыбке. Жанна поняла: Эва Ариас привыкла действовать без предупреждения. Поди догадайся, что она сделает в следующую минуту.

— Я кое-кому позвоню. Не ждите, что все пойдет гладко. После Сандинистской революции судейский состав полностью сменился. На архивы тоже не надейтесь. Все, что относится к дореволюционному периоду, либо потеряно, либо уничтожено — зачастую самими судьями. Ну, а в годы революции поступали еще проще — вообще ничего не записывали.

— Так что же делать?

— Я тут подумала о журналистах. Кое с кем я сама знакома. Из старых лисов — тех, что все видели и все знают. Если убийство с каннибализмом когда-либо имело место, даже в чаще джунглей, они про него вспомнят.

Жанна поблагодарила собеседницу и поднялась. С нарочитым спокойствием, стараясь подстроиться под индейскую флегматичность. Покидая Эву Ариас, она испытала укол совести. Все-таки она повела себя не совсем честно. Например, скрыла имя Эдуардо Мансарены. Не без причины, конечно: ей хотелось сохранить за собой временную фору перед местными сыщиками.

38

16 часов.

Еще один звонок в «Плазма Инк.».

По-прежнему — никаких следов Эдуардо Мансарены. Жанна решила отправиться в «Ла-Пренса». Она с наслаждением окунулась в кондиционированную прохладу такси. Редакция газеты располагалась на другом конце города, так что по пути Жанне представилась отличная возможность рассмотреть никарагуанскую столицу.

Движение было оживленным. Но еще более оживленной оказалась торговля между машинами, кипевшая на каждом светофоре. Продавали все: сладкую вату, собак, гамаки, сигареты, прокладки… Еще она заметила девушек, прогуливающихся вдоль шоссе. Забранные в пучок волосы. Овальные лица. Расклешенные джинсы. Единственная отличительная деталь — цвет бюстье, у кого бирюзовый, у кого розовый, зеленый или ярко-желтый. Неожиданно для себя Жанна ощутила зависть. Она завидовала их юности и красоте, одновременно строгой и лучистой, их естественному единству с землей, воздухом и небом. Даже тому, что они так походили друг на друга, словно все как одна владели секретом вечной молодости, а потому могли позволить себе дружелюбие и взаимную симпатию.

Вместе с тем в атмосфере веяло и некоторой мрачностью. Это бремя прошлых лет, поняла Жанна. За вежливыми улыбками прохожих еще таились следы подавленности, вызванной жестокостями ушедшего века. В сердце у каждого еще жили кровавые картины минувшего. Душа все никак не могла освободиться от слишком долгого траура. Три века американской эксплуатации. Сорок лет кровавой диктатуры. Революция. Контрреволюция. И все это ради того, чтобы страна погрязла в коррупции — загнанной вглубь, скрытой, а потому не поддающейся лечению. Есть от чего прийти в уныние.

Редакция «Ла-Пренса» занимала безликое блочное сооружение, но ее архив размещался в пристройке — живописном домике с патио, утопающем в цветах и украшенном орнаментами. Старые номера хранились на микропленке — значит, не придется пачкать руки и дышать пылью. Чтобы не блуждать в потемках, Жанна обратилась к

заведующему архивом. Этот человек, оказавшийся настоящей ходячей энциклопедией, с ходу, не задумываясь, сказал ей, какие подшивки следует просмотреть в первую очередь. Речь шла о «звездных годах» Мансарены, он же Вампир из Манагуа.

Пленки крутились, и перед Жанной проходила изрядная часть недавней истории Никарагуа. Она и так ее знала. Одна из банановых республик — так называли многие государства Центральной Америки, превращенные в поставщиков тропических фруктов под тотальным контролем США. Как большинство людей левых взглядов, Жанна ненавидела Штаты всепоглощающей, ничем не оправданной, иррациональной ненавистью. Эта страна воплощала все то, чего она не выносила: империалистическую жестокость, безграничное потребительство, свободу, направленную исключительно на материальный успех. Но больше всего ее бесило полное наплевательство по отношению к слабым, к меньшинствам. Мало им было устроить геноцид североамериканских индейцев, США еще финансировали самые чудовищные диктатуры Центральной и Южной Америки.

Со смешанным чувством ярости и какого-то странного удовлетворения Жанна освежила в памяти некоторые эпизоды, прочитав отдельные статьи целиком. Невероятная по жестокости диктатура Анастасио Сомосы Дебайле, наследника длинной цепочки убийц. Казни. Пытки. Насилие. Лишение имущества. Однажды тиран-преступник так ответил журналистам, поинтересовавшимся его богатствами: «Насколько мне известно, у меня всего одно имение. Оно называется Никарагуа». Потом грянула Сандинистская революция, а вместе с ней — ликвидация неграмотности, раздел земель, уважение к крестьянскому труду. Наконец появилась надежда. Затем — контрреволюция, финансированная Рональдом Рейганом на деньги, полученные благодаря незаконной продаже оружия Ирану. Ужас. Ужас. Ужас. Сегодня ситуация стабилизировалась. Но страна так и не исцелилась от своих хронических болезней, которые могли вспыхнуть в любую секунду…

Одна из них, наиболее показательная, носила имя Эдуардо Мансарены.

Он родился на Кубе. В семидесятые годы начал сколачивать состояние. Врач-гематолог и деловой человек, сбежав в Майами,

быстро сообразил, в чем так нуждаются Соединенные Штаты. В крови. Война во Вьетнаме показала, какое значение приобретает переливание крови во время вооруженного конфликта. Но в США было мало своих запасов. Где взять столь редкий продукт? В бедных странах, где же еще! В 1972 году, вскоре после землетрясения, Мансарена перебрался в Манагуа и открыл здесь первый коммерческий банк крови. За пару лет он развернулся вовсю, переплюнув всех прочих поставщиков США, вместе взятых: Гаити, Бразилию, Белиз, Колумбию. В 1974 году «Плазма Инк.» продавала двадцать тысяч литров крови ежемесячно, обеспечивая десять процентов частной американской индустрии в этой области.

В богатстве Мансарены, как в кривом зеркале, отражалась бедность доноров. Крестьяне, разоренные землетрясением, сдавали по литру крови каждую неделю, не давая организму возможности восстановиться. Многие из них скончались прямо здесь, в помещениях банка. В народе зрело возмущение. «Плазма Инк.» стала символом эксплуатации человека диктатурой — эксплуатации, доводящей до смерти. В один прекрасный день 1978 года народ дал волю скопившемуся гневу и устроил поджог банка. Пожар перекинулся на всю страну. Вспыхнула Сандинистская революция. Но… Вампир из Манагуа успел исчезнуть.

Социалистическое правительство наложило запрет на торговлю кровью и плазмой. Отныне сдать кровь можно было только бесплатно, под контролем никарагуанского Красного Креста. Затем ее переправляли, так же безвозмездно, в больницы и клиники. И — никакого экспорта. Но прошло несколько лет, и все вернулось на круги своя. Арнольдо Алеман и его продажное правительство разрешили Эдуардо Мансарене вернуться в Манагуа — вместе с его гнусным бизнесом. Сегодня он вновь конкурировал с Красным Крестом, и у дверей его банка выстраивались очереди из желающих получить хоть несколько кордоба.

Его империя даже расширилась. Открылись центры по сбору крови в Гватемале, Гондурасе, Сальвадоре, Перу, Эквадоре, Аргентине. Жанна представила себе кровавые реки, стекающие к устью под названием Мансарена, чтобы влиться в безбрежное море США. Такие истории возможны только в подземельях мира. Там, где нищета

позволяет все. Там, где жадность и продажность пышно колосятся и дают все новые всходы, как на хорошо унавоженной почве.

Она смотрела на размытый портрет Вампира. Огромного роста мужчина с крупной челюстью. Посеребренные сединой волосы зачесаны назад, словно он надел шлем воина Столетней войны. Сытый и спокойный. Рыцарь, сумевший повергнуть всех своих врагов — правосудие, человечность, равенство…

Так что же отослал Вампир экспресс-почтой на адрес Нелли Баржак 31 мая? Образец крови? Из-за которого специалистку по цитогенетике убили и пожрали? И еще. Зачем Тэн звонил этому человеку в воскресенье, 9 июня? Почему в тот же самый день с ним связался Антуан Феро? Что было известно Эдуардо Мансарене об убийствах и о том, кто их совершил? Что связывало его с Хоакином?

Жанна свернула пленки, погасила экран и поблагодарила заведующего архивом. Звонить в «Плазма Инк.» она больше не стала. Решила пойти туда сама. И встретиться с Вампиром лицом к лицу.

39

Банк крови. Первый в стране.

Здание «Плазма Инк.», расположенное в барио Батаола-Сур, представляло собой настоящий бункер — куда более надежный и охраняемый лучше, чем Дворец правосудия. Поверх монолитного забора щетинилась колючками, острыми, как лезвие бритвы, проволока; охранники, занимавшие каптерку, отнюдь не выглядели сонными.

Чтобы проникнуть в эту крепость, Жанна предъявила свой паспорт. Никаких проблем. Может, она донор-доброволец? Ее пропустили, и она прошла в просторный холл, обустроенный как принято во всех странах с жарким климатом. Плиточный пол. Жалюзи на окнах. Под потолком — вентиляторы. Перед несколькими окошками стояли в очереди доноры. Другие вяло лежали на скамьях, расставленных рядами, как в церкви, и вполглаза смотрели телевизор. Никаких медсестер, никаких белых халатов. Зато запах эфира, шибавший в нос так, что кружилась голова. В глубине слышалось стрекотание компьютерных клавиатур, задававшее зловещий ритм пляске смерти.

Жанна почувствовала дурноту. Духота. Вонь. Разница во времени. От всего этого ее замутило. Она заметила невысокую женщину, которая показалась ей симпатичной. Лет пятидесяти, в клетчатом халате. Плоское, как у китаянки, лицо, раскосые глаза за очками с толстыми стеклами. Под мышкой — папка с бумагами, придававшая ей начальственный вид. Во всяком случае, она явно старалась производить такое впечатление.

— Por favor, señiora…

Не вдаваясь в объяснения, Жанна просто спросила, где и как может встретиться с Эдуардо Мансареной. Китаянка широко улыбнулась и ответила, что «господина директора пока нет». Он появится позже. Или будет завтра. Женщина лгала. Сегодня Мансарена уже не придет — в шестом часу вечера? У Жанны зародилась уверенность, что он не показывался на работе по меньшей мере несколько дней…

Она поблагодарила женщину и повернула к выходу, позволив той продолжать свой путь, но, пройдя немного, вернулась назад и открыла ближайшую к себе дверь. Она очутилась в длинной комнате, похожей на приемную. На стульях дремали посетители. Плакаты, развешанные на стенах, призывали всех сдавать кровь и заботиться о будущем Никарагуа. Бла-бла-бла…

Жанна перешагнула через вытянутые ноги и прошествовала еще к одной двери. Табличка гласила: «Sala de extracción» Здесь вонь была еще сильней. Несло спиртом, йодом, дезинфекцией, потом… Это было помещение без окон, заставленное старыми парикмахерскими креслами, обитыми искусственной кожей красного цвета. В креслах сидели доноры. Затуманенный взгляд, бледность на лицах, мокрые виски — казалось, они на последнем издыхании. У каждого тянулась от вены трубка с пластиковым пакетом на конце. Огромные размеры этих пакетов ужасали. Вопреки тому, о чем говорилось в газетных статьях, обстановка в процедурной «Плазма Инк.» отнюдь не поражала стерильной чистотой. В углу уборщица возила по полу мокрым веником. Тут же сидел на полу рабочий, приклеивая оторвавшийся кусок линолеума. Рядом с ним стоял распахнутый чемоданчик с инструментами.

Жанна поискала другую дверь. Она все еще надеялась набрести на кабинет директора или хотя бы его секретаря. Уж там она сумеет раздобыть домашний адрес Мансарены. Если Вампир не желает идти ей навстречу, что ж, она сама придет к нему… Еще один коридор. Через широкие застекленные проемы Жанна могла видеть все, что происходит в каждом кабинете. На нее никто не обращал внимания.

Ее остановил громкий гул. Это работали центрифуги. Безостановочно, как в прачечной-автомате, крутились барабаны. Она ведь только что перечитала кучу статей и понимала, что происходит. После забора крови у донора ее помещают в центрифугу, где происходит отделение плазмы от кровяных телец и тромбоцитов. Именно в плазме содержатся драгоценные протеины, в том числе знаменитый «фактор восемь» — белковый коагулянт, отсутствующий у больных гемофилией типа А. Жанне стоило немалых трудов убедить себя, что она находится в приличном месте и все, что она видит вокруг, служит спасению человеческих жизней.

Новое помещение. Розовые стены. Дверцы холодильных камер. Должно быть, за ними хранятся резервы, предназначенные для отправки в США. Здесь же стояли шкафы с застекленными дверцами, полки в которых, заставленные пакетами с темной жидкостью, постоянно ездили вверх-вниз, очевидно, чтобы кровь не сворачивалась. Если бы американцы, подумала Жанна, приехали сюда и своими глазами увидели все это, вряд ли они стали бы покупать плазму у Мансарены.

Наконец она добралась до административного блока. Кабинеты. Вентиляторы. Секретарши со строгими пучками. Жанна миновала их, даже не глядя на сидевших за столами девушек, легко вычислив, что кабинет босса, скорее всего, находится в самом конце коридора. Действительно, сразу за поворотом оказался небольшой предбанник, в который выходили две двери — одна слева, другая справа. Первая дверь была закрыта, вторая открыта, но в комнате никого не оказалось. Это был кабинет секретаря. Жанна углядела старомодный ежедневник, лежащий возле пишущей машинки. И еще кипу карточек, скрепленных двумя стальными кольцами.

Она быстро пробежала их глазами. МАНСАРЕНА. ЭДУАРДО. На карточке значились координаты хозяина. В том числе домашний адрес, составленный на чисто никарагуанский манер. Манагуа так часто подвергался разрушениям из-за землетрясений и циклонов, столько раз перестраивался, что улицы здесь не имели ни названий, ни номеров. Приходилось ориентироваться по каким-то общеизвестным признакам, иногда по местным прозвищам кварталов, иногда по другим вехам, порой носившим самый экзотический характер.

Жанна взяла листок бумаги и ручку и записала:

«Tica Bus, 1 cuadra la lago y 1 cuadra y média arriba».

Это примерно означало, что надо добраться до конечной остановки автобуса, идущего на Коста-Рику, а дальше искать нужный дом между кварталом, расположенным возле озера, и полутора кварталами, поднимавшимися вверх, то есть к востоку. Жанна старательно переписала все указания, решив про себя, что водитель такси наверняка сумеет расшифровать адрес.

Через несколько минут она уже была на улице. Таксист, бросив взгляд в загадочный текст, мгновенно понял, куда ей нужно. Она уселась поудобнее и попросила включить кондиционер на полную

мощность. Достала из сумки влажные салфетки, купленные в Мадридском аэропорту, и вытерла лицо — ничего лучшего пока предпринять она все равно не могла.

И постаралась успокоиться.

Вечерело. Жанну охватило дурное предчувствие. Неужели она опоздала? Неужели Хоакин уже успел нанести удар? Неужели Мансарена…

Она вздрогнула.

Ей стала понятна причина ее беспокойства. И эта причина не имела ничего общего с Мансареной.

Волновалась она из-за Антуана Феро. Ее мысли понеслись вскачь. Он разыскал в Манагуа Хоакина и его отца. Попробовал их урезонить. Призывал сдаться властям.

И эта попытка стоила ему жизни.

40

В квартал, где жил Мансарена, Жанна добралась, когда начало темнеть. Шофер растолковал ей, как дойти до виллы пешком. Фонари еще не зажигали. Она торопливо зашагала вперед. Почему-то ей хотелось успеть позвонить в дверь до того, как включится электрическое освещение, — почему именно, она не смогла бы объяснить.

Вокруг стояла полная тишина. В сумерках едва угадывались силуэты строений, спрятанных за толстыми каменными или решетчатыми оградами. Ни малейшего признака жизни ни на улице, ни в окнах домов. Она шла, минуя огромные деревья — в путеводителе, купленном все в том же аэропорту Мадрида, она прочла, что они называются чиламате, — и слышала только звонкий звук собственных шагов. Наконец нужный дом. Хорошо, что водитель дал ей подробное описание. Она позвонила в дверь. Подняв голову, обнаружила глазок камеры наблюдения.

Она немного подождала, поглядывая через прутья решетки. На вид вилла казалась довольно-таки скромной. По серым стенам вились розовые бугенвиллеи и лиловатые орхидеи; за коренастыми пальмами угадывались красная крыша, открытые веранды и террасы, типичные для никарагуанской застройки. Воздух, жара и обилие зелени словно зазывали зайти внутрь дома: ограда имелась, но как будто поставленная на всякий случай, почти наобум — так посреди шумной вечеринки гости сбрасывают пиджаки.

Ей до сих пор никто не открыл. Так… А где же охранники? Где слуги? Она еще раз позвонила. Свет в доме не горел, только с одной из веранд пробивалось, прорезая темноту, слабенькое мерцание. Наверное, ловушка для комаров. Значит, Эдуардо Мансарены нет дома. А у персонала выходной. Жанна почувствовала, как у нее опускаются руки. Все усилия, предпринятые до сих пор, вели ее к этому порогу — а за ним оказалась пустота. Зачем она торчит здесь, возле дверей незнакомого дома, в пустынном и скудно освещенном квартале, за десять тысяч километров от родного дома?..

Она уже собиралась повернуть назад, как вдруг ее осенила идея. Что, если провести небольшой несанкционированный обыск? Идея, конечно, самая что ни на есть идиотская. Отличный шанс попасть прямиком в застенки Манагуа… Но рассуждать было слишком поздно — она уже держалась за ручку калитки. Две резные железные створки, изукрашенные причудливыми арабесками, поддались без всякого сопротивления. Жанна справа налево обвела взглядом сад и сделала шаг вперед. Собаки нет. И ни малейшего шума. Во рту у нее пересохло, дыхание было жарким, словно вырывалось из доменной печи, а по телу струился пот. Она на месте. Совершенно незаконно. Но отступать некуда.

Она пересекла сад. Мягкая трава. Огромные цветы. Пальмы с серыми стволами, потрескавшимися, как ананасная корка. Но вот нога ступила на что-то твердое. Ага, выложенная плиткой дорожка, петляющая в кустах. А вот и первая веранда. В центре — небольшой фонтан. Под потолком медленно вращался вентилятор, гоняя жаркий воздух. В углу светился экран телевизора, работавшего без звука, — он-то и был источником замеченного ею мерцания. Включенный телевизор означал, что хозяин покидал дом в спешке. Еще более подозрительным выглядело полное отсутствие слуг. Что же тут, черт возьми, произошло?

Она проникла в гостиную, служившую своего рода продолжением веранды. Все было нараспашку — очевидно, Мансарена не боялся воров. В тот миг, когда она входила в комнату, зажглись уличные фонари. Она вздрогнула и бросилась вправо, подальше от окна. Досчитала до десяти, потом рискнула выглянуть наружу. Ни души. Она снова обвела взглядом гостиную. Сквозь кованые решетки сочился неяркий фонарный свет, рисуя полосы на стенах, отбрасывая на прямоугольные шторы причудливые кривобокие тени.

Она сделала несколько осторожных шагов. Ни дуновения ветерка. Ей казалось, что она движется в толще воды, ощущая на плечах ее давящую тяжесть. Осмотрелась. Еле различимые в сумраке кресла. Длинный стол, покрытый клеенкой. Бар, заставленный длинным рядом бутылок. Из глубины одной из полок на нее уставилась пустыми глазницами терракотовая маска. От пола слегка веяло запахом моющего средства. Похоже, слуги все тут вылизали, прежде чем исчезнуть. Но почему они не заперли двери?

А вот и лестница. Жанна на всякий случай окликнула: «Сеньор Мансарена!» Ей ответила тишина, прерываемая шуршанием лопастей вентилятора. Она поднялась по ступенькам. Второй этаж. Коридор. Спальни. Окрашенные в светло-зеленые и кричаще-оранжевые тона стены. Деревянные кровати. Плетеные кресла. В окна за плотно задернутыми шторами проникал слабый уличный свет.

Жанна продолжала идти вперед. Она уже все поняла. Из-за запаха — сильного, тошнотворно-сладкого. Что-то среднее между гниющими фруктами и тухлым мясом. В торце коридора обнаружилась еще одна дверь. Еще только открывая ее, Жанна уже знала, что нашла источник вони.

Эдуардо Мансарена в неестественной позе сидел за столом, уронив на него голову. Над ним чуть слышно гудел кондиционер. Череп его был расколот надвое, как перезрелый арбуз. Кожаный бювар был забрызган вытекшим мозгом. Над трупом кружился рой мух.

Хоакин опередил ее.

Стараясь дышать через рот, Жанна сделала пару шагов, порылась у себя в сумке, сдвинула в сторону тюбик губной помады и упаковку жвачки и наконец нащупала пару резиновых перчаток, которые на всякий случай всегда носила с собой. Натянула их и приблизилась к столу. Ее глаза уже немного привыкли к полумраку комнаты, озаряемой лишь неверным светом уличных фонарей. Она сразу же взяла на заметку несколько фактов.

Факт первый. Мансарена оказался еще более тучным, чем выглядел на снимках, должно быть, весил не меньше 150 килограммов. В белой майке и светло-серых спортивных штанах, он сидел наклонившись вперед, с руками, свисающими под столом. Жанне вспомнился фильм «Семь», в котором убивают толстяка, повинного в грехе чревоугодия. Представшая ее глазам картина напоминала кадр из этого фильма, только в черно-белом варианте. Как если бы «Семь» снимал Фриц Ланг.

Факт второй. Убийца учинил в комнате настоящий обыск. Книжные шкафы были выпотрошены. Ящики письменного стола выдвинуты и опустошены. Платяной шкаф раскурочен. Присмотревшись, Жанна поняла, что валявшиеся на полу книги были одной и той же серии, в серых с разводами обложках. Что искал преступник?

Факт третий. Каннибализм. В комнате витал густой запах животной плоти. Как будто здесь открыли кран, но вместо воды из него потекла кровь. Убийца не отказал себе в удовольствии полакомиться телом жертвы. В куче книг обнаружилась вырванная из локтевого сустава рука. На раскрытых страницах запеклись кровавые сгустки. Значит, Хоакин в городе. Это он убил Вампира из Манагуа. Убил и пожрал. Надеялся присвоить себе его силу? Но какую?

И последнее. На стенах — ни следа зловещих надписей. Очевидно, загадочный алфавит используется исключительно для женщин.

Жанна приступила к осмотру тела. К счастью, усталость, разница во времени и жара успели притупить ее чувства. Она наклонилась ближе к поверхности стола, потревожив жужжащий мушиный рой. Из рукава торчал окровавленный обрубок руки. На второй руке виднелись следы укусов. Штаны спущены. На толстых ляжках — надрезы, рваные раны. Все те же признаки ненасытной жажды крови, теплой человеческой плоти. Промежность почернела от запекшихся сгустков. Жанна решила, что с нее хватит.

Она выпрямилась, и комната закружилась перед глазами. Подняла голову повыше, к решетке кондиционера, в надежде глотнуть хоть немного прохладного воздуха. Потом придвинула к себе стул и упала на него. Прикрыла веки и сосредоточилась, собирая остатки сил. По опыту она знала, как важны вот такие минуты для успеха расследования. Найти зацепку, разгадать намек — а уж потом пускать в ход тяжелую кавалерию.

Она встала, обошла труп и осмотрела его со спины. Опять следы варварского пиршества. Убийца был вооружен чем-то вроде топора или мачете и рубил тело, словно корабельную снасть. Повсюду кровь, потоки крови. Но преступник не остановился на этом. Он запустил руки внутрь тела, под позвоночный столб, и извлек то, до чего сумел дотянуться, — почки, кишки, другие органы. Теперь они, распластанные, тянулись по бокам тела, похожие на крылья чудовищного дракона.

Она подвела предварительный итог. Признаки разложения налицо. Подушечки пальцев вздулись, как будто Мансарена долгие часы просидел в горячей ванне. Почти повсеместно начался процесс отслаивания плоти. На теле многочисленные синюшные пятна. Язык

под действием бактерий распух и не помещался во рту. Из-за жары разложение должно было идти быстро. Возможно, убийство Мансарены произошло не так уж давно. Жанна готова была поклясться, что не больше двадцати часов назад.

Но почему слуги ничего не заметили? Или они обнаружили труп и впали в панику? Ну а телохранители? И почему в Банке крови не встревожились долгим отсутствием шефа?

Она так и не нашла ни одной улики, ни одной детали, способной продвинуть расследование. Еще раз осмотрела пол. Одинаковые серебристые обложки… Она подняла один том. «Тотем и табу» Фрейда, перевод на испанский. Кто-то уже говорил ей об этой книге, буквально несколько дней назад… Антуан Феро. В сквере на Елисейских Полях.

Она нагнулась и достала с пола еще один том. Снова «Тотем и табу». Еще один. Опять та же книга. Еще. «Тотем и табу». Жанна вгляделась в ряды книг на полке шкафа. Золотые буквы на корешках. «Тотем и табу». Везде. На каждой полке…

Эдуардо Мансарена соорудил себе крепость. Убежище, кирпичами для строительства которого послужили экземпляры одного и того же издания. Зачем? Что он изучал? Или надеялся, что эти книги, символизирующее для него нечто важное, смогут его защитить?

Она обернулась и еще раз осмотрела письменный стол. Несколько томиков склеились, заляпанные серым мозговым веществом хозяина. Она поискала глазами и возле компьютера обнаружила более или менее чистую книжку. Быстро пролистала и сунула к себе в сумку.

Затем достала мобильник и нашла записанный в памяти номер:

— Сеньору Ариас, пожалуйста.

41

Первый детектив поскользнулся на книгах. Второй попытался его поддержать и схватился руками без перчаток за дверную ручку. В конце концов оба едва не свалились прямо на мертвое тело, хорошо хоть его не уронили, да и то только потому, что Мансарена был слишком грузен. Еще один полицейский налетел на книжную полку, сшиб ее и в недоумении наблюдал, как из нее посыпались книги — прямо на те, что уже валялись на полу.

— Que mierda![52] — прорычал он.

Жанна чуть не расхохоталась. Это все нервы. Никогда еще она не видела, чтобы на месте преступления творился такой бардак. Все до одного полицейские шлепали по кровавым лужам в уличных ботинках, ни один и не подумал надеть перчатки. Никакой ленты заграждения. И на каждом лице читалась богатейшая гамма всех оттенков растерянности.

Мужчина в белом халате — очевидно, исполняющий роль того, кто во французской полиции именуется судмедэкспертом, — пыхтел, безуспешно пытаясь открыть запертый на ключ хромированный чемоданчик.

— Donde esta la llave? Tienes la llave?[53]

Жанна вспомнила, что уровень квалификации сил охраны порядка в странах Центральной Америки приближается к нулю. Здешние полицейские признавали всего один метод поимки правонарушителей: схватить, если удастся, за руку.

За спиной фотографа, который опасливо ходил вокруг тела, словно труп мог вдруг подняться, Жанна заметила статную фигуру Эвы Ариас. Та выглядела разъяренной. И ярость ее была вызвана непрофессионализмом полицейских. Но не только им. Она злилась на присутствие Жанны — французского следственного судьи и главного свидетеля по делу. Как будто это Жанна несла личную ответственность за случившуюся здесь бойню.

— Нам с вами надо поговорить.

Жанна проследовала за индеанкой в соседнюю комнату. Не дожидаясь вопросов, доложила о результатах своих сегодняшних

поисков, подчеркнув роль Мансарены во всей истории. Попутно ей пришлось открыть несколько фактов. Упомянуть о гибели Франсуа Тэна, сожженного заживо. О том, что в дело оказался втянут психиатр, по всей видимости, сейчас находящийся в Манагуа. Наконец, сообщить некоторые подробности о личности подозреваемого, Хоакина. Адвокат, занятый гуманитарной деятельностью, и в то же время — больной аутизмом монстр, ведомый самыми примитивными инстинктами…

Великанша молчала. Лицо ее выражало не больше чувств, чем кора чиламате.

— Почему вы сразу не рассказали обо всем?

— В моем расследовании и без того хватало странностей. Мне не хотелось усугублять картину.

Снова молчание.

— Что вы знаете об Эдуардо Мансарене? — наконец заговорила индеанка.

— То, что прочла в архивах «Ла-Пренсы». Первых успехов он достиг благодаря бизнесу на крови. С приходом к власти сандинистов испарился. Снова возник на горизонте в девяностых.

— Когда к власти вернулись правые.

Судья добавила этот комментарий с холодным бешенством. Она еще не успокоилась после проигрыша на тогдашних выборах. Стояла она возле окна, и на ее лице отражались всполохи света, бросаемые мигалками оставшихся на улице машин.

— Народ Никарагуа проголосовал против войны, — тихо произнесла Эва Ариас. — Не против нас.

— Разумеется, — согласилась Жанна, не испытывавшая ни малейшего желания вступать в спор.

— Вам известно, что Мансарене угрожали?

— Угрожали? Но кто?

Эва Ариас неопределенно махнула рукой. Не знала сама или не хотела объяснять.

— Это-то и есть самое странное, — продолжила она. — Последние недели он ни на шаг не отпускал от себя телохранителей. Не высовывал носа из дому. Никаких женщин. С детьми не виделся. Одиночка. Человек, который всего боится.

Жанну поразила одна деталь. Китаянка, секретарь Мансарены из «Плазма Инк.», говорила, что шеф появится на службе к вечеру. Чистой воды отговорка. На самом деле он не показывался там уже давным-давно…

— Надо разыскать телохранителей, — пробормотала Эва Ариас. — И слуг. Они наверняка кое-что знают.

— Чего же все-таки боялся Мансарена? — не отступалась Жанна. — Кто ему угрожал?

Эва Ариас не ответила. Она смотрела сквозь рейки жалюзи.

— Начиная с этой минуты, — снова заговорила судья, — я запрещаю вам вмешиваться в расследование. Прекратите всякие поиски. Иначе мне придется посадить вас под домашний арест в отеле. Предоставьте это дело нашей полиции.

— Я уже имела возможность убедиться в их компетенции.

Эва Ариас смерила ее уничтожающим взглядом.

— У вас есть отдел криминалистической экспертизы?

Глаза индеанки метали громы и молнии.

— Я же знаю убийцу, — спокойно продолжала Жанна. — Он не принимает никаких мер предосторожности. Во всяком случае, ему плевать, оставляет он следы или нет. Снимите отпечатки на месте преступления. Вы обнаружите целую кучу пальчиков убийцы. И своих людей, естественно.

Великанша по-прежнему не произносила ни звука. Но весь ее вид яснее слов говорил, что она готова взорваться.

— Хоакин, скорее всего, уроженец Никарагуа. Если он хотя бы раз, хотя бы один только раз был замешан в чем-то предосудительном, у вас должны быть его отпечатки. Надо только прогнать сегодняшние по базе данных, и мы немедленно установим его личность.

— Идите за мной, — приказала судья.

Жанна повиновалась.

— Смотрите, — указала ей Эва Ариас.

Весь квартал заполонила плотная толпа народу. Прохожие лепились к решеткам забора и лишенными выражения, словно у зомби, глазами разглядывали двор, освещенный лишь проблесками мигалок.

— Они не понимают, что произошло, — шепнула Эва с самой серьезной интонацией. — До сих пор серийные убийцы носили форму

коммандос и действовали группами. И вдруг — убийца-одиночка. Избравший мишенью одну-единственную жертву. Это и слишком мало и слишком много одновременно. Понимаете? Это слишком большая роскошь. — Сквозь холод ее голоса пробилось некое подобие улыбки: — Европейская или североамериканская роскошь.

— Но преступник родом из вашей страны.

— Какая разница?

Эва Ариас повернулась к Жанне. Сейчас ее лицо напоминало маску доколумбовой эпохи.

— У нас нет криминалистической лаборатории. У нас нет базы данных по отпечаткам пальцев. У нас вообще ничего нет, хоть это-то вы понимаете?

— Я могу вам помочь.

— Мы не нуждаемся в помощи. Я провожу вас до полицейского участка. Там вы подпишете свои показания и вернетесь в отель. Дайте мне действовать нашими собственными методами.

— И что это за методы?

Улыбка Эвы Ариас снова застала ее врасплох. За секунду до того, как она расцвела, Жанна ни за что не догадалась бы, что в лице индеанки дрогнет хоть один мускул.

— Начальник нашей полиции — бывший революционер-сандинист. Один из тех, кто брал город Леон. В разгар схватки он добровольно бросился в центральный гарнизон с бомбой в руках. Она не взорвалась, и ему удалось выбраться живым. Вот такого сорта люди руководят у нас расследованиями, мадам.

— Не вижу, как подобный поступок может служить доказательством профессиональной компетенции.

— Потому что вы не местная. Идемте, я провожу вас.

Она сделала шаг назад. На пороге комнаты стоял вооруженный человек. Она уже собралась последовать за ним, когда ее окликнула Эва Ариас:

— А знаете, в смерти Мансарены есть доля иронии.

— Иронии? Вы имеете в виду, что из него выпустили столько крови?

— Я сегодня кое-что о нем разузнала.

Жанна вернулась назад.

— Мансарена был в точности как вы.

— В каком смысле?

— Интересовался каннибализмом. Я кое с кем переговорила по телефону. И могу сказать вам сразу: в Никарагуа никогда не совершалось преступлений с людоедским оттенком. Но благодаря этим разговорам я выяснила одну вещь. Оказывается, Мансарена уже сам звонил им. И задавал точно те же вопросы, что и вы. Только более конкретные. В частности, спрашивал, не происходило ли чего-либо подобного в восемьдесят втором году.

Значит, врач-гематолог вел то же расследование, что и Жанна. Однако у него были сведения, которыми она не располагала. Знал ли он историю Хоакина? Опасался ли угрозы со стороны убийцы-аутиста? Что связывало его с Нелли Баржак, которой он отправил посылку?

Эва Ариас открыла портфель и достала книгу. Это оказался один из тех томов в серебристых обложках, что находились в кабинете Мансарены. У нее в сумке, подумала Жанна, тоже лежит такой…

— Вы, конечно, заметили, что у него вся библиотека состояла из одного и того же издания?

— «Тотем и табу» Фрейда.

— Вам известно, что в странах Центральной и Латинской Америки люди повально увлечены психоанализом?

— Нет, я и понятия не имела. Но в любом случае это не объясняет, зачем ему понадобилось столько экземпляров одной и той же книги.

— Не объясняет. Зато замыкает круг.

Эва Ариас опустила глаза на книжку, на обложке которой играли отсветы мигалок.

— Когда я была студенткой, сразу после революции, я тоже интересовалась психоанализом. Даже собиралась писать диссертацию о значении этой дисциплины для развития демократии в нашей стране. Юношеские мечты. — Она потрясла книгой. — Вы ее читали? Знаете, о чем она?

Жанна попыталась вспомнить, о чем ей говорил Феро. Бесполезно.

— Нет, не знаю.

— О каннибализме. По Фрейду, история человечества начинается с первобытного убийства отца. Мужчины клана убили отца и съели его. Все плохо, что плохо кончается.

42

Переступая порог «Интерконтиненталя», Жанна испытала ощущение, что все вокруг мгновенно узнали об убийстве. От нее воняло мертвым мясом. Она несла на себе след преступления. В атмосфере уюта и роскоши она выделялась грязным пятном.

Она пересекла кондиционированный холл и, дойдя по патио отеля, снова нырнула в удушающую жару. Остановилась возле обсаженного пальмами бассейна, полюбовалась бирюзовой поверхностью подсвеченной воды. И поняла, что ошибалась. Это место оказалось сильнее, чем она думала. Проклятие не могло проникнуть сквозь эти стены, как масло не в состоянии проникнуть сквозь толщу воды. Ее мрачное настроение оставалось при ней, но шикарному отелю было на это в высшей степени наплевать.

Она устроилась в шезлонге и погрузилась в размышления. Зачем она пустилась в путешествие? Оправдает ли оно ее планы? Она хотела заполучить себе это дело. Упрашивала, надеялась, интриговала. Делала все, лишь бы не выпустить его из рук. Теперь дело у нее. Пусть не официально. Все равно моральную ответственность за ход следствия отныне несет она. Ну и что? Разве она счастлива? Что хорошего в том, что она по уши увязла в этой трясине крови и жестокости? Нет, так ставить вопрос нельзя. Она обязана обезвредить убийцу. Отомстить за Франсуа Тэна, за остальных жертв. И баста. Главное ее преимущество в том, что она его ни капли не боится. Словно первое же ее знакомство с Хоакином, явившимся в кабинет Феро, создало ей мощный иммунитет против страха.

Ее рассуждения прервал подошедший официант.

— Диетическую кока-колу без сахара, por favor.

Поглубже усаживаясь в шезлонге, она почувствовала у себя в сумке что-то твердое и угловатое. «Тотем и табу» Фрейда. Она пролистала книгу. В памяти всплыли слова Эвы Ариас. Жанна тоже пережила период увлечения Фрейдом, в период депрессии. Как и многие другие, она пыталась отыскать в его трудах ключи, объясняющие, что творится у нее в голове и почему с ней не все ладно. Однако данное направление исследований великого уроженца Вены

никогда раньше ее не интересовало. Она захлопнула книгу. Все равно не удастся сосредоточиться.

Повертела томик в руках. Ничего особенного. Перевод на испанский. Обычный книжный формат. Издано университетским центром в Мадриде. Зачем Мансарена скопил у себя такую прорву экземпляров? Может, в тексте перевода содержится шифр? Или шифром служил порядок расстановки томов? Тьфу, бред…

Ей принесли кока-колу. Она отпила глоток и даже вздрогнула. Контраст между ледяной свежестью напитка и окружающим зноем словно расколол ее пополам. Каждый пузырек газа взрывался в глубине горла крошечным морозным спазмом.

Странно, но это неожиданное ощущение словно наделило ее новой мощью. Она опять взялась за книгу. Прощупала со всех сторон. Передняя обложка. Задняя обложка. Страницы. Теперь она не сомневалась: книга таит какой-то секрет. Еще раз пролистала страницы, провела пальцами по картону переплета, рельефным буквам названия.

Она нашла.

Под обложкой было спрятано письмо. Чтобы достать его, оказалось достаточно отодрать клеевую прокладку. Жанна аккуратно вынула бумажный лист. Конечно, следовало вначале натянуть перчатки, но она, похоже, успела усвоить никарагуанские привычки.

Пока она его вытаскивала, ее посетили две мысли. Во-первых, вспомнились слова Эмманюэля Обюсона, любившего повторять: «Ни один следователь не застрахован от случайного везения». Она утащила книжку — ту самую, что Эдуардо Мансарена держал под руками, на своем письменном столе, — и именно в ней обнаружился тайник. Во-вторых, благодаря слепой удаче она стала обладательницей улики, которую безуспешно искал убийца, перевернувший вверх дном весь кабинет.

Жанна осторожно развернула сложенный вчетверо листок. Письмо. Написано от руки. На испанском. Она забормотала себе под нос перевод.

Эдуардо!

Вы были правы. Зло здесь, в Формосе. Сам я ничего не видел, но выслушал очевидцев. Все индейцы говорят примерно одно и то же. В Лесу мертвецов поселилось зло.

Но главное, мне удалось добыть кое-что важное. Образец крови одного из зараженных. Это мужчина, мы гнались за ним через лагуну и ранили его. Вы же знаете эти места и поймете, почему я не решился преследовать его дальше, в лесу. Но эти несколько капель я собрал со всей возможной тщательностью. Надеюсь, вам их хватит, чтобы сделать необходимый анализ.

Если вы читаете это письмо, значит, образец до вас дошел. Обращайтесь с ним с предельной осторожностью. У меня есть все основания предполагать, что болезнь заразна. Молю Господа, чтобы он защитил нас. Неужели мы приоткрыли двери ада?

Нильс Агосто,

18 мая 2008 года, Кампо-Алегре, Формоса.

Первой странностью было место, упомянутое вслед за подписью и датой. Кампо-Алегре, Формоса. Жанна не знала в Никарагуа ни одного населенного пункта с таким названием. Зато в Аргентине, на северо-востоке страны, в одном из самых глухих ее уголков, существовала такая провинция. Жанна снова перечитала письмо. Эдуардо Мансарена отправил человека в Аргентину с поручением собрать свидетельства заражения. Может, он боялся, что импорт тамошней крови вызовет пандемию у него на родине? Или, напротив, испытывал личный интерес к некоему загадочному «злу»?

Жанна попыталась выстроить события в хронологическом порядке. Письмо датировано 18 мая. Очевидно, неделей позже Мансарена получил образец. Что он с ним сделал? Сама собой напрашивалась гипотеза: отправил во Францию профессионалу, которого хорошо знал. То есть Нелли Баржак. Специалистка по цитогенетике получила посылку, пересланную экспресс-почтой, 31 мая.

Нелли произвела анализ фрагмента, но тут явился убийца, забрал его и стер результаты исследования. Почему? Хоакин что-то знал о болезни? Сам был источником заражения? И при чем тут молодая медсестра из Центра для умственно отсталых Марион Кантело и автор дерзких скульптур Франческа Терча?

Все эти разрозненные элементы что-то связывало. Да, между письмом Нильса Агосто и болезнью Хоакина существовала прямая связь. В письме упоминался Лес мертвецов. La Selva de las Almas.

Впрочем, это название можно было перевести и как «Лес мертвых душ». Во времена Античности их именовали манами. Жанна снова как наяву услышала металлический голос, произносивший в кабинете Феро: «Его надо слушать. Лес мертвецов».

Когда психиатр спросил Хоакина, бывал ли он в этом лесу, например в детстве, адвокат, находившийся под гипнозом, просто повторил вопрос. В переводе с «языка» аутистов это могло означать «да»…

Все совпадало. Убийца родился вовсе не в Никарагуа, а в Аргентине. Это, кстати, объясняло его знакомство с Франческой Терча, тоже уроженкой Аргентины. И звонок Франсуа Тэна в Сельскохозяйственный институт Тукумана, в северозападной провинции страны. Но, если память ей не изменяет, Тукуман от Формосы, расположенной на северо-востоке, отделяет больше тысячи километров.

Слишком много вопросов. А ответов так мало…

Но, пока суд да дело, Жанна хотела проверить свое предположение насчет Нелли Баржак. Она быстро поднялась к себе в номер, включила кондиционер на полную мощь, достала из мини-бара еще одну бутылку диетической колы. И набрала номер мобильника Бернара Павуа, директора одноименной лаборатории.

Здесь было девять вечера. Значит, в Париже четыре утра. Ничего, Павуа простит ей, что она подняла его среди ночи. Форс-мажорные обстоятельства. Гигант ответил ей через два звонка. Голос его звучал свежо и ясно. Он и не спал вовсе.

Жанна принесла извинения за поздний звонок. Тот не выказал ни малейшего удивления:

— Как продвигается расследование? Что-то от ваших коллег ни слуху ни духу.

— Не знаю, как дела у них, но лично мне пришлось уехать. В единоличном порядке.

— Куда?

— В Манагуа. В Никарагуа.

— Идете по следу убийцы?

— Именно.

— Это карма. Я вас предупреждал. Вы звоните по делу?

— Нелли Баржак получила экспресс-почтой посылку. Тридцать первого мая. Из Манагуа.

— И?..

— Отправитель — лаборатория «Плазма Инк.». Единственный в Манагуа частный банк крови. Точнее говоря, отправитель — директор лаборатории, некто Эдуардо Мансарена.

— В первый раз о нем слышу.

— Его прозвище — Вампир из Манагуа.

— Ну и публика вас окружает… Вы с ним встречались?

Перед внутренним взором Жанны всплыл образ растерзанного жирного тела. Полуразложившиеся ткани. Заляпанные кровью книги. Она решила не вдаваться в подробности.

— Мне просто хотелось обсудить с вами одно предположение.

— Я вас слушаю.

— Судя по всему, в этой посылке содержался образец крови. Зараженной крови.

— Чем зараженной? — немного удивленно спросил Павуа.

— Понятия не имею. Какая-то редкая инфекция. Возможно, происходящая из Аргентинского региона. Что-то близкое к бешенству.

— И он отправил эту штуковину к нам в лабораторию?

— Он знал Нелли. И хотел, чтобы она исследовала образец и выявила возбудителя болезни:

— Но Нелли не занималась ничем подобным!

— И все же. У вас ведь есть оборудование, необходимое для таких анализов?

— И да и нет. Но послушайте, это чистый бред — отправлять инфицированный образец по почте!

Жанна уже думала об этом. Наверное, Мансарена принял некоторые меры предосторожности.

— Какого типа анализы могла проводить с ним Нелли? — не отступалась Жанна. — Она могла выявить вирус?

— Ни в коем случае. Вы путаете масштаб. Она могла выявить паразитов или микробов. Они же бактерии. Но для обнаружения вирусов требуется гораздо более мощное оборудование. И в любом случае, повторяю вам, это не наш профиль!

— Если бы подобные манипуляции имели место, в вашей лаборатории остались бы следы?

— Не думаю. Если Нелли ничего не внесла в память компьютера, бесполезно и искать.

Жанна попыталась прикинуть, как действовала Нелли, но Павуа сбил ее с мысли:

— Все, что вы мне рассказали, — полнейший абсурд. Просто из соображений безопасности, понимаете? Нелли никогда не пошла бы на такой риск. Вы должны отдавать себе отчет в том, что наша лаборатория еженедельно принимает на анализ тысячи образцов. Представляете, какими последствиями обернулась бы эта авантюра?

— А генетический анализ? — не сдавалась Жанна. — У вас есть этаж, вы сами говорили, где проводят исследование патологий, вызванных генетическими причинами.

— При условии, что вы знаете, о каком гене идет речь. Мы можем проверить образец на наличие аномалии, но только в известном контексте. И мы точно не занимаемся передовыми исследованиями.

Настаивать дальше не имело смысла. Это был ложный путь. Она поблагодарила Бернара Павуа, пообещала держать его в курсе расследования и нажала отбой. Постаралась перед сном выбросить из головы все мысли. Выключила кондиционер — у нее уже нос замерз. Приняла горячий душ, натянула трусы и майку с эмблемой своей любимой группы — «Nine Inch Nails».[54] И плюхнулась в постель. В данный момент это было лучшее, что она могла сделать.

Выключая свет, она подумала об Антуане Феро. Может, его уже нет в живых? Несколько часов назад эта мысль уже приходила ей в голову. А может, напротив, он опережает ее в расследовании?

Спустя пару минут она уже крепко спала. Ей снилось, что она сидит в глубине пещеры, а вокруг толпятся доисторические люди с обезьяньими лицами.

43

Банк крови. Попытка номер два.

Было 10 часов утра. В «Плазма Инк.» все выглядело совершенно обыденным. Жанна полагала, что центр будет закрыт. Или над входом хотя бы натянут траурную ленту. Ничего похожего. Ни малейшего намека на смерть Вампира из Манагуа. Кровяной бизнес продолжался как ни в чем не бывало. Багровая река текла по-прежнему, не меняя русла.

Жанна преодолела первый заслон. Раскаленный асфальт жег ноги даже сквозь обувь. Похоже, сегодня пекло будет почище вчерашнего. К полудню город превратится в кратер действующего вулкана.

Внутри тоже никаких перемен. Очереди. Легкий стук компьютерных клавиш. Бурчание телевизора.

Жанна заметила китаянку, пересекавшую холл. Глаза у женщины покраснели.

Жанна решила обойтись без церемоний:

— Вы меня не узнаете? Я приходила вчера, искала Эдуардо Мансарену.

Лицо женщины напряглось:

— Откуда вы?

— Это я нашла тело Эдуардо.

Секретарь словно окаменела. Жанна помахала перед ней служебным удостоверением:

— Я следственный судья из Франции. Смерть вашего шефа связана с преступлением, над раскрытием которого я сейчас работаю.

Крошечное личико сморщилось. Китаянка полезла к себе в рукав, достала бумажный носовой платок, встряхнула его, как белый флаг, и высморкалась.

— Что вам… Чего вы хотите?

— Кто такой Нильс Агосто?

Женщина посмотрела на Жанну с подозрительностью, словно почуяла в вопросе ловушку. Вокруг них стоял приглушенный шум. Сновали медсестры с пузырями льда. Люди с мрачными лицами брели к выходу, поддерживая друг друга.

Китаянка указала на дверь:

— Пройдемте в кабинет.

Они закрылись в небольшой комнате, пронизанной проникавшими сквозь окно жаркими солнечными лучами. Здесь было, наверное, градусов под сорок. Баня, подумала Жанна, только без воды и пара.

— Кто такой Нильс Агосто? — еще раз спросила она.

— Ответственный за наши передвижные установки.

— Что это означает?

— «Плазма Инк.» располагает филиалами по всей Латинской Америке. Это стационарные центры. Но кроме них у нас есть специальные грузовики, которые ездят по разным странам. Мы называем их передвижными установками. Ими как раз и занимается Нильс Агосто.

— В числе стран, где вы работаете, фигурирует Аргентина?

— Да.

— Там когда-нибудь возникали проблемы?

— Какие проблемы?

— С зараженной кровью.

— Нет.

Это «нет» прозвучало скорее как «да». Но Жанна не стала углубляться в вопрос.

— Где мне найти Нильса Агосто?

— Вы все равно не сможете с ним поговорить.

— Он в отъезде?

— Нет. Он в Манагуа. В больнице «Фонсека».

Заразился в Формосе, мелькнуло у Жанны.

— Что с ним?

— Он… — Китаянка замялась и снова достала носовой платок. — На него напали…

Ничего себе! Жанна ждала объяснений, но ее собеседница молчала. Потрясти ее? Жанна чувствовала, что тот минимум информации, на который она может рассчитывать, она получит здесь и сейчас, не сходя с места, даже если ей придется окончательно расплавиться от жары.

— На улице, — наконец выдавила из себя женщина. — Он поздно возвращался домой. Ему нанесли несколько ножевых ранений.

— Его ограбили?

— Нет.

— Когда это произошло?

— Неделю назад.

Следовательно, Хоакин исключался. Впрочем, это был не его почерк.

— За что его хотели убить?

— Это экстремисты. Они…

Китаянка снова заколебалась. Жанна терпеливо ждала. Наконец та заговорила, гнусавя в свой платок:

— Это все из-за крови. Поползли слухи. Болтали, что Нильс Агосто привез из-за границы плохую кровь. Что «Плазма Инк.» травит пациентов в больницах. Но это ложь! — Она подняла глаза. — Мы никогда не завозили зараженную кровь! У нас очень строгие правила и…

— Кто они такие, эти экстремисты?

— Крайне правые. Мечтают о сохранении чистоты нашей расы.

Совсем другое уголовное дело.

— Нильс Агосто получил тяжкие ранения?

— Да. Его несколько раз пырнули ножом в живот.

— Но говорить он может?

— Может, наверное, только я не знаю…

— А где находится больница «Фонсека»?

— На западе. Это по шоссе, как ехать в Леон…

— Вчера, когда я приходила, вы сказали мне, что ждете Мансарену ближе к вечеру. Вы немного покривили душой, верно?

— Эдуардо больше не показывался в центре. Он вообще не выходил из дому. Он боялся.

— Таких же нападений?

— Да. И чего-то еще.

— Чего именно?

— Я не знаю. И никто не знает.

Жанна ушла, оставив китаяночку наедине с ее горем. На улице ее встретило все то же палящее солнце. Зной хлестал не хуже железного прута. Она окликнула такси. Назвала больницу. И постаралась хоть на время отключиться от всех мыслей.

Через четверть часа она уже стояла на обочине шоссе и сквозь висевшую над дорогой завесу пыли разглядывала больничный фасад. Приземистое здание, обсаженное чахлым кустарником и — разумеется! — обнесенное решетчатой оградой. Больше похоже на тюрьму или армейский исследовательский центр. Жанна направилась к каптерке. Первый кордон. И первая неудача. Чтобы попасть внутрь, требовалось предъявить либо направление от врача, либо пропуск, выданный администрацией больницы. Жанна хорошо знала здешние порядки: на добывание того или другого у нее уйдет не один час. Она отступила. Что ж, придется действовать нахрапом.

Вернувшись к ограде, она смешалась с толпой посетителей. Здесь же сновали торговцы всякой мелочью вразнос и спекулянты лекарствами. Купить бланк врачебного направления оказалось проще простого. В сотне метров дальше Жанна заметила лавочку с ксероксом. Сделала копию. Вписала в бланк свое имя — комар носу не подточит. Вернулась в будку охраны. Предъявила фальшивку. Ее пропустили.

Нильс Агосто лежал в 34-й палате, в конце отходившей от основного корпуса длинной галереи. Стараясь держаться в тени, Жанна миновала открытый переход и тут остановилась как вкопанная. Могла бы и раньше догадаться. У дверей палаты несли дежурство два вооруженных охранника. Как жертва покушения, Агосто имел право на усиленную защиту.

Нечего и думать ломиться в палату. Мало того что ее не пустят, еще и сообщат Эве Ариас. Но и опускать руки она не собиралась. Это же Никарагуа. Порядки порядками, но с дисциплиной здесь, прямо скажем, не очень. К шести вечера стемнеет. Охранников сменят. Или они пойдут перекусить. В любом случае в системе произойдет легкий сбой. Вот в эту щелку она и проскользнет.

Она решила вернуться в отель. Ровно в полдень захлопнула за собой дверь номера. Врубила кондиционер и занялась тем, на что вчера не хватило времени. Антуан Феро. Ее преследовало жуткое видение — тело психиатра, валяющееся на какой-нибудь свалке на окраине Манагуа. Он затеял игру с огнем, в этом она не сомневалась. Напал на след отца и сына, а потом… Может, все-таки стоило рассказать все Эве Ариас? Если она ничего сейчас не найдет, придется объявить его в розыск.

Она включила мобильник. Проверила голосовую почту и сообщения. От Феро — ничего. Как, впрочем, и от Райшенбаха.

Она никого не предупредила о своем отъезде. И не намеревалась ничего ни с кем обсуждать. Сменила континент. Сменила кожу.

Позвонила портье и попросила принести телефонный справочник. Ей доставили старомодный толстенный фолиант, и она принялась обзванивать отели, с которыми не удалось связаться вчера. Ни следа Антуана Феро. В номере стоял полярный холод, но это ей даже нравилось — не давало расслабиться.

Что еще? Посольство, консульство, «Альянс франсез».[55] Своего имени она нигде не называла. Снова пустышка. Агентства по прокату автомобилей. Здесь ей сразу сказали, что сведения о клиентах не разглашаются — из соображений конфиденциальности. В конце концов ей пришла в голову новая мысль. Вполне возможно, что психиатр располагал информацией — которой у нее, кстати, нет — и эта информация уже увела его в совершенно другое место. В Аргентину?

Она сидела по-турецки на кровати и стучала зубами от холода. Три часа. Голода она не чувствовала — когда она в последний раз по-настоящему ела? Спать тоже не хотелось. И решительно нечего делать…

Тут ее взгляд упал на украденный из дома Мансарены «Тотем и табу». Что ж, можно заняться повышением своей психоаналитической культуры — все равно надо ждать, пока стемнеет. Происхождение человека как вида, переосмысленное и скорректированное Фрейдом.

Она взяла в руки книгу и ключ от номера.

Надо найти уютное местечко где-нибудь на воздухе и наконец одолеть этот труд.

44

Манагуа совсем не похож на город, охваченный хаосом террора. Напротив, он производит впечатление мирного и спокойного. Особенно благостная атмосфера царит в расположенном на возвышении национальном историческом парке Лома-де-Тис-капа. Это подлинный оазис тишины и умиротворения. Здесь особенно явственно ощущается свойственная жителям праздная безмятежность…

Жанна уже бывала в парке в свой прошлый приезд. От «Интерконтиненталя» его отделяло всего несколько сотен метров; надо было просто пройти улицей, поднимавшейся на холм. Тротуар был выкрашен в желтый цвет; территорию парка окружала кованая решетчатая ограда, заставлявшая вспомнить о какой-нибудь засекреченной научной лаборатории… Зато, попав внутрь, посетитель сразу оказывался в гуще зелени, защищенный и от шума машин, и от уличного смога.

Минут за десять она добралась до вершины холма. Сады вокруг нее воспевали революцию, но, как бы это сказать, на мотив колыбельной. В центре стояла огромная чугунная статуя мужчины в ковбойской шляпе — памятник народному лидеру Аугусто Сесару Сандино. У его подножия примостился небольшой танк; висевшая рядом табличка извещала, что его отбила у войск Сомосы некая пламенная революционерка. Жанна попыталась представить себе, как все это происходило. Крики. Выстрелы. Озлобление. У нее ничего не получилось. В здешней обстановке любые звуки сами собой стихали до шепота.

Она обошла вокруг холма и выбралась к небольшой лагуне. Озерцо в обрамлении ив и камыша серебристо поблескивало на солнце. Как будто потухший вулкан, подумала Жанна, только вместо застывшей лавы — невозмутимая гладь воды.

На ее поверхности плавали сплетенные каким-то умельцем из кувшинок буквы, складываясь в слово ТИСКАПА. Вдали виднелась панорама города — протяженная плоская равнина, озаряемая искорками света и пропадающая на горизонте в туманной дымке.

Жанна вдохнула полной грудью. Идеальное место для чтения. Небо и вода. Надо только отыскать себе удобный уголок. Наверняка здесь есть какие-нибудь лужайки со скамейками. Она двинулась в сторону лагуны и вскоре действительно обнаружила подходящее местечко. Народу не было совсем. Открывшаяся перед ней полянка напоминала комнату с зелеными стенами. Здесь было прохладно. Она спокойно села и достала книгу.

Некоторые страницы слиплись от крови. Одно это сразу задавало определенный тон. В предисловии переводчик испанского издания сообщал, что «Тотем и табу», впервые опубликованный по-немецки в 1913 году под заголовком «Totem und Tabu», был произведением Фрейда, подвергшимся наиболее ожесточенной критике. В этом сочинении изобретатель психоанализа сел в галошу практически по всем пунктам. Или почти по всем. Против его теорий сейчас же восстали палеонтологи и другие представители антропологических наук. Но, несмотря ни на что, интерес к книге не угас и за столетие. Как будто вопреки всем своим ошибкам Фрейд открыл некую истину, пусть и в совершенно иной плоскости. Как будто ему удалось войти в резонанс с некой глубинной правдой о человеке.

Жанна решила, что должна составить обо всем этом собственное представление. Ее лицо ласкал теплый ветерок, за спиной шелестела листва. Страницы подрагивали под пальцами.

Через два часа она закрыла книгу. Нет, она поняла не все, далеко не все. Но кое-что ухватила.

В этом сочинении Фрейд делает попытку рассмотреть эволюцию человека как вида в свете собственной дисциплины, то есть психоанализа. Поступки и побудительные мотивы первобытных людей он объясняет действием эдипова комплекса. Неосознанное и неумолимое стремление, начавшее проявляться задолго до Античности, то есть гораздо раньше возникновения самого мифа об Эдипе.

Оригинальность мысли Фрейда заключалась в предположении, согласно которому в первобытные времена побуждение к инцесту и отцеубийству было вполне сознательным и во многом определяло образ существования людей. Они жили небольшими кланами, под деспотичной властью одного самца, считавшего всех самок своей собственностью. И вот в один прекрасный день сыновья в одном из

кланов восстали против отцовского господства. Сговорившись, они убили его и съели его тело, чтобы наконец завладеть женщинами клана.

Но после убийства их охватило страшное чувство вины. Тогда они отреклись от участия в злодеянии и установили новый общественный порядок. Так одновременно возникли экзогамия — запрет на обладание женщинами клана — и тотемизм как дань почтения умершему отцу. Тотемизм, экзогамия, запрет на инцест и отцеубийство знаменовали собой появление модели, общей для всех религий. И вместе с ней негативного, основанного на подавлении, фундамента всей человеческой цивилизации.

По мнению специалистов, в этом эссе неправильно все. Первобытной орды никогда не существовало. Никакого убийства отца тоже не было, как не было и описанных Фрейдом первобытных кланов. Человеческая эволюция заняла тысячи и тысячи лет, и никаких событий основополагающего характера не происходило и не могло происходить.

И тем не менее «Тотем и табу» остается культовой книгой. Лишним свидетельством тому стал Эдуардо Мансарена, соорудивший себе из ее экземпляров нечто вроде убежища. Больше всего в этой книге потрясает то, что, несмотря на ошибки, она выражает истину. Как такое возможно, чтобы ложная идея дышала правдой? Правдой более убедительной, чем любой установленный антропологами исторический факт, датированный методом радиоуглеродного анализа и поддержанный сонмом специалистов?

Жанна догадывалась, в чем тут дело. Гипотеза Фрейда была мифом. Эдипов комплекс — влечение к матери, убийство отца — всегда таился в глубине человеческой души. Всего лишь раз, всего лишь один раз человек переступил грань и тут же раскаялся в этом. Из этого раскаяния родились наши общества, наши религии. А если копнуть чуть глубже, то окажется, что именно в результате перехода к действию в нас сформировался цензор, именуемый совестью, — наше сверх-Я. Мы закопали в своей душе случившуюся катастрофу. Мозг взял на себя роль «судьи-надзирателя» — с тем, чтобы подобное никогда не повторилось. Впрочем, не имеет особого значения, произошло это событие на самом деле или нет. Важна тень, которую оно отбросило.

Каждый из нас хранит внутри себя исходный миф — с убийством, инцестом и каннибализмом. Каждый ребенок в фантазиях переживает эту допотопную историю. Каждый мальчишка подсознательно готов совершить непоправимое, но в последнюю минуту одумывается и отступает. И становится взрослым. Фрейд считал, что даже в физическом плане, на клеточном уровне, в нас хранится воспоминание об этом варварском убийстве. Своего рода генетическое наследство, которое он называл «филогенетической памятью». Еще одна пленительная идея. Первородный грех, впечатанный в нашу плоть, заключенный в наши гены…

Жанна бросила взгляд на часы: уже пять вечера. Пора возвращаться. Единственный — и главный — вопрос, на который ей следовало найти ответ, звучал так: что может быть общего между книгой «Тотем и табу» и расследуемым ею делом? Мифом о коллективном убийстве и безумием Хоакина?

Ее осенила еще одна идея. Уже совершенно бредовая. Вирус, проникший из загадочного леса, как-то связан с эдиповым комплексом. Возможно, что вызываемое им заболевание пробуждает примитивные инстинкты, высвобождает дикарское начало и блокирует человеческий мозг, выполняющий роль цензора…

Ей захотелось перечитать некоторые страницы, но света не хватало. Строки сливались перед глазами. Она поднялась и почувствовала головокружение. Надо что-то съесть.

Затем она отправится в больницу «Фонсека».

И допросит человека, ближе других подошедшего к злу, — Нильса Агосто.

45

Пока она жевала купленный quesillo — нечто вроде блина с расплавленным сыром — и добиралась до больницы, совсем стемнело. Ощущение было такое, словно над городом навис огромный и плоский серый камень. Она попросила таксиста высадить ее чуть поодаль, чтобы остаток пути пройти пешком и смешаться с толпой вечерних посетителей, выстроившихся в очередь перед воротами. Через прутья решетки она видела плоское одноэтажное здание, так похожее на карантинный барак. Еще неизвестно, кто в большей безопасности: больные, что находятся внутри, или прохожие, что остались снаружи.

Первый кордон она миновала беспрепятственно. Оставался второй. Охранники у дверей отделения, где лежал Нильс Агосто. Но их на месте не оказалось. Ушли ужинать? Она не стала доискиваться причин их отсутствия. В странах тропической зоны лучше всего принимать вещи такими, как они есть…

Она проскользнула в палату. В нос шибануло потом, лекарствами, болезнью. Духота стояла чудовищная. Электрическая лампочка светила еле-еле. Слишком много негативных воздействий на жизненно важные центры — Жанна вдруг почувствовала, что сама заболевает, как будто легла на еще не успевшие остыть простыни умирающего.

В коридоре обнаружились две двери. Комната справа была крест-накрест заколочена досками. Жанна постучала в ту, что слева. Никакого ответа. Она открыла дверь и узрела Нильса Агосто — весьма бодрого на вид. А она-то боялась, что застанет его на последнем издыхании, чуть живого и спеленутого, как мумия! Пациент оказался красивым молодым человеком, с зачесанными назад по латиноамериканской моде волосами. Он сидел на кровати и невозмутимо читал номер «Ла-Пренсы».

Увидев Жанну, он дернулся было, но тут же успокоился. И улыбнулся робкой улыбкой. Жанне, за свою жизнь опросившей немало потерпевших, такая улыбка была хорошо знакома. Видно, насилие ранит не только тело, но и накладывает отпечаток на душу жертвы.

Извинившись, она спросила:

— Сеньор Нильс Агосто?

Вместо ответа он моргнул веками.

— Меня зовут Жанна Крулевска. Я следственный судья из Франции.

Он удивленно поднял брови. А он вообще-то способен говорить, забеспокоилась Жанна. Может, ему перерезали голосовые связки? Больничная рубашка с высоким воротом закрывала его горло. Она приблизилась еще на шаг. Уже раскрыла рот, чтобы объяснить свое присутствие, как вдруг на них обрушилась темнота.

Свет погас сразу везде — в палате, в коридоре, в больничном садике. Лишь сиявшая в небе луна прорезала мрак. Да уж, в таких странах, как эта, мелькнуло у Жанны, приходится быть готовой к любым неприятностям. И в тот же миг до ее слуха донесся легкий стук. У нее перехватило дыхание. Все мысли мгновенно улетучились. Остался один страх.

Она медленно повернула голову. В полутьме ей привиделся язычок красного пламени и зеленая змея. Какая-то могучая сила притиснула ее к стене. Змея. Татуировка в виде чудовищной змеи, свернутой причудливыми кольцами, под которыми перекатывались мощные мускулы. Эта змея ее убьет. Задушит, как боа-констриктор. Под скулу ей уперся нож, блеснувший в темноте ртутным блеском.

— Hija de puta, no te mueves![56]

Жанна скосила глаз. Она заметила в комнате какое-то движение. Красное пламя оказалось банданой, стягивавшей череп второго нападавшего, сейчас склоненного над постелью больного. Жанну охватил страх за Нильса Агосто. Несчастного Нильса Агосто, не способного даже закричать. Тот и в самом деле не шевелился, готовый покорно принять смерть. Это смирение — наследие поколений никарагуанцев, привыкших к преследованиям, казням, грабежам…

Человек в бандане ухватил Нильса за нижнюю челюсть, чтобы тот мог рассмотреть его лицо. Но у него не было лица. Вместо него щерилась маска, в которой не было ничего человеческого. Страшная личина существа доколумбовой эпохи.

— За глиняного!

Удар! Красная бандана всадил нож в глаз Агосто. Брызнула кровь. Плотный горячий сгусток сейчас же растворился в ночи.

— За деревянного!

Удар! Удар! Убийца дважды проткнул ножом горло Агосто. Снова кровь. На сей раз она вытекала медленнее, словно была гуще. Черная струйка сползла вниз по горлу, растекшись пятном на больничной рубашке. Запахло железом. В комнате стало еще жарче. Это был тошнотворный запах жертвоприношения. Жанна забыла про Змея. Забыла про лезвие ножа, заставлявшее ее держать голову задранной кверху. Тьма вокруг казалась ей залитой кровавыми реками…

— За кукурузного!

Красная бандана еще раз ударил в горло жертвы. Толчками выплеснулась кровь, и раздался хруст шейных позвонков. Затем новый звук — скрежет стали о кости. Убийца испустил хриплый крик. Запустив руку по запястье в разверстую рану, он резал и кромсал человеческую плоть.

Отделив голову от тела, он, сплюнув, швырнул ее оземь:

— Нам не нужна кровь недочеловеков!

Змей и Пламя.

Мифические убийцы.

Но эти мифы — табу.

Эти мифы принадлежат космогонии, о которой мне ничего не известно.

Когда раздался стук от падения мертвой головы на пол, Жанна закрыла глаза.

Открыв их, она обнаружила, что убийцы исчезли.

Она снова прикрыла веки. Голова докатилась до ее ног.

46

— Один из двух кабелей питания в двадцать тысяч вольт вышел из строя. Ровно в четверть седьмого. Такое случается. Такое случается довольно часто. И в Соединенных Штатах, и в Европе. В подобных случаях, как, впрочем, и везде, наша система безопасности автоматически включает три запасных генератора. Но включились только два из трех. Такое тоже случается. Однако я убеждена: это саботаж.

Эва Ариас стояла напротив Жанны, вжавшейся в кресло в коридоре основного корпуса больницы. Индеанка увела ее с места преступления, очевидно, не желая, чтобы та в очередной раз стала свидетельницей неуклюжести полицейских.

В руках Эва — она была босиком — держала большую банку пепси, ухватив пальцем кольцо, словно собиралась взорвать гранату. Судя по всему, ее заботило сейчас одно — убедить Жанну, что поломка на линии — дело самое обычное, что подобные аварии «могут произойти где угодно». И это абсолютно никак не связано с уровнем развития ее страны.

— Это саботаж, — уверенно говорила она. — Часть плана убийц. Организаторов покушения.

Жанна вяло махнула рукой, что означало: да бросьте вы. Сразу после пережитого она попросила себе чашку чаю. Где-то она читала, что горячее питье — лучший способ утолить жажду. Вот и верь после этого женским журналам. Сейчас она с вожделением смотрела на запотевшую от холода банку пепси.

— Как по-вашему, почему его убили?

— Из-за крови.

Жанна тоже так думала, но ей хотелось знать мнение индеанки.

— Нильс Агосто руководил передвижными установками «Плазма Инк.». Отвечал за импорт крови в нашу страну. Иными словами, именно он впрыскивал в жилы никарагуанского народа чужую кровь.

— Это преступление?

— Смотря какую кровь.

— Ну и какую кровь вы имеете в виду?

— Ту, что была в последних партиях. Из Аргентины. Обезьянью кровь.

Час от часу не легче. Сначала разговоры о зараженной крови. Теперь — байки про кровь животного происхождения. Что это, как не доказательство культурной отсталости народа? Но она удержалась от комментариев. Впрочем, не исключено, что ее раздражение — не более чем реакция на кошмар случившегося.

Эва Ариас продолжала:

— Ходят такие слухи. Якобы «Плазма Инк.» завозил из-за границы кровь животных и подмешивал ее в свои резервуары.

— С медицинской точки зрения это полный бред.

— Но простые люди в него верят. От всего, к чему прикасался Эдуардо Мансарена, несет серой.

Жанна поняла. Убрав Нильса Агосто, убийцы намеревались расправиться и с Вампиром из Манагуа. Но их опередили. Может быть, подумала она, за всеми этими суевериями кроется и истинная подоплека. Если Нильс Агосто привез кровь, зараженную вирусом — возбудителем болезни, превращающей человека в дикого зверя, — то нечего удивляться появлению кривотолков.

Эва Ариас отпила глоток из банки. Гнев ее вроде бы утих. На месте преступления, едва увидев ее, Жанна испугалась, что та набросится на нее с кулаками. Француженка прибыла в ее страну два дня назад, и ее приезд ознаменовал стихийное бедствие. По убийству в день.

— Предрассудки, связанные с кровью, стары как мир, — заговорила никарагуанка. — Во время Второй мировой войны немецкие солдаты в Северной Африке предпочитали умереть, чем дать согласие на переливание еврейской или арабской крови. А американские солдаты — белые, естественно, — обратились в Красный Крест с предупреждением, что категорически отказываются от «черной» крови, потому что она, дескать, вредна для здоровья.

Жанна молчала. Этот экскурс в историю ее удивил. Со стыдом в душе она осознала, что в смысле культуры не слишком доверяла Эве Ариас, считая ее кем-то вроде крестьянки, недавно освоившей грамоту. Сама себе не отдавая в том отчета, она относилась к ней с легким презрением…

А Эва тем временем с горечью продолжала — она сегодня явно была в ударе:

— Торговля кровью в Латинской Америке неотделима от эксплуатации и нищеты. Бедным странам нечего больше продать, кроме двух вещей: своих дочерей и своей крови. В Бразилии, накануне карнавала в Рио, в донорских пунктах царит необычайное оживление. Бразильцы сдают кровь, чтобы купить костюм…

Жанне стоило немалого труда вникать в смысл произносимых Эвой слов. Ее все еще трясло, перед глазами стояли жуткие картины убийства. Кровавые гейзеры. Хриплые крики. Hija de puta! Каждая деталь била по нервам, как удар током.

— Чтобы избежать разборок, — подвела итог Эва Ариас, — «Плазма Инк.» переправляет собранную кровь в Соединенные Штаты. Чем вам не сделка с дьяволом?

Жанна подняла глаза. Последняя фраза заставила ее кое о чем вспомнить:

— На Нильса Агосто уже было совершено нападение. Со стороны крайне правых. Вы полагаете, сегодняшняя бойня — тоже их рук дело?

Эва как будто не слышала вопроса:

— Опишите мне нападавших. Вы заметили у них татуировку?

— У одного точно. Того, который держал меня в углу.

— Что это за татуировка?

— Змей. На руке.

— Это знак гангстеров. Они именуют себя мара.

Это название Жанна уже слышала. Мара появились в Центральной Америке в конце гражданских войн и сразу «прославились» особенно жестокими и кровавыми преступлениями. Наибольшей известности добились мара из Сальвадора — мара восемнадцать и мара Сальватруча. Банды враждовали и между собой. Принадлежность к той или иной группе определялась татуировкой, манерой одеваться и специальной жестикуляцией.

— Мне казалось, мара в основном действуют в Сальвадоре.

— А также в Гватемале. А теперь и до нас добрались.

Жанне припомнилась курьезная история. Правительство Сальвадора, решив покончить с бандитизмом, раскинуло невероятно широкую сеть. Хватали всех молодых парней с татуировкой.

Арестовали около ста тысяч человек, девяносто пять процентов которых пришлось выпустить.

Дров наломали будь здоров. Пересажали глухонемых, имевших неосторожность переговариваться на улице с помощью языка жестов…

— Татуировка играет у них важную роль, — продолжала Эва Ариас. — Роль языка символов.

— А что символизирует змей?

— Понятия не имею. Говорят, что каждая татуировка соответствует совершенному убийству. Или тюремной отсидке. Про это мало что достоверно известно. Некоторые татуировки указывают на место в преступной иерархии. Как в России или Японии.

— При чем тут кровь?

— Есть банды, в основном гватемальского происхождения, члены которых верят в чистоту нашей расы. Нелепость, конечно. Население Центральной Америки вот уже четыре века представляет собой продукт смешения индейской и испанской крови.

— Вы что-нибудь знаете о бандах крайне правой ориентации?

— Зачастую они состоят из бывших солдат элитных подразделений, нанятых мексиканскими картелями для переправки наркотиков с континента на континент. Вряд ли их отбирали по расовому признаку. Тем не менее они помешаны на вопросах чистоты крови. Настоящие нацисты.

Жанна поднялась и встала лицом к лицу с высоченной никарагуанкой. От той веяло благословенной прохладой. Как от мраморных статуй в Риме, в самый жаркий полдень хранящих память о холоде каменоломен.

— Когда убийца приканчивал Агосто, — сказала она, — он бормотал что-то странное.

— Что именно?

— Что-то про глиняного человека. Потом про деревянного и кукурузного. Как будто приносил его в жертву этим людям. Вам это о чем-нибудь говорит?

Никарагуанка смяла в ладони пустую банку и швырнула ее в мусорное ведро. В глубине парка полицейские натягивали желтую ленту с надписью: «Precaución».[57] Двигались они вяло, словно из последних сил. Впечатление всеобщей усталости подчеркивала их

форменная одежда, казавшаяся какой-то вылинявшей. Они словно сливались с запыленностью окружающего пейзажа.

— Конечно, говорит, — наконец соизволила ответить Эва. — Это все идет от майя.

— Майя? Но почему?

— Вам надо заглянуть в участок, подписать показания. Через час я за вами зайду.

— Мы куда-нибудь пойдем?

— Ко мне домой. Поужинаем. Между нами, девочками…

47

Вилла Эвы Ариас была похожа на виллу Эдуардо Мансарены, только поменьше и поскромнее. Те же веранды и террасы, выходящие прямо в сад, открывая дом шуршанию листвы, дневному зною и ночному нашествию комаров. Второе отличие заключалось в том, что внутри оказалось полным-полно детворы. Жанну познакомили со всеми: Летисия, девять лет, Антон — семь, Мануэла — тринадцать, Минор — четыре года. Эва спровадила всю компанию на кухню, пообещав через несколько минут к ним присоединиться.

Жанна стояла в гостиной и разглядывала фотографии на бамбуковом комоде. Эва Ариас, где-то в джунглях, в камуфляже, потрясая поднятым вверх автоматом. Эва Ариас, снова в полевой форме, в обнимку с каким-то парнем, тоже военным, похожим на Че Гевару. Эва Ариас на вручении диплома юриста…

Жанна не могла не позавидовать этому существованию, проходившему под знаком любви и революции. Эва была настоящая воительница, сражавшаяся и за свою страну, и за свое женское равноправие. На сердце у Жанны потеплело. Плюс еще детский гвалт в соседней комнате… После ада больничной палаты она очутилась в раю…

Но главное, она была жива. В который уже раз ей удалось избежать худшего. Слишком частые столкновения со смертью имели и свои плюсы. Они заставляли заиграть новыми красками каждое прожитое мгновение, позволяли по достоинству оценить вкус каждой прожитой минуты. Жанна чувствовала, как в ее венах пульсирует кровь. Как это было чудесно. Бесценное ощущение.

— Хотела бы я сказать, что то было прекрасное время… Но я сама в это не слишком верю…

Эва Ариас вернулась в гостиную. Жанна держала в руках фотографию: на ней Эва с торжествующе поднятыми вверх руками сидела на броне танка, окруженная толпой ликующих товарищей.

— Но все же… Революция, любовь…

— Не забывайте о том, откуда мы вышли. Диктатура. Репрессии. Насилие. Никому не пожелаю жить под властью Сомосы. Я, например,

потеряла всю семью.

Жанна поставила рамку со снимком на место:

— А что сталось с Сомосой?

— Сбежал в Парагвай в семьдесят восьмом. Президент Альфредо Стресснер был его дружком. Дал ему охрану. Берег от покушений. Но не уберег. В каком-то смысле его конец был комичным.

— Как это?

— У Сомосы был недостаток — я имею в виду, один из многих недостатков, естественно. Он был жуткий бабник. И когда он начал клеиться к жене Стресснера, президенту это не понравилось. Он открыл границу сандинистам, и они убили Сомосу. Расстреляли из противотанкового ружья. Как у вас говорят? Ищите женщину?

Жанна взяла другой снимок Он изображал Эву вместе с ее «Че» в свадебных нарядах.

— Это мой муж, Альберто. Он умер два года назад. От рака.

— Соболезную.

— В годы революции мы чувствовали себя бессмертными. Непобедимыми. Но потом нам пришлось спуститься на землю. Политика, болезни, коррупция. Все пороки человеческой натуры… Они нас нагнали.

— Похоже, вы очень любили друг друга.

— Больше всего на свете Альберто любил революцию. И политику. Он был настоящий герой. В самом жестком смысле слова.

— Что значит «жестком»?

— Вы не читали мемуары Генри Киссинджера?

— Нет.

— Он там рассказывает о своем вьетнамском «альтер эго», Ле Дык Тхо, с которым он пытался вести мирные переговоры. «Ле Дык Тхо, — пишет он, — был человеком героической закалки. Нам трудно понять, что такие герои, как он, целиком состоят из воли, направленной на достижение одной-единственной цели. Они редко бывают приятными людьми: их нетерпимость граничит с фанатизмом, они не дают в себе развиться качествам, способствующим достижению согласия с прежним врагом». Альберто был как раз из таких.

Цитату она привела по-английски, а заключила свою речь уже по-испански. И тут же, без перехода, заговорила о расследовании:

— Мы разыскали телохранителей и слуг Мансарены.

— Они что-нибудь знают?

— Ничего. Во время убийства никого из них в доме не было.

— А дату установили?

— Судя по всему, позавчера.

— Почему они удрали?

— Они не удирали. Мансарена их отпустил. Ждал важного гостя. Тайного.

— Кого именно, не говорил? Хотя бы намеками?

— Именно что намеками. Своему доверенному лицу он сказал, что ждет двоих. Отца и сына.

Старик и Хоакин…

— Кроме того, — продолжила Эва Ариас, — он упоминал о каких-то исследованиях, способных изменить человеческую природу. По-моему, чистый бред… Во всяком случае, в одном можно быть уверенными: убийца или убийцы Эдуардо Мансарены не имеют ничего общего с сегодняшними фанатиками. — Жанна ничего не ответила — она в этом и не сомневалась. — Пойдемте, я приготовила тамаль.

Они устроились на веранде, слушая шелест пальм и птичьи трели. Жанну удивило, что комаров оказалось не так уж и много. Она заметила это еще накануне. Пока что это наблюдение оставалось единственной приятной неожиданностью, преподнесенной ей Никарагуа…

Эва Ариас расставила на столе блюда с кукурузными лепешками, авокадо, овощными бананами, творогом и знаменитым тамалем. Жанна уже знала, что это такое — отварное мясо, которое вместе с зернами кукурузы, помидорами и рисом заворачивают в лист банановой пальмы.

— Угощайтесь.

Жанна не стала скромничать и навалила себе полную тарелку еды. Она все еще жива, и это стоит отпраздновать. Каких-нибудь два часа назад она была в руках убийцы, а сейчас с аппетитом уплетает лепешки. Слишком быстрая смена декораций. И душевных состояний.

— Вот что я хотела вам рассказать, — снова заговорила Эва Ариас. — Экстремисты, убившие Нильса Агосто, наверняка гватемальцы. Майя. Но у майя особое отношение к крови. Их часто полагают достаточно мирным народом, в отличие от ацтеков,

приверженных человеческим жертвоприношениям. Но и майя практиковали людские казни. Они вырывали у жертвы сердце и приносили его в дар солнцу, а кровью поили жаждущую землю.

Кроме того, у них было в ходу самоистязание. Каждый приносил богам в жертву собственную кровь, и этот ритуал, как правило, был достаточно мучительным. Вообще страдание считалось самым надежным путем для общения с богами.

— Но какое отношение все это имеет к современности?

— Никакого. Если отвлечься от того факта, что майя не любят, когда у них берут кровь. Особенно в условиях больничного конвейера. Они воспринимают это как профанацию священнодействия.

— А что это за слова, которые бормотал убийца? Деревянный, глиняный, кукурузный?

— Отсылка к священной книге майя — «Пополь-Вух».

Название пробудило в памяти Жанны воспоминание, не имевшее никакого касательства к происходящим событиям. «Пополь-Вух»… Это была немецкая группа, которую в семидесятые годы наряду с Кеном, «Тэнджерин Дрим» и Клаусом Шульце слушала ее мать… У нее до сих пор в ушах звучала эта великолепная музыка, мощные синтезаторы, умопомрачительные ударные…

Она не без труда вернулась мыслями к культуре майя, пытаясь сообразить, что ей о них известно:

— Это кодекс?

— Ничего подобного. Вы путаете эпохи. Кодексами называли листы бумаги из древесной коры, на которую писцы наносили рисунки и символы. Те немногие, что сохранились, относятся примерно к двенадцатому веку. А «Пополь-Вух» — это рукописная книга, по всей видимости написанная в первые годы испанского завоевания. На языке киче, но латинскими буквами. Ее нашел в восемнадцатом веке монах-доминиканец.

— О чем она?

— О сотворении мира. О происхождении человека. Вначале боги создали глиняного человека, но он оказался слишком податливым, лишенным силы и малоподвижным. Тогда они вытесали мужчин из дерева, а женщин из тростника. Эти существа обладали даром речи, но души у них не было. Боги снова уничтожили свои творения, взяли кукурузу и из нее слепили людей — четырех мужчин и четырех

женщин. Вместо крови впрыснули в них воду. У них получились существа совершенные. Слишком совершенные. Они обладали мудростью, и это делало их опасными. Тогда Хуракин, он же Солнце небес, дунул паром им в глаза, и люди утратили часть своей мудрости. Кукурузный человек и стал предком майя.

— Я так и не поняла, почему убийца называл всех этих персонажей.

— Потому что, пользуясь чужой кровью, мы рискуем деградировать. В понимании майя выжившие деревянные люди суть не кто иные, как обезьяны. И фанатики не желают молча смотреть, как Агосто с Мансареной загрязняют кровь кукурузного человека. Опять-таки, повторяю вам, это дикая чушь. Никарагуанцы — никакие не майя.

— Если я не ошибаюсь, Мансарена и Агосто открыли несколько филиалов в Гватемале.

— Очко в вашу пользу.

Жанна задумалась. Вся эта история уводила ее в сторону от Хоакина и его мотивов. Она сильно сомневалась, что он убивает людей по списку ради какой-то мифической чистоты крови.

— До меня дошли разговоры про зараженную кровь. Я имею в виду, действительно зараженную. Ту, что «Плазма Инк.» якобы завозит с северо-востока Аргентины. Что вы об этом думаете?

— Я в это не верю. «Плазма Инк.» — солидное предприятие, продающее кровь в Северную Америку. Если б у них возникли проблемы, Мансарена постарался бы немедленно их уладить.

И Эва решительным жестом, словно ставя точку, свернула лепешку и макнула ее в творог. Жанна доедала уже третий тамаль. Надо успокоиться. А то как бы ее не вывернуло наизнанку еще до окончания ужина…

— Ну а лично вы, Жанна Крулевска? Что вам понадобилось во всей этой мерзости?

Жанна как раз жевала, и это дало ей несколько секунд на раздумье. Она быстро соображала, как бы представить факты в наиболее выгодном для себя свете.

— Понимаете, — продолжала Эва Ариас, — Центральная Америка имеет в Париже офицера связи. Это мой друг. Мы учились вместе. Я ему позвонила. Он в курсе вашего дела. Я говорю «вашего»

исключительно из вежливости. Потому что моему другу ваше имя неизвестно. Из чего я вывожу, что официально следствие ведете вовсе не вы.

Жанна бросила недоеденный тамаль. Видно, пришла пора открыть перед индеанкой все карты.

— Да, официально я не участвую в расследовании. Но человек, который вел дело, был моим другом. Я вам о нем уже говорила. Я должна довести его до конца ради памяти о нем.

— Он был вашим дружком?

— У меня нет дружка.

— Я так и думала.

— Что вы хотите этим сказать?

Она покраснела. Как будто Эва Ариас выволокла на свет божий ее тщательно скрываемое уродство.

— Жанна, не подумайте дурного, но лично мне очевидно, что в Париже вас ничто не держит. Вы бросились в это расследование, помчались на край земли с единственной целью — забыть Париж и свое одиночество.

— Вам не кажется, что мы отвлеклись от главного? — Она резко поднялась и неожиданно для самой себя громко добавила: — И вообще, вас это не касается!

Великанша улыбнулась. Это была тяжеловесная, суровая, но в то же время добродушная улыбка:

— Не изображайте из себя индейскую женщину. Индейцы славятся своей обидчивостью.

— Нам больше не о чем говорить.

Эва Ариас взяла со стола авокадо и одним движением разломила плод надвое:

— А вот мне есть что вам сказать. Никарагуанцы вообще очень услужливы. Сегодня днем мне перезвонил один журналист. Из тех, с кем я связывалась по поводу вашей истории с каннибализмом. В архивах у них ничего не обнаружилось, но он позвонил кое-кому из своих коллег в соседние страны — Гондурас, Гватемалу, Сальвадор…

Жанна побледнела:

— Он что-нибудь нашел?

— Гватемала. Восемьдесят второй год. Убийство молодой индейской девушки. Явные признаки антропофагии. Произошло это в

районе Атитлана. Вы о нем слышали? Говорят, самое красивое озеро в мире. Опять индейская похвальба…

— Восемьдесят второй год… Этой датой интересовался Эдуардо Мансарена. Хоакину тогда было лет десять. Неужели это его первое убийство? Но почему в Гватемале? Что вам известно об этом деле?

— Немного. Убийство прошло почти незамеченным. Обстановка в Гватемале тогда была чуть ли не хуже, чем в Никарагуа. В восьмидесятые годы там заживо жгли индейцев. Вырывали им глаза. Учили их жить, так сказать. На этом фоне убитая и съеденная девушка… Если вы туда поедете, вы ничего не найдете. Архивов не существует. Свидетелей не осталось. Ничего нет. Но я знаю, что вы все равно туда поедете…

Жанна схватила свою сумку.

— Спасибо за след, — уже спокойнее сказала она.

— И это еще не все сюрпризы.

Жанна замерла на пороге веранды. За спиной у нее ночная тьма полнилась криками животных и шуршанием листвы.

— Что там еще?

— Если верить моему журналисту, им тогда удалось установить личность убийцы-каннибала.

— Что-о?

Эва Ариас молчала, наслаждаясь произведенным эффектом. Сердце у Жанны колотилось, и удары отдавались по всему телу — в груди, в горле, в висках.

— Кто он?

— Священник.

48

Однажды в Перу один фотокорреспондент сказал ей: «За границей, если возникает проблема, мысль обратиться в посольство часто приходит последней. Но это не мешает ей оставаться лучшей».

Жанна вспомнила этот совет. Арендовать машину в Манагуа в восемь вечера — затея из серии «Миссия невыполнима». Но только не после того, как ей удалось связаться с атташе по культуре французского посольства, неким Марком, телефон которого ей дали на набережной д'Орсэ.[58] Он оказался знаком с директором агентства «Бюджет». Он мог позвонить ему и попросить открыть агентство в неурочный час. Марк мог все.

Жанна не знала, как и благодарить этого милого молодого человека, не задавшего ей ни единого вопроса. Теперь она сидела за рулем «мицубиси-лансера» и мчалась к северо-западной границе страны. Путешествие обещало быть долгим. Ей предстояло пересечь Никарагуа, затем Сальвадор. Только тогда она попадет в Гватемалу. Больше тысячи километров…

Зато дорога не представляла никаких трудностей. Собственно, она здесь была всего одна — Панамериканское шоссе, пересекающее Центральную Америку с севера на юг. Легендарная дорога, по которой прокатились все войны и революции, сотрясавшие эти маленькие, но воинственные страны. Не восьми- и даже не четырехрядная — просто дорога, разделенная посередине белой полосой. Лента, протянутая сквозь джунгли, равнины, горы, возделанные поля, бидонвили. Служащая ясной и четкой цели — связать воедино два Американских континента.

Темнота стояла плотная. Жанна сожалела, что не видит пейзажа. Вулканов с дымящимися кратерами. Озер с перламутровой гладью воды. Стены джунглей, увитой лианами… Вместо всего этого она, вцепившись в руль, следила за расстилавшимся перед ней однообразным асфальтовым полотном и щурила глаза, завидев впереди фары встречного автомобиля.

Мысленно она пыталась подвести итоги посещения Никарагуа. Результаты выглядели жалкими. Почти нулевыми. Она не смогла

предотвратить убийство Эдуардо Мансарены — убийство Нильса Агосто не в счет, оно никак не связано с Хоакином. И о самом Хоакине ничего не узнала. Не нашла Антуана Феро. В сущности, она лишь нащупала новый след. Точнее сказать, намек на новый след. Зараженная кровь, поступающая из Аргентины… Но нет никакой уверенности, что за этим предположением что-то кроется. Как нет никакой уверенности и в том, что она что-нибудь найдет там, куда сейчас едет. Убийство с каннибальским душком, совершенное в 1982 году в окрестностях озера Атитлан священником?..

Но ей нравилось ощущение бегства. Она убегала от самой себя. Растворялась в этом расследовании. Словно дематериализовалась. Наглядным подтверждением тому могло послужить состояние ее банковского счета — при выписке из отеля он перенес жестокий удар. Что в кордоба, что в долларах, что в евро — уплаченная ею сумма была неоправданно высокой.

Она сосредоточилась на дороге. Самым ярким впечатлением оказалась жизнь, хаотически лепившаяся к обочинам шоссе. Какие-то времянки, наспех состряпанные из автомобильных покрышек и брезента, жуткого вида забегаловки, лотки с самым невообразимым товаром. Здесь вперемешку продавали гипсовых лебедей, садовых гномов, ветровые стекла, гигантские тыквы… На все это копошение падали отблески света из притулившихся здесь же лавчонок, издали похожих на рождественские ясли из папье-маше.

Время от времени попадались ржавые дорожные указатели, церковные воззвания — JESUCRISTO SALVA TU ALMA![59] рекламные щиты, на которых почему-то красовались почти исключительно куры и петухи во всех видах, как будто никарагуанцев охватило повальное помешательство на скромных домашних пернатых. Но она замечала их лишь краем глаза, занятая в основном дорогой — обгоняла, подрезала, порой впритирку проходя со встречным транспортом. Грузовики. Пикапы. Легковушки. Мотоциклы. Мопеды. Все это без оглядки неслось на предельной скорости, словно подталкиваемое вперед некой неведомой силой.

Полночь. Граница Сальвадора. За четыре часа она покрыла двести километров. Не так уж плохо, учитывая состояние дороги и плотность движения. Пора переходить ко второму этапу. Оставить машину. Опустить ключи в почтовый ящик «Бюджета». Пересечь границу

пешком. Уже в Сальвадоре найти другой филиал прокатной фирмы. Чисто местная причуда, осложняющая жизнь автомобилистам, — по правилам, в разных странах Центральной Америки запрещено передвигаться в одной и той же арендованной машине.

Она отстояла очередь, чтобы официально покинуть пределы Никарагуа и получить штамп в паспорте. Затем прошагала до точно такого же офиса, но уже на сальвадорской стороне. Ей чудилось, что она попала в какой-то призрачный мир, не имеющий ничего общего с реальным. Всполохи прожекторов выхватывали из тьмы скопление грузовиков и битком набитых автобусов, лужи грязи, бензозаправки, ларьки, торгующие кукурузными лепешками… Тут же бродили разносчики, предлагавшие сандвичи, спали где придется дальнобойщики, сновали одиночные менялы, шарахались заблудившиеся журналисты…

Еще одна очередь. Еще один штамп в паспорте. Она довольно быстро разыскала агентство «Бюджет» — убогая хибара посреди таких же хибар. Вход плотно задраен железной шторой. Она постучала. Ей сказали, что ее дождутся. И правда, сотрудник агентства оказался на месте. Заспанный, чуть не падающий с ног. Однако, к ее удивлению, все прошло как по маслу. Она подписала контракт, предъявила водительские права, получила ключи и вступила во владение новой машиной. Действительно новой — с иголочки — «тойотой» четвертой модели.

«В Сальвадоре, — предупреждал ее Марк, — лучшие в Центральной Америке дороги». Он не солгал, дороги были что надо — те, что успели проложить. Жанну словно швырнули в лязг и грохот какой-то адовой стройки. Повсюду работали экскаваторы, поднимая и перетаскивая с места на место огромные глыбы скальной породы; с воем двигались самосвалы, груженные красного цвета землей. Жанна пробиралась по почти непроезжим тропкам мимо зияющих котлованов, внутри которых копошились похожие на призраков люди в непромокаемых дождевиках, тельниках-безрукавках или вовсе с голым торсом, вооруженные лопатами или мастерками, многие в респираторах и толстых рабочих рукавицах. Их безмолвная пантомима будила в воображении картины рабского труда давно минувших времен…

Сальвадора она толком не видела. Ни Сан-Мигель, ни Сан-Висенту, ни Сан-Сальвадор, ни Санта-Ану. Вся ее поездка по стране прошла под проливным дождем, больше похожим на потоп, предвещающий конец света. Лило не переставая — тяжелые, горячие, жирные потоки низвергались с небес, словно силились утопить землю. Временами Жанне казалось, что она ведет не машину, а подводную лодку и шансов всплыть на поверхность больше нет. Мысли ее путались. В висках стучало: кровь, кровь… Зараженная кровь в «Плазма Инк.»… Кровавые жертвоприношения майя… Кровь Нильса Агосто, черная в ночной тьме. Реки багровой крови, запах железа… Ей уже мерещилось, что в переполненных придорожных канавах тоже плещется не вода, а густая вязкая кровь…

49

Шесть утра.

Граница Гватемалы. Повторение уже знакомой процедуры. Оставить машину. Пройти пешком. Получить штамп в паспорт. Взять другую машину, на сей раз снова джип «мицубиси». У беззубого усатого мужика Жанна обменяла свои доллары и кордоба на кетцали — гватемальскую валюту. От Гватемала-Сити ее отделяло 200 километров; затем придется проехать еще 50, чтобы достичь Антигуа — исторической столицы страны. Именно там располагался монастырь священника-убийцы.

Меж тем встало солнце. Когда она тронулась в путь, его бронзовый диск уже повис над джунглями. Гватемала впервые предстала перед ней в виде утопающего в дымке леса. Плотный серебристый туман окутывал древесные стволы примерно до половины, оставляя на виду лишь вершины. Сквозь его пелену кое-где проступали очертания кустарников. Все вместе немного напоминало размытые, выдержанные в красновато-блеклых тонах пейзажи китайских живописцев.

Наступила пятница, 13 июня. Будем надеяться, сказала себе Жанна, что это не принесет несчастья. Она теперь двигалась в глубь времен. Народ майя, от которого произошло население страны, никуда не делся — он по-прежнему был здесь, невозмутимый, извечный, ничуть не изменившийся вопреки летящим по дороге джипам. Мужчины щеголяли в пестрых болеро и белых техасских шляпах. Женщины ходили босиком. Каждая носила традиционный вышитый корсаж — радужной расцветки гуипиль. Жанна читала, что эта одежда отражает космогонию майя. Показывает Вселенную, населенную сонмом бесчисленных богов, живущую по законам повторяющихся циклов, словно часовой механизм без стрелок и циферблата.

Несмотря на спешку, она сбросила скорость. Ей хотелось всмотреться в их лица. То, что она увидела, наполнило ее душу трудновыразимым чувством благости. Эти люди не существовали на фоне пейзажа — они сами были пейзажем. Золотисто-коричневые лики, выдубленные тысячелетним солнцем, дождями, чередованием

циклонов и штиля, воплотились в образ персонажей ими же созданных мифов. Кукурузные люди, шепнула себе Жанна.

Около полудня она приехала в Гватемала-Сити. Снова полило как из ведра. Город выставлял напоказ свою историю — так отважный воин с гордостью демонстрирует боевые шрамы. Хаотичная застройка. Беспорядочное скопление домов, возводимых как бог на душу положит, подчиняясь непредсказуемому ритму миграций, в свою очередь вызванных землетрясениями, циклонами, наводнениями… Многолюдная, зыбкая, текучая столица…

Она въехала в гигантскую лужу и застряла. Вокруг чавкала бурая жижа, и было непонятно, то ли она льет с неба, то ли бьет из-под земли. У Жанны в голове вертелась фраза, вычитанная у Жоржа Арно и в свое время потрясшая ее. В своей «Плате за страх» он писал:

«Не следует искать в этой книге географической точности, которая всегда обманчива. Гватемалы, например, не существует. Я это знаю, потому что я там жил».[60]

Именно это ощущение охватило ее сейчас. Это не город. Не страна. Это подлинный ад. Горнило, в котором плавятся люди, нищета и грязь. Возможно, в один прекрасный день все это во что-то и переплавится, но пока процесс в стадии магмы, органической магмы…

Она все-таки выбралась на твердую поверхность и вздохнула с облегчением. Дорога пошла на подъем, вселяя надежду на лучшее. «Очищение», «свежий ветер», «квинтэссенция духа» — в голове у Жанны мелькали бессвязные обрывки мыслей и образов… Она проехала всего несколько километров, но ландшафт совершенно изменился. Вязкие топи и густая грязь остались позади; здесь начинались горы. Показались вершины пока еще далеких елей, в воздухе повеяло благословенной свежестью. Впрочем, бурная тропическая растительность не давала Жанне забывать, где именно она находится…

К двум часам дня Жанна добралась до Антигуа. Если Гватемала-Сити представлялся ей адом, то сейчас она попала в «зеленый рай детской любви». Отлично сохранившийся город, в XVII веке игравший роль столицы всей Центральной Америки. Два или три минувших столетия словно обошли его стороной. Ни одного современного здания. Даже ни одного двухэтажного здания. Мощенные булыжником улицы, по которым ползком, в час по чайной ложке, пробирались

редкие машины. Церкви. Везде, куда ни кинь взгляд. Полный каталог всех стилей и эпох. Белые, желтые, красные. Барокко и неоклассика. Повторяющие строгие очертания гасиенды или изобилующие пышным декором под стать мексиканской оперетке.

Небо стояло низко, все еще грозя дождем. Обступившие город вулканы добавляли атмосфере мрачности. Но даже унылая погода, окрашивавшая все вокруг в ртутный цвет, была бессильна против солнечной архитектуры церквей и домов с голубыми, розовыми, лиловыми стенами. Улицы поразили ее своей прямотой. Словно разложенные по всему городу продольные флейты, они, казалось, не переставая, наигрывали мелодии, сотканные из цветов и ярких красок.

Жанна выехала на главную площадь — Пласа Майор.

Рассаженные в шахматном порядке деревья; сводчатые галереи, разбегающиеся на все четыре стороны света; узорчатые кованые решетки на окнах… Жанне почудилось, что вот сейчас с одного из увитых розами и лавром балконов спрыгнет Зорро… Она сверилась с картой. Так, понятно. Авенидас, то есть проспекты, пересекают город с севера на юг. Кальес, то есть улицы, идут с запада на восток. Ей не составило никакого труда разыскать нужную церковь. Иглесия-и-Конвенто-де-Нуэстра-Сеньора-де-ла-Мерсед. Именно там, по сведениям, сообщенным Эвой Ариас, служил Пьер Роберж — священник-бельгиец, пожравший шестнадцатилетнюю девушку-индеанку.

50

По архитектуре церковь Иглесия-и-Конвенто-де-Нуэстра-Сеньора-де-ла-Мерсед представляла собой нечто среднее между романской постройкой и причудливым сооружением барокко. Внутри это оказалось прочное здание с толстыми стенами. Снаружи — своего рода праздничный торт: витые колонны, охряное кружево кровли, фасад, расписанный фресками, на которых ангелочки Возрождения как ни в чем не бывало соседствовали с национальными орнаментами майя.

Жанна припарковалась на паперти. К ней тут же подошли несколько индеанок, призывно протягивая какие-то тряпки, бусы, брелоки. Каждая держала на руках младенца. Жанна отрицательно покачала головой. Она улыбалась. Грязная, вымотанная до последней степени, лохматая, она тем не менее ощущала себя красавицей. Решительной женщиной. Героиней.

Она скользнула в ворота, огляделась и направилась к наиболее солидной части церкви. Стены здесь достигали в толщину нескольких метров. Дорожная плитка казалась вытесанной из скалы. Место вполне отвечало своему изначальному назначению — сражаться. Действительно, этот приход создавался по тем же правилам, по каким возводятся крепости. Он стал одним из бастионов, построенных среди джунглей, чтобы бороться с индейцами, с климатом, с язычеством…

Жанна прошла под высоким сводом и свернула направо, к монастырю. Если верить Эве Ариас, сейчас здесь оставалась лишь небольшая группа бельгийских иезуитов, членов братства святого Игнатия.

В патио царила все та же атмосфера непреклонной суровости. Двор был так огромен, что скорее напоминал античную арену. Оштукатуренные стены кое-где зияли открытыми кирпичными ранами. Беленые арки. Неровно замощенные дорожки. Между утоптанных булыжников пробивалась трава. В центре помещался фонтан — недействующий.

Мимо прошел индеец майя с тачкой. Жанна махнула ему и спросила, где ей найти брата Домициана — это был тот самый иезуит,

с которым она разговаривала по телефону. Индеец исчез. Она терпеливо ждала, стоя под аркой и вдыхая запахи камня и плюща, носившиеся в прохладном воздухе. Она устала до крайности, но в то же время чувствовала в себе какую-то живительную легкость.

— Мы не сможем вам помочь.

Из косой тени, отбрасываемой колонной, вышел молодой мужчина. Тучный, с обвислыми щеками. В сорочке от «Лакост». Блондин, даже брови светлые, выглядел он на редкость невыразительно. Словно толстая белая свеча, оплавившись, игрою случая приняла форму человеческой фигуры.

Говорил он по-французски. Это хорошо. Но держался настороженно. Это плохо.

— Вы даже не знаете, зачем я здесь. — Жанна не собиралась легко сдаваться.

— По телефону вы сказали, что занимаетесь расследованием. Мы не имеем ничего общего с органами правосудия. Особенно французского правосудия!

— Позвольте мне все вам объяснить.

— Не стоит труда. Нас здесь всего несколько братьев. Мы ведем борьбу своими средствами. Бьемся за физическое и духовное спасение крестьян. У нас нет и не может быть ни малейшей связи с уголовщиной.

— Раньше такая связь была.

— Так вот вы о чем.

Брат Домициан посмотрел на Жанну с жалостью:

— Двадцать пять лет прошло, а вы пытаетесь опять разворошить ту давнюю историю.

— А почему бы и нет?

— Поймите, Пьер Роберж провел в Антигуа всего несколько дней. Он почти сразу отбыл в миссию, руководство которой ему было поручено. Это сиротский приют на озере Атитлан.

— Откуда он приехал? Из Бельгии?

— Нет. Из Аргентины. С северо-востока.

Так. Первая ниточка, связывающая Центральную Америку и Аргентину. Письмо Нильса Агосто, заблудившегося в джунглях на северо-востоке страны. Может быть, Роберж именно там и подцепил

заразу? От возбуждения Жанне стало жарко. Это первый более или менее серьезный след, и просто так она его не упустит.

— Что вам о нем известно?

— Меня тогда здесь не было. Мне двадцать девять лет. Я знаю только то, что рассказывали мои наставники. Они жалели, что приняли его здесь, в Гватемале. Но наш орден невелик, и других опытных кандидатов не нашлось. В те времена мы подвергались чудовищным гонениям. Латиноамериканцы убивали священников, представляете? А Роберж был человеком надежным. Разве наши могли отказаться от такого добровольца? Но руководствовался он отнюдь не благими намерениями.

— Чем же он руководствовался?

— Говорили, что он от кого-то бежал. Репутация у него уже тогда была подмоченная.

— Что вы называете «подмоченной репутацией»?

Иезуит потер пухлыми ручками:

— Слухи. Ходили всякие слухи.

— Какие слухи?

Домициан упорно избегал смотреть Жанне в глаза, шаря взглядом по сторонам.

— Какие слухи?

— Болтали про демона. Демона, которого он таскал с собой.

— Он что, был одержимый?

— Нет, не в этом дело. Тут совсем другое. Ребенок… С ним был ребенок.

— Сирота?

Иезуит с тоской оглядел двор. Казалось, он ждет, что случится хоть что-нибудь — зайдет посетитель, начнется гроза, — что освободит его от тягостной беседы.

— Да что, вы не понимаете, что ли? — с неожиданным раздражением воскликнул он.

— Вы хотите сказать, что это был его ребенок?

Монах хранил красноречивое молчание. Новость застала Жанну врасплох. Но она быстро взяла себя в руки. Попробовала мысленно выстроить гипотезу: какова вероятность, что старик испанец, явившийся в кабинет Феро, был не кто иной, как сам Роберж? У нее в ушах до сих пор звучал его голос: «В моей стране это была

распространенная практика. Все так делали». Священник, который спал со своими прихожанками?

Кое-что в эту схему вписывалось: тайна, хранимая отцом и сыном; испытываемое Хоакином чувство собственной неуместности — ребенок-катастрофа, плод запретной любви. Как следствие — его аутизм… Зато другие детали ей явно противоречили. Старик в кабинете Феро говорил с выраженным испанским акцентом, тогда как Роберж был бельгиец. Неужели за годы жизни в Латинской Америке он настолько забыл родной язык? Нет, невозможно. Но и это еще не все. По словам Эвы Ариас, Робержу в то время было около шестидесяти лет. Значит, сегодня ему должно быть под девяносто.

Она решила начать с нуля:

— Вы сказали, ребенок. Мальчик или девочка?

— Мальчик.

— Как его звали?

— Не знаю.

— Сколько ему было лет?

— Точно не скажу. Лет десять, наверное. Поймите, они не задерживались в Антигуа. Сразу уехали туда, где горело. Надо признать, Роберж свое дело знал. В этом ему не откажешь. Он принимал в миссии множество народу. Противостоял солдатне…

— Почему вы упомянули демона? Ребенок был одержимым?

— Послушайте. Я и правда ничего не знаю. Болтали много чего. Например, утверждали, что ребенок — воплощение зла. На слухи накладывались верования майя. Но чаще всего повторяли одно: дескать, Роберж под башмаком у мальчишки. Убийство доказало, что и за самыми пустыми сплетнями порой кроется нечто серьезное.

— Что было потом? Робержа судили?

Иезуит отрицательно помотал головой. Это не был ответ на вопрос. Просто он давал ей понять, что больше ничего не скажет. Беседа окончена. Но Жанна и не думала двигаться с места.

— Если вы действительно хотите в подробностях узнать, что тогда произошло, — устало выдохнул он, — есть тут один человек. Очевидец событий. Она сможет рассказать вам о Роберже.

— «Она»?

— Росамария Ибаньес. Археолог. Она дружила с Робержем.

— Где мне ее найти?

— Она здесь, в Антигуа. Ведет раскопки в квартале Кальe-Орьенте. Я вам нарисую. Это недалеко.

Монах взял у Жанны протянутые блокнот и фломастер. Он не скрывал радости от того, что навязчивая гостья наконец уберется восвояси. На лбу у него блестели капельки пота.

— А что насчет убийства? Индейская девушка, съеденная каннибалом? Что вам об этом известно?

Домициан протянул ей блокнот:

— Церковь Сан-Педро. Росамария Ибаньес. Работает на развалинах монастыря, это сразу за церковным зданием.

51

— Его сын? Hay Dios mio! Ничего подобного!

Росамария Ибаньес внешне походила на бомжиху. Сморщенное обезьянье личико. Пакля спутанных волос — ни дать ни взять волокна кокосового ореха. Мешки под глазами, как у алкоголички. Приплюснутый нос, толстые губы. На королеву красоты никак не тянет. Одета она была в знававшую лучшие времена куртку, большие, не по размеру, джинсы и красные сабо, похоже, свистнутые у какой-нибудь зазевавшейся туристки.

Она убежденно затрясла головой:

— Я отлично знала Робержа. Это был человек прямой, как колокольня. Никакого секса. Никаких вольностей с женщинами.

По-испански она говорила отрывисто, глотая половину слов, и Жанна напрягалась, чтобы ее понять. «Очень хорошо» в ее исполнении звучало как «оч-шо», а «добрый день» как «доб-де».

— А ребенок? Вы знали ребенка?

— Хуана? Конечно.

Хуан, а не Хоакин, взяла на заметку Жанна. Неужели она ошиблась насчет мальчика? Нет, быть того не может.

— Что это был за мальчик?

— Красавчик.

— Сколько ему было лет?

— Лет десять, что-то около того.

— У него были проблемы с руками?

— С руками? Нет. Что вы имеете в виду?

— Ничего, оставим это. Почему Роберж взял его с собой в Гватемалу?

— Хуан страдал нервным расстройством. Роберж не хотел бросать его одного в приюте в Формосе. Это в Аргентине.

— Что за расстройство?

— Что-то вроде аутизма. Точнее не скажу.

— А он не был… э-э… одержим демоном?

Росамария изобразила губами непристойный звук. Виртуозно изобразила, надо отдать ей должное.

— Бредни деревенщины! Аутизм традиционно вызывает страх. Этот синдром часто связывают с одержимостью. Особенно здесь. Знаете, что говорят про местных жителей? Что у них в одном кармане бог, а в другом — дьявол.

Жанна сидела на большом камне с блокнотом на коленях и делала записи. Женщины устроились в уголке, неподалеку от раскопа. Окружающая обстановка напоминала стройку — за тем исключением, что здесь ничего не строили. Кругом зияли ямы. Высились груды щебня. Лежали куски стен — очень древних, извлеченных из-под земли. Пространство огораживали желтые ленты. Валялись тачки и лопаты. Над головой был натянут тент из пленки, служивший добытым «сокровищам» защитой от ливневых дождей.

Рука Жанны застыла над блокнотом. У нее вдруг закружилась голова. От голода. От усталости. Да и разница во времени еще давала о себе знать…

— Вам нехорошо? — забеспокоилась Росамария и наклонилась к собеседнице. На Жанну пахнуло ромом.

— Ничего, все нормально.

— Кофе хочешь? — спросила археолог, переходя на «ты».

— Нет, спасибо.

Росамария стояла перед ней, уперев кулаки в бедра:

— Это лучший в мире кофе.

Эва Ариас предупреждала ее: майя не любят шутить с тем, что считают предметом своей национальной гордости.

— Ну хорошо.

— Идем со мной.

Они двинулись вперед, с предосторожностями обходя натянутые шнуры, тенты, ямы. Индеанка привела Жанну в свою лабораторию. Здесь на прибитых к козлам досках, служащих столами, лежали кучками камни. В правом углу обнаружилась плитка и кофемолка. Росамария принялась варить кофе.

Жанна присела к одному из столов. Усталость поднималась в ней волнами — неодолимая, удушливая, тошнотворная, как переполненный мусорный бак. Что-то она совсем расклеилась.

Росамария разлила кофе. В воздухе запахло горелой землей. От одной мысли о том, что вот это сейчас придется пить, Жанну чуть не вывернуло.

— Я покажу тебе одну фотографию, — сказала археолог, роясь в железном шкафчике.

Она положила на стол старый черно-белый любительский снимок, запечатлевший ее — в чуть более презентабельном виде, но вполне узнаваемую — в компании с мужчиной лет шестидесяти, одетым в просторную белую рубаху, смахивающую на индейскую тунику. Кроме золотого крестика на шее, ничто не выдавало его принадлежности к духовному сословию.

Жанна наклонилась поближе к фотографии. Сначала ей показалось, что снимок то ли передержан, то ли запылен, но потом она поняла, что пыльным был весь облик Пьера Робержа. Волосы, брови, лицо — все как будто присыпано пеплом. Крошечными оазисами в этой выжженной, растрескавшейся, безнадежной пустыне оставались лишь глаза — очень светлые, почти прозрачные. Ей на ум пришли монахи-отшельники, в первые века христианства жившие в пустыне.

— А фотографий Хуана у вас нет?

— Нет. Он не любил фотографироваться.

— Почему?

— Боялся. Хуан всего боялся. Вы что-нибудь понимаете в аутизме?

— Немножко.

— Для такого ребенка внешний мир в лучшем случае не существует. В худшем — таит угрозу. Никто не имел права входить в комнату, где он спал. Каждый предмет у него лежал строго на своем месте.

— Роберж занимался с ним? Учил, воспитывал?

— Со страстью! И добивался результатов. Он надеялся сделать из него, как бы это выразиться, нормального ребенка. Чтобы мальчик мог получить профессию.

Жанна по-прежнему не отрывала взгляда от снимка:

— Когда произошло убийство, вы были здесь?

— Нет. Я руководила работами в Сололе — это город на берегу озера. Роберж был в Панкахче. Как только я узнала о трагедии, сразу примчалась.

— Что он вам рассказал?

— Он не мог ничего рассказать — к тому времени его уже арестовали.

— Вы не помните, какие против него нашлись улики?

— Да не было никаких улик! Он сам сдался властям.

— Признался в убийстве?

— Вдоль и поперек. И по диагонали.

— Что было потом?

— Его выпустили. Доказательств-то никаких. Даже здесь, в Гватемале, одного признания недостаточно, чтобы осудить человека. Легавые догадались, что он вешает им лапшу на уши.

Жанну удивило, что полицейские не удовольствовались признанием задержанного. В такой стране, да еще в то время, этого должно было за глаза хватить, чтобы закрыть дело.

Росамария словно прочитала ее мысли:

— Полиция Атитлана ни с кем особо не миндальничала. В любом другом случае они бы просто дали ему подписать показания и в тот же день шлепнули бы, да и все. Но Роберж был бельгиец. А им и так намылили голову за одного британца, казненного за пару месяцев до того. Мне кажется, в Гватемала-Сити им дали приказ не цепляться к гринго…

— И Роберж вернулся к нормальной жизни?

Археолог двумя руками держала чашку кофе. Из длинных рукавов куртки едва выглядывали кончики пальцев. Она хрипло рассмеялась, обнажив пораженные кариесом зубы:

— No, muj er, no…[61] Ты и правда ни шиша не знаешь об этой истории. Роберж еле успел выйти из тюрьмы, как понесся в свою лечебницу и снес себе башку.

У Жанны резко заболел живот. Словно в него вонзилась пущенная откуда-то сбоку огненная стрела. Слова индеанки как будто разбудили дремавшую до того болезнь. У нее вдруг помутилось в глазах, потом все вокруг стало черным, потом…

Росамария стояла, склонившись над ней, со стаканом в руке. В стакане плескалась какая-то густая белесая жидкость.

— Что… Что с-случилось?.. — пробормотала Жанна.

— Ты хлопнулась в обморок, hijita.[62]

— Извините… Я ехала всю ночь…

Жанна приподнялась на локте. Она лежала на полотнище пленки и через куртку ощущала холод влажной земли.

— Выпей-ка. — Росамария протянула ей стакан.

— Что это?

— Атоль. Кукурузная мука, сваренная на воде с солью, сахаром и молоком. Это для начала. А потом я отведу тебя куда-нибудь поесть.

— Не надо… Мне пора ехать.

— Куда?

— В Атитлан.

— Ну да? И чего ты там забыла?

Жанна не без труда поднялась на ноги, присела за стол и поднесла стакан к губам. Она боялась, что ее сейчас вырвет. Ничего подобного. Она сосредоточилась на созерцании камней и керамических черепков, разложенных на досках. И в конце концов ей полегчало.

— Ну ладно. Я скажу, что ты там сделаешь, — продолжила Росамария. — Ты найдешь там человека по имени Ансель. Стопроцентный индеец. Тот еще тип. Торгует из-под полы древностями доколумбовой эпохи. Наладил бизнес по всей стране. Устраивает экспедиции в необследованные районы, в области Петен.

Жанна подняла глаза. Микстура потихоньку делала свое дело. Сероватый свет, земляные ямы, листы пленки — все как будто обретало резкость. Даже почва под ногами стала тверже.

— Зачем мне искать этого человека?

— Он был очень близок к Робержу. Не спрашивай почему. Священник и жулик — ничего себе парочка… Но если тебе нужны подробности этого дела, поезжай к нему.

Жанна попробовала встать, но Росамария надавила ей на плечо:

— В таком состоянии я никуда тебя не пущу. Тем более не дам сесть за руль. Машина у тебя есть?

Жанна кивнула.

— Я дам тебе своего шофера, Николаса. Он ладино. В любом случае для переговоров с Анселем тебе понадобится посредник.

Жанна еще раз кивнула, ни дать ни взять тупая ученица. Она внезапно почувствовала себя маленькой девочкой. Неумехой. Жалким созданием. Но, как ни странно, в то же самое время она ощутила себя обновленной.

— Вы сказали: ладино… А что это значит?

Росамария плюнула на землю:

— Худшая разновидность человеческого отродья. На пятьдесят процентов индейцы, на пятьдесят — испанцы, и на все сто — сволочи.

Никогда не доверяй собственной крови! Эти ладино столетиями угнетали индейцев. Чинили самые страшные бесчинства. Отнимали у крестьян землю. — Она снова плюнула на землю. — Воры, насильники, убийцы!

Жанна не сдержала улыбки:

— И такого вот негодяя вы предлагаете мне в шоферы?

В этот миг на пороге показался высокий, уверенного вида мужчина. Лет тридцати, с бледной кожей и лысым черепом. Одет как американский студент. Кроссовки марки «Пума». Светло-кофейная лыжная куртка. Свитер с эмблемой Гарвардского университета.

— Познакомься с Николасом. Изображает из себя гринго, но на самом деле — чистый киче.

— Киче?

— Это одна из народностей, живущих по берегам озера. Самого красивого озера в мире, chiquita![63] Майя обитают там уже три тысячи лет. Ничто их не берет. Ни иезуиты. Ни протестанты. Ни ладино с их зверствами. — Она подмигнула ему. — Если хочешь что-нибудь найти, ищи на дне этого кратера!

52

Жанна ошиблась. Антигуа располагался вовсе не на возвышенности. Настоящее altas tierras[64] началось дальше. Гораздо дальше. Вот где была высота. И холод. Она сидела в машине и стучала зубами, обещая себе, что в Атитлане первым делом купит свитер или теплый платок, хоть что-нибудь, лишь бы спастись от здешних полярных температур. И это в тропиках!

Скрючившись на пассажирском сиденье, она созерцала окружающие пейзажи. По склонам вулканов протянулись языки леса — смешанного, наполовину хвойного, наполовину лиственного, — разительно контрастируя с черными потеками застывшей лавы. В низком небе плыли клочья облаков, съедая вершины гор и вулканов и застревая на верхушках деревьев.

Жанна наблюдала за индейцами, шагавшими по обочинам. В каждой деревне жители одевались по-своему. Но все носили косы — сложного плетения, раскрашенные в теплые цвета. В сером сумраке ненастья они казались бутонами, еще покрытыми утренней росой.

— Разве будет страна развиваться с такими придурками? Так и застряли в своем средневековье!

Жанна делала вид, что не слушает. Николас всю дорогу на чем свет костерил индейцев: и отсталые-то они, и двуличные, и тупые, и суеверные. Может, он и был киче, но вел себя как самый настоящий ладино, с презрительным высокомерием критикуя майя, к которым питал уважения не больше, чем к прячущимся под камнями тараканам.

Устав разоряться на тему расовой неполноценности майя, он перескочил к другому, столь же увлекательному сюжету — недостаткам других народов Центральной Америки. Никарагуанцы погрязли в рутине. Костариканцы никогда не имели настоящей культуры. Панамцы продались США. И так далее и тому подобное.

Чтобы не слушать его, Жанна задремала. Проснулась она от холода. Достала с заднего сиденья сумку и трясущимися руками начала в ней рыться. Нашла тонкую водолазку. Все лучше, чем ничего. В ближайшей же деревне надо купить что-нибудь поосновательнее.

— Видали лопухов?

Николас тыкал пальцем в группу рабочих-поденщиков, что сидели в открытом кузове грузовика, катившего перед ними. Все как один были в национальной одежде яркой, петушиной раскраски. Жанну удивило, что сидят они на грудах фруктов — яблок, бананов, чего-то еще. Вид у всех был довольно мрачный.

— Знаете, почему они такие недовольные?

— Замерзли?

— Если бы! Это молодожены. Они перевозят фрукты. Это что-то вроде обряда инициации. Перед поездкой им запрещено заниматься сексом.

— Почему?

— Чтобы сексуальная энергия перешла в плоды и они вызрели. Если к концу поездки фрукты дозреют, значит, они успешно прошли обряд. Как вам сама идея? Кретинизм!

Жанна промолчала. Учитывая, как давно длилось ее собственное воздержание, она сейчас могла бы поделиться энергией с целым садом… Но, по правде сказать, брюзжание шофера начало ее утомлять. Кажется, он это почувствовал. И сказал уже более спокойно:

— Подъезжаем к Сололе. Столица департамента.

Домишки из необожженного кирпича, цементных блоков, железобетонных плит. Рекламные щиты. Современные магазины — неоновые вывески, яркие витрины, обилие бесполезных товаров, — производящие впечатление перевернутого мусорного бака. И все же, несмотря на внешнюю неприглядность, несмотря на промозглую слякоть, ошибиться было невозможно — они в тропиках. Наглядным подтверждением тому служили переносные угольные жаровни, от которых спиралями поднимался черный дым и несло горелым маслом. Вокруг них суетились девчонки-подростки в драных майках, предлагая прохожим кукурузные початки — символ этой части света.

— Через пару километров будем у озера.

Наряды жителей снова изменились. Мужчины щеголяли в расшитых штанах, рубашках в стиле Дикого Запада и непременных безразмерных белых техасских шляпах. Женщины одевались в голубое, розовое, лиловое… На спине — вязанка дров, на животе — младенец, на голове — особым образом сложенный платок с узором imago mundi — картины космоса.

— Мы — в зоне киче, — лекторским тоном возвестил Николас. — Киче обитают вокруг озера и подразделяются на несколько языковых групп — какчикель, цутухиль, собственно киче… Ну, в общем, все это довольно сложно…

Жанна решила его подколоть:

— Вы ведь тоже принадлежите к киче?

Он не ответил. За очередным поворотом перед ними открылось озеро. Абсолютно неподвижная водная гладь казалась шелковистой, словно мех пантеры или ягуара. Другого берега не было видно — он терялся в тумане. В нем же пропадали очертания трех вулканов, стороживших озеро. Жанна испытала разочарование. Она ожидала увидеть пейзаж с открытки — строгие линии водоема, прибрежный лес, базальтовые складки… А перед ней лежало нечто бескрайнее и однообразное, едва не сливающееся с низкими тучами…

И в атмосфере ощущалась какая-то тревожность. Столкновение двух сил. Сила зарождения. Истоки мира майя с его загадками и легендами. И тут же — смерть. Разрушение и агония. Жанна знала, что преследования индейских повстанцев носили в этих краях особенно жестокий характер. Озеро только прикидывалось похожим на швейцарское — на его берегах творился беспощадный геноцид.

Николас остановил машину и знаком предложил Жанне выйти. Встал к озеру лицом и распахнул ему объятия:

— Это центр мира майя. Пуп земли и неба. Здесь ты найдешь все, что ищешь, хуанита. Исконные народы Гватемалы. Древнейшие боги майя. А еще — мистики, странники, хиппи, нарки… Атитлан — это наш Гоа!

Жанна не понимала, откуда вдруг такое воодушевление, и ничего не ответила. Спускалась ночь, а вместе с ней подступал страх. Она уже не очень соображала, где очутилась, куда должна идти, что искать.

Они вернулись в машину. Двинулись мимо склонов зеленовато-коричневых холмов. Добрались до сосняка, в гуще которого обнаружился отель. Деревянная постройка в стиле ранчо, фасадом глядящая на озеро. Местечко словно сошло сюда прямиком из рекламы турбюро, правда, пока они приближались к дому, им не встретился ни один турист.

Николас притормозил возле ворот и через открытое окно затеял разговор с мужчиной лет сорока — дубленая кожа, низко надвинутая

на лоб шляпа. Они стрекотали так быстро и с таким акцентом, что Жанна не поняла ни слова. Лишь догадывалась, что ковбой, должно быть, владелец или управляющий отелем.

Николас тронул машину и покатил по дорожке к ранчо.

— Кто этот человек? — поинтересовалась Жанна. — Майя или ладино?

— Хуанита, — с оттенком восхищения в голосе отозвался он, — разве ты не видела, какие у него глаза?

— Какие?

— Голубые.

Эта деталь переполняла его восторгом, словно он говорил об одном из чудес света. В мгновение ока Николас снова превратился в чистого ладино, мечтающего о белой коже и достижениях современной американской цивилизации.

У себя в номере — стены, обитые досками на манер корабельной каюты, окно в сад, похожий на джунгли, — Жанна первым делом проверила голосовую почту и эсэмэски. Сообщений оказалось сразу несколько. Райшенбах просил срочно связаться с ним. Неотвеченный вызов — и от кого? От Тома! Вот уж не ожидала…

Она чуть не расхохоталась. Тома, ее великая любовь. Мужчина ее жизни. Человек, ради которого она была готова пожертвовать всем. Обманщик Тома. Лжец. Сволочь. Видно, его матримониальные планы осуществлялись не так гладко, как он мечтал, вот и вспомнил про старушку Жанну… Она прикинула, какое расстояние разделяет их, и поняла, что оно неизмеримо. Он принадлежал другой эпохе. Как ни силилась, она даже не могла точно представить себе черты его лица. Сколько ни напрягала память, на ум приходили только его недостатки: эгоизм, ханжество, трусость, скупость…

В сущности, единственным подарком, который она когда-либо от него получала, стало это вот расследование. Но стоило ли говорить ему спасибо?

Она стерла сообщение, удалила из телефонной записной книжки его номер и выбросила вон самую память об этом типе. Затем позвонила Райшенбаху. В Париже сейчас два часа ночи. А, ничего страшного. Сыщик наверняка не спит. Так и вышло. Жанна коротко рассказала о результатах своих поисков, опуская детали. Некогда вдаваться в подробности.

— Зачем ты звонил? — спросила она. — Новости есть?

— Так, мелочишка. Ребята Батиза торкаются как слепые котята, но я кое-что нашел. У меня все не шла из головы эта история с экспресс-почтой. Если Нелли Баржак получила посылку, связанную с убийствами, то почему остальные ничего не получили? И я еще раз побывал в доме Марион Кантело и Франчески Терча.

— Для отстраненного от дела полицейского ты действуешь рискованно! — не удержалась от иронии Жанна.

— Марион ничего не получала. А вот Франческе шестого апреля две тысячи восьмого года пришла на домашний адрес посылка.

— От Мансарены?

— Нет. Из Сельскохозяйственного института Тукумана, из Аргентины.

Нелли Баржак и Никарагуа. Франческа Терча и Аргентина. Два члена одного уравнения. Наверняка между ними есть связь.

— От кого посылка, выяснил?

— Имя отправителя указано. Хорхе Де Альмейда.

— Кто это? Агроном?

— Нет. Я туда звонил. Нашел не сразу. Я ведь не говорю по-испански, но у меня есть один парень, бразилец, он худо-бедно болтает по…

— Поняла, поняла. Что ты нашел?

— При институте действует лаборатория, специализирующаяся на палеонтологических раскопках. Сельскохозяйственные инженеры оказывают им помощь — дают оборудование для земляных работ, какие-то материалы, я толком не понял. Во всяком случае, Де Альмейда — палеоантрополог.

У Жанны мелькнула безумная мысль:

— Сколько ему лет?

— Не знаю. Лет тридцать, мне кажется.

Франческа Терча изучала в Университете Буэнос-Айреса палеоантропологию. Не исключено, что Франческа и Хорхе давно знакомы. По факультету. Жанна снова как наяву увидела групповую фотографию, снятую на кампусе университета в Буэнос-Айресе, которую она потихоньку стащила в мастерской убитой в Монтрёй. Кто-то очертил фломастером голову одного из улыбающихся парней и

сделал сверху приписку: «Te quiero!» А может, влюбленный — Хорхе Де Альмейда собственной персоной?

— Тебе удалось поговорить с Де Альмейдой?

— Я не рискнул. Он исчез.

— Где?

— В какой-то экспедиции. Я не очень понял где.

— Ну ладно. Можешь раздобыть мне его фото?

— Попробую… А ты не хочешь сама позвонить?

— Ты же отказался дать мне номер, когда я тебя об этом просила. Так что теперь сам крутись. Я пока отработаю до конца здешний след.

— Ну давай.

— Спасибо тебе, Патрик. Я же понимаю, ты не обязан…

— Франсуа Тэн был и моим другом.

— Попробуй что-нибудь нарыть с этой посылкой. Узнай, что Де Альмейда отправлял Франческе.

— Есть, товарищ.

— Я на тебя рассчитываю, — сказала Жанна и повесила трубку.

Она направлялась в ванную, когда зазвонил гостиничный телефон. Николас. Он ждал ее возле стойки портье. Уже восемь, напомнил он. Лучше поторопиться. Вечерами здесь небезопасно.

53

Ансель жил в Панкахче, на берегу озера Атитлан. Городок, приткнувшийся на склоне холма, оказался меньше Сололы и являл собой настоящий лабиринт крошечных домишек из цементных блоков и саманного кирпича, с крышами, крытыми толем. Машину им пришлось оставить и нанять так называемый тук-тук — громыхающий мотоцикл, способный просочиться по самым узким улочкам. Николас не скрывал беспокойства оттого, что бросил «мицубиси» на парковке. Он дал несколько кетцалей мальчишкам, велев присмотреть за автомобилем, но, судя по всему, они не внушали ему большого доверия. Вообще все окружающее вызывало в нем презрительное недовольство.

Они поднялись в верхнюю часть скудно освещенного городишки. Здесь присутствовали все признаки жизни в тропиках. Анемичные фонари. Путаница проводов над головой. Толстые черные женщины, склоненные над терракотовыми дисками, на которых они с точностью часового механизма вертели и поворачивали кукурузные лепешки. Мужчины с темной морщинистой кожей, группами сидящие у порога домов с безмолвным и заговорщическим видом. Все на месте — кроме жары. Вечер выдался такой холодный, что от каждого предмета поднимался в воздух парок. Город дымился, как плохо залитый костер…

Тук-тук вез их сквозь хитросплетение улиц. Взобравшись на самый верх, он свернул на какую-то улицу и начал снова спускаться. Жанне показалось, что где-то внизу блеснуло озеро. Словно жидкое небо, в котором дрожали звезды, похожие на осколки расколовшейся луны…

Николас сидел сжав зубы. Его презрительное высокомерие окрасилось в новые тона, отчетливо отдававшие страхом. Теперь они пробирались кварталом плотной застройки — población, — ничем не отличимым от бидонвиля. Цемент и саман уступили место камням, пленке, засохшей грязи. Жалкие лачуги стояли плотно, стена к стене, чтобы не дать друг другу упасть. Вдоль улочек струились мутные потоки, уносящие мусор и нечистоты. Здесь же крутились собаки,

свиньи, дети. Кое-где попадались утоптанные площадки, посреди которых торчали остовы разбитых драндулетов, колесами утопающих в лужах. Все вокруг было красно-ржавого цвета. Цвета крови. Квартал походил на живой организм, с которого содрали кожу. Улицы — артерии, канавы — кишечник…

Время от времени Николас приказывал водителю притормозить и спрашивал дорогу у кого-нибудь из местных жителей — pobladores. О чем они говорили, Жанна не понимала: акцент, темнота, холод совершенно притупили ее способность к восприятию иноязычной речи. Остановка обычно длилась всего несколько секунд, но и этого хватало, чтобы машину подобно стае летучих мышей облепила детвора — они тянули руки, цеплялись за дверцы, умоляли о подачке или осыпали пассажиров оскорблениями. Понемногу страх Николаса передался и Жанне. Впрочем, стоило им стронуться с места, как ее тревога бесследно исчезала. До следующей остановки.

Наконец они прибыли. Убежище Анселя представляло собой автомастерскую, кое-как сляпанную из подручных материалов и как две капли воды похожую на те, мимо которых они проезжали. Под потолком горела голая лампочка, в свете которой громоздившийся повсюду грязноватый хлам казался сокровищами из пещеры Али-Бабы. В воображении Жанна видела приют расхитителя храмов майя совсем иным…

Николас соскочил с мотоцикла:

— Подожди меня здесь.

Он направился к мастерской. Жанна осталась одна. Никаких попрошаек. Никаких воришек. Уже неплохо. Тускло светили уличные фонари, выхватывая из тьмы малоприглядные картины. В луже черной грязи возился ребенок. Бродили в поисках падали тощие собаки с красными от пыли животами. На треногах висели какие-то костлявые остовы с остатками мороженого мяса, от которого несло тухлятиной. Жанна стучала зубами. Страшно. Холодно. Хочется есть. И свитер она так и не купила.

Она спустилась с мотоцикла и рискнула подойти к дверям мастерской. Николас разговаривал с маленьким коренастым мужиком, стоявшим к ней спиной. До нее донесся хриплый и в то же время пронзительный голос хозяина:

— No me gustan los guingos.[65]

Хорошее начало. Решив наплевать на местные порядки, Жанна твердым шагом вошла в помещение — пусть эти мачо думают что хотят.

— А деньги ты любишь? — по-испански спросила она, постаравшись как можно точнее воспроизвести гватемальский акцент.

Ансель на миг умолк, а затем обернулся к ней. Он стоял в круге света, и Жанна сумела разглядеть очень смуглую кожу и почти квадратную фигуру, а также засаленный рабочий комбинезон, из-под которого выглядывал сильно потрепанный свитер. Руки он держал в карманах. У него оказались поразительно кривые ноги — ни дать ни взять две скобки.

Ни слова не говоря, мужчина приблизился к Жанне. Она думала, он должен быть старше, но ему не было и пятидесяти. Деформированное, как у бывшего боксера, лицо. Кривобокий — очевидно, перебитые когда-то кости срослись неправильно. Множественные шрамы. Только взгляд не производил впечатления уродства. Раскосые индейские глаза смотрели на Жанну не просто пристально — они вонзались в нее, словно два кинжала.

— Chela, — проговорил он. — Я продам обломок статуи и куплю себе десять таких цыпочек, как ты.

От такого оскорбления — он что, принял ее за проститутку? — Жанна залилась краской. Николас, крепко сжав кулаки, шагнул к ней. И тут Ансель расплылся в улыбке:

— Да я пошутил, companera. Не привык иметь дело с янки. — Он длинно сплюнул в направлении груды сложенных покрышек. — Mea culpa.[66]

Жанна судорожно сглотнула:

— И?

— Говори, чего хочешь узнать. Разве я могу отказать такой крале?

Он послал ей воздушный поцелуй. Николас сделал еще шаг, но Жанна жестом остановила его:

— Я ищу сведения о Пьере Роберже.

Ансель присвистнул:

— Старая история.

— Кем он вам был?

— Другом. — Он прижал к сердцу ладонь. — Настоящим другом.

— Как вы познакомились?

— Было дело… В восемьдесят втором. Легавые нашли у меня в гараже кое-какие барельефы. Повязали. Начали допрашивать — по-своему, все больше кулаками. Если бы не Роберж, они бы меня шлепнули.

— Почему он вмешался?

— Потому что знал меня. Пропускали с ним иногда по стаканчику. А главное, он не любил крови. Видеть ее не мог.

— И что он сказал?

— Сказал, что за храмовые фрагменты отвечает иезуитская археологическая миссия. Их там тогда много работало, в районе Тикаля. Показал лицензии, еще какую-то хрень. И подтвердил, что передал мне экспонаты на хранение, потому что боялся, что в приюте их стырят. Они не поверили ни единому его слову, но Роберж намекнул, что готов хранить молчание насчет барельефов — они же захапали их себе. Все как в одном французском романе. Бывший каторжник обокрал священника, который его приютил…

— «Отверженные».

— Точно, «Отверженные».

— А что было потом?

— Потом мы стали с ним не разлей вода.

— А про мальчика вы помните?

— Еще бы! Такое не скоро забудешь. Дьявол во плоти.

— Вы имеете в виду его аутизм?

Ансель снова сплюнул на покрышки:

— Аутизм, скажете тоже! Говорю вам, он был воплощением демона!

Так, опять пошли суеверия.

— Он никогда не смотрел тебе в глаза, — продолжал индеец. — Что он там про себя думал? Даже Роберж ему не доверял. Все время ждал, что тот отмочит что-нибудь паскудное. Иногда мы это обсуждали. Роберж говорил, что ребенок послан ему Господом. Я бы сказал, все обстояло с точностью до наоборот — этого ублюдка ему подкинул сам черт.

Подпольный торговец историческими ценностями говорил странным голосом. Высоким, почти писклявым, но в то же время ломким, навевающим мысли о пыли и ржавчине.

— Он никогда не упоминал, откуда взялся этот мальчик?

— Никогда. — Ансель потер рукой плохо выбритый подбородок. — Но вот что странно…

— Что странно?

— Роберж боялся, что парня у него отберут. Постоянно жил настороже. Только я не представляю, кому могла понадобиться эта мерзкая тварь…

Жанна не осмелилась достать блокнот:

— Вы не могли бы рассказать, в чем проявлялись зловещие стороны его натуры?

Индеец пожал плечами — руки он по-прежнему держал глубоко засунутыми в карманы:

— Вечно сидел в своем углу. На улицу выходил только по ночам. Вампир, чистый вампир! Однажды Роберж проговорился, что мальчишка видит в темноте.

— Вы не помните, у него были проблемы с руками?

— Проблемы! Это мягко сказано. Один раз я застал его во время припадка. Он катался по земле и рычал что твой ягуар. Потом вдруг раз — и дунул прятаться в хижину. На четвереньках, говорю вам! Руки выкручены, а сам так и чешет, так и чешет. Макака, как есть макака!

Это была первая конкретная деталь, увязывающая прошлое с настоящим. Злобный ребенок в 1982 году. Убийца-каннибал сегодня.

— Расскажите, как убили индейскую девушку.

— Да я уже не помню, когда это было.

— Не важно. Расскажите что помните.

— Девчонка жила возле Санта-Катарина-Палопо, это на озере. Никто так и не узнал, что там в точности произошло, но только, когда ее нашли, она была разорвана на куски. И наполовину обглодана.

— Пьер Роберж что-нибудь говорил об этом убийстве?

— Нет, ничего. Я уж потом узнал, что он повесил его на себя.

— А вы сами что об этом думаете?

Ансель снова сплюнул. Вокруг него громоздились какие-то железяки, на полках лежали ветровые стекла, на стенах висели номерные знаки. В слабом свете единственной лампочки все эти груды металла поблескивали, словно рассыпанные щедрой рукой драгоценности. В воздухе витали запахи горелого масла, бензина, влажной земли.

— Брехня. Роберж бы и мухи не обидел.

— Почему он признался в убийстве?

— Покрывал этого дьяволенка.

— Значит, девушку убил Хоакин?

— Какой еще Хоакин? Мальчишку звали Хуаном.

Жанна и не заметила, как поменяла имена. Но это не имело никакого значения, она нисколько не сомневалась — нутром чуяла — речь идет об одном и том же ребенке.

— Хуан, конечно, Хуан. Извините. Но почему вы так уверены, что это его рук дело?

— Так он же ужас что вытворял! Как-то раз его поймали в курятнике. Что, по-вашему, он там делал? Пил куриную кровь! И жрал курей. Живьем! Чудовище, а не ребенок.

Наконец-то Жанна приблизилась к убийце. Она почти физически ощутила его присутствие где-то рядом. Быстро опросила Анселя о дальнейших событиях. Освобождение Робержа. Его самоубийство. Одна деталь не давала ей покоя:

— Мне сказали, он застрелился. Но где он достал оружие?

Ансель расхохотался:

— Сразу видно, вы ничего не смыслите в том, что здесь тогда творилось. Шла война, se-nori-ta. — Последнее слово он произнес по слогам, подчеркивая наивность Жанны. — Роберж прятал у себя в приюте раненых повстанцев. В саду у них был зарыт целый арсенал.

— Допустим. Вы разговаривали с ним перед тем, как он покончил с собой?

— Нет. Но он оставил мне письмо.

— Оно у вас сохранилось?

— Нет. Он просил, чтобы я его похоронил. Никто другой не пожелал бы связываться. Иезуит, который сам снес себе башку, — это, знаете ли, дурно пахнет. Даже в те времена такого не одобряли. Он объяснил, где и как я должен его похоронить. Что написать на могиле.

— Эпитафию?

— Ну да, чего-то там на латыни. Я уж не помню.

— А где его могила?

— На кладбище в Сололе. Вернее, рядом с кладбищем. Местные жители не позволили иезуиту-самоубийце покоиться бок о бок с их покойниками. — Он перекрестился. — Это приносит несчастье.

— Это все?

— Нет, не все. Он попросил меня сделать еще одну вещь. Совсем уж странную…

— Что именно?

— Вместе с ним закопать его дневник. «Это ключ ко всему» — так он говорил. И велел положить дневник ему под затылок.

Не дав себе труда задуматься, она бухнула:

— Сколько за то, чтобы отрыть этот дневник?

— Chela, ты, видать, не поняла. Я ж тебе говорю: дневник похоронен вместе с хозяином.

— Сколько за то, чтобы отрыть священника?

Ансель замер. Николас напрягся:

— Майя такими вещами не занимаются.

Кажется, впервые Николас выразил полную солидарность с коротышкой. Ансель от злости аж затрясся. Правая нога у него прямо-таки ходила ходуном. Сейчас схватит мачете, мелькнуло у Жанны, и раскроит мне череп. Но тут на лицо индейца вернулась улыбка. Хитрющая.

— Тысячу долларов, nena![67] Разрывать могилы — мое ремесло.

— Пятьсот.

— Восемьсот.

— Шестьсот.

— Семьсот. И твой недобеленный идет с нами. Мне понадобится помощник.

Жанна обратила к Николасу вопросительный взгляд. Тот согласно мигнул. Не мог же он показать Анселю, что боится. Она вывернула карманы. Триста долларов.

— Остальное, когда получу тетрадь.

— Заходите за мной в полночь.

— Спасибо, — бросила она. — Вы смелый человек.

Ансель засмеялся. Как ни удивительно, зубы у него оказались превосходные.

— Знаете, как в наших краях распознают нефрит?

— Это такой зеленый камушек, да?

— В этих местах много зеленых камней. Берете нож. Скребете камень. Если остаются следы, значит, никакой это не нефрит. А вот если нож не оставляет никакого следа — это точно он, нефрит.

— На вас ничто не оставляет следов?

— Как на любой драгоценности.

54

На обратном пути Жанна заметила банкомат — наверное, единственный в городе. Она вооружилась своей карточкой «Visa» и сумела извлечь из автомата примерно 500 долларов — в кетцалях. Уже неплохо. Она прикинула: после покупки билета на самолет и оплаты проживания в «Интерконтинентале» ее счет практически опустел. Надо срочно позвонить в банк, распорядиться, чтобы они перевели на текущий счет ее депозитный вклад. Там у нее три тысячи евро — все, что удалось отложить на черный день. Ее вновь охватило ощущение, что она дематериализуется. Она тратила деньги, словно сбрасывала с себя телесную оболочку. Когда за душой не останется ни гроша, она приблизится к сути.

Жанна собрала банкноты и спрятала их в сумку. С Николасом она рассчитается часами. Отдаст ему «Картье», за которые в свое время выложила две тысячи евро. Она никогда не любила эти часы. Купленные на собственные деньги, они служили вечным напоминанием о том, что ей никто и никогда не делал подарков.

На улице Жанна снова взглянула на Николаса. Тот не скрывал злости. Меня не проведешь, говорил весь его вид. Жанна поняла. Если она хочет, чтобы водитель участвовал в этой авантюре, ей придется выложить еще семьсот долларов. Как минимум.

Они договорились с Николасом, что он заедет за ней в половине двенадцатого. Ужинать с ним она не пошла. Не хотелось разговоров. Надо собраться с мыслями. Все же она затевала не совсем обычное дело. Раскопать труп священника, скончавшегося четверть века назад, и украсть у него погребальную «подушку» — дневник.

Наконец-то она смогла принять душ. Из крана лилась тонкая струйка чуть теплой воды. Но она так драила себя мочалкой, что даже согрелась. С улицы доносились крики попугаев. Она слышала их перекличку, пока мылась. Музыкальное сопровождение.

Она посмотрелась в зеркало. Хм, ничего. Очень даже ничего. На лицо вернулись краски. Ей на ум пришла Джулианна Мур, особенно один эпизод из фильма режиссера Роберта Олтмана «Короткие истории». Героиня скандалит с мужем и попутно гладит юбку. С голой

задницей. В свое время эта сцена ее шокировала, но сейчас, по прошествии времени, она поняла ее красоту. Светящаяся кожа, рыжеватый пух в низу живота… Абсолютно импрессионистское решение… Интересно, она знала Огюста Ренуара? Мысли скакали с предмета на предмет. Конец XIX века… Абсент… Тома…

В приливе самоуважения она вдруг поняла, что сейчас могла бы сделать с ним все, что угодно. Взять его тепленьким. Только он ей больше не нужен. Новый пируэт мысли. Антуан Феро. Его она тоже потихоньку начала забывать… Что с ним? Где он? Остался в Никарагуа? Бросил расследование и вернулся в Париж? А может…

Она встряхнулась. Расчесала волосы. Нанесла на кожу крем. Оделась. В крошечной ванной комнате, заполненной паром и теплом ее собственного тела, ей наконец удалось согреться. И тошнота понемногу отпускала. Одна. Вокруг неизвестность. Но, странное дело, она чувствовала себя менее уязвимой, чем в Париже. Головные боли отступили. И приступы беспричинной тревоги тоже. Вдруг до нее дошло, что она перестала принимать эффексор. Да, ее подстерегали опасности, но это были реальные опасности. И это хорошо.

Она спустилась в пустой ресторан. Устроилась на застекленной веранде с видом на озеро. Разглядеть, что творится на улице, отсюда, из слишком ярко освещенного зала, было невозможно. Деревянные столы. Свечи в бутылках черного стекла. Желтоватого оттенка крашеные стены. Унылое местечко…

Она наугад выбрала из меню блюдо, название которого в буквальном переводе означало «фаршированное по-черному». Ей принесли кусочки курицы, плавающие в остром соусе, украшенные жареным луком, ломтиками маринованной свинины и яичным белком. И рис. Она заставила себя поесть. Ночью надо быть в форме. Перца повар не пожалел. И жира. У еды был привкус земли и корней. На ум сразу пришел человек в красной бандане. Она как наяву услышала его голос: «За кукурузного!» Аппетит окончательно пропал.

— Нравится?

Жанна чуть не подскочила на стуле. Рядом стоял Николас.

— Пытаюсь набраться сил.

— Ты представляешь себе, что нам предстоит? Понимаешь, что все это означает для индейца?

Жанна пожала плечами. Почти насмешливо. Ему показалось — презрительно. Нынче вечером ладино ощущал себя индейцем. И дал волю своему внутреннему майя.

— Ты читала «Тантан и храм солнца»?

— Давно.

— Тантана и его друзей должны принести в жертву богам инка. Но из газеты Тантан знал, что в тот день будет затмение. Он попросил, чтобы казнь свершилась именно в этот час, и сделал вид, что приказывает солнцу скрыться. Небо действительно потемнело. Индейцы пришли в ужас и отпустили героев на свободу.

— Ну и что?

— Недавно вышел фильм «Апокалипсис». Мел Гибсон вспомнил эту старую историю. Там все то же. Наивные индейцы, сроду не видевшие солнечного затмения…

Жанна скрестила на груди руки и, переходя на «ты», спросила:

— К чему ты ведешь?

— У этих событий подлинная основа. За века колониализма она подзабылась, но один гватемальский писатель, Аугусто Монтерросо, ее напомнил. Его сказка так и называется — «Затмение».

Она вздохнула. Похоже, отвертеться от выслушивания очередной байки не удастся.

— В шестнадцатом веке жил-был один миссионер по имени Бартоломе Аррасола. Майя захватили его в плен и собирались принести в жертву. Тогда он вспомнил, что нынче ожидается солнечное затмение. Он немного говорил на местном диалекте и начал стращать индейцев. Дескать, если они его не отпустят, он прикажет солнцу почернеть. Индейцы удивились. Собрали совет. Миссионер сидел связанный и спокойно ждал, что сейчас его освободят.

Он нисколько не сомневался в исходе дела. Не сомневался в своем превосходстве. В превосходстве своей культуры, своих предков. Несколько часов спустя его безжизненное тело с вырванным сердцем уже лежало под потемневшим небом, а индейцы медленно и монотонно читали список затмений, предсказанных астрономами майя на века вперед.

Повисло молчание. Даже комары не звенели — наверное, улетели подальше, в долину, где царило благословенное тепло тропиков.

— Не поняла, в чем мораль.

Николас наклонился к ней. Черные глаза. Узкое белое лицо. Лысый череп. Орлиный нос и тонкие губы. Европейская лакировка слетела — на нее смотрел настоящий индеец. Скульптурные черты, словно высеченные из того же известняка, что служил его предкам для постройки пирамид.

— Мораль, — с присвистом выговорил он, — заключается в том, что вы глубоко заблуждаетесь, принимая нас за идиотов. Уже в шестом веке мы создали календари, по точности не уступающие современным. Настанет день, когда у нас будет индейское правительство. Как в Боливии. Настанет и другой, чуть позже, согласен, когда вы ответите за все свои преступления перед нашими богами. В «Пополь-Вухе» говорится: «Никогда наш народ не будет рассеян. Его судьба восторжествует над черными днями…».

Вот так-то. Николас на поверку оказался чистым майя. Несмотря на светлую кожу и наряд горнолыжника. Несмотря на расистские высказывания. Он нападал на свой народ за то, что тот покорился, погряз в суевериях, не желал двигаться вперед. В нем бурлил грозный гнев…

Жанне вдруг почудилось, что упавшая на землю ночь темна по-особому. По-индейски.

Она вибрирует от глухой холодной ярости. И ее зашвырнуло в самое сердце этой ночи. Что ее ждет в конце пути?

55

Кладбище Сололы располагалось на возвышенности, нависавшей над озером. Никогда еще Жанна не видела ничего подобного. Все могилы были раскрашены в самые яркие цвета. Склепы походили на пляжные кабинки в Довиле. Стены, в которых хранились урны с прахом, били по глазам пестротой нарисованных квадратов и искусственных цветов. Фейерверк.

«Нефритовый человек» Ансель уверенным шагом продвигался вперед, освещая дорогу пламенем огромного факела. На плече он нес лопату и кирку. По тому, как он придерживал инструменты, нетрудно было догадаться — он не раз участвовал в раскопках. За ним осторожно следовал Николас. Жанна уже отдала ему свои часы.

— Пришли.

Они добрались до самого конца кладбища, которое обрывалось в пустоту. Внизу, словно гигантский кусок серебряной фольги, блестело в лунных лучах озеро. Вокруг его чаши, давшей жизнь народу майя, стояли вулканы, отбрасывая четкие тени. Жанна вдруг поняла, чем ее так потрясла эта картина. От нее веяло вечностью. Рябь на озере, каждая еловая иголка, каждое дуновение ветра были точно такими же, как тысячелетия назад.

— Придется спускаться.

Утес круто сбегал вниз, туда, где раскинулся пустырь, загаженный мусором, заваленный сухостоем и поросший непроходимыми зарослями ежевики.

— Роберж похоронен там? — спросила Жанна.

— Я же вам говорил: индейцы ни за что не позволили бы ему лежать вместе с ними.

Ее затопила волна сочувствия к отцу Робержу. Изгой среди изгоев, святой человек, упокоившийся на помойке. Инстинктивно она подняла глаза к небу, усеянному мелкими, как булавочные уколы, звездами. Справа, над холмами, в черном небе тоже сияли звезды. Как светлячки. Или факелы, освещающие сосны и кипарисы. Где-то вдалеке слышался ритмичный барабанный бой.

— Что это?

— Ребята из Сантьяго-Атитлана, — пояснил Ансель. — Цутухиль. Приезжают с той стороны озера. Пытаются обратить народ какчикель из Панкахче.

— Во что обратить?

— В культ Максимона.

— А кто этот Ма-чи-моо? — переспросила Жанна, старательно копируя произношение Анселя.

Гробокопатель улыбнулся:

— Черный бог. Парень наподобие Иуды — предателя, который отправил на крест Христа. Шельма. Ездил на осле, а с ним — дюжина приятелей. Веселые ребята. Сам он в техасской шляпе, носит шейный платок и курит сигары. Во время Святой недели его у нас носят по улицам вместе с католическими святыми. Это наш бог плодородия. Вроде беса, выскочившего из водяного пара. Сексуальная энергия, жизненная сила, урожайность — это все его дела. Ради этого ему и молятся.

Жанна по-прежнему не отводила взгляда от мелькавших среди деревьев огоньков:

— Сегодня ночью его чествуют?

— Его чествуют каждую ночь, chiquita. Ах'куны — это наши шаманы — зажигают костры. Жгут копал — это такая смола. Льют в огонь агуардиенте — это наша водка. Бросают табак. Максимой задает тон всей жизни в Сантьяго-Атитлане. Его даже в церквах изображают. На барельефах, между Пречистой Девой и святым Петром. Ну ладно. Спускаемся или как?

Они пошли. Им предстояло обогнуть последние могилы и пробраться вниз по откосу до самой свалки. Несмотря на удобную обувь, Жанна почувствовала боль в лодыжках — очень мешал стелющийся цепкий кустарник. Она черпала силы в нереальности происходящего. Дрожащий свет, как будто от кварцевой лампы. Неподвижная гладь озера. Огни, зажженные в честь Иуды в техасской шляпе…

Внизу путь им преградила смрадная канава, которую они преодолели по проложенной кем-то доске и вступили в царство отбросов.

— Нам дальше, направо.

Они двигались через завалы жирного бумажного мусора, рваных картонных коробок, органических остатков. Шли зигзагами, стараясь шагать как можно шире и ставить ноги как можно реже, словно пробирались болотом. Вонь стояла невыносимая. Нечистоты. Гнилые фрукты. Тухлятина…

— Почти на месте.

Жанна сжимала зубы. Колючие побеги ежевики цеплялись за джинсы, царапали щиколотки. Они вышли на поросший травой мыс. Чуть поодаль, у подножия холма, росло несколько деревьев. Здесь и была устроена могила — на самом деле просто груда камней, защищенная от подступающей помойки густым поясом сорняков. Камни были черными и матовыми. Куски застывшей лавы.

Ансель вскарабкался на возвышение и протянул руку Жанне. Николасу он помогать не стал, но буквально через несколько секунд тот уже стоял рядом с ними. Они коротко переглянулись. На краю каменной насыпи красовалась вытесанная из песчаника плита:

PIERRE ROBERGE

b. March 18, 1922, in Mons, Belgium,

d. October, 24, 1982, in Panajachel, Guatemala.[68]

Почему по-английски? Но самое важное нашлось внизу доски. Эпитафия:

ACHERONTA MOVEBO

Латынь. Что обозначала надпись? Жанна не смогла перевести.

— Это на латыни, — сплюнул Ансель. — Он велел написать на его могиле.

— А что она означает?

— Понятия не имею. Цитата из какого-то вашего древнего поэта. Очень древнего. Только не помню какого.

Гробокопатель укрепил факел в расщелине. Схватился за первый камень, поднял его и отбросил на пару метров.

— Ну ты, недобеленный, чего стоишь? — сквозь зубы проскрипел он.

Николас молча принялся за работу. Через несколько минут они раскидали всю насыпь. Ансель взял лопату, Николас — кирку, и оба начали копать. Работали, стоя боком друг к другу, не переговариваясь, как будто вовсе не замечая друг друга. Изо рта у них вырывались облачка пара.

Медленно текли минуты. Яма углублялась, принимая очертания гроба. Жанна подняла глаза. Гладкая, совершенно неподвижная поверхность озера. В самом центре — застывшее отражение луны. Где-то выше — мерцание огней, костры, горящие в честь Максимона. Ее снова охватило ощущение вечности. Но в то же время озерная гладь, словно затянутая тончайшей пленкой, казалось, таила в себе скрытую угрозу…

— Madre de Dios!

Крик раздался из глубины могилы. Мужчины стояли, прижавшись спинами к земляным стенкам ямы, парализованные тем, что открылось их глазам. Они сняли с гроба крышку. Жанна не сразу поняла, что их так поразило. Наклонившись, она взяла у Анселя лампу и поднесла ее к открытому гробу. У нее подкосились ноги. Она чуть не свалилась вниз, но чудом удержалась на ногах.

Труп Пьера Робержа не разложился.

На Жанну смотрело то же лицо, что на фотографии, только подсвеченное зеленым флуоресцирующим мерцанием. Его, как и одежду священника — сутану с воротничком-колораткой, — покрывал тонкий слой лишайника, послуживший ему защитой от тления. Единственными признаками того, что это все-таки не живой человек, а мертвец, были заострившиеся черты и пустота глазниц, глядевших двумя черными, вернее, темно-зелеными дырами размером с мяч для гольфа.

Она постаралась взять себя в руки, призвав на помощь здравомыслие и знания. На самом деле феномен «нетленности тела» встречается гораздо чаще, чем думают многие, хоть и остается совершенно необъяснимым. Нередки случаи, когда эксгумированное тело очередного кандидата на канонизацию оказывается хорошо сохранившимся, что, кстати, является дополнительным доводом в его пользу. Представители церкви утверждают, что все дело в «духе святости», препятствующем гниению останков. Попади Пьер Роберж в этот список, подумала Жанна, быть ему причисленным к лику святых…

Словно подслушав ее мысли, оба гробокопателя упали на колени и принялись молиться. Бред какой-то, мелькнуло у нее. Фосфоресцирующий труп в разверстой могиле, бормотание набожных майя, отсвет костров Максимона…

— Ансель! — грубо окликнула она впавшего в экстаз индейца. — Тетрадь!

Тот не отвечал. Прижав к груди сложенные ладони, он шептал слова молитвы. Николас пребывал в таком же точно трансе.

— Проклятье! — рявкнула Жанна. — Доставайте тетрадь!

Ни тот ни другой даже не пошевелились. Она спустилась в яму. Ухватившись за плечо коленопреклоненного Николаса, наклонилась поближе к лицу Робержа, покачнулась и, не удержавшись на ногах, рухнула в гроб.

Под ее весом труп разбился, словно был стеклянным. Сохранилась лишь кожа, тело давно истлело. Насекомые сделали свое дело, но только изнутри. Силясь подняться, она оперлась рукой на грудь мертвеца, и рука провалилась по локоть. Во все стороны брызнули светящиеся зеленоватым светом осколки. Второй рукой она взялась за противоположный бортик гроба.

Оба майя по-прежнему молились.

— Черт, черт, черт… — сквозь зубы ругалась Жанна.

Наконец ей удалось выбраться. Притиснувшись спиной к стенке ямы, она протянула правую руку и стала шарить в изголовье гроба. И вскоре что-то нащупала. Это была тетрадь в кожаной обложке, обернутая полиэтиленовым пакетом. Жанна выдернула руку — по ней ползали скарабеи, сороконожки, светляки… Резким движением поднявшись на ноги, она полезла наверх — спиной к яме, помогая себе локтями.

Больше ей здесь нечего делать. А эти пусть себе молятся.

И тут Ансель встрепенулся.

— Эй, а бабки? — заорал он, мгновенно возвращаясь на грешную землю.

Жанна порылась в кармане и швырнула в него пачку кетцалей. Последним, что она запомнила из этой жуткой сцены, был дождь из ветхих купюр, пролившийся на фосфоресцирующие осколки трупа.

Она отвернулась и бросилась бежать прочь, прижимая к груди свой бесценный трофей.

Даже для пятницы, тринадцатого, это было чересчур.

56

Жанна вернулась в отель.

Вошла в свой номер и спиной закрыла дверь. Лицо у нее все еще горело после бега. Она вскарабкалась на утес, пересекла кладбище, нашла дорогу и помчалась вперед что было духу. Мимо нее проехал тук-тук. Все, хватит. Не думать об этом. Все начать с нуля. Эту ночь. И всю жизнь.

Первым делом — в душ. Вода текла еле-еле, еще хуже, чем в первый раз. Жанна яростно скребла себя мочалкой, пока кровь снова не побежала по жилам. Она натянула майку и несколько свитеров. Так, теперь трусы. Спортивные штаны. Больше ничего из одежды не нашлось. Да, так не согреешься.

Учитывая «звездность» отеля, на обслуживание в номерах рассчитывать не приходилось. Зато в каждом номере имелся чайник, а к нему — небольшой запас растворимого кофе. Кофе Жанна не хотела, но у нее с собой были пакетики зеленого чая — она обязательно брала их с собой в каждую поездку. Она включила чайник. Пока грелась вода, подошла к двойным дверям, выходившим в сад. Вспомнила кладбище и вздрогнула всем телом. Зеленое лицо. Рассыпавшийся скелет. Молитвы майя…

Чайник с щелчком отключился, и этот звук вернул ее к реальности.

Она заварила чай. Глаза щипало. Скулы ныли. Схватив чашку, она сделала большой глоток и обожгла горло. Вот и хорошо. Ей нужно тепло. Любое тепло. Пусть оно проникнет в нее, пусть согреет заледеневшие кости. Пусть в нем растает пережитый ужас…

Усевшись на кровати, она смотрела на завернутую в полиэтилен кожаную тетрадь, которую положила на тумбочку. Уже протянула за ней руку, как вдруг опомнилась. Прежде надо сделать кое-что еще. Срочно. Уточнить одну деталь. Она взяла телефон и набрала номер Эмманюэля Обюсона. Здесь два часа ночи. Значит, в Париже девять утра.

— Как ты там? — тепло поинтересовался он, узнав Жанну.

— Я за границей. Веду расследование.

— Вот я и спрашиваю: как ты там?

— Последовала твоим советам. Вышла на след убийцы.

— Значит, с этим все в порядке.

Ритуальные костры над головой. Труп Робержа, поросший лишайником. Рука, по локоть провалившаяся в мертвое тело.

— Вот именно, — нервно хохотнула она. — Слушай, я звоню не просто так. Мне нужно кое-что узнать.

— Весь внимание.

— Acheronta movebo… Тебе это о чем-нибудь говорит?

— Разумеется. Это цитата из «Энеиды» Вергилия. Полностью стих звучит так: «Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo». В переводе это значит: «Если небесных богов не склоню, Ахеронт всколыхну я». Или, если хочешь, «взбаламучу весь ад».

«Взбаламучу весь ад». Лучше и не скажешь. Роберж вырастил малолетнего преступника. Пригрел змею у себя на груди. Взял на себя совершенное им убийство. И наложил на себя руки. Действительно, эпитафия просто идеальная.

— Спасибо, Эммануэль. Я тебе перезвоню.

— Да уж, пожалуйста. Хотелось бы знать, куда все это тебя заведет.

— Ты будешь первым, кому я расскажу.

Жанна поблагодарила учителя и повесила трубку. Глотнула чаю. Что ж, пора снимать полиэтилен. Она разворачивала пакет с осторожностью, словно боясь, что из слипшихся страниц на нее прыгнет какая-нибудь скользкая гадость. Тем временем на улице пошел дождь. Не дождь — ливень, яростно бушующий в ночи. Хорошо, что она под крышей. От этой мысли ей полегчало.

Тетрадь раскрылась сама собой. Из нее выскользнула фотография и спланировала Жанне на колени. Неплохо для начала. Она взяла снимок и поднесла к глазам. И тут ее скрутил спазм. Ей показалось, что кто-то заживо режет ее — изнутри.

На фотографии был запечатлен голый мальчик в окружении двух вооруженных охотников. Мужчины — это были индейцы — старательно напускали на себя бравый вид, но не могли скрыть страха перед мальчишкой. Этот страх прямо-таки сочился у них из пор.

Стоящий между ними ребенок был чудовищен.

Маленький, рахитичного сложения, заросший волосами, похожими на шерсть, в которых запутались куски коры и листья. Грязное до черноты тело было асимметричным, как будто перекошенным, щетинилось зловещими углами. Из-под корки налипшего мусора кое-где проглядывала кожа — вся в узлах и нарывах. И ужасающая худоба — кожа да кости.

Но все это были цветочки по сравнению с его лицом.

Омерзительное, полуобезьянье, оно выражало жестокость и было уродливо до содрогания. Но больше всего Жанну удивило другое. Эта отвратительная харя напомнила ей Горлума ее ночных кошмаров. Она уже видела этого монстра. Это он бормотал «Porque te vas» за окном ванной комнаты Антуана Феро. Это он в глубине подземной парковки ломал кости своих жертв и высасывал из них мозг…

— Хоакин… — прошептала Жанна.

Собрав волю в кулак, она заставила себя внимательно изучить страшный лик. Черные космы, не знавшие ни ножниц, ни расчески. Из-под их шапки хищно блестели глаза. На вид мальчику было лет семь-восемь, но его лицо было костлявым, как у иссохшего столетнего старца. Из ощеренного рта со слишком короткими губами выглядывали зубы. От них исходило то же ощущение угрозы, что и от глаз, — казалось, их обладатель только и ждет, как бы вцепиться кому-нибудь в горло.

Черные зрачки, бегающие, все время настороже. Взгляд, выдающий внутреннюю борьбу между желанием причинять боль и страхом. Казалось, эти глаза не смотрят на мир — погруженные в себя, они созерцают собственную злобу. О чем он думает? Какие убийственные, безумные, полные ненависти побуждения ворочаются и воют в его черепной коробке?

Ребенок-дикарь…

Дитя леса. Человеческое существо, лишенное благодати людского воспитания. Тварь, целиком принадлежащая жестоким природным силам.

Воплощением этой первобытной жестокости служили руки мальчика. Крючковатые, с длинными когтями, еще детские, но уже как будто натруженные. Но главное — вывернутые. Кисти рук у него были повернуты внутрь.

Жанна перевернула снимок и прочла:

«Кампо-Алегре, Формоса, 23 июня 1981».

Положила фотографию на кровать и вернулась к тетради. Пришла в восхищение от ровного почерка Пьера Робержа. Никто не скажет, что записи делал священник, одержимый бесами или впавший в панику. Писал человек, свободный от предубеждений, ставящий своей целью точно изложить ход событий, очевидцем которых стал.

Еще одна приятная неожиданность — автор вел дневник на французском.

Жанна поудобнее устроилась на кровати, привалившись спиной к стене.

Подобрала под себя ноги, положила подбородок на колени.

И погрузилась в чтение.

57

12 мая 1982 года, миссия св. Аугусто, Панкахче, Гватемала

Приехали вчера. Ночью. Как воры. Слухи бегут впереди нас. Чувствую подозрительность, которая нас окружает. В Антигуа нас ненадолго приютили братья-иезуиты. Не скрывали, что ждут не дождутся, когда мы уберемся. Что ж, тем лучше. Не испытываю никакого желания ни объясняться, ни как-либо комментировать присутствие со мной Хуана. Все, чего я сейчас хочу, это забыть аргентинский кошмар. В Панкахче мы поехали на джипе. Миссия св. Аугусто расположена в нескольких километрах от деревни.

По пути в Атитлан мы стали свидетелями сцены, по которой нетрудно судить, что ждет нас впереди. «Показательная порка», устроенная солдатами жителям деревни. На обочине дороги они выстроили с десяток пленных — все голые, окровавленные, с разбитыми лицами. Некоторые наголо обриты.

Другие — с отрезанными ушами, вырванными ноздрями, отрубленными ступнями ног. У женщин отрезаны груди. На теле каждого — следы ожогов, раны. Несколько человек — на вид не искалеченные, но раздутые, как бочонки. Думаю, их отравили каким-то местным ядом. Все палачи были одеты в одинаковую форму. Их здесь называют «кайбилами», что на индейском диалекте означает «тигры». Они подробно, как учитель в школе, объяснили деревенским жителям особенности каждой пытки. И предупредили, что то же самое будет с каждым диверсантом. И в доказательство своих слов облили пленных бензином и подожгли. Несчастные жертвы как будто очнулись от забытья; из пламени раздались крики, стоны, вопли. Зрители стояли под дулами автоматов, смотрели на происходящее и не смели шевельнуться; впрочем, может быть, они и не понимали по-испански.

Эта чудовищная сцена зачаровала Хуана. Я в это время молился. И не мог не отметить иронии сложившейся ситуации. После Аргентины эта страна предстала мне подлинной клоакой жестокости и насилия. Но разве для нас с Хуаном есть на земле более подходящее место?

17 мая 1982 года, Сан-Аугусто

Прикинул размах предстоящей работы. Он огромен. Но кое-что уже получается. Как глава миссии, я пока должен проследить за осуществлением начатых проектов. Катехизис. Общее образование. Помощь нуждающимся. Местное радио…

В том, что касается насилия, мне здесь самое место. Положение едва ли не хуже, чем в Кампо-Алегре. Солдаты сначала стреляют, а уж потом задают вопросы. Мотивы у них не политические, а чисто этнические. По отношению к индейцам они исповедуют оголтелый расизм. Собачье мясо — вот как они выражаются.

За те пять дней, что я здесь, по соседству с миссией похищены или убиты человек десять крестьян. Без особых причин. На обочинах дороги потом находят их тела, разрубленные мачете. Я догадываюсь, что большинство катеквиста, то есть добровольцев, помогающих нам в больнице и приюте, принадлежат к ПВС (Повстанческим вооруженным силам), но мне никто ничего не говорит. Единственный здешний врач-гватемалец мне не доверяет. Индейцы меня презирают. Бельгийское происхождение и аргентинское прошлое ставят меня на одну доску с североамериканскими миссионерами. В глубине души я предпочитаю ничего не знать. В случае ареста никого не смогу выдать.

Хуан сейчас спокоен. Я поселил его в маленькой комнатке по соседству со своей, в доме священника. Позволяю ему гулять в саду под присмотром социального работника. Представил его сиротой, но все вокруг гадают, какие связи нас объединяют. Незаконнорожденный ребенок? Любовник?.. Ну да это не страшно. Отныне ничего не страшно.

Жанна пролистнула несколько страниц. Она искала информацию о кошмаре. Об истории Хуана, он же Хоакин. Пропустила еще несколько страниц. Роберж описывал трудности, с которыми столкнулся в отношениях с индейцами и военными. Где-то в середине июня нашла наконец намек на интересовавший ее период. Роберж обмолвился, что должен перенести в тетрадь составленные в Аргентине заметки по поводу «случая Хуана». Но пока ему было некогда.

Еще несколько страниц. О Хуане — ничего или почти ничего. Роберж фиксировал все новые участившиеся случаи исчезновения

людей. Казни. Похищения. Пытки. Избиения. Иезуит не вдавался в подробности. Указывал, что по отношению к нему солдаты вели себя все более грубо. Устраивали обыски в церкви, в больнице, в его доме…

Жанна листала дневник. Недели. Месяцы. О Хуане — лишь лаконичные замечания.

«Хорошо покушал».

«Спит нормально».

«Привыкает к климату».

В сентябре — новое испытание. Пропала одна из его добровольных помощниц. Женщина по имени Алаида. Ее насиловали и пытали, после чего бросили в лесу. Открытые раны немедленно воспалились, и несчастная в буквальном смысле слова начала заживо гнить. Солдаты стояли возле нее на страже, никому не позволяя прийти ей на помощь. Время от времени они осыпали ее ударами или мочились ей в рот. Истязание длилось больше недели. Потом солдаты ушли, бросив тело на растерзание хищным канюкам. Роберж сделал все, что было в его силах, чтобы ее спасти, но это ему не удалось.

Наконец в октябре 1982 года он нашел время для своих аргентинских записок. Жанна сосредоточилась. Из 1982 года она перенеслась в 1981-й. Из умеренного климата озера Атитлан — в пекло северо-востока Аргентины. Впрочем, бесчинства военщины остались точно такими же. Единственное различие состояло в том, что дело происходило на военной базе, носившей то же имя, что и деревня, — Кампо-Алегре. Сюда сгоняли заключенных со всей страны. И творили беззакония за забором концентрационного лагеря.

20 мая 1981 года

Два дня назад одна женщина совершила в окрестностях деревни странное открытие. В лесу она столкнулась со стаей обезьян-ревунов — местные называют их monos aulladores negros или caráyas, и это самый распространенный здесь вид. Женщина собирала хворост возле лагуны, в местности, известной как «Лес мертвецов» или «Лес духов» (la Selva de las Almas). Обезьяны — около двух десятков — висели на ветках, прячась в листве. Обычно, чтобы напугать непрошеного гостя, они издают ревущие звуки; если же этого оказывается недостаточно, спасаются бегством. Но на сей раз они и не подумали убегать.

Кричали, раскачивались и бросали на женщину злобные взгляды.

Индеанка была не из пугливых. Вооружившись палкой, разогнала всю стаю и остановилась возле дерева, которое они защищали. И увидела на земле необычную обезьяну. Черную и неуклюжую. Обезьяна стонала, безуспешно пытаясь взобраться на древесный ствол.

Женщина пригляделась внимательнее и застыла на месте, пораженная. Это была не обезьяна, а ребенок, облепленный листьями, кусками коры и клочьями шерсти. У него была повреждена нога, поэтому он не мог двигаться. Она побежала за помощью. Через час пришедшие с ней мужчины прогнали вернувшихся обезьян и унесли полуживого ребенка с собой. Как мне потом рассказали, они запихнули его в мешок. В том, что касается бесцеремонности, с какой они обошлись с ребенком, я им верю.

Моя медсестра, живущая в Кампо-Алегре, ходила на него посмотреть. По ее словам, мальчику от шести до восьми лет. Он страшно худ. От него чудовищно дурно пахнет — мухи так и вьются вокруг. Все тело у него покрыто липкой обезьяньей шерстью и какими-то засохшими отбросами. Под волосами — буйной черной шапкой — почти не видно лица. Изо рта струйками течет слюна. Ногти длинные, загнутые, забитые землей. Он большей частью спит, но, когда просыпается, ведет себя агрессивно. Как утверждает медсестра, нога у него действительно серьезно ранена. Ее надо срочно лечить. Сегодня вечером собираюсь пойти к нему вместе с Томасом, нашим врачом. Окажем ему первую помощь, а потом переведем к нам в приют.

21 мая 1981 года

Поразительно. По-другому не скажешь. Настоящее дитя джунглей. Стоило мне его увидеть, как в голову полезли книжные и киношные ассоциации. Маленький дикарь из Аверона. Индийские найденыши Амала и Камала. Еще один похожий случай, несколько лет назад произошедший в Бурунди, — я о нем слышал. Фильм Франсуа Трюффо…

Я поговорил с властями Кампо-Алегре и под расписку забрал мальчика в нашу больницу. Мы его вымыли. Подстригли волосы и ногти. Первый сюрприз — это вовсе не индейский ребенок. У него белая кожа. Глаза черные. Видимо, он испанского происхождения. Вторая особенность — все тело у него в шрамах. Следы укусов, ссадины, порезы. Наконец, третье — рана на ноге не такая уж страшная.

Томас вколол ему пенициллин. Мы его осмотрели. Точно определить возраст трудно. Мне кажется, ему лет шесть, может, семь. Худющий — весит 32 кг — и в то же время жилистый. Страдает от сильного кишечного расстройства и, похоже, малярии. Более внимательный осмотр наверняка выявит и другие заболевания.

Утром наблюдал, как Томас осматривал Хуана — деревенские жители дали ему это имя, — и пытался найти ответ на вопрос: как долго он прожил в лесу? И как сумел выжить в среде, где нормальный человек не вынесет и суток? Жара. Насекомые. Постоянная угроза со стороны хищников — на суше и в воде. Как он защищался? Неужели его в самом деле опекали обезьяны-ревуны?

Пока что он производит впечатление слепого и глухого. Безостановочно мигает глазами, вращает глазными яблоками за закрытыми веками. Не реагирует даже на сильный шум, но при малейшем прикосновении вздрагивает всем телом. Врач высказался категорично: ни о какой слепоте и глухоте не может быть и речи. Тем не менее он демонстрирует полнейшее безразличие к окружающему. Без конца раскачивается взад-вперед. Чем-то напомнил мне детей-аутистов, которых я видел в Брюсселе, когда служил духовником при королевских лечебницах.

Откуда он взялся, этот ребенок? Может, его бросили родители, жители одной из окрестных деревень? Или он сам по какой-то причине сбежал из отчего дома? Есть и еще одна возможность. Мальчик жил на военной базе — там ведь есть дети. Если ребенок местный, нам не составит никакого труда узнать, кто он. Но если он с базы, дело осложняется. Военные никогда ни в чем не признаются.

25 мая 1981 года

Мы поместили Хуана в отдельной комнате, забранной решетками, подальше от других детей, чтобы они его не дразнили. Он легко впадает в панику, стоит ему поймать на себе чей-нибудь взгляд. Вообще он ведет себя крайне беспокойно, все время дергается. Потом вдруг раз — и засыпает. Проснувшись, принимается тянуть свою веревку — нам пришлось его привязать, иначе он поранился бы, колотясь в решетку. Я часто повторяю себе слова Иисуса, приведенные апостолом Матфеем:

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они

наследуют землю»[69]

Мы кормим его. Он ест фасоль и кукурузные початки, но предпочитает фрукты и зерно. Пока он ест, в глазах у него стоит страх. Впечатление такое, будто он боится, что у него отнимут пищу. Без сомнения, это память о жизни с обезьянами.

Сон у него беспокойный. Лицо дергается в тике, тело сотрясают судороги. Он постоянно настороже. Впрочем, в такие моменты из-под оболочки дикаря проступает его человеческая сущность. У Хуана правильные черты лица, нежная кожа, тонкие суставы. Кто же он такой?

29 мая 1981 года

Неделя наблюдений и медицинских осмотров. Итог неутешительный. Подозрение на малярию подтвердилось. Кишечник кишит паразитами. Множественные инфекции. Томас прописал антибиотики в лошадиных дозах. Теперь остается только ждать.

В отношении поведения также ничего хорошего. Хуан целыми днями сидит в своей клетке, сжавшись в комочек, и стонет. Лица под волосами, которые состригли не все, не видно. Надеюсь вскорости приняться за его обучение, но начинать придется с нуля. Например, с прямохождения. Уверен я лишь в одном. Этот ребенок — дар Божий. Я поклялся себе, что спасу его.

6 июня 1981 года

Никакого прогресса. Хуан не реагирует ни на один из внешних раздражителей. Отказывается ходить прямо. Ведет себя апатично. Оживляется только при виде еды. Я выяснил, что он любит больше всего — финики. Наверное, привык питаться ими, когда жил с обезьянами-ревунами. Томас считает, что мы обязательно должны приучить его к мясу. Ему надо расти.

7 июня 1981 года

Сегодня ночью ходил проведать Хуана. В это время суток наш скот донимают летучие мыши.

В темноте их не видно, слышно только, как хлопают крылья. Они прилетают сосать кровь.

Вот под эти мрачные звуки я и отправился к Хуану. Он не спал. Сидел и смотрел по сторонам. Казался спокойным. Просто сидел и смотрел в ночь. И я вдруг понял, что он видит в темноте. Мне стало

страшно. В голову полезли мысли о летучих кровососах, что терзают наших буйволов…

16 июня 1981 года

Вот уже три дня в приюте гостит Карлос Эстевес, этолог из Ресистенсии. Он изучает обезьян-ревунов, и, как ни странно, его познания помогли нам в наблюдениях за Хуаном.

Сегодня утром он за чашкой мате делился с нами своими выводами. Я записал наш разговор на церковный магнитофон. Привожу здесь слово в слово фрагмент, непосредственно касающийся Хуана…

Жанна потерла веки. Четыре утра. Прочитанное потрясло ее. Дитя джунглей. Мальчик, выросший среди обезьян. Границы расследования в очередной раз шагнули куда-то за пределы возможного. И в то же время вновь открывшиеся факты идеально ложились в логику убийств. Улики… Дикарский образ убийцы…

Она заварила себе еще чашку зеленого чая. Вспомнила свой разговор с Элен Гароди. Директор института Беттельгейма упоминала о «детях-маугли». По ее мнению, у большинства из них обнаруживались симптомы аутизма, хотя открытым оставался главный вопрос: жизнь в лесу послужила причиной патологии или, напротив, дети оказались в лесу именно потому, что были другими?

Жанна глотнула чаю. Холода она больше не чувствовала. Не чувствовала и усталости. По правде говоря, она вообще не чувствовала своего тела. Снова уселась на кровать и взяла в руки тетрадь в кожаной обложке. В голове крутились сюжеты сказок, в которых маленькие дети оказываются одни-одинешеньки в страшном лесу.

Хуан и был героем одной из таких сказок.

Кошмарный сон обернулся реальностью.

58

«— По-английски их называют black howler monkey. В субтропических лесах северо-востока страны это самый распространенный вид. Самцы черного цвета, самки — желтого.

— Какой образ жизни они ведут?

— Древесный. Хвост служит им чем-то вроде пятой конечности, с помощью которой они перескакивают с ветки на ветку. Они почти никогда не спускаются на землю.

— Вы полагаете, Хуан жил с ними на деревьях?

— Ему было нелегко не отставать от них. Зато он мог оказывать им кое-какие услуги на земле. Подбирать плоды. Предупреждать о появлении хищников.

— Я никогда не хожу в лес. Почему их называют ревунами?

— Это крайне агрессивный вид. У каждого клана — своя территория. Если на нее проникает чужак, они принимаются кричать. Слышать их рев ужасно. Да и видеть тоже не лучше. Грива на голове встает дыбом, пасть округляется, становясь похожей на букву О. Мне кажется, Хуан, издавая звуки, пытается их имитировать.

— Пока для него это единственный способ самовыражения…»

Жанна подняла глаза. Она вспомнила вопли, подслушанные в кабинете Антуана Феро. Никаких сомнений: тот горловой вой, что издавал Хуан-Хоакин, зародился в Лесу мертвецов…

«— А по отношению друг к другу они тоже проявляют агрессию?

— Самец живет с несколькими самками и их детенышами. Вожак стаи не миндальничает с остальными самцами. Вообще отношения внутри группы довольно жесткие. За все приходится драться. За самку. За пищу. За все».

Жанна снова вызвала в памяти сеанс гипноза у Феро. Лес кусается… Да, обезьяны-ревуны не церемонились с Хоакином. Кусались. Царапались. Лупили его почем зря…

«— Что за жизнь была у него среди обезьян, как вы думаете?

— Нелегкая жизнь. Он ведь во всем им проигрывал.

— Вот чего я как раз и не понимаю… Хуан гораздо крупнее обезьян…

— Это, кстати, может помочь нам определить, когда именно он к ним попал. Я думаю, он был тогда совсем маленьким. Во всяком случае, ростом меньше метра. Сколько лет ему тогда было? Четыре года? Пять лет? Потом он подрос, и клан от него отвернулся. Физические различия, неуклюжесть… Вполне естественно, что его оттолкнули».

Жанна представила себе, какую жизнь вел мальчик. Не жизнь, а ад. Она словно наяву услышала шелест листвы, треск сучьев, хриплое рычание. Ей приходилось вдыхать смрад чужих тел. Сносить удары и укусы… Она превратилась в Хуана…

«— Теперь я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Прошу вас.

— Когда Хуан понимает, что за ним наблюдают, как он реагирует?

— Нервничает. Начинает ерзать на месте.

— Он поворачивается к вам спиной?

— Да. Но продолжает поглядывать на меня из-за плеча.

— Это типичное поведение карайя. Скажите, он стучит по стене, чтобы напугать того, кто к нему приближается?

— Нет.

— Показывает зад в знак покорности?

— Нет. Покорность ему вообще не свойственна.

— Он, конечно, не обязан был перенимать все повадки вида, с которым делил существование.

— Как вы думаете, он способен к обучению?

— Я специалист по поведению животных, а не психолог.

— Мне кажется, у Хуана есть признаки аутизма. Могла ли жизнь в лесу заблокировать его умственные способности? Вызвать своего рода деградацию?

— Чтобы строить предположения о том, есть ли у него шанс вернуться на путь человеческого развития, необходимо узнать, откуда он взялся. В каком возрасте покинул наш мир. Вы уже провели местное расследование?

— Нет еще.

— Со своей стороны, я думаю, что это брошенный ребенок. Родители Хуана его не хотели. И никогда его не любили.

— Откуда такая уверенность?

— Избалованный, заласканный ребенок не смог бы выжить в лесу. Закалка Хуана лучше всего доказывает, что и среди людей его жизнь была не сахар. Проведите расследование. Я почти не сомневаюсь, что вы что-нибудь найдете. Какое-то происшествие… Что-то связанное с насилием в семье…»

Жанна отложила тетрадь. Строчки плясали у нее перед глазами. Впрочем, запись беседы закончилась. Она бросила взгляд на часы — дешевую электронную поделку, которая валялась у нее в сумке и которую она недавно нацепила на запястье вместо «Картье».

Пять утра.

Странно, что от Николаса никаких вестей. Неужели его так напугало ночное приключение с выкапыванием трупа? Остается надеяться, что он не удрал в Антигуа на «ее» машине. Сейчас приму душ, решила она, потом заварю еще чаю и продолжу чтение.

Секунду спустя она крепко спала.

59

Жанна проснулась, разбуженная чудовищным криком обезьяны-ревуна. От ужаса она подскочила и поняла, что орет ее мобильник, оставленный в изголовье.

— Алло!

— Это Райшенбах. Я тебя что, разбудил?

— Да. Нет.

Сердце у нее колотилось как сумасшедшее, с каждым ударом проваливаясь все ниже, словно хотело спрятаться в глубине грудной клетки. Ей снился Хоакин. Его вопли. Его руки. Его глаза, способные видеть в темноте…

— Чего тебе?

— Понял, — засмеялся детектив. — Я тебя разбудил. У меня новости. Насчет посылки. Тебя это еще интересует?

Жанна ухватила край простыни и обтерла лицо. Несмотря на холод, она обливалась потом. За окном светало. Вокруг все было знакомым и обыденным. Телевизор. Кресло. Деревянная обшивка стен. В уме всплыло испанское слово «pesadilla», означающее ночной кошмар, и его мелодичное звучание как будто смягчило мощь потаенной угрозы.

— Я тебя слушаю. Ты узнал, что было в посылке?

— Череп.

— Что?

— Муляж черепа.

Жанна изо всех сил старалась объединить разрозненные фрагменты полученной информации, нащупать в них смысл. Напрасный труд — ничего не сходилось.

— Расскажи поподробнее.

— Да я больше ничего и не знаю. Мы расспросили одного мужика из института, который видел, как Де Альмейда упаковывал эту штуку. Вот и все. Похоже, антрополог специально отправил этот муляж Франческе Терча. Зачем, неизвестно. Вроде бы это как-то связано с раскопками, которые он вел на северо-востоке Аргентины. Сам он никому ничего не рассказывал. Единственный человек, который мог

бы нам хоть чем-то помочь, это некий… — Он полистал свои записи: — Даниель Тайеб. Директор палеоантропологической лаборатории в Тукумане. Но он сейчас занят подготовкой к выставке, и его невозможно застать на месте.

— А что насчет самого черепа?

— Nada. Мужик, с которым мы говорили, думает, что это череп ребенка. Причем деформированный.

— Какого рода деформации?

— Без понятия. Я вообще ничего не понял. С ним говорил парень из моей группы, но он бразилец и по-испански не очень-то…

Жанна подумала о Хуане-Хоакине. Может, это его череп? Да нет. Мальчик прибыл в Гватемалу уже после Аргентины. Или он затем вновь вернулся на северо-восток Аргентины? И там умер? Да нет же. Хоакин жив. Жив и совершает убийства в Париже и Манагуа.

— Дай мне номер института, — попросила она.

— Только предупреждаю, они не…

— Я говорю по-испански. И увязла в этой истории по шейку. Давай номер!

Райшенбах послушно продиктовал номер телефона. Жанна записала. В голове у нее теснились вопросы. Откуда взялся этот череп? Почему его послали Франческе? Тут она вспомнила, что художники студии Изабель Вьотти занимались реконструкцией лиц по ископаемым черепам. Может быть, Франческа у себя в мастерской использовала ту же методику? Какое же лицо она реконструировала? И какую мизансцену собиралась представить?

— Еще что-нибудь есть?

— Я пытался накопать кое-что на Хорхе Де Альмейду. Трудно сказать, чем конкретно он занимался. Даже в собственной лаборатории стоял наособицу. Кое-кто считает, что он был одержим бредовыми идеями…

— А именно?

— Я не понял. Зато у меня есть его фотография. Ты же просила.

— Можешь переслать по электронке?

— Легко. А у тебя-то что слышно?

Она не стала рассказывать. Слишком много событий произошло. Слишком много в них непонятного. Безумного. Она предпочла

отделаться парой туманных отговорок и пообещала перезвонить. Райшенбах не настаивал.

Она в очередной раз заварила чай. Который, интересно, час? По комнате расползался сероватый, болотного цвета рассвет. В памяти снова всплыл Эдуардо Мансарена и обнаруженное им заболевание. Может, Хуан заразился? Или все как раз наоборот — именно он и стал источником заражения? И есть ли связь между этой болезнью и деформациями черепа?

С чашкой в руке она подошла к балконной двери. Хватит вопросов. Надо дочитать тетрадь Пьера Робержа. А что дальше? Она обвела взглядом гостиничный садик. Буйная, беспорядочная растительность. Груды пальмовых листьев, сорванных порывами ветра. И дождь, дождь… Грустная картина.

Наверное, это пейзаж за окном испортил ей настроение, но она вдруг почувствовала печальную уверенность. Мысль засела в голове и не желала исчезать. Антуан Феро мертв. Как и Эдуардо Мансарена. Как и три парижские жертвы.

Феро… Он бросился на поиски отца и сына, но нашел лишь Дух Зла.

Она снова раскрыла тетрадь.

Надо дочитать историю Хуана-Хоакина.

Может быть, истина ждет ее на последней странице.

60

28 июня 1981 года

Никакого прогресса. Вопреки осторожным замечаниям Карлоса Эстевеса, подтверждается мое первое впечатление. Это аутизм.

Заказал по почте несколько книг. В том числе воспоминания Жан-Марка Гаспара Итара — того самого врача, что наблюдал маленького дикаря из Аверона. Я по-прежнему склонен думать, что Хуан получил начатки человеческого воспитания. Взять, например, тест с зеркалом. Хуан ничуть не удивился, увидев свое отражение. Но главное, он понял, что это именно его отражение. Кажется даже, оно его позабавило.

31 июня 1981 года

Новые тесты, новые упражнения. Очень медленно обучаю его прямохождению. Он делает несколько шагов, а затем возвращается в свое любимое положение: на четвереньках, спина дугой, руки вывернуты внутрь. Я должен продолжать работу. Как говорит апостол Павел, «любовь долготерпит…»[70]

13 июля 1981 года, река Бермехо

Рио-Бермехо. Алая река. Вот уже два дня, как я плаваю в окрестностях Кампо-Алегре. Останавливаюсь в каждой деревне. Вернее, это даже не деревни, а так, небольшие поселения. Проповедую. Раздаю продукты и лекарства. Слушаю. Утешаю…

И убеждаюсь, что существование Хуана — отнюдь не новость для местных жителей. Они знают про мальчика. Видели его на реке. Пару раз даже ловили, но ему удавалось удрать.

29 июля 1981 года, Кампо-Алегре

Прогресс, и какой! Хуан ходит. Спину по-прежнему выдвигает вперед, словно боится до конца разогнуться, но ходит. Учится простым действиям. Самостоятельно одевается. Пьет молоко из чашки. Показывает пальцем на предметы. Я позволяю ему свободно гулять во дворе нашего дома. Мне даже удалось заставить его спать в кровати. Правда, перед тем как заснуть, он вылезает из постели и забирается под кровать.

3 августа 1981 года

Хуан чувствует себя намного лучше. Прибавил в весе. Наращивает мышечную массу. К нему вернулась способность передвигаться на двух ногах. Homo viator, spe erectus. Держаться в пути прямо человеку помогает надежда.

11 августа 1981 года

Получил первые из заказанных книг, в том числе дневник Итара. Поэтапно следую его методике. Хуан показывает неплохие результаты. Если бы не проблема с устной речью, я сказал бы, что у него умственное развитие пятилетнего ребенка. Но это пока.

Вчера заметил одну деталь и удивился. Хуан сидел в глубине сада и, по своему обыкновению, раскачивался взад-вперед. Я подошел поближе — он пел. Воспроизводил мелодию. Мне даже показалось, что он силится произнести слова. Неужели к нему возвращается память о событиях, предшествовавших жизни в лесу?

21 сентября 1981 года

Время идет, и успехи Хуана множатся. Он в первый раз попробовал мясо. Вначале обнюхал его. Потом осторожно попробовал. И — не съел, а сожрал. Я подошел, чтобы похвалить его. Он поднял ко мне лицо. Мне стало страшно. Его взгляд… Он был затуманен, словно вкус крови опьянил ребенка. Он смотрел на меня откуда-то из глубин своей животной жизни…

Жанна испытала разочарование. В своем дневнике Роберж описывал успехи ребенка, остановленного в своем интеллектуальном развитии в результате грубого переселения в лес. Она нисколько не сомневалась в исходе предприятия. Хоакин стал обыкновенным парнем, вот только в глубине его души по-прежнему жило дитя джунглей…

Она поняла, что ничего не узнает о настоящем происхождении Хоакина — кстати, когда он получил это имя? Ничего о его настоящем отце — том человеке, который представился его отцом в кабинете Антуана Феро. Ничего об обстоятельствах, объясняющих, как он попал в лес.

Ничего о его сущности убийцы…

Она перевернула еще несколько страниц.

61

17 ноября 1981 года

Хуан рисует! Чертит линии, иксы и игреки разной величины. Может, это алфавит? Или деревья? Или живые существа? Может быть, он пытается изобразить обезьяний мир, в окружении которого провел последние годы. Вот только одна странная деталь… Если это фигурки карайя — так индейцы называют обезьян-ревунов, — то почему одна из них держит нож?

10 октября 1981 года

Теперь в ежедневный рацион Хуана входит кусок мяса. Он явно предпочитает его всякой другой пище. Прав я или ошибаюсь, но мне кажется, что этот вкус свидетельствует о том, что когда-то он жил среди людей. Впрочем, он делает быстрые успехи. Например, выучил буквы по кубикам. Неужели он когда-нибудь научится читать?

26 ноября 1981 года

Хуан нашел галстук и теперь не снимает его ни днем ни ночью. Как будто хочет показать, что отрекается от прошлого и отныне принадлежит к обществу цивилизованных людей.

Правда, он пока так и не научился есть с помощью приборов. За столом запускает в тарелку обе руки и постоянно с испуганным видом озирается. Питается он теперь исключительно мясом. Никаких фиников, никаких зерен. Ничего, кроме мяса.

29 ноября 1981 года

Сегодня принимал неожиданного гостя. Я уж совсем было махнул рукой на возможность выяснить настоящее происхождение Хуана, и тут вдруг ко мне является человек и приносит информацию на блюдечке. И не абы кто! Сам полковник Винисьо Пельегрини по прозвищу Пума — один из руководителей военной базы в Кампо-Алегре.

Внешне он вполне соответствует своей должности. Короткий ежик на голове, жесткие черты лица. Некоторую долю изящества ему придают очки в красивой оправе и ровно подстриженные усы. Но в общем и целом — обыкновенный солдафон. Громко говорит, много смеется, без конца меняет интонацию — от теплой до ледяной.

В здешних местах он пользуется печальной известностью. Пума нередко лично проводит допросы политических заключенных. Именно он придумал чудовищную по своей жестокости казнь, именуемую el vuelo, что значит «полет». Выжав очередного заключенного досуха, его усыпляют, грузят в вертолет и сбрасывают в излучины лагуны, где несчастный тонет, если прежде не станет добычей кайманов. Говорят, вообще-то эти крокодилы не едят людей — они для них слишком крупные. Пельегрини приказал своим приспешникам расчленять тела электропилой и сбрасывать куски в болото. Постепенно кайманы вошли во вкус человечины, после чего их снова начали потчевать усыпленными людьми…

Когда мне сообщили, кто меня спрашивает, я решил, что пробил мой последний час.

Оказалось, нет. Пельегрини явился узнать, как дела у Хуана. Расспрашивал меня об обстоятельствах его обнаружения. Правда всплыла довольно быстро: Хуан раньше жил на военной базе. Он сын офицера Уго Гарсии, три года назад погибшего вместе с женой в результате несчастного случая, на предмет которого Пельегрини предпочел не распространяться. Хуану — полковник зовет его Хоакином — удалось спастись, и он убежал в джунгли.

Пума не потребовал встречи с Хуаном. Ни словом не обмолвился о своих намерениях относительно мальчика. Но пообещал, что еще вернется…

Я пока пытаюсь собрать воедино все факты. Например, фигурки, которые рисует Хуан, он же Хоакин (я решил, что буду по-прежнему называть его Хуаном, чтобы не вносить в его мысли разлада), могут изображать вовсе не обезьян-ревунов, а солдат из Кампо-Алегре — профессиональных палачей. Но при чем тут нож?

2 декабря 1981 года

Провел еще одно расследование. Более плодотворное. Искать легче, когда точно знаешь, что ищешь. В деревенской забегаловке — солдаты иногда заглядывают сюда выпить — без особого труда приручил одного капрала, который и раскрыл мне секрет крепости. Оказывается, этот Уго Гарсия, известный пьянчуга, убил собственную жену, а потом покончил с собой. Было это в 1978 году. Их сынишка, Хоакин, еле-еле успел удрать. Ему тогда было шесть лет. Так, значит,

сейчас Хоакину девять. И второе. Эстевес прав: Хуан никогда не знал счастливого детства.

Я продолжал подливать капралу, задавая ему все новые вопросы, и выяснил еще один чрезвычайно важный факт: Хоакин не был биологическим сыном Уго Гарсии. Он приемыш. Надо сказать, здесь это довольно частое явление. Военные нередко усыновляют детей казненных политзаключенных. Судя по всему, это вполне устоявшаяся практика. Поэтому логично предположить, что Хуан родился в крепости Кампо-Алегре. Беременные женщины-заключенные рожают в тюремном медпункте, в наручниках, с завязанными глазами. Бездетный Гарсия забрал одного такого ребенка себе, но его жена — бесплодная алкоголичка — так с этим и не смирилась. Ребенок стал предметом постоянных супружеских ссор. Страшно даже представить себе, в какой обстановке он рос. Сирота, ненавидимый приемной матерью, живущий в казарме, среди смерти и насилия…

9 декабря 1981 года

Аппетит у Хуана растет не по дням, а по часам. Я стараюсь разнообразить его меню, но он отказывается от любой пищи, кроме мяса. Больше беспокоит другое. Его как-то застали на кухне. Он взломал замки холодильников и лакомился сырым мясом. Когда это мясо у него попытались отнять, он оскалил зубы, как делают хищники. Откуда в нем пристрастие к крови?

Все остальное время Хуан рисует. Все те же черные силуэты. Тот же нож. Если он изображает сцену убийства матери, то откуда там столько народу? Хуан больше не поет, но у меня ощущение, что он вот-вот начнет произносить слоги.

17 декабря 1981 года

Хуан тревожит меня. По мере того как сходят на нет его животные повадки, начинают проступать черты его личности. Особенности его собственного характера, которые невозможно объяснить пребыванием среди обезьян. Вот они-то меня и тревожат. Я несколько раз замечал, как он мучит мелких животных, причем старается растянуть мучительство «на подольше».

Он очень груб с остальными питомцами приюта, которые боятся его и избегают. Нападает на них, часто исподтишка. Вчера поранил одну девочку — утащил ее в глухой угол сада и столкнул в яму, которую вырыл заранее. Внутрь ямы он накидал острых бамбуковых

веток. У девочки разодрано бедро, а ведь она могла и умереть. Зачем он это сделал? Похоже, только я один пользуюсь с его стороны каким-то доверием, и то…

Еще одно опасное увлечение. Хуана влечет к себе огонь. Он готов целыми часами сидеть и смотреть на горящее пламя. Его уже несколько раз ловили, когда он играл со спичками. Вот этого я действительно боюсь.

От всех этих наблюдений у меня сжимается сердце. С галстуком, в черном пиджачке Хуан чем-то напоминает Чарли Чаплина — но с душой, одержимой бесами. Я беспрестанно молюсь.

«А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его…»[71]

20 декабря 1981 года

Эта история с мясом наполняет меня ужасом. Необходимо снова связаться с Эстевесом, этнологом, но я не смею. Мне стыдно того, что происходит с Хуаном. Из маленького дикаря он словно бы превращается в злобное чудовище.

26 декабря 1981 года

Снова был Пельегрини. Хочет забрать ребенка. Говорит, нашел для него новых приемных родителей. Насколько я понял, на самом деле он получил соответствующий приказ. Человек, пожелавший усыновить Хуана, пользуется большой властью. Скорее всего, это кто-то из военных. Не могу объяснить, но предчувствую, что за всем этим кроется какая-то тайна.

3 января 1982 года

На Новый год Господь преподнес мне чудесный подарок. Сегодня утром я нашел Хуана в церкви. Он сидел лицом к алтарю и пел. Не просто какую-то неопределенную мелодию, как обычно, а настоящую песню. Со словами! Я впервые слышал, как он произносит членораздельные звуки. И песню я узнал. Очень популярная несколько лет назад — я даже разучивал ее с детьми в нашей миссии в Брюсселе. Называется «Porque te vas». Исполняет ее певица англо-испанского происхождения по имени Жанетт.

Где он мог выучить эту песню? А, не важно. Надежда вспыхнула во мне с новой силой: я был прав, аутизм Хуана поддается излечению. Лес просто заглушил в нем человеческие способности. Я должен

оставить его у себя. Продолжать его обучение. С благословения Божьего.

«Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине».[72]

17 января 1982 года

Хуан заговорил. Сразу. Без всяких усилий. Я это знал. Я всегда это знал. Речь существует в нем. Хуан — не аутист. Или, что тоже возможно, он страдает тем, что в моих книгах именуется «аутизмом высокого уровня». Теперь мне предстоит развить его успехи с помощью нового обучения. Чтение. Письмо. Молитва. Вдвоем с ним мы выиграем эту битву.

25 января 1982 года

Хуан быстро прогрессирует. Не испытывает никаких трудностей с выражением своих мыслей, разве что немного заикается. Фразы выходят у него изо рта совершенно законченными. Я уже могу вступать с ним в диалог. Есть и некоторые особенности. Похоже, он неспособен говорить от первого лица. Вместо того чтобы утвердительно ответить на вопрос, он его повторяет. Иногда вместо ответа повторяет по многу раз одно и то же слово. Довольно часто: «porque te vas». Не понимаю, что это может значить.

Воспоминания его довольно смутны. Обрывки впечатлений от жизни в лесу, кое-какие эпизоды из существования в казарме. Но все это перепутано в его голове. Его разум напоминает открытую книгу со склеившимися страницами.

Иногда он придает обезьянам человеческие качества. Потом вдруг, рассказывая о «родителях», упоминает поступки и привычки, более свойственные «древесной» жизни. Ясно одно: он никогда не знал ничего, кроме страха и угроз. Побои, в том числе плеткой, в приемной семье. Укусы и раны, полученные от обезьян.

3 февраля 1982 года

Наконец восстановил историю бегства Хуана. Вечером между его приемными родителями разразилась бурная ссора. Мертвецки пьяный отец избил жену. Насколько я могу судить, отношения между супругами, сильно приверженными алкоголю, всегда были крайне враждебными. Посреди ночи отец схватил штык своей винтовки и зарезал жену. Потом притащил тело на кухню и разрубил на куски. Именно эту картину Хуан и рисовал. (Мальчика Уго Гарсия связал,

заткнул ему рот кляпом и тоже приволок на кухню, чтобы тот присутствовал при «представлении».) Но откуда взялась толпа людей вокруг этого «жертвоприношения»? Затем, все той же ночью, Уго попытался поджечь себя, облившись бензином. Не надо быть психиатром, чтобы догадаться о причинах склонности Хуана к пиромании…

Наконец, на заре, Гарсия перерезал себе горло — от уха до уха. Про сына он забыл. Тот едва не задохнулся в едком дыму, потому что кухня еще горела. Хуану удалось освободиться от пут. Перепуганный, он сбежал по лестнице, пересек казарменный двор и бросился в лес. Бежал сквозь джунгли, пока не свалился без сил. Упал возле какого-то дерева. Дальше — черная дыра. Хуан не видит никакой связи между этим бегством и своей жизнью среди обезьян.

7 февраля 1982 года

Сегодня ночью с фонарями искали Хуана и застали его в курятнике. Он резал курам горло моей бритвой и пил кровь прямо из шеи, как из кубка. На стенах кошмарной смесью крови и экскрементов он начертал те же фигуры, что рисовал на бумаге…

Добровольцы не скрывают страха. Некоторые из них уже покинули нашу больницу. Ползет слух, что Хуан — «сын дьявола». В наказание я запер его в темном чулане. Хочу, чтобы он понял: он идет не тем путем. Но откуда в нем все эти мысли? Откуда такие побуждения?

9 февраля 1982 года

После двух дней «заключения» нашел Хуана в плачевном состоянии. Он нагадил повсюду и замарал экскрементами стены. Рубашка и штаны в корке засохшей спермы. У него начались первые поллюции. Значит, наступает период полового созревания. На что обратится его сексуальное влечение?

Меня обожгла страшная мысль. Получается, что именно кровавое пиршество вызвало в нем первые сексуальные переживания. Я не перестаю молиться. Господь, давно забывший о нашей миссии, не оставит Хуана. Стыдно писать, но я считаю, Он просто обязан нам этим. Спасти дитя во имя всех тех, кому он позволил умереть здесь…

24 февраля 1982 года

Хуан немного успокоился. Кое у кого закрались подозрения — а вдруг он заражен какой-то болезнью вроде бешенства? Мы взяли

анализы, но они ничего не показали. Может быть, мне следует провести более тщательное медицинское обследование? Для этого придется ехать в Буэнос-Айрес…

3 марта 1982 года

Снова приходил полковник Пельегрини. На сей раз он явился с официальным визитом. «Хоакина», как он его называет, намерен усыновить высокопоставленный чин. Скорее всего, кто-то близкий к правительству. Мы с Хуаном должны бежать. Я обязан спасти его душу.

11 марта 1982 года

Хуан искусал до крови мальчика-инвалида, которого мы приютили несколько месяцев назад. Рану мы перевязали. Но если Хуан — носитель какой-то инфекции, есть ли риск заражения? И еще одно пугающее предчувствие, связанное с его жадностью к мясу. А что, если это каннибализм?..

В тот же день неподалеку от места, куда Хуан утащил свою жертву, я обнаружил нечто вроде святилища. Странное сооружение из костей животных, камней и травы. Некоторые элементы напоминают знаки его алфавита. Похоже, Хуан следует правилам какого-то ритуала. Но откуда он их знает?

13 марта 1982 года

Опять приходил Пельегрини. Все документы готовы. Приемным отцом должен стать адмирал Альфонсо Палин, член военного правительства Аргентины. Палач. Один из самых опасных людей в стране. Почему Палин пожелал усыновить именно Хуана, а не кого-нибудь еще? Из-за диктатуры здесь каждый день появляются сотни сирот. Почему он выбрал Хуана? Может, это извращенец, которого заинтересовала история Хуана? Ее жестокость?

Я связался с Домом св. Игнатия в Брюсселе. Если я приму такое решение, мне позволено перебраться в другую миссию, в Гватемале.

21 марта 1982 года

Если у меня еще оставались какие-то сомнения, то сегодня ночью они исчезли. ХУАН — КАННИБАЛ. Мы нашли его на кладбище за лечебницей, где хороним умерших. Хуан разрыл несколько самых свежих могил и объел трупы. Я просто не в состоянии описать все, что видел. Он камнем разбивал черепа и высасывал мозг. Потом так же

поступал с костями. Кто обучил его этому? Неужели он раньше уже пробовал человечину?

Бежать. Покинуть миссию. Спасти Хуана. Вокруг него сгущается атмосфера ненависти. Боюсь, ему грозит самосуд деревенских жителей, убежденных, что в ребенка вселился бес. Я стою перед трудным выбором. Бросить приют, наших больных — все они ни в чем не повинны, — чтобы попытаться спасти Хоакина? Он между тем ведет себя все более агрессивно и жестоко. Но разве не в этом смысл нашей миссии? Я твержу про себя слова Иисуса:

«Не здоровые имеют нужду во враче, но больные… Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию».[73]

62

Жанна закрыла тетрадь. Руки у нее дрожали. Да, еще рано сопоставлять прошлое с настоящим — детали событий, описанных в дневнике, с ходом ее собственного расследования. Но то, что такая связь существует, больше не подлежало сомнению — строки дневника буквально кричали об этом. Несмотря на пробелы и темные места, история Хуана позволяла хоть как-то объяснить причину кровавых убийств, потрясших французскую столицу.

11 часов утра.

Занимался неласковый день, тонувший в мутном аквариумном свете. Ну и пусть, оно даже к лучшему. Можно читать дальше. Жанна пропустила несколько страниц, на которых Роберж описывал подробности своей поездки в Гватемалу. Добралась до последней части дневника. Октябрь 1982-го. Миссия Сан-Аугусто, Панкахче, Гватемала.

Время, когда произошла трагедия.

Утром 18 октября 1982 года Хуан исчез. Его нашли на следующий день в изодранной одежде, не способным вымолвить ни слова. «Почти в том же состоянии, что год назад», — писал отчаявшийся священник.

Затем в полусгоревшей хижине обнаружили наполовину обглоданное тело молодой индеанки. Убийца пытался замести следы с помощью поджога…

Каннибализм. Пиромания. У Пьера Робержа не было никаких сомнений в личности убийцы. Как и в том, к каким выводам придет следствие. Обвинение падет на Хуана, и так отягощенного репутацией «сына дьявола». Его арестуют. Посадят в тюрьму.

Или сразу казнят. Роберж не хотел такого исхода. «Я знаю, что мне остается сделать», — записал он 22 октября.

Иезуит взял на себя вину за содеянное и связался с полковником Пельегрини, попросив того приехать за мальчиком в Атитлан. В каком-то смысле это было торжество зла. Роберж не только не сумел исцелить Хуана — он отдавал его в руки кровавого палача. Мотивы этого поступка были ясны: отныне Хуан-Хоакин нуждался в защите от закона. Его преступная карьера только начиналась. И лишь новый

приемный отец мог поставить его выше людского правосудия в Аргентине.

Планы Робержа провалились. Ему никто не поверил. Определенную роль сыграла и сложившаяся на тот момент политическая конъюнктура: ладино не могли слишком явно продолжать религиозные преследования из боязни утратить международную поддержку. Священника выпустили. Глубина его отчаяния была такова, что он решил наложить на себя руки и унести все тайны с собой в могилу. Однако перед тем он все же успел лично передать Хуана Альфонсо Палину.

Несомненно одно: старик испанец, посетивший кабинет Антуана Феро, был адмиралом и принимал участие в пытках. «В моей стране это была широко распространенная практика. Все этим занимались». Он имел в виду усыновление военными детей убитых ими жертв.

Перед тем как проститься с миром, иезуит хотел закончить свою исповедь. Недели и месяцы наблюдений, неоспоримые доказательства позволили ему найти ключ к пониманию судьбы Хуана.

Открытие оказалось умопомрачительным.

24 октября 1982 года, Сан-Аугусто

Пора поставить точку в истории Хуана. Черным по белому изложить его тайну. Только что перечитал свои аргентинские записки и понял, каким я был наивным. Вся его история изобиловала вопросами, но, когда рассматриваешь эти вопросы в их единстве, ответ на них вырисовывается всего один.

Откуда в Хуане столько жестокости, злобы, агрессии? Откуда в нем тяга к человеческому мясу? И эти ритуалы, которые он обставляет так, словно уже видел, как именно они проходят? И странный алфавит, напоминающий буквы какого-то примитивного языка?

Нет, это не аутизм и не загадочный вирус. ЕГО ЭТОМУ ОБУЧИЛИ. Обучили в джунглях. Обучили культуре, не имеющей никакого отношения ни к его приемным родителям, ни к существованию обезьян-ревунов.

В лесу Хуан подцепил не вирус.

Он встретился с каким-то народом.

Невозможно развить эту гипотезу. Что за клан оказался способен привить ему подобные привычки? Что за первобытное племя? В области Кампо-Алегре проживают разные народности — тоба, пилаги,

вичи. О других я никогда не слышал. И все упомянутые ведут тот же образ жизни, что и остальные аргентинские крестьяне.

Тогда кто? Или ЧТО? Почему об этих созданиях ничего не известно? Если они существуют, почему никто из местных жителей никогда не сталкивался ни с одним из них? В одном я убежден: со дня прибытия в миссию Хуан постоянно рисует этих дикарей. Черные линии, которые он чертит, изображают одновременно и человеческие фигуры, и символы тайного алфавита.

«Лес кусается» — вот что означает это послание.

В лесу скрывается дикий народ — полулюди, полуживотные.

Мне отчасти жаль, что приходится покидать Кампо-Алегре, потому что я больше не смогу продолжать свои поиски. Не смогу по следам Хуана проникнуть в сердце Леса мертвецов. Но уже слишком поздно. И для меня. И для Хуана.

Я оставляю этого ребенка его судьбе. Молюсь, чтобы адмирал защитил его. Чтобы его душа вопреки всему обрела истинный путь… Ну а я…

Я повторяю обращенные к Богу слова из Псалтири:

«И от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо — Ты там; сойду ли в преисподнюю — и там Ты».[74]

Жанна закрыла тетрадь. Она никак не могла прийти в себя. Открытие Пьера Робержа разом решало большую часть загадок ее собственного расследования.

Но предлагаемый им ответ казался невероятным.

Первобытная стая… Клан, явившийся из тьмы веков… Но именно этот мотив лучше всего объяснял убийства, совершенные Хуаном-Хоакином. КРОВЬ-ЧЕРЕП…

Народ, наделенный физическими характеристиками, отличными от человеческих.

Полдень.

На улице снова пошел дождь, превращая вселенную за окном в однообразную бесцветную кашу. Надо все проверить. Найти подтверждение фактам. Найти доказательства. Жанна взяла телефон и набрала номер мобильного Бернара Павуа.

Ровно через четыре звонка раздался безмятежный голос, достойный Будды.

— Вы еще в лаборатории? — с места в карьер начала Жанна.

— Да.

— В прошлый раз я попала пальцем в небо. Образец крови, присланный Нелли, не содержал ни микробов, ни паразитов.

— Я в этом и не сомневался.

— Знакомый из Манагуа прислал его Нелли, чтобы она определила кариотип. Ведь одной капли крови для этого достаточно?

— Да. И что должен был показать этот кариотип?

— Аномалию.

— Какого рода?

— Новый хромосомный набор. Или, напротив, очень древний. Во всяком случае, отличный от человеческого.

— Не понимаю.

— Во время нашей второй встречи вы говорили, что кариотип неандертальца содержит сорок восемь хромосом.

— Ну да, я об этом читал. Хотя я не специалист в этой области.

— Так вот, полагаю, речь идет именно о такой аномалии.

— Вы случайно не бредите?

— Давайте лучше поищем реальные доказательства того, что Нелли делала подобный анализ. Посев образца крови фиксируется в памяти компьютера?

— Не посев, а фотографирование метафазы. Это следующий этап. Чтобы сделать снимок, надо открыть файл и присвоить ему номер, состоящий из десяти цифр. Эта информация не стирается.

— Значит, вы можете обнаружить следы проводимого анализа в памяти сервера?

— Я могу лишь открыть пронумерованный список файлов.

— Но ведь в номере должна фигурировать дата проведения анализа.

— Конечно. И кроме того, время создания файла.

— Нелли получила образец тридцать первого мая. Допустим, она начала с ним работать в тот же вечер. Сколько времени требует посев?

— С кровью процесс идет быстрее, чем с амниотической жидкостью. Три дня.

— Значит, вечером третьего июня Нелли пришла в лабораторию. И включила компьютер.

— Нет. До наступления метафазы должны пройти еще сутки.

— Хорошо, пусть будет четвертое июня. В тот вечер Нелли создала файл. Присвоила образцу номер. Сделала снимки хромосом. Вы можете найти нужный файл по этой дате? Это должен быть файл, не связанный ни с одной пациенткой. И даже ни с одним снимком. По-моему, Нелли напечатала снимок, а потом удалила его из памяти компьютера.

До нее донеслось постукивание компьютерных клавиш.

— С ума сойти, — сказал Павуа через минуту. — Нашел ссылку. Материал был использован в час двадцать четыре минуты. То есть уже пятого июня. Но больше ничего нет. Ни фамилии, ни картинки. Все стерто. Остался только номер файла — его нельзя уничтожить.

— Нелли сохранила только распечатанный снимок. И умерла из-за этой картинки.

— Почему вы так в этом уверены?

— Потому что ее убили пятого июня, около трех часов ночи. Убийца подкараулил Нелли, убрал ее и унес с собой снимок.

В разговоре повисла пауза.

— Что же все-таки представляет собой этот кариотип? — прервал молчание Павуа.

— Я вам уже говорила. Он принадлежит к другому семейству человекоподобных существ.

— Глупость какая!

— Нелли из-за этой глупости лишилась жизни.

— Почему она не поделилась со мной?

— Потому что знала, что вы ей скажете. Она ждала конкретных результатов.

Генетик ничего не ответил. Наверное, жалел, что не сумел внушить своей подруге доверия. Жалел, что не додумался быть рядом в тот день. Может быть, ей удалось бы избежать гибели… Но у Жанны не было времени утешать его и выводить из заблуждения. Поблагодарив, она повесила трубку.

И сейчас же набрала аргентинский номер, продиктованный Райшенбахом. Номер Сельскохозяйственного института в Тукумане. Даниеля Тайеба, руководителя отдела палеонтологических раскопок, сейчас нет, ответили ей. Жанна оставила свои координаты и попросила передать, чтобы он с ней связался, впрочем, не возлагая особенных надежд на успех.

На улице по-прежнему лило. Джунгли сверкали под дождем сумасшедшим блеском. Вдруг ее озарила новая идея — не менее безумная. Надо срочно с кем-нибудь поговорить. Произнести вслух то, что ей только что открылось.

Райшенбах.

Детектив едва успел снять трубку, как она обрушила на него поток информации. Рассказала, как в 1981 году в Лесу мертвецов нашли Хуана — мальчика-маугли. Как вернули его в мир людей. Пытались обучать. Рассказала, какие шаги предпринял Пьер Роберж, чтобы осторожно выведать историю ребенка.

Наконец, вывод.

Хуан, мальчик девяти лет, вырос вовсе не среди обезьян-ревунов. Его воспитало первобытное племя, не принадлежащее ни к одной из этнических групп, населяющих эту область Аргентины.

— Слушай, тебе не кажется, что все это немного чересчур? — недоверчиво спросил полицейский.

— Мотив парижских убийств надо искать именно в существовании этого племени.

— Ну не знаю, не знаю…

— Мальчик-маугли по имени Хуан превратился в Хоакина — тридцатипятилетнего парижского адвоката. Внешне он ничем не выделяется среди таких же, как он, респектабельных граждан, но в глубине его души по-прежнему сидит маленький дикарь. Каннибал, защищающий тайну своего народа. Как только ему стало известно, что этой тайне грозит разоблачение, он перешел к активным действиям.

Райшенбах красноречиво молчал. Он не поверил в историю Жанны, но хотел дать ей шанс. Она продолжила:

— В руки к Мансарене — это владелец специализированного банка — попал образец крови кого-то из членов стаи. Он отправил его Нелли Баржак с просьбой установить кариотип. Мансарена был помешан на доисторическом периоде и носился с идеей обнаружения источника зла в человеке. Нелли Баржак получила образец тридцать первого мая. Какое-то время ушло у нее на проведение необходимой процедуры, но в ночь с четвертого на пятое июня она получила результат. В ту же ночь к ней явился Хоакин. Убил ее и унес с собой и образец и результаты анализа.

— Откуда ему стало известно, что Нелли работала с этим образцом?

— Я пока не знаю. Думаю, Нелли и Хоакин были знакомы. Он ведь участвует сразу в нескольких южноамериканских гуманитарных ассоциациях. Они встретились. Она знала, что он родился на северо-востоке Аргентины, и, вероятно, упомянула об этом в разговоре — может быть, мимоходом. Но эта осведомленность стоила ей жизни.

— Мы отследили все телефонные номера, по которым она звонила, и все электронные адреса, по которым писала.

— Наверное, она общалась с ним как-то иначе. Не по телефону и не по почте, а вживую. Хоакин почуял опасность. Пришел и навел порядок.

— А зачем ему было убивать Марион Кантело?

— Понятия не имею. Но между Хоакином и Центром для умственно отсталых детей явно существует связь. От Марион тоже исходила какая-то угроза его тайне, я в этом уверена.

— А Франческа Терча?

— Ну, с ней все ясно. От Де Альмейды она получила череп. Очевидно, он принадлежал одному из предков лесного народа. Вспомни: на нем были следы деформаций. Возможно, это как раз обезьяньи черты, характерные для древнего вида гоминид. Франсуа Тэн все это понял.

— Ну да, он прямо гений, — скептически протянул Райшенбах.

— Да нет, его заслуги в том не было. Он же видел скульптуру.

— Какую скульптуру?

— Реконструкцию, которую Франческа сделала на основе черепа. И вот тут я допустила ошибку. Я решила, что ее изваяния — плод творческих исканий самой скульпторши. На самом деле она просто занималась антропологической реконструкцией по ископаемым черепам. То есть трудилась в духе мастерской Вьотти. Только работала дома, в глубокой тайне, поскольку понимала, что речь идет о настоящей сенсации. Когда я пыталась спасти Франсуа из огня, я видела скульптуру — он утащил ее из мастерской Франчески. Она уже горела, но я успела заметить, что это было изображение невысокого обезьяноподобного человека.

— Тот же вопрос — ты уж извини. Откуда Хоакин узнал, чем занимается Франческа?

— Они были знакомы. По Аргентине.

— Аргентина велика.

— Но в Париже не так уж много аргентинцев.

Они помолчали.

— Значит, так, — после недолгого размышления подвел итог Райшенбах. — Что мы имеем? Три убийства с элементами каннибализма и психа, который принимает себя за доисторического человека. Мотив — капля крови и череп?

— Не просто крови. И не просто череп. Это улики. И они указывают на существование народа, генетически связанного с кланом древнейшего происхождения. Например, череп. Он наверняка должен напоминать кроманьонский. Такие черепа известны. Их находили — не то на Ближнем Востоке, не то в Европе.

— Вот такой?

Жанна окаменела. Ей на кровать плюхнулся череп. А за спиной звучал голос. В ее номере.

Секунду или две она рассматривала страшный подарок, не в силах отвести взгляд от пустых черных глазниц. Кость казалась неестественно белой, словно это была не кость, а пластмасса. Муляж?

— Жанна, ты здесь?

Она не отвечала. Медленно, очень медленно, поворачивалась на голос.

— Жанна?!

— Я тебе перезвоню, — пробормотала она.

В дверном проеме стоял Антуан Феро. Мокрый. Взъерошенный. В рваной одежде. Но для мертвеца он выглядел более чем сносно.

63

Снова бушевала гроза.

Серый сумрак за окном озаряли всполохи молний, на долю секунды превращая свет в тьму, а тьму — в свет.

Как негатив реальности…

Жанна не успела раскрыть рта, как Антуан Феро заговорил. Она мгновенно узнала бархатный тембр голоса, знакомый по записи. Сколько в нем обаяния, мягкости, доброты… Ей даже как будто стало теплее.

Психиатр обрушил на нее град вопросов. Он хотел знать, зачем она приехала сюда, в Гватемалу. А до того — в Никарагуа.

Значит, Феро все известно.

Но в то же время ему не известно ничего.

Она решила перейти в наступление:

— Вы что, за мной следили?

— А не наоборот? — улыбнулся он.

— Я за вами не следила.

— Ну конечно. Я знаю, что вы ищете. Не знаю только одного — как вас угораздило влезть в это осиное гнездо. В мое осиное гнездо. Даже при том, что вы — следственный судья. Видите, мне и это известно.

Время уловок, вранья и лицемерия миновало.

— Может, спустимся, выпьем чаю? — предложила она.

Несколько минут спустя они сидели на застекленной веранде и смотрели, как дождь колотит по поверхности гостиничного бассейна. Покрепче обхватив ладонями чашку, Жанна приняла решение. Она расскажет ему все. Всю историю целиком. Без умолчаний и обмана. Просто вывалит на него все как есть. Начиная с прослушки его кабинета и заканчивая добыванием из могилы личного дневника Пьера Робержа. «Взбаламучу весь ад…»

В заключение она добавила: парижского убийцу зовут Хоакин Палин. Он приемный сын Альфонсо Палина, адмирала, служившего кровавой аргентинской диктатуре. Он совершил три убийства в

Париже и одно в Манагуа, оберегая свою тайну — существование в сердце аргентинского леса потомков первобытного племени.

Она говорила почти час, и Антуан Феро ни разу ее не перебил. К своему чаю он так и не притронулся. Его, казалось, ничуть не шокировало признание Жанны в установлении жучков в его кабинете — пошлая «постельная история», — как не напугала и ее решимость. Она, со своей стороны, снова вглядывалась в лицо, так поразившее ее на выставке венской живописи. Тонкие правильные черты, так чудесно соответствующие мягкому голосу и обходительным манерам. Единственным, что ее смущало, оставалась некоторая вялость выражения, которая никак не вязалась с силой воли, необходимой для подобного дела.

— Ну а вы? — спросила она наконец.

Психиатр начал свой рассказ. Он говорил уверенным и нейтральным тоном, словно излагал историю болезни пациента.

— Мы с вами, Жанна, вели одно и то же расследование. Только мне не хватало ваших талантов и вашего опыта. Зато я располагал информацией, которой у вас не было. Полученной лично от отца. Во-первых, имена. Альфонсо и Хоакин Палины. Их аргентинский период — ну, во всяком случае, его часть. Я знал, что после трагедии, разыгравшейся в доме Гарсия, Хоакин бежал из казармы в Кампо-Алегре и укрылся в лесу. Правда, Палин никогда ни словом не упоминал ни про какой народ, населяющий Лес мертвецов. По-моему, он просто не в курсе. Зато преступные наклонности приемного сыночка его явно восхищают. Он ведь по-своему тоже серийный убийца. Отец, сын и Дух Зла.

— Кроме того, я знал, что Хоакин собирается в Никарагуа. По словам отца, он хотел разыскать там некоего Эдуардо Мансарену.

— Когда вам стала очевидна преступная сущность Хоакина?

— Во-первых, об этом еще в пятницу меня предупредил отец. Затем на сайте «Журналь дю диманш» появилась первая статья об убийстве Франчески. Я понял, что Альфонсо говорил правду. Его сын перешел к активным действиям. Связаться с ним я не мог — он не оставил мне координат. Зато я нашел в Манагуа координаты Мансарены. Дозвониться до него не удалось, и тогда я решил предпринять более рискованный шаг. Вечером отправился к Франческе Терча. В мастерскую. На поиски улик.

— В котором часу?

— Около десяти.

— Вы должны были столкнуться там с Франсуа Тэном.

— Нашел я только череп. В понедельник утром купил билет до Никарагуа. Торопился лично предупредить Мансарену.

— Я проверила все отели в Манагуа. Человек по фамилии Феро не регистрировался ни в одном из них.

— Я предпочел небольшой пансион. И записался под другим именем. Мера предосторожности… Да у меня даже паспорт не спросили! Расплачивался наличными.

— Как же вы вели расследование? Вы говорите по-испански?

— Не очень хорошо. Я искал Мансарену. Безрезультатно. Я же не профессиональный сыщик. Встречался кое с кем из городских психиатров. Заходил в специализированные центры. Пытался найти следы подростка, который когда-то проходил курс лечения от аутизма. Я ведь не знал, что ни Палин, ни Хоакин никогда не бывали в Никарагуа.

— Откуда вам стало известно, что я в Манагуа?

— Случайность. Я помнил о том, что Хоакин одержим кровью. Представил себе места, которые могли бы его заинтересовать. В их числе были и донорские пункты. Только тогда обнаружилось, что глава «Плазма Инк.» — не кто иной, как Эдуардо Мансарена. В среду я туда отправился. И чуть не столкнулся с вами — вы как раз выходили из центра с сердитым видом. Мне показалось, что у меня галлюцинации. Вы ведь были для меня просто восхитительной, хоть и немного растерянной, молодой женщиной, с которой я неделю назад познакомился на выставке.

Жанна отметила про себя слова «молодая» и «восхитительная». И запрятала их в ларчик с сокровищами. «Немного растерянную» она предпочла временно забыть.

— Я пошел за вами, — продолжил Феро. — Ждал возле виллы Мансарены. Видел, как подъехали полицейские машины, скорая помощь. Видел, как вы разговаривали с высокой индеанкой. Я ничего не понимал. Вспомните, вы ведь солгали мне насчет своей профессии. Сказали, что возглавляете пиар-агентство.

Жанна пожала плечами:

— Не хотела вас пугать. Мужчинам более симпатичны стюардессы, чем чиновницы.

— Не могут устоять перед красивой формой… А вы носите судейскую мантию?

— Никогда. Следственные судьи не участвуют в судебных заседаниях.

— Жалко…

Они оба замолчали, немного удивленные оборотом, который неожиданно приняла беседа. Вокруг творился кошмар, а они как ни в чем не бывало болтали о пустяках…

— А что было дальше? — спохватилась Жанна, снова становясь серьезной.

— Я зашел в интернет-кафе. Поискал информацию о вас. Вы ведь в своей области знаменитость. И понял, что вы мной манипулировали.

— Ничего я вами не манипулировала. Это было стечение обстоятельств.

— Вы возникли в моей жизни. Вот так. — Он щелкнул пальцами. — И тут я узнаю, что вы следственный судья. Я решил, что вы вознамерились использовать свой шарм, чтобы вытянуть из меня нужные сведения.

— Какой еще шарм?

— Не надо себя недооценивать. Опять этот игривый тон.

— Ну а потом что вы делали?

— Я потерял ваш след в тот же вечер. Назавтра принялся собирать информацию об Эдуардо Мансарене. Это было нетрудно: все газеты напечатали его портрет. Между делом просмотрел французскую прессу и узнал, что до Франчески Хоакин совершил в Париже еще два убийства. Но мне это мало чем помогло. Я застрял на месте. Никаких следов, никаких улик, ничего. К тому же мне не удалось разыскать в городе ни Хоакина, ни его отца. Я понял, что заблуждался. У меня нет ни средств, ни навыков, чтобы их найти.

— А зачем вы поехали в Гватемалу? Следили за мной?

— Нет. Еще одна случайность. В четверг вечером я пошел во французское посольство. Разговаривал с культурным атташе, неким Марком, который оказался крайне услужливым.

— Мы могли бы там встретиться!

— Вот именно. В разговоре он упомянул француженку, которая только что уехала в Антигуа. Извините, конечно, но он говорил, что эта женщина выглядела немного… э-э… истеричной. Я догадался, что это вы. Рано утром сел на самолет до Гватемала-сити. Взял напрокат машину и поехал в Антигуа. Обшарил весь город. Он ведь невелик. И все-таки нашел вас. Вы как раз выходили из церкви Нуэстра-Сеньора-де-ла-Мерсед.

— И что, у меня в самом деле был истерический вид?

Феро улыбнулся:

— Скорее героический. Больше я не терял вас из виду.

Психиатр умолк. Настало время определяться — кто с кем. Друзья или враги? Союзники или соперники? В глубине души Жанна ликовала. Она уже не одна. У нее появился помощник, и какой! Один из самых симпатичных парижских психиатров. Кстати сказать, не привыкший скупиться на комплименты…

Не желая выдавать свои мысли, она заговорила нарочито «следовательским» голосом:

— И к какому выводу вы пришли?

— Отец с сыном продолжат путешествие. В Аргентину. Здесь, откуда кровь, они уже разобрались. Теперь поедут наводить порядок туда, откуда череп.

— Согласна.

Жанна кивнула на сумку Феро. Муляж лежал внутри.

— Что вам известно про этот череп?

— В мастерской Франчески я нашел координаты палеонтолога, который отправил ей эту штуку.

— Хорхе Де Альмейда.

— Мобильный у него не отвечал. Я дозвонился в аргентинскую лабораторию в Тукумане. Разговаривал с заместителем начальника лаборатории Даниелем Тайебом.

— Повезло вам.

— От него узнал, что Де Альмейда предпринял несколько вылазок в Лес мертвецов и всякий раз привозил с собой странные древности. Из последней поездки он пока не вернулся. Если верить моему информатору, он в последние месяцы вел себя очень возбужденно. Думал, что совершил революционное открытие.

— Череп?

— Да. И другие ископаемые останки.

— В чем революционность древних костей?

— Они принадлежат архаичному Homo sapiens sapiens. У черепа должны быть признаки докроманьонского человека: срезанный подбородок, выступающие надбровные дуги, выдвинутая челюсть… Черты, близкие к обезьяньим. Они могли бы служить доказательством того, что триста тысяч лет назад на Американском континенте обитали люди «в черновом варианте».

— Это невозможно, — возразила Жанна, припоминая хронологическую таблицу Изабель Вьотти. — Homo sapiens появились в Америке гораздо позже.

— То же самое мне сказал и ученый. Но есть кое-что еще, куда более похожее на бред. Де Альмейда утверждал, что ему удалось установить точный возраст останков, в том числе черепа.

— И?

— Ему двадцать лет.

Жанна не поняла. Вернее, не желала понимать. А ведь предчувствие этой истины не давало ей покоя последние несколько часов.

Антуан Феро забил последний гвоздь в гроб ее сомнений:

— Докроманьонские люди до сих пор существуют, Жанна. Они обитают в Лесу мертвецов.

III. Народ

64

Она повернула голову и посмотрела в иллюминатор. Из-под крыла самолета открывался огромный, затянутый облаками Буэнос-Айрес. Ах, как хотелось бы Жанне, чтобы ее возвращение в этот город проходило при других обстоятельствах! В студенческие времена она без памяти влюбилась в аргентинскую столицу — это была любовь с первого взгляда. Как было бы здорово оживить старые воспоминания! Насладиться общением со старыми знакомыми! Увы, сейчас голова у нее занята совсем другими заботами. В ней ворочается и перекатывается одна и та же мысль, связанная с невероятной гипотезой, поставившей точку в центральноамериканском этапе расследования. Неужели в наши дни в затерянной лагуне северо-востока Аргентины и правда существует первобытный народ?

Все признаки налицо. Даже не признаки — доказательства. И все-таки Жанна никак не могла допустить подобную возможность. Видимо, в ней говорил обыкновенный здравый смысл. В журналах и по телевидению время от времени затрагивали тему жизни племен, полностью отрезанных от цивилизованного мира. Аборигены, никогда не видевшие так называемого «белого человека». В Амазонии. В Папуа — Новой Гвинее. Но Жанна достаточно поездила по свету, чтобы твердо увериться: таких открытий больше быть не может. Только не в эпоху спутников. Не в эпоху массированного сведения лесов. Не в эпоху грабительской добычи природных ресурсов…

Еще одно обстоятельство сильно тревожило ее. Если народ Леса мертвецов в самом деле существует, он представляет собой не просто архаичную группу людей. Это самый жестокий, самый злобный, самый агрессивный осколок человечества. Каннибалы, поклоняющиеся каким-то темным божествам, строящие свой жизненный уклад на варварстве и садизме. Убежденные убийцы, приносящие в жертву своих венер и устраивающие ритуалы, словно явившиеся из фильма ужасов.

Удар самолета о бетонное покрытие вывел ее из этих мрачных мыслей.

Паспортный контроль. Таможня. Получение багажа. Накануне Жанна и Феро решили, что им надо объединить усилия. Они не затевали споров. Не обсуждали опасностей предприятия. Просто договорились, что следующим этапом станет Буэнос-Айрес. В столицу они вернулись на машине Феро — от Николаса так и не было никаких известий. В тот же вечер отправились в аэропорт «Ла-Аурора» и купили билеты на рейс до Майами. Несколько часов сна в отеле для транзитных пассажиров — и в 7.15 утра они уже поднялись на борт самолета Аргентинских авиалиний, направляющегося в Буэнос-Айрес.

По дороге успели обменяться краткими сведениями друг о друге. Жанна постаралась представить себя в наилучшем свете, безжалостно вымарав из своего «резюме» все мрачные подробности. А именно: ужасную смерть старшей сестры, свой навязчивый страх перед насилием, впавшую в маразм мать, непреходящую депрессию и неспособность удержать мужчину больше чем на пару месяцев… Антуан Феро сделал вид, что поверил в отредактированную версию ее жизнеописания, наверняка заподозрив с ее стороны лукавство. В конце концов, разве он не был профессиональным психиатром, привыкшим читать в душах между строк?

Его собственная история выглядела гладкой и благополучной. Типичный ботаник. Обеспеченное детство в Кламаре. В семнадцать лет окончил школу, в двадцать пять — медицинский институт. Затем аспирантуру, специализация — психиатрия. Некоторое время занимал должность доцента медицинского факультета при психиатрической клинике Святой Анны, там же вел больных. Пять лет назад обратился к частной практике, оставив за собой в клинике одну еженедельную консультацию. Открыл собственный кабинет не ради денег, а потому что мечтал о «личном пространстве». С тех пор наблюдал, посещал и пользовал обычных парижан с их обычными неврозами.

В общем и целом — ничего выдающегося. В тридцать семь лет — ни жены, ни любовницы. Даже бывшей. Во всяком случае, так он утверждал. Его главной, и единственной, страстью была работа. Он жил ради психиатрии, психоанализа и того самого «механизма отцов», о котором рассказывал Жанне в их первую встречу. «За каждым преступником уже стоит преступный отец…» Хоакин в этом смысле являл собой хрестоматийный пример. Но кто играл для него роль Эдипова отца? Уго Гарсия? Лесная стая? Альфонсо Палин? Или его

биологический отец — по всей видимости, политзаключенный, казненный в застенках Кампо-Алегре? Одно можно утверждать наверняка: Хоакин несет на себе знак насилия. Он от него родился. И существует ради него.

Жанна слушала рассказ Феро. По мере того как он, волнуясь, добавлял все новые детали, она все яснее сознавала, что он уже не так похож на мужчину ее мечты. Слишком молод. Слишком порывист. Слишком разбрасывается. Но главное: слишком наивен. Он даже не представляет себе, в какую авантюру ввязался. До зубов вооруженный теориями и психиатрическими идеями, он пока так и не сообразил, что отныне действие перенесено в реальную жизнь — с реальным убийцей и реальными жертвами. Это Жанна ступала по знакомой почве. И уже побаивалась, как бы вместо козыря в руках он не оказался ядром у нее на ноге…

Они вышли из аэропорта Эзейза. Стали искать такси. С первых же шагов по земле Жанна испытала шок. Десять утра. Солнце. Потрясающий воздух. А ведь в июне в Аргентине зима… Правда, здешняя зима — это всего лишь поворот солнца другой стороной.

Рядом с ней полицейский что-то сказал на своем певучем мягком наречии. Будто выпустил изо рта пузырь с текстом, какие рисуют в комиксах. В окружении звездочек, блесток и искр. Она на секунду забыла, что ведет расследование, что за каждым открытым фактом стоит привкус смерти, и отдалась чистой радости. В конце концов она на другом краю земли…

Вот и такси. Они поехали по автостраде, и город двигался им навстречу, словно выступал из окружающего леса. Серого и плоского, похожего на море. Мерцающего, переливающегося, вздыхающего. Скопления белых домиков выныривали из зеленого изобилия. Небольшие, с узкими прорезями окон. Город, построенный из сахара-рафинада. Такой же точеный. И такой же хрупкий.

Авенида Девятого июля. Главная магистраль Буэнос-Айреса предлагала взору все богатство столичной архитектуры. Грандиозные постройки, смешение всех стилей, всех эпох, всех материалов. Величественные густолиственные деревья — типуаны, сикоморы, лавры, отбрасывающие на фасады домов легкие кружевные тени. Освещенный зимним солнцем город как будто вибрировал, подчиняясь ритмичному звону невидимых литавр.

Но Жанна видела не только то, что открывалось взору. На каждой улице, за каждым зданием, чуть ли не у каждого подъезда ее подкарауливали воспоминания. Запах жимолости, разносимый теплым весенним ветром. Голубовато-лиловые шапки цветущих жакаранд с листочками нежнее, чем лепестки хлопка. Автомобильный шум на ночной площади Сан-Марин — такой же неотъемлемый ее атрибут, как гигантские лавры.

Она дала шоферу адрес гостиницы, расположенной на северо-востоке города, в квартале Ретиро. Отель «Жустен», улица Арройо. Она его хорошо помнила — даже не столько сам отель, сколько улицу. С двух сторон обсаженная деревьями, она изгибалась и петляла, словно речка, прокладывающая себе путь под ивами, — в городе, расчерченном наподобие шахматной доски, это была редкость.

Арройо, дом 932. Жанна расплатилась с таксистом. Феро, как она уже успела отметить, не слишком охотно вынимал бумажник. На улице оказалось на удивление холодно. В тени всего несколько градусов выше нуля. А свитер она себе так и не купила… Зима. Когда она приезжала сюда в первый раз, все было совсем не так. Впрочем, улица оставалась такой же красивой. Дома, проглядывавшие над верхушками деревьев, поражали благородством линий. Камень, скругленные углы, ажурные балконы — изящество и дружелюбие на каждом этаже…

В отеле нашлось два свободных номера. На одном этаже — правда, не смежные. Оно и к лучшему. Они не развлекаться сюда приехали. Хотя там, в Гватемале, эта идея казалась вполне естественной. Как все это уже далеко…

Жанна приняла душ. Десять минут под острыми водяными струями — и она словно заново родилась. Согрелась. Опять натянула на себя несколько маек и водолазок. С Феро они договорились, что встретятся в холле в полдень.

Цель была ясна.

Надо найти следы адмирала Палина и полковника Пельегрини.

65

Жанна назвала шоферу адрес «Кларина» — газеты левого толка, экземпляр которой купила в киоске. Она надеялась, что даже в воскресенье в редакции есть дежурный, который позволит ей посмотреть архивы.

Здание редакции располагалось на авениде Коррьентес, в восточном квартале Сан-Николас. Такси катило по пустынному деловому центру, миновало Башню англичан, стоящую посреди клочка лужайки. Вокруг высились американского вида дома, отбрасывающие холодные тени. От всего квартала веяло жутким, горестным одиночеством, вызывающим в душе почти мистическую тревожность.

Машина нырнула в более узкие и более людные улочки. Тоже Буэнос-Айрес, но с совершенно другим лицом. Темные подъезды, забранные решетками балконы, щели окон, почти полностью спрятанных за цветущими растениями. И повсюду — солнце. Ленивое до томности, словно спящее. Но в любую минуту готовое проснуться. Вот блеснуло распахнутое окно. Прогрохотал чей-то старый рыдван. Мелькнула стальная статуя, гордо стоящая посреди газона. Жанне вспомнился Эмманюэль Обюсон, затеявший целое расследование по поводу строчки из Рембо: «Вечность! Это море, слитое с солнцем!» В Буэнос-Айресе «слились» зима и солнце…

Они добрались до авениды Коррьентес — длинного проспекта, застроенного строгими прямоугольниками домов, такими нетипичными для города, что окружающий пейзаж вдруг показался Жанне черно-белой фотографией. Она все рассчитала правильно: в редакции действительно работала дежурная группа. Ее провели в архив — комнату без окон, освещаемую лампами дневного света. Вдоль комнаты тянулись стойки, заставленные компьютерами.

Несколько кликов мыши — и Жанна вошла в электронный архив газеты. Феро стоял у нее за спиной, с молчаливым вниманием наблюдая за ее действиями. Достаточно ли хорошо он понимает по-испански, чтобы вникать в происходящее, подумала она. Поиски Жанна решила начать с адмирала Альфонсо Палина. Кое-что нашлось, но не очень много.

Этот офицер занимал высокие посты в печально знаменитой Escuela de Mecanica de la Armada — Высшей инженерной школе ВМС, в ходе «грязной войны» превращенной в главную тюрьму страны, где пытали и казнили заключенных. Затем он возглавлял еще несколько нелегальных тюрем, действовавших в Буэнос-Айресе под самыми разными вывесками: «Автомобильные моторы Орлетти», «Банк», «Спортшкола Олимп» и так далее… Именно он, говорилось в статье, придумал включать в тюрьмах на полную громкость музыку, чтобы заглушить стоны и крики заключенных. В 1980 году он стал шефом государственного департамента информации и получал приказы непосредственно от Хорхе Рафаэля Виделы. После того как диктатура была свергнута и к власти пришло демократическое правительство, Палин оказался одним из первых в списке обвиняемых, но в 1984 году, после Фолклендской войны, исчез с горизонта, словно испарился.

После этого о нем не было ни строчки. По всей видимости, адмирал бежал из страны. Жанну это не удивило. Она так и предполагала, что Палин давным-давно перебрался в Европу — в Испанию или Францию.

Единственной ценной находкой была групповая фотография, запечатлевшая нескольких офицеров в военной форме. Все они стояли навытяжку, каждый — в черных очках. Больше всего они напоминали банду мафиози. Карикатуру на самих себя.

Жанна повернулась к Феро:

— Который из них?

Психиатр ткнул в снимок дрожащим пальцем. Жанна присмотрелась к Палину — в общем-то она таким его себе и представляла. Высокий, худой. Из тех, про кого говорят: сухой как палка. В восьмидесятые годы он уже был седым: густую гриву волос зачесывал назад. Голубые глаза. Лицо пересекают две глубокие морщины, очертаниями напоминающие щипцы для льда. Жанна попыталась прикинуть, как он должен выглядеть сегодня — постаревший, в гражданском костюме. Таким его видел Феро у себя в кабинете. Н-да, как пациент он вряд ли вызывал симпатию…

Она распечатала снимок и продолжила поиски. Винисьо Пельегрини. Реакция компьютера на это имя оказалась бурной — он выдал длиннющий список статей. Судя по всему, полковник участвовал во всех судебных процессах, добился всех мыслимых

амнистий, но при нынешнем правительстве, не склонном шутить с преступлениями диктатуры, снова пополнил список обвиняемых. Вот уж действительно — в каждой бочке затычка. Да не какая-нибудь. Несмотря на жизнь под домашним арестом, Пельегрини явно блистал в Буэнос-Айресе.

Жанна начала читать, но вдруг спохватилась, вспомнив про Феро. Она обернулась к нему и с удивлением обнаружила на его лице выражение растерянности. Проблема языка, догадалась она, а кроме того, проблема политических потрясений чужой страны. Она сама с трудом понимала, что к чему. Нет, так дело не пойдет. Если они хотят разобраться в хитросплетении лиц и событий, необходимо освежить память. Снова погрузиться в три последних десятилетия аргентинской истории, неразрывно связанной с деятельностью военных хунт, с легкостью шагнувших за грань ужаса.

В архиве «Кларина» материалы хранились в тематических папках. Она выбрала одну, озаглавленную «Правосудие, диктатуры и реформы». Открыла первую же статью и стала читать, вслух переводя текст своему товарищу.

Факты.

Март 1976-го. Генерал Хорхе Рафаэль Видела, главнокомандующий сухопутными войсками, свергает Изабеллу Перон — последнюю супругу тогдашнего президента республики Хуана Доминго Перона. Начиная с этой даты у власти сменяют друг друга сплошь генералы. С 1976-го по 1981-й — Видела. Затем на несколько месяцев — Роберто Виола. С 1981-го по 1982-й — Леопольдо Гальтиери, зачинщик Фолклендской войны, после поражения Аргентины вынужденный уйти в отставку. Он уступил место Рейнальдо Биньоне, который, в свою очередь, в 1983 году был вынужден оставить высокий пост, после чего наконец-то установилась демократическая республика.

Итак, на протяжении семи лет в стране царствовал террор. Генералы преследовали одну и ту же цель: извести под корень всякое сопротивление. Ради этого не чурались и массовых убийств. Не только людей, которых в чем-то подозревали, но и их близких. Печальную известность получило высказывание тогдашнего губернатора Буэнос-Айреса генерала Иберико Мануэля Сент-Хуана:

«Сначала мы уничтожим всех диверсантов, затем их пособников, затем тех, кто им симпатизирует, затем тех, кто к ним безразличен, а уж затем тех, кто ни во что не вмешивается».

Начались повальные похищения людей. Военные в штатском разъезжали по городам в зеленых «фордах-фалькон» без номерных знаков. Хватали и увозили в неизвестном направлении мужчин, женщин, детей. Опасность подстерегала всюду — на улице, на рабочем месте, дома. Они могли появиться в любую минуту, в любой час дня или ночи. Невольным свидетелям преступлений просто велели держать рот на замке: «No te metas» («Не лезь не в свое дело»). Таким образом при испуганном попустительстве остальных без следа исчезли тысячи человек.

Но самым поразительным во всем этом были технологии уничтожения людей. Подвергнув сотни и тысячи человек пыткам, необходимо избавиться от тел. Один из способов назывался el vuelo — полет. Заключенным сообщали, что их переводят в другую тюрьму, но перед этим всем следует пройти вакцинацию. Им делали инъекцию психотропного препарата, превращающего человека в безвольную тряпку. В таком состоянии их перетаскивали в самолет, где делали еще один укол, погружающий в глубокий сон. После чего солдаты раздевали пленников, открывали люки и сбрасывали обнаженные тела в воды Южной Атлантики. С высоты две тысячи метров. Подобной участи подверглись тысячи человек. В каждом концентрационном лагере несколько дней в неделю отводилось под это «морское дежурство». Военщина полагала, что тем самым полностью обезопасит себя от международных преследований: нет тел — нет преступления.

Между тем массовые исчезновения людей подняли в Буэнос-Айресе волну возмущения. В 1980 году выступили матери пропавших без вести, требуя правды о судьбе своих сыновей. Если они убиты, пусть им возвратят прах. Вскоре движение «Madres de Plaza de Mayo» — матерей с площади Мая — гремело на всю страну. Солдатня именовала их не иначе как «психопатками с площади Мая». Каждый четверг женщины собирались перед Касо Росадо — президентским дворцом. Они стали символом протеста всего населения, которое, не в силах сопротивляться диктатуре, настаивало хотя бы на праве хоронить своих мертвых.

Эти события знаменовали начало краха военной хунты, в 1982 году ввязавшейся в Фолклендскую войну. Британской армии понадобилась всего пара недель и несколько боевых кораблей, чтобы раздавить аргентинские силы. В 1983 году генералы сложили с себя властные полномочия, не забыв перед тем принять закон об амнистии, освобождающий их от любого судебного преследования.

Но эта стратегия сработала только наполовину. Демократическое правительство учредило государственную комиссию по поиску пропавших без вести, которая опубликовала отчет, озаглавленный «Nunca mas» («Больше никогда»). В нем говорится о тридцати тысячах исчезнувших людей. Однако в официальной печати появилась другая цифра — пятнадцать тысяч. Были также обнародованы данные о методах пыток. Самым популярным инструментом оставалась picana — своего рода электрическое стрекало, которым воздействовали на разные части тела жертвы: веки, десны, подмышки, гениталии… Свидетели рассказывали также о других зверствах: заключенным при помощи электропилы ампутировали конечности, прижигали кожу сигаретами, перебивали кости, вырывали ногти на руках и ногах, женщин насиловали или запускали им в вагину живых грызунов, мужчинам отсекали бритвой детородные органы, натравливали на людей специально натасканных на убийство собак…

Разве могут подобные злодеяния остаться безнаказанными? Демократическое правительство Рауля Альфонсина не имело права закрыть на них глаза. Несмотря на угрозу нового военного переворота, были приняты соответствующие указы; кое-кто был арестован и предстал перед судом. И тогда между гражданской властью и обвиняемыми началась игра в «кошки-мышки» — обвинительные приговоры чередовались с постановлениями об амнистии. В частности, в 1986 году был принят закон, известный как «punto final» («последняя точка»), установивший крайний срок для подачи исков; очевидно, что он позволил многим преступникам уйти от наказания. Еще один закон — «obediencia debida» («о повиновении долгу») освобождал от ответственности исполнителей, действовавших по приказу свыше.

Но оставались главари. Генералы. Адмиралы. Члены военного правительства. Но и они ухитрились выскользнуть сквозь ячейки сети. И по очень простой причине — все они успели достичь преклонного

возраста. В лучшем случае они умирали своей смертью до начала процесса. В худшем — их приговаривали к домашнему аресту, и они как ни в чем не бывало продолжали жить на своих роскошных виллах, поскольку большинство из них за годы власти сколотили огромные состояния.

Жанна отвела глаза от экрана монитора и повернулась к Антуану Феро. Они поняли друг друга без слов. Они ищут убийцу-любителя в стране палачей-профессионалов. Какая судьба постигла участников страшной бойни Альфонсо Палина и Винисьо Пельегрини?

Палину удалось исчезнуть.

Зато Пельегрини оставался в стране и жил на широкую ногу.

Жанна вернулась к подборке посвященных ему статей. С тех пор как начались судебные процессы, его имя то и дело мелькало на газетных страницах. Против Пумы — организатора и вдохновителя бесчинств, творимых в Кампо-Алегре, было выдвинуто немало обвинений. Его причастность к преступлениям не вызывала никаких сомнений. Его фамилия фигурировала в официальных документах. Он даже собственноручно — редчайший случай! — подписывал приказы. Об убийствах. Пытках. Похищениях людей…

Несмотря на обилие доказательств, Пельегрини всякий раз выворачивался. Но даже если суд выносил ему обвинительный приговор, он немедленно подавал апелляцию. Оспаривал меры наказания. Находясь под домашним арестом, ни в чем себе не отказывал. Не таясь, закатывал у себя на вилле балы и даже вложил немалые деньги в футбольный клуб. Бывший палач превратился в одну из ключевых, а следовательно, неприкасаемых фигур аргентинского спорта, требовал и получал право на нарушение режима домашнего ареста, чтобы присутствовать на матчах или выступать по телевидению.

Жанна распечатала его портрет. Высокий и крепкий семидесятилетний старик с ежиком волос на голове, в очках в тонкой позолоченной оправе и с улыбкой сытого крокодила.

— Вот кто нам нужен, — сказала она.

— Но где его искать?

Жанна выключила компьютер:

— Есть одна идея.

66

Офис движения «Madrys de Plaza de Mayo» находился в южной части авениды Коррьентес. Найти его оказалось проще простого — он располагался в отдельном здании. Такси пересекло площадь Мая, миновало президентский дворец, выбралось на авениду Рока и свернуло на улицу Пьедрас.

По пути Жанна изложила Феро свой план. На протяжении последних тридцати лет «Матери» представляли собой единственную силу, осмелившуюся выступить против генералов. Они организовали отделения по всей стране и занимались расследованиями с привлечением адвокатов, детективов, генетиков и патологоанатомов. Пока они действуют, преступникам нечего и мечтать о спокойной жизни! Тем более что время от времени они устраивали митинги протеста прямо у дверей их домов, скандируя лозунги — «La casa no es un penal!» («Дом — не тюрьма!») или «Si no hay justicia, hay escrache popular!» (Суд оправдает — осудит народ!»). Жанна сама участвовала в такой манифестации в свой первый приезд сюда. Ее тогда потряс вид этих женщин, почти старух. Все как одна в белых платках, все поют, завывают и под грохот барабанов выкрикивают обвинения, требуя справедливости.

В последние годы они организовали еще одну ассоциацию — «Бабушки с площади Мая», — которая занялась поиском и установлением личности детей, похищенных в период диктатуры. С 1976 по 1983 год младенцев, рожденных беременными пленницами, передавали в «хорошие семьи», то есть тем, кто поддерживал режим. Иногда какой-нибудь офицер «дарил» такого ребенка своей бездетной горничной. Существовала даже целая сеть торговли детьми — ловкие дельцы продавали их в богатые семьи. В результате сотни детей утратили свои корни, оказавшись в лагере палачей, замучивших до смерти их собственных родителей.

«Abuelas» — «Бабули», как их стали ласково называть в народе, — взялись за дело с размахом. Они объявили, что каждый аргентинец в возрасте около тридцати лет, сомневающийся в своем происхождении, может прийти к ним в отделение и сдать кровь на

анализ. Затем проводили сравнение ДНК с картотекой пропавших без вести и ДНК самих «бабуль» — ведь каждая из них была носительницей генов жертв диктатуры. Таким образом многим детям были возвращены если и не настоящие родители, то хотя бы подлинные имена.

Матери и бабушки стали настоящими экспертами по всему, что касалось диктатуры. Они собирали досье, рылись в архивах, изучали документы. Они знали адрес каждого военного преступника. Знали все их уловки, позволявшие избежать наказания. Знали всё про их финансовые махинации. Знали, с какими адвокатами те имеют дело. Так что обращение к ним за помощью было более чем оправданно: если кто и мог указать, где скрывается Винисьо Пельегрини, то только они. Проблема заключалась лишь в том, что настало воскресенье. Вдруг в офисе ассоциации никого не окажется?

Такси остановилось возле дома № 157 по улице Пьедрас. Жанна снова заплатила по счетчику, бросив раздраженный взгляд в сторону Феро. Его вид немного ее успокоил. Бледный, напряженный, весь какой-то расхристанный, психиатр сидел как на иголках. Сейчас он казался лет на десять моложе того элегантного мужчины, с которым она познакомилась в Гран-Пале. Ни дать ни взять — студент, получивший дубинкой по черепу и подобранный скорой помощью. Она вспомнила, что утром, в самолете, он прочитал дневник Пьера Робержа. Да еще потом она напичкала его информацией о бесчинствах аргентинских генералов. Н-да, для салонного психоаналитика, пожалуй, слишком много впечатлений…

На короткий миг она залюбовалась чертами его лица — черные глаза, изящно очерченные брови. Он походил на какого-то мексиканского киноактера. Красивый мужик, ничего не скажешь. Но для ее расследования — балласт. Растроганная, она неожиданно для себя протянула руку и убрала у него со лба непослушную прядь. И тут же сама себя одернула. С нарочитой грубоватостью хлопнула его по плечу и, распахивая дверцу автомобиля, воскликнула:

— Vamos, companero![75]

Улица Пьедрас была холодной и пустынной. Стоящие вдоль нее дома казались необитаемыми. Подъезд был закрыт на кодовый замок. Пришлось стоять и ждать добрых десять минут, пока дверь не открылась, выпуская посетителя. Их бросало то в жар, то в холод.

Словно они притащили с собой, наподобие вируса, и свою бессонную ночь, и долгие часы тяжелого перелета.

Внутри здания было так же безлюдно. Бесконечный коридор. Серые стены. Пол в темно-коричневой плитке с редкими белыми вкраплениями. По бокам — двери. Совершенно одинаковые. Они вышли к лифту, забранному железной решеткой. Поднялись на четвертый этаж. Еще один коридор. Снова длинный ряд дверей. Табличка с указанием «Madres» нашлась в самом конце. Под ней висела черно-белая фотография с изображением площади Мая.

Жанна надавила кнопку звонка. Тишина. Неужели придется возвращаться в отель? Поискать уютный ресторанчик и до завтрашнего утра изображать из себя образцовых туристов? Минуло несколько секунд, и вот раздался щелчок отпираемого замка. Глупо, но Жанне казалось, что перед ними должна появиться старуха — мадонна и колдунья в одном лице.

Личность, открывшая им дверь, не имела ничего общего с этим стереотипом. Это был мужчина лет сорока, в сорочке в розовую полоску, отлично сшитых брюках с острыми стрелками, в модных мокасинах. Он гораздо больше походил на банкира, чем на добровольца.

Жанна назвала свое имя, представила Феро и объяснила, что они специально приехали из Парижа, чтобы…

— Париж? — перебил их мужчина. — Я прекрасно знаю Париж! — Он заговорил по-французски, хотя и с акцентом. — Я там немного учился. Сорбонна! Жорж Батай! Синематека!

Тон, заданный собеседником, не оставлял места сомнениям — перед ними интеллектуал. Пожалуй, достаточно легковерный, чтобы проглотить заготовленную Жанной «легенду»: они намереваются написать, так сказать, в четыре руки книгу о противостоянии органов правосудия и главарей диктатуры. Но мужчина почти не слушал. Отступив на шаг, он громко и радостно расхохотался:

— Входите! Меня зовут Карлос Эскаланте. Я тоже журналист. Мне дали ключи от кабинетов и разрешили заниматься сбором информации.

Они проникли в комнату, тесно уставленную шкафами и картотеками — стальными, деревянными, пластиковыми. Сверху на них почти до самого потолка громоздились пухлые папки. Жанна

прочитала надписи на шкафах: «Desaparecidos» и «Buscar el hermano». [76]

Из вежливости она поинтересовалась:

— Над чем вы работаете? Изучаете материалы о людях, пропавших в годы диктатуры?

— Нет, моя тема — украденные дети. Подпольные родильные дома.

Жанна, не удержавшись, бросила взгляд в сторону Феро — понимает ли он, как им повезло? Ее маневр не укрылся от внимания Эскаланте:

— Вы тоже занимаетесь этой проблемой?

— Да, мы хотим посвятить ей отдельную главу в книге. Насколько мне известно, многие из тех, кто повинен в этом преступлении, понесли наказание…

— Ну, во-первых, необходимо установить личность виновных. А во-вторых, природу преступления…

Карлос Эскаланте махнул рукой в сторону стоящего в центре комнаты круглого стола с несколькими компьютерами, приглашая их присесть. Поразительно, насколько его жизнерадостная и дружелюбная улыбка не вязалась с мрачной темой разговора.

— Самое любопытное, — начал он, — это то, что в Аргентине преступления против несовершеннолетних не имеют срока давности. Они не подпадают под амнистию. Поэтому дела об украденных детях позволили дотянуться до тех генералов, которым удалось отвертеться от других обвинений. Даже Карлос Рафаэль Видела был в 1998 году осужден. Его судили как идейного вдохновителя похищений детей, лишения их гражданского состояния и фальсификации их личности. Сегодня все эти дела принимают странный оборот. Есть дети, которые сами подают иски на своих приемных родителей…

Жанна попыталась представить себе эту кошмарную фантасмагорию. Женщины, рожающие в пыточной камере. Дети, которых преподносят друг другу на Рождество, как коробку конфет. Палачи, воспитывающие потомство своих жертв. Тридцатилетние мужчины и женщины, волокущие приемных родителей в суд и восстанавливающие собственные семейные корни по костям, найденным в пустыне или на Атлантическом побережье Уругвая…

— Виновники этих преступлений сейчас за решеткой?

Эскаланте разразился новым взрывом смеха. Он так и не сел. Маленького роста, он продолжал говорить, меряя шагами комнату и задирая вверх подбородок, словно хотел, чтобы его слова проникли сквозь толщу стен:

— В Аргентине никто не сидит за решеткой! Они все под домашним арестом! Просто-напросто!

— В делах, которые вы успели изучить, вам не попадалось упоминание о мальчике по имени Хоакин?

— Как его фамилия? Я имею в виду, фамилия приемных родителей?

— Не знаю.

— Я могу поискать для вас. А что с этим мальчиком?

— Мы просто слышали про него. Даже не уверены, существует ли он на самом деле.

Журналист нахмурил брови. Желая избежать дальнейших расспросов, Жанна решила сменить тему:

— И еще мы ищем адрес полковника Винисьо Пельегрини.

На лицо Эскаланте вернулась улыбка:

— Адрес Пумы? Ну, это-то не трудно. Даже в газетах есть. В рубрике «Кто есть кто». Но я могу посмотреть здесь.

Он с видом деловитого зубного врача крутанул к себе кресло на колесиках и склонился над одним из выдвижных ящиков.

— Готово! Ортис-де-Окампо, дом триста шестьдесят два. Один из самых шикарных кварталов Буэнос-Айреса — Палермо-Чико!

— Как вы думаете, он согласится с нами встретиться?

— Наверняка! Пельегрини не похож на остальных генералов. Он из породы болтунов. Провокатор. При этом не лишенный обаяния. Во всяком случае, язык у него подвешен как надо.

Жанна и Феро дружно поднялись с места, вслед за ними встал и журналист, протягивая листок с записанным адресом:

— Отправляйтесь к нему прямо сейчас. Я уверен, что вы застанете его дома. Сегодня ведь воскресенье — день asado.[77] Сегодня все устраивают барбекю. Святое дело!

67

Бифштексы на гриле. Дымящиеся чурраско. Сочащиеся жиром сосиски. Поджаренная кровяная колбаса… Все это шкворчало, шипело, стреляло — сооружение для барбекю растянулось на несколько метров. Ничего не скажешь, Винисьо Пельегрини подошел к обряду приготовления asado с размахом.

Палермо-Чико расположен в северо-западной части города. Виллы, выстроенные по французскому образцу, особняки, поместья в английском стиле — в окружении деревьев и кустов дикого винограда. По стенам стелется плющ, укрывая от любопытных взоров роскошные строения и сторожевые будки; если присмотреться, в его зарослях можно разглядеть протянутые электрические провода.

Видеокамеры. Переговорные устройства. Охранники. Собаки. Металлоискатели. Личный досмотр. Чтобы проникнуть в сад Пельегрини, Жанна и Феро миновали все эти этапы. Но самым лучшим пропуском послужило им то, что они были французы. Вилла оказалась более современной, чем большинство других сооружений квартала. Светлое строение строгих линий в духе Малле-Стивенса, украшенное квадратными башенками и искусно выполненными витражами. Жанне вспомнилось, что Пельегрини живет здесь под домашним арестом: да уж, это, наверное, самая комфортабельная из всех виденных ею тюрем.

Они прошли вперед. Перед ними расстилались лужайки, окаймленные плакучими ивами, столетними дубами и величественными сикоморами. Под ними хлопотали мужчины в фартуках и белых колпаках, похожие на шеф-поваров французских ресторанов. Гости с тарелками в руках спокойно дожидались, пока готовились все эти груды мяса…

Жанна полагала, что встретит здесь генералов в военной форме и пожилых дам в строгих костюмах. Еще один стереотип… Сборище скорее напоминало модное «пати» в каком-нибудь закрытом клубе Майами. Мужчины, правда, были не первой молодости, но выглядели стройными и подтянутыми. Прекрасно одеты, у всех — спасибо аргентинскому солнцу — загорелая кожа. Отличного покроя брюки,

свитеры от «Ральфа Лорена», туфли для гольфа… Женщины в основном годились им во внучки. Правда, у многих на лице — характерное застывшее выражение, какое бывает у людей азиатского происхождения или — как в данном случае — у тех, над кем поработал скальпель хирурга-косметолога. Наряды от Гуччи, Версаче и Прада. Любая, без исключения, могла смело претендовать на титул Мисс Аргентина, а то и Мисс Латинская Америка.

Бывшие диктаторы недурно сохранились, подумала Жанна. Офицеры, убивавшие, пытавшие и грабившие людей, похоже, чувствовали себя превосходно — несмотря на то, что в последние три десятка лет на каждого из них было заведено судебное дело. Их это мало волновало: они безмятежно ждали приговора, убежденные, что аргентинскому правосудию все равно не опередить старуху с косой.

Жанна бросила взгляд в сторону Феро. Он не отрываясь смотрел на разложенные на решетках куски мяса.

— Вам нехорошо?

— Э-э… Я вегетарианец.

Н-да, из этого психиатра такой же покоритель Аргентины, как из нее королева красоты на конкурсе мокрых купальников.

— А вот и наши милые французики!

Они обернулись на голос, издавший этот возглас по-испански. К ним приближался настоящий великан со стриженым ежиком седых волос, в удобных широких джинсах и темно-синей шерстяной водолазке. Винисьо Пельегрини носил очки в тонкой золоченой оправе. Над верхней губой у него топорщилась стальная щетка коротких усов. Металл очков, казалось, подчеркивал рубленые черты лица — лица сильного хищника с отменным здоровьем. Возраст Пумы, должно быть, приближался к семидесяти пяти, однако выглядел он лет на двадцать моложе.

— Чем обязан чести, muchachos?[78]

В правой руке он держал тарелку, на которой покоился кусок говядины размером с добрую пиццу. В левой — бокал красного вина цвета крови. Людоед, содрогнулась Жанна. Она живо представила себе, как Пельегрини встречает женщин из движения «Матерей», собравшихся на митинг протеста перед воротами его виллы. Он из тех, кто способен спустить на них собак.

Жанна в двух словах изложила цель своего визита. Сбор материала. Книга. Генералы. В общем, привычный блеф.

— Хо-хо-хо, — нимало не смутившись, пророкотал он. — Любители воспоминаний, значит?

Оглядевшись по сторонам в поисках спокойного местечка для беседы, он кивнул им на стол тикового дерева, стоящий в тени сикоморы. Все трое расселись вокруг.

Только тут генерал заметил, что у них в руках ничего нет, и удивленно поднял брови:

— Вы ничего не едите?

Жанна протянула руку к корзинке в центре стола и взяла empanada — слоеный пирожок с мясом, знаком пригласив Феро последовать ее примеру. Но психиатр лишь мотнул головой.

— Где вы нашли мой адрес?

— В офисе «Матерей площади Мая».

— Вот суки!

— Там был только…

— Все до единой — суки! — Он потряс ножом. — А вертит всем еще одна сука — Кристина Киршнер. Вы хоть знаете, сколько бюджетных деньжищ она отвалила этим помешанным дурам? А страна, между прочим, на грани краха!

Кристина Фернандес Киршнер унаследовала пост президента от своего покойного мужа. Жанна помнила, что эта чета добилась реформы Верховного суда и объявления всех законов о неприкосновенности антиконституционными. Чтобы вогнать старого Пельегрини в злобный раж, этого было более чем достаточно.

— Майские дуры, вот они кто! И мошенницы! Их сыночки живы-здоровы, смылись в Европу и там как сыр в масле катаются!

Это была чудовищная ложь, но Жанну она не слишком удивила: она знала, что в Буэнос-Айресе ходят и такие слухи. Да и Пельегрини, по правде сказать, кипятился больше для проформы.

— В числе тех, о ком мы хотели бы упомянуть в своей книге, — как ни в чем не бывало продолжила она, — есть адмирал Альфонсо Палин…

Пума вонзил вилку в своей бифштекс и принялся с ожесточением кромсать сочащееся кровью мясо.

— Желаю удачи, — проглотив кусок, бросил он. — Его уже лет двадцать никто и в глаза не видел.

— Но вы ведь его знали?

— Конечно. Настоящий патриот. Занимал ответственный пост в службе разведки аргентинской армии. Один из столпов войны с диверсантами.

— Что вы можете о нем рассказать? О нем как о человеке?

Пельегрини энергично жевал мясо. Казалось, это действие поглощает большую часть его мыслительной деятельности. Однако в мозгу оставалась некая зона, продолжавшая размышлять. И подыскивать нужные слова для описания адмирала Палина.

— Был у него один недостаток, — наконец выдал он, хлебнув вина. — Святоша был каких поискать. В церковь ходил. Поддерживал связи с католическими кругами.

— Вы полагаете, его религиозные убеждения не мешали ему заниматься… э-э… военной службой?

— А вы как думаете? У Палена руки были по локоть в крови. Если не выше. Приходилось как-то с этим мириться. Хотя в то время церковные власти одобряли уничтожение диверсантов.

Полковник в очередной раз набил рот мясом. Запил вином. Как будто заправлял машину топливом.

— Помню одну историю, — сказал Пельегрини. — Это было в начале диктатуры, в семьдесят шестом году. Палин участвовал в первых vuelos. Вам известно, что это такое?

Жанна молчала. Ее потрясло, с какой легкостью офицер говорит о прошлых бесчинствах власти.

— Так известно или нет?

— Мне известно, конечно. Но…

— Что «но»? А про срок давности вы подумали? И потом, шла война — никогда об этом не забывайте! Нашу страну охватила зараза. Мы спасли Аргентину от гибели. Если бы мы не вырезали под корень всех этих леваков, — он с отвращением произнес испанское слово «izquierdistas», — они бы чуть позже опять взялись за свое.

Пума отмахнул ножом еще кусок мяса. У него за спиной бродили гости — брюки в клетку, кричащих расцветок свитеры, пестрые платья от модных модельеров, — цирк, да и только.

— И не вам нас учить! — Пельегрини ткнул вилкой в сторону Жанны. — Это вы, французы, изобрели все эти штуки. Подрывную войну. Пытки. Эскадроны смерти. И трупы в море первыми начали сбрасывать вы! В Алжире вы все это испробовали. А вашим теоретиком был полковник Тренкье, он написал «Современную войну». Мы просто последовали вашему примеру, вот и все. И учили нас французы. Половина ОАС перебралась в Буэнос-Айрес. У Осареса во французском посольстве был свой кабинет! Эх, какое время…

Жанна взяла еще один empanada. Не хотелось показаться невежливой.

— Как бы там ни было, — продолжил он, — в одном нам не откажешь — в эффективности. Мы справились за три года. Полностью подавили врага. И занялись всякой мелочью.

— Вроде операции «Кондор»?[79]

Пельегрини равнодушно пожал плечами:

— Зачем выволакивать на свет божий такое старье?

Жанна решила слегка показать зубы:

— Военные власти тоже привели Аргентину к краху.

Пельегрини грохнул об стол зажатыми в кулаки ножом и вилкой:

— Наше единственное поражение — это Фолклендская война! Дурацкая идея дурака-генерала! Поганые англичане! В девятнадцатом веке, когда они осадили Буэнос-Айрес, наши женщины лили им на головы кипящее масло. Вот это было время! — Полковник ткнул вилкой в сторону Феро: — А что-то парень ничего не ест?

— Он уже пообедал. Но вы начали говорить о том, что случилось с адмиралом Палином…

— Ах да. Как-то раз, когда только начинали практиковать vuelos — Палин тогда был простым морским офицером, — у него вышла одна неприятность. Врач делал в самолете уколы заключенным. Обычно, как только они отрубались, мы их раздевали. Я сам участвовал в таких операциях: смотреть на все эти кучей сваленные голые тела, как в нацистском концлагере, вещь малоприятная, вы уж мне поверьте. Ну, потом открывали люк и сбрасывали их вниз. И вот Палин тащил одного парня к люку, а тот возьми и проснись. И как вцепится в него! — Пельегрини рассмеялся. — И этот придурок чуть не сверзился вниз вместе с диверсантом!

Он захохотал еще громче, но постепенно смех перешел в хриплый кашель. Насупившись, он вернулся к своей тарелке с мясом:

— Он говорил, этот парень потом снился ему по ночам. Снилась его рожа, перекошенная от страха. И руки, которые он никак не мог от себя оторвать… И все ему казалось, что он слышит, как тот кричит, пока летит вниз… Палин считал, что ничего хуже vuelos и быть не может. Как будто сам Господь Бог пробудил этого заключенного, чтобы Палин осознал, что за мерзости творит. — Пельегрини выпрямился и напыщенно продекламировал: — «Глаз был в могиле и глядел на Каина…»[80]

И вдруг взмахнул своим ножом в потеках крови, словно отметая прочь все сказанное раньше:

— Но это ему не помешало продолжать в том же духе. И между прочим, основать милицию «Три А». Славная работа.

Жанне уже приходилось слышать это название. Аргентинский антикоммунистический альянс. Террористическая ультраправая группировка, во все черные годы поставлявшая кадры для эскадронов смерти.

— Затем, — продолжал полковник, — он стал адмиралом. Видела в нем души не чаял. Он у них считался интеллигентом, но это как раз было не трудно. Его назначили главой государственного секретариата по информации. Руки пачкать больше не требовалось. Ну, а потом он открыл психоанализ.

— Психоанализ?

— В Аргентине такие штуки идут на ура. Он много лет посещал аналитика…

Жанна представила себе, как адмирал Альфонсо Палин — главный палач, серийный убийца, «мозг» всех операций по выявлению и уничтожению недовольных, раз в неделю отправляется к психоаналитику и раскрывает перед ним душу, очевидно, в надежде усмирить муки совести. Миссия невыполнима.

Но пора было брать быка за рога:

— Нам известно, что в тысяча девятьсот восемьдесят первом году Альфонсо Палин приезжал в Кампо-Алегре, которым вы тогда руководили…

Пельегрини перешел к achuras — по-испански это слово означает «пустяки». Сосиски… Кровяная колбаса…

— Вы умеете собирать информацию…

— Не могли бы вы рассказать, что тогда произошло?

Пума насторожился:

— С какой стати я должен вам это рассказывать?

Она решила сыграть на его тщеславии:

— Чтобы занять центральное место в нашей книге. — И добавила по-французски: — En haut de l'affiche.[81] И потом, вы же сами только что сказали: срок давности.

Полковник улыбнулся самодовольной и злобной улыбкой. Да, тщеславие — вот его ахиллесова пята. Жанна помимо воли начинала проникаться чем-то вроде уважения к этому типу. Убийца, виновник гибели сотен и тысяч людей, но в то же время человек прямой и по-своему честный. Не лжет и не изворачивается.

— В то время у нас была большая проблема, — заговорил полковник. — Генералы решили, что убивать детей заключенных не стоит. Следовательно, их надо было собирать. Воспитывать. Знаете, как говорили в Чили? Убей суку, пока не наплодила щенят. А у нас так не поступали. У нас малышам оставляли жизнь и возвращали их на прямую дорогу. Переводили в другую школу. Я всегда считал, что мы совершаем ошибку. Их тоже надо было уничтожить. Всех. Сегодня-то каждому ясно, к чему это нас привело: эти паршивые сопляки, которых пощадили, которых вырастили, оборачиваются против нас же! Чего было не погрузить их всех на один пароход? Канистра бензина и спичка…

— Так что же все-таки произошло?

— Бардак начался, вот что! — спокойно сказал Пельегрини. — Правила полетели к черту. Бабы рожали прямо в камерах. Офицеры забирали у них младенцев и несли своим шлюхам в подарок. Один комиссар удочерил новорожденную девчонку, чтобы вырастить себе к старости невесту. Чины постарше торговали детьми — предлагали зажиточным семьям. Видела понял, что пора положить конец этому бедламу. И приказал Палину провести перепись.

— То есть переписать младенцев, родившихся в концентрационных лагерях?

Полковник проглотил сосиску:

— Именно.

И тут в первый раз за все время беседы подал голос Феро:

— Ну а матери? Что сталось с матерями?

— Их переправили.

— Куда?

Пельегрини поочередно обвел взглядом Феро и Жанну. Казалось, их наивность поразила его до глубины души:

— В Буэнос-Айрес отправляли телекс с пометкой RIP — Resquiescat in pace.[82] Тогда еще попадались люди с чувством юмора.

— В ноябре восемьдесят первого года, — не отступала Жанна, — Палин прибыл в Кампо-Алегре с заданием провести перепись родившихся младенцев. Но произошло нечто неожиданное. Адмирал сам захотел усыновить ребенка.

Пума издал восхищенный свист.

— Да уж, companera, материал собирать вы действительно умеете.

— Мальчику было девять лет. Его звали Хоакин. Он уже жил в приемной семье — у младшего офицера военной базы Уго Гарсии. Это был алкоголик, который допился до того, что убил жену, а потом покончил с собой. Хоакин убежал в лес и скрывался там три года, пока его не подобрал бельгийский иезуит Пьер Роберж. В марте тысяча девятьсот восемьдесят второго года Роберж, вместо того чтобы отдать ребенка Палину, бежал вместе с ним в Гватемалу. Но в конце концов снова связался с вами и передал мальчика Палину, а сам кончил жизнь самоубийством.

Пельегрини рассмеялся:

— Вот видите, вы сами все лучше меня знаете!

— Ответьте мне всего на один вопрос. Почему Альфонсо Палин хотел усыновить Хоакина, несмотря на то что у ребенка были все проявления аутизма и явная склонность к агрессии?

Пума задумчиво покачал головой. На губах у него еще не погасла улыбка. Как будто он продолжал про себя усмехаться над забавной иронией судьбы:

— Причина-то у него была. Самая основательная. Хоакин был его сыном. Его биологическим сыном.

— Что?!

— Сравните даты. Сразу поймете, что хронология хромает. В восемьдесят втором году Хоакину было девять лет. Значит, он родился в семьдесят третьем. За три года до начала диктатуры. Он и в самом деле не принадлежал к украденным детям, потому что такие появились

только после семьдесят шестого года. Просто его мать подложила нам свинью. Это было еще до того, как мы пришли к власти.

— А кто была его мать?

— Секретарша в ЭСМА. Как ее звали, не скажу, не помню. Но мы выяснили, что она шпионка, из левых. А у нас работает, чтобы добывать секретную информацию. Ну, ее отправили в Кампо-Алегре, и там ей развязали язык…

— Но при чем тут Альфонсо Палин?

— При том, что она работала в ЭСМА его личным секретарем. Ну и спала с ним. В койке вытягивала из него нужные сведения. Правда, болтали, что у них в самом деле была любовь, но про это ничего не скажу, сам не знаю. Короче говоря, когда Палин увидел список рожениц заключенных, то обнаружил в нем имя своей пассии. Он, оказывается, и понятия не имел, что она беременна. Ну, он прикинул по датам и понял, что отец ребенка — он.

— А может, у нее был и другой любовник? Тоже из левых? Какой-нибудь montonero?[83]

— Так и я ему то же самое втолковывал, а он — ни в какую. Уперся на своем. И кстати, оказался прав.

— В каком смысле?

— В смысле яблочко от яблони. Мальчишка был вылитый папаша. И чем старше становился, тем больше был на него похож.

— Внешне?

— Ну и внешне, конечно. Но главное, характером. Такой же мясник, только маленький. И дикий…

Жанна посмотрела на Феро. Как бы невероятно ни звучал рассказ Пумы, он объяснял и начало, и конец этой истории. Упорство, с каким Палин разыскивал Хоакина. И тот факт, что в кабинете психиатра он представил его как своего сына.

— А что было потом? Я хочу сказать, после Гватемалы?

— Точно не знаю. Палин поехал за Хоакином в Атитлан. Иезуит с ним не справился, а потом и сам свел счеты с жизнью. Больше я никого из них никогда не видел. После Фолклендской войны след Палина окончательно затерялся.

Пельегрини бросил взгляд на часы. Потом вдруг нахмурил брови и, уперев руки в боки, проговорил:

— Что-то не нравятся мне ваши вопросы…

Но Жанна не растерялась:

— В нашей книге Хоакину, сыну Палина, отводится особое место.

— Это еще почему?

— Потому что он сам стал убийцей. Во Франции.

Пуму эта новость не удивила и не взволновала.

Выбрав из стоящих на столе бутылок одну, с содержимым покрепче, он налил себе добрую порцию. Словно плеснул бензином в раскаленную печь, мелькнуло у Жанны.

— Чертовы сопляки, — пробормотал он, одним махом опрокинув стакан. — Говорил же, всех их надо было перебить.

68

— Сеньора Констанса? Меня зовут Жанна Крулевска.

Когда они вернулись в отель, Жанна предложила Феро, который выглядел невероятно удрученным, немного отдохнуть, а сама заперлась у себя в номере. У нее оставалась и вторая линия расследования. Череп. Первобытный народ. Хорхе Де Альмейда. Она намеренно не затрагивала в разговоре с Пельегрини тему Мертвого леса и его загадочных обитателей, каким-то шестым чувством догадываясь, что он все равно ничем ей не поможет.

В 16.00 она позвонила в Сельскохозяйственный институт Тукумана. На инженерном факультете — никого. Ох уж это воскресенье. Единственным, с кем удалось переговорить, был охранник. Он наотрез отказался сообщить ей домашний телефон Даниеля Тайеба или его ассистента — того самого, с которым разговаривал Райшенбах. Все-таки она выпросила у него номер спутникового телефона, по которому можно было дозвониться до Чучуи — местечка в шестистах километрах от Тукумана, где велись раскопки. Руководила ими некая Пенелопа Констанса, по специальности — палеоантрополог.

После многих бесплодных попыток Жанне наконец повезло. Связь была плохая, казалось, в трубке завывает ветер. Наверное, ученая дама работала в поле. Жанна представила себе пустыню. Пылевые облака, свивающиеся в небольшие смерчи. Иссушенные солнцем кости…

Назвав свое имя, она сразу перешла к делу:

— Вы знакомы с Хорхе Де Альмейдой?

— Нет.

Хорошенькое начало. Еще пара шквальных порывов, и дама добавила:

— Мы встречались пару раз, не больше. — Похоже, лет ей немало: голос какой-то дребезжащий. Впрочем, виной тому вполне могло быть низкое качество связи. — Я почти все время в разъездах. Да и он работает преимущественно в поле.

— А вы не знаете, где именно?

— Точно не знаю. Где-то на северо-востоке. Совсем не моя территория.

Жанна отлично помнила карту северной части Аргентины. Тукуман лежит на северо-западе. В тысяче километров от Буэнос-Айреса. Область Чучуи располагается выше. Что касается северо-востока, то это еще на тысячу километров дальше, только прямо к востоку. Для Аргентины — обычные расстояния.

— Вы не помните, когда он в последние годы уезжал в экспедиции?

— По-моему, трижды. В две тысячи шестом, седьмом и восьмом. Утверждал, что определил периметр раскопок. Только я ему не верю.

— Почему?

— Это же лагуна. Там все затоплено.

— Ну и что?

— Мы палеонтологи. Как можно надеяться разыскать ископаемые останки в местности, где все сгнивает за несколько дней? В войне против времени у нас совсем другие союзники: сухость, отложение осадков, обызвествление…

Да, а Жанна об этом не подумала. Усевшись по-турецки на кровати, она бродила взглядом по трем стенам гостиничного номера. Кремовая комната. Вернее, кремово-серая. Очень напоминающая кабинеты для допросов, в которых декор интерьера сведен к нулю. Вот и хорошо. Это-то мне и нужно.

— Есть подозрение, что Хорхе Де Альмейда пропал.

— Он не подает признаков жизни, а это совсем другое дело. Если верить коллегам по лаборатории, он вообще большой оригинал.

— В каком смысле?

— Выезжает в экспедиции в одиночку. Разумеется, это увеличивает риск несчастных случаев и даже исчезновения. Однако я бы не стала раньше времени утверждать, что с ним случилось что-то плохое… Просто там, где он сейчас, вообще нет связи. Вы знаете, что эту область называют El Impenetrable — Непроходимый край?

Жанна ничего на это не ответила. Она думала о своем:

— А у него нет спутникового телефона?

— Я не знаю, какое снаряжение он взял с собой.

— Вам что-нибудь известно о его находках?

— Так, кулуарная болтовня. Якобы он утверждал, что раскопал кости, которые перевернут все наши представления о доколумбовой эпохе. И добыл доказательство того, что человек заселил Американский континент сотни тысяч лет назад. Все это чушь! Известно, что человек пришел в Северную Америку всего тридцать тысяч лет назад, и пришел из Азии. А в Южную и того позже — десять тысяч лет назад. Наша профессия приучила нас не удивляться самым смелым открытиям, но подобное… Это уж чересчур. В лаборатории ему никто не поверил. Потому он и уехал. Страшно обозленный. Уехал за неопровержимыми доказательствами.

Она говорила тихим, усталым голосом. Жанна как будто наяву видела пожилую женщину в хлопчатобумажной куртке с короткими рукавами, чей силуэт почти сливался с камнями и кактусами, наверное, окружавшими ее со всех сторон. Застывший, каменный, изъеденный ветрами мир, в котором нет ничего, только кости да колючки.

— Имя Франческа Терча вам о чем-нибудь говорит?

— Нет. Кто это?

Жанна притворилась глухой. Здесь вопросы задает она:

— Как давно уехал Де Альмейда?

— Два месяца назад. В нашем деле это не срок.

— Но его коллеги по лаборатории беспокоятся.

— Не думаю, что всерьез. Но… — Так. Кажется, до Пенелопы дошло, что ей учинили форменный допрос. — Простите, я что-то не поняла, а чем вызван ваш интерес? Вы сказали, что вы — следственный судья из Франции?

— Да. Исчезновение Хорхе Де Альмейды связано с делом, над которым я работаю в Париже.

— Париж… — мечтательно произнесла Пенелопа. И добавила, неожиданно громко и ясно: — Советую вам переговорить с Даниелем Тайебом, нашим шефом. Он курирует исследования Хорхе.

— У вас есть номер его мобильного?

Пенелопа без колебаний продиктовала номер.

Наконец-то у Жанны появилась ниточка к неуловимому Тайебу. Она горячо поблагодарила собеседницу и нажала отбой. И тут же набрала только что полученный номер. Автоответчик. Оставлять сообщение она не стала.

17 часов. Вдруг, как-то разом, навалилась усталость всех последних дней. Может, тоже прикорнуть на часок? Нет. Некогда разлеживаться. Надо действовать. Двигаться вперед. За неимением свежих идей стоит хотя бы навести порядок в своих записях.

Но прежде чем заняться этим, она пересчитала песо, полученные в обменном пункте аэропорта. Не слишком жирно, конечно, но в Аргентине невысокая стоимость жизни. Тем не менее имеет смысл отправить в банк сообщение: пусть переведут все ее средства на текущий счет. Там, правда, совсем немного, но все же… Впереди еще будут расходы. Обидно, если расследование придется прекратить из-за банальной нехватки денег.

Она включила ноутбук и открыла почтовый ящик — в гостинице в каждом номере действовала система Wi-Fi. Есть письмо от Райшенбаха. И приложенный файл. Фотография Хорхе Де Альмейды.

Красавчик, ничего не скажешь. Этакий улыбающийся ангелочек с полотна художника Ренессанса, весь в белокурых кудрях. Почему ей знакомо это лицо? Она порылась в своих бумагах и нашла групповой снимок, украденный у Франчески Терча. Факультет палеонтологии Университета Буэнос-Айреса, выпуск 1998 года. Да, она не ошиблась. Именно Хорхе Де Альмейда и был тот шутник, который обвел на фото свою голову и надписал сверху: «Te quiero!»

Итак, все сходится. Чтобы доказать свою правоту, Де Альмейда отправил Франческе Терча, в которую в юности был влюблен, муляж черепа, найденного при раскопках в Лесу мертвецов. Скульптура Франчески не могла остаться незамеченной. Увидев своими глазами, что за создания населяли Аргентину триста тысяч лет назад — и населяют ее еще и сегодня! — все будут потрясены. А Хорхе Де Альмейда станет новым светилом палеоантропологии.

Он не учел одного — звериной осмотрительности человеческого волчонка. Впрочем, оставалось непонятным, как Хоакину удалось узнать подробности этого засекреченного плана? И знала ли о нем сама Франческа? Посвятил ли ее Хорхе в сущность своего открытия?

Жанна быстро записала последние данные. Затем скопировала файл на флешку, которую убрала в карман.

18 часов.

Нет, надо все-таки хоть немного поспать. Руки и ноги ломило. Веки налились свинцом. Она встала и проверила дверь. Заперта.

Опустила жалюзи. Вытянулась на кровати. Странно, но она чувствует себя здесь в полной безопасности. Конечно, не благодаря Феро — какой из него герой-защитник. Скорее благодаря атмосфере Буэнос-Айреса, его простору, его энергии…

Да, именно так. Ее хранил этот город — шумный, темпераментный, многоликий.

С этой теплой мыслью она провалилась в сон.

69

— Расскажите мне о Хоакине.

— Что именно вас интересует?

— Как он выглядит?

— Невысок. Худощав. Очень темный брюнет. Характерный латинский тип.

— А лицо?

— Похож на своего отца. — Феро сдавил себе щеки указательными и большими пальцами. — Впалые щеки. Узкие скулы.

— А с точки зрения психиатрии? Он действительно аутист?

— В традиционном понимании — нет.

— Но ведь вы сами, если верить записи, обнаружили у него синдром аутизма.

Антуан Феро отрицательно помотал головой.

21.00.

Зал ресторана был залит слепяще-ярким светом. Этот агрессивно-белесый свет, падая сверху, с потолка, придавал предметам и людям подчеркнуто реалистичный вид. Кроваво алели бифштексы на тарелках. Лоснились покрасневшие от холода лица посетителей. Хищно поблескивали приборы на белоснежных скатертях. Народу набилось много, и вокруг не стихал гул голосов. «Как в парижской пивной в час наплыва клиентов, — подумала Жанна, — плюс латиноамериканский темперамент».

— Я ошибся. Уже тогда я догадывался, что совершаю ошибку. Не бывает подобного раздвоения: чтобы одна личность принадлежала аутисту, а вторая, так сказать, человеку с нормальной психической структурой. Это невозможно.

К ним подошел официант принять заказ. Жанна бросила беглый взгляд в затянутую в пластик карту меню, масляно блестевшую в безжалостном свете ламп.

— Каприйский салат, — выбрала она.

— Мне тоже.

Два салата из помидоров и моцареллы с базиликом. И это — в разгар зимы, в Буэнос-Айресе. Да уж, в оригинальности им не откажешь. Впрочем, имелось и смягчающее обстоятельство — все-таки они зашли в итальянский ресторан. Он назывался «Пиццерия Пьегари» и располагался под автодорожным мостом, в двухстах метрах от отеля.

— На мой взгляд, — продолжил психиатр, — Хоакин страдает шизофреническим расстройством. Это нечто большее, чем раздвоение личности. В его взрослом сознании скрывается еще одно, и у наделенной им личности, возможно, синдром Аспергера.

— Что это за синдром?

— Ганс Аспергер — один из первооткрывателей явления аутизма, наряду с Лео Каннером. Но его имя в основном известно благодаря описанию специфического профиля, которое он приводит в одной из своих работ. Речь идет о «прогрессирующем расстройстве развития», однако достаточно высокого уровня. То есть ребенок не является умственно отсталым и способен к осмысленной речи.

— Но при чем тут Хоакин?

— Его «цивилизованная» ипостась прекрасно владеет речью. Хоакин говорит по-французски, по-испански и по-английски. Но его дикая составляющая экспериментирует с речью, как это свойственно аутистам.

— Значит, синдром Аспергера все-таки соответствует признакам аутизма?

Феро развел руками:

— Специалисты не пришли к единому мнению. Но вопрос не в этом. Вопрос в причинах подобного расстройства. Является ли оно врожденным или возникает как реакция на слишком жестокую действительность?

— Вы имеете в виду его опыт сосуществования с лесным народом?

— И еще более ранний опыт — вспомните кошмарную сцену домашней бойни.

Им принесли салаты. Ни он, ни она не обратили на них никакого внимания.

— Я полагаю, — продолжал Феро, — все это протекало в два этапа. Вначале чувство панического ужаса, вызванное мясорубкой в

Кампо-Алегре, стерло из сознания Хоакина всякую память о полученном человеческом воспитании. Его мозг превратился в чистый лист. И обучение, которое он прошел у дикарей, легло на девственную почву.

— Вы хотите сказать, что его поведение, как бы его ни называть, прежде всего несет на себе отпечаток тех уроков, что ему преподал первобытный клан?

— Совершенно верно. Его аутизм — не более чем иллюзия. Источник зла в другом. Впрочем, не уверен, что это именно зло, а не просто результат необычного воспитания. Ребенок-маугли вырос среди диких существ. И превратился в носителя первобытной культуры, причем в ее концентрированном виде. Достаточно вспомнить его ритуалы. Выбор жертв среди женщин, олицетворяющих первобытную Венеру. Алфавит, близкий к наскальной живописи. Вот в чем его уникальность. И поэтому мне необходимо его расспросить.

Логика Феро удивила Жанну:

— Неужели вы надеетесь, что его удастся захватить живым?

— Разумеется. Я должен его лечить.

— Изучить, вы хотите сказать.

— Я должен изучить его, чтобы вылечить. Жанна, сомневаться больше не приходится. Мы стоим на пороге фундаментального открытия в области антропологии. И наша ниточка к нему — это Хоакин. И народ Мертвого леса.

Чтобы его отрезвить, Жанна пересказала Феро свой телефонный разговор с Пенелопой Констансой — настоящим ученым. Перечислила все ее замечания относительно истинного значения находок Де Альмейды.

— Это она так говорит! — набычившись, буркнул Феро. — Революции всегда приносят массу неудобств. Особенно в научной сфере. Это закон парадигмы…

— При чем тут парадигмы? Мертвый лес расположен в лагуне. Это топь, в которой невозможны ископаемые находки. Они бы там просто не сохранились.

— Так в том-то и дело, что это не ископаемая находка! Я ведь не зря говорю о революции. Найденному черепу нет и двадцати лет. Древний народ до сих пор существует!

Жанна снова попыталась охладить его пыл:

— Нужны доказательства. Череп мог быть деформирован уже после смерти. На этой основе нельзя делать выводы. Мы ведь так и не видели кариотипа, установленного Нелли Баржак. И не знаем, есть ли реальное различие между ним и двадцатью тремя парами хромосом современного человека.

— А убийства? Неужели вы верите, что можно погубить столько народу во имя какой-то химеры?

— Убийцы всегда действуют во имя химеры. Вы путаете действительность и представления убийцы о действительности. Возможно, Хоакин считает себя хранителем какой-то тайны. Тайны воспитавшего его народа. Но вероятность того, что все это только фантазии, очень высока.

— А его жизнь в лесу? Модус операнды убийств? Наконец, мнение вашего иезуита?

— Косвенные улики. Ничего конкретного.

— Вы рассуждаете как юрист.

Он скрестил на груди руки и погрузился в задумчивое молчание.

— Послушайте, Феро, — примирительным тоном заговорила Жанна. Она обращалась к нему по фамилии, настолько не нравилось ей его имя. — На Земле изучен каждый уголок, и результаты исследований строго документированы. Никаких неизвестных науке народов в чаще джунглей нет и быть не может. Тем более доисторических. Я уверена, что существует другое объяснение.

— В любом случае, — сквозь зубы выдавил психиатр, — ключ к решению загадки спрятан в лесу.

— В этом мы с вами единодушны.

Он положил вилку и нож и протянул к ней руки:

— Так что? Двинем туда?

Жанна улыбнулась. Они впервые вслух заговорили о таинственном лесе. Лесе мертвецов. Кажется, они оба готовы отправиться прямо волку в пасть.

— Похоже, у нас нет выбора, — отозвалась она. Не очень-то ей хотелось брать на себя ответственность за непростое решение. — Но вначале мы поедем в Тукуман. Надо расспросить руководителя лаборатории Даниеля Тайеба. Если верить Пенелопе Констансе, это человек, который знал Хорхе Де Альмейду лучше всех. И был в курсе всех его исследований.

— А это далеко?
— Тысяча километров к северо-западу.
— Самолет?
Жанна снова улыбнулась:
— Я уже забронировала билеты.

70

Понедельник, 16 июня. Рейс 1712 авиакомпании «Аэролинас Архентинас».

Они поднялись в небо затемно, в шесть утра.

И прибыли на место с рассветом.

Жанна сидела возле иллюминатора и созерцала аргентинские ландшафты. Суша, огромная как море. Безграничная, бескрайняя. Горизонт здесь казался асимптотой, к которой бежит кривая линия края небес — бежит и не может добежать. Жители этой страны говорят, что у них все дороги ведут в одну сторону: вниз. Вместе с горизонтом.

В просветах между облаками мелькали поля, леса, пастбища. Занималась заря, и в первых солнечных лучах краски пейзажа приобретали особенную яркость. Серебрились реки. Изумрудной зеленью переливались равнины. Сияли заснеженными вершинами горы, словно тщились проткнуть насквозь небосвод. Поразительный контраст между холодом погоды и плодородием этих мест вызвал в памяти Жанны полузабытое воспоминание. Провинцию Тукуман называли «аргентинским Эдемом». И правда, после тысяч километров иссушенной зноем и покрытой пылью земли здесь начинается настоящая житница — область, обеспечивающая продовольствием значительную часть населения страны.

Посадка. На бетонированной площадке перед ангаром ощущение окружающего простора стало еще острее. На все четыре стороны света расстилались равнины. Куда ни глянь, повсюду свободное пространство: смотри сколько хочешь, ничто не застит вида. Жанну охватило странное чувство. Как будто закружилась голова, хотя она стояла на твердой почве.

В здании аэропорта это чувство быстро прошло. Карманный формат. Зал выдачи багажа напоминал вестибюль. Зал ожидания — гостиную в обычном доме. Выход — коридор. Феро поедал глазами других пассажиров. Казалось, их будничный вид его разочаровал. Инженеры. Бизнесмены. Студенты…

— А чего вы ожидали? — усмехнулась Жанна. — Индейцев с перьями в ноздрях?

— У меня нет вашего опыта, — обиженно буркнул тот.

Прибыл багаж. Жанна ухватила обе сумки прежде, чем Феро успел разглядеть свою.

— Никакого особенного опыта нет и у меня, — сказала она. — Но я знаю Аргентину. Это страна больших надежд и доброго сердца. И по уши в долгах. Так что никакой экзотики. Аргентинцы — такие же люди, как вы и я, большинство — выходцы из Европы, и рассеяны они по территории размером в пять Франций. Никогда не слышали поговорку: «В Латинской Америке все жители происходят от индейцев, и только в Аргентине — от пассажиров кораблей»?

На улице рассвет окрашивал все вокруг красноватым светом, словно от каждого предмета исходил жар. Между тем было чуть немногим выше нуля. В воздухе пахло сыростью и холодной землей. Природа только готовилась ваять пейзаж наступающего дня…

Жанна, опьяненная открывшимся видом, рассмеялась:

— Потрясающе, правда?

Феро не ответил. Он шагал, понуро втянув голову в плечи, — хорошо хоть, догадался понести обе сумки. Жанна поймала себя на мысли, что ей хочется его поцеловать. С ума сойти, они знакомы меньше двух недель, и вот путешествуют вместе, выслеживают убийцу и каннибала, воспитанного кланом обезьяноподобных людей.

Они остановили такси. Жанна попросила везти их в центр. Надо найти отель, оставить багаж, принять душ. Но ей никак не удавалось сосредоточиться на выполнении этих ближайших задач. Окружающий пейзаж буквально туманил мысли. Несмотря на холод, она открыла окно. В горле пересохло, глазам было больно от необъятности простора. Ее лица коснулись первые лучи солнца, золотя кожу…

— Donde se encuentra un bueno hôtel?[84] — обратилась она к водителю.

Тот, не оборачиваясь, предложил отвезти их в «Каталинас-Парк». И растопырил ладонь, показывая, что отель пятизвездочный.

— Пять звезд? — пробормотал Феро. — Да мы тут разоримся!

Господи, ну и жмот.

— Не волнуйтесь. В Аргентине звезды падают с неба по дешевке…

Она оказалась права. «Каталинас-Парк», расположенный напротив «Парка-9 Хулио», был обычной второразрядной гостиницей. Архитектура семидесятых, скругленные углы и смешной навес, похожий на пластмассовую ванну, прилепленную над застекленным входом.

Внутри все выглядело соответственно. Бесконечные коридоры. Маленькие белые двери. Позолоченные цифры с номерами комнат, желтые, как ячменный сахар. Жанне достался № 432. Она включила верхний свет и обозрела скромное жилище с песочного цвета стенами. Шторы, простыни и ковровое покрытие на полу были выдержаны в том же тоне.

Она с нежностью улыбнулась. Кондиционер работал с дьявольским шумом. Лампы горели вполнакала. Наверняка в ванной комнате ее поджидают тараканы. Настоящий тропический отель. Что ж, линия экватора снова приблизилась…

Она встала под душ. Не успела смыть мыло, как кран чихнул и иссяк. С проклятьями она выбралась из кабины и завернулась в дырявое полотенце. Бросила мимолетный взгляд в зеркало. Рыжие волосы. Плечи в веснушках. А что, очень даже ничего… Можно сказать, она еще о-го-го. Похоже, к ней возвращалась уверенность в себе.

Она натянула трусы, майку и джинсы. Надо наконец купить свитер. Но сначала — завтрак. А потом — на приступ Сельскохозяйственного института, искать неуловимого антрополога Даниеля Тайеба.

Искать бесплотный дух в садах Эдема… Н-да, занятная перспектива. Такого в ее расследованиях еще не бывало.

71

Если Тукуман и был раем, то явно из какого-то другого измерения.

Город представлял собой лабиринт без начала и конца, с симметрично расположенными кварталами. От каждого перекрестка отходил пучок артерий, в свою очередь образующих перекрестки, ничем не отличимые друг от друга, и так далее. Геометрия без границ и без центра. При этом он совсем не выглядел призрачным городом, по пустынным улицам которого гуляет только ветер. Напротив, в нем царило оживление — сновали пешеходы, работали лавки и магазины, проносились машины и автобусы.

Жанна и Феро первым делом направились в Сельскохозяйственный институт. Но Тайеб занимался подготовкой к выставке в монастыре, в центре города. Они снова вернулись на площадь Независимости. Жанна разглядывала лица прохожих. Большей частью индейские. Значит, она ошиблась, утверждая, что аргентинцы ведут свое происхождение от европейцев. Забыла, как обычно забывают все, историю Аргентины. Когда испанцы высадились на этих землях, они не были необитаемы. Здесь уже жили индейцы — небольшими, но многочисленными племенами. По западной привычке их истребили, поработили, заразили опасными болезнями и лишили средств к существованию. В Тукумане до сих пор чувствовались пережитки колонизации.

Plaza Independanzia. Просторная площадь, типичная для любого южноамериканского города. Жанна вздохнула с облегчением — она снова была на знакомой территории. Высокие пальмы. Губернаторский дворец, выстроенный в колониальном стиле. Сверкающие на солнце соборы. И горожане, примостившиеся на каждой скамейке, подставляя лицо нежарким лучам, словно смакуя драгоценный ликер.

Но больше всего поражала четкость очертаний всего вокруг. Под безоблачным голубым небом каждый предмет казался выкованным из чугуна, словно его вначале раскалили добела, а потом опустили в холодную воду. И лица прохожих, прокаленные солнцем и остуженные ледяным кусачим ветром, напоминали каменные.

Монастырь находился на прилегавшей к площади пешеходной улице. Жанна заплатила таксисту. Феро отныне вел себя так, словно был у нее в гостях. Они вклинились в толпу. Черный от вековой грязи монастырь был втиснут между двумя супермаркетами. На фасаде красовалась огромная афиша:

«От Пуны до Эль-Чако — доколумбова история».

Насколько помнила Жанна, Пуна и Эль-Чако были названия восточных областей Аргентины. Они подошли к кассе и сообщили, что пришли повидать Даниеля Тайеба.

Их повели по музею. Первый зал был посвящен постоянной экспозиции. Сакральное искусство первых веков испанского владычества. Младенец Иисус из раскрашенного дерева походил на куклу Чаки. Бледные лица Мадонн с длинными распущенными волосами внушали трепет. Статуи длиннобородых иезуитов наводили на мысли о религиозных фанатиках, приносящих себя в жертву. Чаши для причастия, кресты, Библии, белые стихари — целый арсенал орудий сродни земледельческим, чье назначение — взращивать семена веры на новом континенте…

Во втором зале было темно. Выкрашенные оранжевой краской стены. Освещенные изнутри пещеры. В их глубине — обсидиановые наконечники копий. Обтесанные камни. Человеческие черепа. Жанна прочитала таблички возле экспонатов, целиком подтверждающие слова Пенелопы Констансы: самые ранние ископаемые находки насчитывают не больше 10 тысяч лет. Доисторическая эпоха на Американском континенте моложе, чем в остальных местах Земли…

— Это вы — те французы, что меня разыскивают?

В оранжевом полумраке Жанна разглядела невысокого мужчину с бронзовым от загара лицом и фарфоровой улыбкой. Вокруг блестящего, словно натертого воском, лысого черепа серебрился венчик волос. На плече у Даниеля Тайеба покоилась стремянка.

Она едва успела представиться сама и представить Феро, как Тайеб снова заговорил:

— Вам повезло, что вы увидите нашу экспозицию. Здесь у нас самая богатая коллекция ископаемых древностей…

— Мы не археологи.

Тайеб вытаращил глаза:

— Нет?

— Я следственный судья из Парижа, а мой друг — психиатр.

Его глаза раскрылись еще шире. Зрачки без конца меняли цвет — из зеленых становились голубыми, а затем серыми. Как блестящие камешки в калейдоскопе: чуть поверни — и получишь новый узор. Жанна подозревала, что подобное мельтешение связано с образом мыслей — скачущим и стремительным.

— Что привело вас сюда?

— Мы хотели поговорить с вами о Хорхе Де Альмейде. Возможно, его исчезновение связано с делом, над которым мы работаем во Франции. Это дело о нескольких убийствах.

Он изогнулся, словно собирался изобразить танцевальное па:

— Понимаю, понимаю… — По его тону нетрудно было догадаться, что он не понимает ровным счетом ничего.

И тут же, без перехода, решительно отставил в сторону свою стремянку. В руках у него неведомо откуда появилась куртка:

— Пойдемте выпьем по чашке кофе.

Они вернулись на большую площадь. Жанна краем глаза поглядывала на ученого, двигавшегося по городской улице вприскочку, словно привыкший к горам козленок. Судя по всему, Тайеб принадлежал к иудейской общине Тукумана — торговой столице страны, в которой жило немало евреев. На ходу он как будто продолжал вести безмолвный разговор с собственной одеждой — джинсами, клетчатой сорочкой, полотняной курткой. То засовывал руку в карман, то прилаживал на пояс связку ключей, то расправлял складку на сорочке. Делал он это ловко и машинально, очевидно, по въевшейся привычке.

Он привел их в небольшое итальянское кафе под названием «Жокей-клуб». Стойка черного мрамора. Обитые деревянными панелями стены. Светлые столы и стулья. И крепкий аромат жженого кофе.

Они взгромоздились на высокие табуреты возле стойки.

— Ну что ж, — заявил антрополог, сделав заказ на кофе, — Де Альмейда был сумасшедший.

— Почему вы говорите о нем в прошедшем времени?

— Он уехал два месяца назад. И с тех пор ни слуху ни духу. Разве это не ответ на ваш вопрос?

Он говорил с едва уловимым аргентинским акцентом. Словно глотал слова, а потом выпускал сквозь зубы. Его речь была шероховатой, какой-то комковатой, как борозды в окружавших город полях. По мрамору звякнули чашки кофе. Тайеб протянул руку за сахарницей. В крохотную чашечку он опустил три куска сахару. Все его движения были плавными, как у рыбы в воде.

— Вы думаете, его нет в живых?

Антрополог пожал плечами и принялся размешивать в чашке сахар:

— Ему это было предначертано самой судьбой. Он же был одержимый.

— Чем?

— Этим краем. Северо-востоком. Эль-Чако…

— Мы слышали, что он совершил несколько важных открытий.

— Да бросьте! Открытий! Это он считал их открытиями. Но так и не представил ни одного серьезного доказательства.

— Нам говорили, он откопал какие-то кости…

Тайеб захохотал:

— Да кто их видел-то? Он же их из рук не выпускал, никому не показывал. Если там вообще было что показывать. Лично я думаю, что на самом деле ничего он не нашел.

— Вы не могли бы рассказать, с чего все это началось?

Антрополог по-прежнему бренчал в чашке ложкой:

— Хорхе был гордостью университета — он учился в Буэнос-Айресе. Лучшим в своем выпуске. Его диссертация о миграции Sapiens sapiens через Берингов пролив мгновенно вошла в научный обиход, на нее стали ссылаться другие исследователи. Он попросил, чтобы его направили в Тукуман, в нашу лабораторию. Мы приняли его с распростертыми объятиями в надежде, что он включится в нашу работу. Но он всех нас поимел. Он рвался сюда с единственной целью — быть поближе к предмету своего помешательства: я имею в виду палеонтологические находки в области Формосы, на северо-востоке Аргентины. Абсолютно бредовая гипотеза.

Да, все верно: Констанса упоминала о его скептицизме по отношению к Де Альмейде. Тайеб залпом выпил кофе.

— Тем не менее ему удалось изыскать средства на организацию первой экспедиции, — продолжал он. — В две тысячи шестом.

Масштабное мероприятие — оно растянулось на много месяцев.

— Он что-нибудь нашел?

— Повторяю: даже если и нашел, он никому ничего не показывал. Только твердил, что вот-вот сорвет куш. Это его выражение, он так и говорил: сорву куш. На наши исследования взирал с жалостью. Как будто мы занимались откровенной ерундой.

— На следующий год он снова уехал в экспедицию?

— Да. Целый месяц не подавал признаков жизни. Потом вернулся, гораздо более спокойный. Слишком спокойный.

— Слишком?

— Он казался каким-то испуганным, что ли. Да, вот именно. — Антрополог задумался. — Производил впечатление человека, напуганного собственным открытием.

— И по-прежнему ни с кем не делился информацией?

— Нет. Отговаривался тем, что должен проанализировать данные. Связаться с компетентными людьми. По его словам, он совершил открытие такого значения, что следовало действовать с предельной осторожностью. Но лично мне казалось, что он подхватил малярию.

— Иначе говоря, вы так и не узнали, что он имел в виду?

Тайеб ответил не сразу. Он надолго замолчал, и сразу стало слышно посвистывание кофемашин, звяканье чашек, гул голосов. Наконец он заказал себе еще кофе. Когда он снова заговорил, взгляд его был устремлен в одну точку, словно он рылся в памяти, будя воспоминания:

— Узнал, конечно. Он передо мной не устоял. Речь шла о том, что он якобы нашел свидетельства, полностью меняющие представления о доисторическом периоде существования Американского континента. О том, что человек появился здесь не десять, а триста тысяч лет назад.

— Это значит, что он откопал останки людей протокроманьонской культуры.

Антрополог недоверчиво поднял бровь. Неужели Жанна все-таки палеонтолог?

— Да никакой я не специалист, — поспешила успокоить его она. — Просто почитала кое-что.

— Ну ладно, — кивнул Тайеб. — Он утверждал, что откопал череп подростка, имеющий сходное строение с черепами древнейшего Homo sapiens, найденными на Ближнем Востоке. По его мнению, в

этом черепе присутствовали все существенные черты, позволяющие отнести его именно к этой ветви архаичного человечества. То есть такие же существа, что населяли Африку триста тысяч лет назад, жили также и в Аргентине!

Принесли кофе. Сахарница, три кусочка сахару, ложечка…

— Все это физически невозможно, — отчеканил он. — Homo sapiens sapiens появился в Африке. Затем он распространился по Европе и Азии. Позже он добрался до Американского континента, так сказать, пешком, по полоске суши, пересекающей Берингов пролив, в период понижения уровня моря. Точные даты нам неизвестны, однако предполагается, что это произошло от двадцати до тридцати тысяч лет назад. После этого первые люди расселились по всему Американскому континенту. Гипотеза Де Альмейды абсурдна, если только не принять допущение, что в результате неведомых нам климатических явлений Берингово море в другую, гораздо более раннюю эпоху пересохло. Ну, или согласиться с предположением, что люди докроманьонской культуры были умелыми мореплавателями.

— А почему бы и нет?

— Действительно, почему бы и нет. Только нужны доказательства. Но их пока нет. Ни в одном серьезном научном исследовании — ни намека на что-либо подобное.

Таким образом, Даниель Тайеб готов был снять свои возражения против этой гипотезы, но при условии, что ему предоставят солидные научные обоснования.

— Вернемся к раскопкам Де Альмейды.

— Он хотел и в третий раз отправиться туда же. Но ни наша лаборатория, ни Университет Буэнос-Айреса не согласились финансировать его экспедицию.

— Он поехал на собственные средства?

— Именно так. Собирался проверить некоторые факты. И вот вам результат. Он попросту исчез. Бесследно. Сумасшедший, который сам себя принес в жертву бредовой идее.

— Вы предпринимали усилия по его розыску?

— Разумеется. Но где искать? Как и другие ученые, Де Альмейда держал в тайне точное месторасположение своих изыскательских работ. Его след теряется в крошечной деревушке Кампо-Алегре, это в двухстах километрах к северу от Формосы.

— Вы когда-нибудь слышали про Лес мертвецов?

— Нет, никогда. А что это такое?

Жанна решила глотнуть кофе. Теплый. Тайеб задумчиво болтал в чашке ложкой. Казалось, он пытается прочитать в кофейной гуще — нет, не будущее, а как раз прошлое. Она почувствовала — сработал следовательский инстинкт, не иначе, — что может вытянуть из него еще кое-что. Но не успела она раскрыть рта, как ученый заговорил сам:

— Самое странное тут другое. Де Альмейда верил не только в то, что обнаружил следы первого присутствия человека на континенте. Он утверждал, что разыскал корни зла.

— Корни зла?

— Он рассказывал, что раскопал нечто вроде святилища. Больше похоже на место преступления. Там был череп подростка, его скелет, а вокруг — другие останки. Кости, принадлежавшие взрослым людям, примерно сорокалетнего возраста. И с очень странными отметинами. Разбитые, поцарапанные, расколотые кремневым ножом. В общем, сами понимаете.

— Подросток был каннибалом?

— Да. И еще одна деталь. Альмейда якобы сделал анализ ДНК этих костей — что, между нами говоря, само по себе нелепо: на таких древних останках не могло сохраниться генетического материала, но допустим…

Никакого чуда в этом нет, мелькнуло в голове у Жанны, по той простой причине, что кости были не древние, а вполне свежие.

— И результаты анализов показали нечто такое, что просто не укладывается в голове.

— Что же?

— Кости жертв и кости подростка принадлежат к одной и той же генетической группе. Таким образом, наш докроманьонский человек пожирал собственных родственников. Братьев. Отца. Madre Dios! Послушать Альмейду, так они ели друг друга!

Громко свистнула кофемашина.

По-прежнему слышалось звяканье чашек и тарелок. Но оно не могло заглушить голос Феро, пробормотавшего:

— Тотем и табу…

72

Между Тукуманом и Формосой лежит 1200 километров.

Примерно 20 часов пути.

Человек, сдавший им напрокат машину — восьмицилиндровую «тойоту лендкрузер универсал», — предупредил их сразу. Пусть не надеются, что это будет увеселительная прогулка. Асфальтированная дорога проложена не везде, кое-где придется ехать по грунтовой. Нередко настолько узкой, что двум машинам на ней никак не разъехаться. И если навстречу выскочит грузовик, то поездка превратится в русскую рулетку.

— Машину могу вам дать только до Формосы, — решительно заявил он. — Дальше ищите местную. Это же конец света!

Жанна достаточно хорошо знала эту страну, чтобы ему поверить. Если уж аргентинец употребляет подобное выражение, значит Формоса действительно бьет все рекорды по заброшенности и дремучести. За прокат платила снова она. О состоянии своего банковского счета решила больше не думать. Владелец машины потребовал плату наличными — аргентинцы не доверяют кредитным картам. Безграничная империя электронных расчетов в итоге оказалась совсем не безграничной — и граница ее владений пролегала как раз здесь, в Аргентине. Пришлось искать банк. Заполнять кучу бумаг. Звонить в свой банк в Париже. На это ушла вся вторая половина дня.

Они подготовили к поездке внедорожник. Перевели спидометр на нулевую отметку. Познакомились с водителем, который был им совершенно не нужен; но в Аргентине человеческий труд ценится не так высоко, как износ автомобиля. Поэтому, арендуя машину, одновременно нанимаешь и шофера, чтоб было кому присматривать за настоящим сокровищем — четырехколесной колымагой.

И вот они тронулись в путь. Помчались с ветерком. Быстро спускались сумерки. Все вокруг окрасилось в пламенеюще-красные тона. Жанна открыла окно. В воздухе пахло раскаленной землей. Даже небо казалось припорошенным кирпичной пылью. Она не отводила взгляда от тянувшихся мимо возделанных полей. Пшеница. Кукуруза. Сахарный тростник. Здесь была зима. Холод стоял ужасный. И тем не

менее Жанна не могла отделаться от впечатления, что здешняя природа, как беременная женщина, готовится к тому, чтобы дать рождение новой жизни.

Они устроились на заднем сиденье. Феро почти сразу заснул. И тут же начал на нее валиться. Каждый раз Жанна осторожно отодвигала его от себя, через ткань рубашки ощущая пальцами хрупкие кости его тела. Мальчик-подросток в школьном автобусе. Ей вспомнилась похожая сцена из романа Франсуазы Саган «Любите ли вы Брамса?». История не слишком юной женщины, влюбившейся в парня моложе себя. Неужели и она докатилась до того же? Нет, чепуха. Нешуточный характер экспедиции — если смотреть правде в глаза, самоубийственной, — излечил ее от чувства неуверенности в себе. Она — следственный судья, и этим все сказано. Она представитель правосудия, у нее холодная голова, и ради исполнения своей миссии она пойдет до конца, не останавливаясь ни перед чем.

Время от времени она отрывалась от созерцания пейзажей и переводила взгляд на водителя, вернее, на его отражение в зеркале заднего вида. Метис: наполовину индеец, наполовину европеец. Человек, в чертах которого запечатлелась история всех аргентинских альянсов. Медленное смешение кровей. Поток миграции. Его лицо можно было читать как карту. Карту времен. С отмеченными на ней победами, битвами, союзами…

Она погрузилась в размышления. Справедливо или нет, но она полагала, что рассказ Тайеба имеет ключевое значение. Во всяком случае, «древняя» гипотеза получала некоторое подтверждение. Архаичный народ. Каннибальский клан. Группа людей, живущих по принципам кровного родства, инцеста и отцеубийства… Скрывающаяся в непроходимой чаще леса. И на протяжении тысячелетий избегающая всяких контактов с «цивилизованным» человечеством.

Самое невероятное обретало черты реальности.

И это невероятное породило монстра по имени Хоакин.

На обочине показалась автозаправка.

После многих километров полного безлюдья пара бензоколонок и обшарпанное зданьице воспринимались как подарок судьбы. Жанна вышла размять ноги и воспользоваться туалетом. К ней снова возвращалось полузабытое ощущение, знакомое по поездкам в Перу,

Чили, Аргентину. На этих пустынных землях даже автозаправка — место по определению шумное — окружена ореолом тишины. Как остров, утопающий в тумане. Или алтарь в нимбе святости…

У входа в здание сидели на корточках два индейца — с волосами до плеч и бесстрастными лицами. Проходя мимо них, Жанна уловила смешанный запах свежесрезанной травы и кислого молока. В электрическом свете их кожа блестела как бронзовая. Такие профили выбивали на щитах.

Или вырезали из кактусового дерева. От них исходила скрытая угроза. Особенно от глаз, настолько узких, что они напоминали прорези. Наверное, индейцы вовсе не собирались ее пугать, но все равно пугали.

Один из них держал в руке черный стакан и через железную трубочку потягивал мате. Рядом стоял термос с кипятком. Жанна вспомнила, что северо-восточная область традиционно считается районом, где возделывают траву мате.

— Что это он делает?

К ней подошел Феро — взъерошенный и еще заспанный, с лицом таким же помятым, как его куртка.

— Пьет мате.

— А что это такое?

— Травяной чай. Очень горькая штука. Широко распространен в Аргентине.

Индеец передал трубочку соседу, который все с тем же безучастным видом принялся в свою очередь потягивать напиток.

— Вот так подцепляют герпес! — с брезгливой миной попытался пошутить психиатр.

Жанна все больше склонялась к мнению, что он просто-напросто придурок. Во всяком случае, на просторах Аргентины его мелочность особенно раздражала. Она мысленно попрощалась с индейцами, которые не удостоили их даже беглого взгляда. Она почти физически ощущала огромную пустоту, внутри которой они существуют. Свобода — без имени и без пределов, полное слияние с пейзажем. Никаких подпорок, свойственных буржуазному укладу. Никакого принуждения духа. Они были на «ты» с богами, с бесконечностью бытия.

Единственными границами, которые они признавали, были горизонт и смена времен года.

Они снова тронулись в путь.

Асфальт уже давно сменился грунтовкой. Жанна пересела вперед. Дорога не давала расслабиться. Стоило машине чуть увеличить скорость, как начиналась тряска, пронзавшая до костей. Потом вдруг под колесами пошел песок. Теперь они пробирались вязкой тропой. У Жанны возникло противное ощущение, что все ее тело тоже готово рассыпаться, как груда песка.

Она развернула карту. Принялась изучать маршрут. Единственная ведущая на восток дорога делала широкую петлю в сторону юга, затем поднималась к северу и пересекала провинцию Сантьяго-дель-Эстеро. Наверное, через каждые сто километров им будут встречаться деревушки…

Проснулась она в два часа ночи. За окнами кромешная тьма. Бросила взгляд на спидометр: 700 километров. Видимо, ее разбудил инстинкт. Действительно, монотонность пути нарушило важное событие: они проезжали перекресток. С 89-го шоссе сворачивали на 16-е, начинавшееся от деревни Авия-Терай. Водитель крутанул руль вправо, тем самым как бы отмечая, что они въехали в другую провинцию — Чако. На индейском диалекте — «охота».

Жанна снова взяла карту. Теперь они двигались в сторону Ресистенсии. Вскоре свернут на 11-е шоссе. Потом еще 200 километров — и будет Формоса. Сквозь полудрему припомнилась шутка. В Буэнос-Айресе говорили, что решить проблему с пенсиями очень просто: надо отправить всех стариков на каникулы. Зимой на Огненную Землю, а летом — в Формосу. И каждый имеет право выбрать, от чего помереть — от холода или от жары. Еще говорили, что на северо-востоке люди работают только по ночам, потому что днем здесь пекло не хуже, чем в аду…

Карта выпала у нее из рук. Она снова спала, и ей снились Альфонсо Палин и Хоакин. Хоакин был еще ребенком, тем самым, что она видела на фотографии. С кожей в ошметках коры, листьях и шерсти, приклеенной слюной и грязью. Отец стоял у него за спиной. Она обратила внимание на его серебристую шевелюру, а потом заметила сзади нечто странное, какое-то непривычное продолжение тела… Ах вот в чем дело! Альфонсо Палин был кентавром! Получеловеком, полуконем. И он, и его сын — всего лишь герои мифов.

73

Формоса напоминала курортное местечко — пальмы, дома в свежей краске. Если пересечь город из конца в конец, упрешься в реку Парагвай — мутно-серую, сливающуюся с горизонтом. Вдали над медлительными волнами покачивались какие-то кустарники, по присутствию которых только и можно было догадаться, что это не море, а некое непонятное место между небом и водой. Если Тукуман располагался в центре небытия, то Формоса — на его окраине.

Шофер высадил их возле отеля «Интернасьональ», в котором обычно селились иностранцы. Приятной неожиданностью стала температура окружающего воздуха. В июне раскаленная сковородка этой области немного остывает, и сейчас было что-то между 20 и 30 градусами тепла. Метис, ни слова не говоря, отнес их багаж в гостиничный холл и испарился. Ему предстояло еще двадцать часов обратной дороги. Без малейшей передышки. Способность покрывать подобные расстояния в крови у аргентинцев. В их венах течет пространство, одиночество и время.

Жанна сняла два номера и заплатила за оба вперед. Они разошлись по комнатам. Жилье оказалось под стать городку. Просторное. Пустынное. Жаркое. Жанна включила кондиционер. Распахнула шторы и стала смотреть на реку у себя под окном. Конец света — это река Парагвай. Будь посветлее, наверное, она разглядела бы ее дальний берег. Но в нынешний туманный и сумрачный полдень он казался нереальным, как и весь этот край, словно недоступная Атлантида.

Жанна предупредила Феро, чтобы на протяжении ближайшего часа он ее не беспокоил. Этого времени, по ее расчетам, должно было хватить, чтобы найти новую машину с шофером. Она позвонила портье. Есть ли в городе турбюро? Нет. Всеми туристами занимался один-единственный человек, не имевший даже фамилии, только имя — Бето. Жанна набрала его номер. Он снял трубку на втором звонке, как будто ждал вызова. Жанна объяснила, что ей требуется. Бето сказал, что он свободен. И готов помочь. Не могла бы она встретиться с ним, чтобы поподробнее рассказать о маршруте? Разумеется. Тогда

через пять минут он подойдет в отель, к стойке портье. Похоже, она только что поставила личный рекорд по скорости организации путешествия.

Все же она позволила себе на несколько минут зайти в душ и переодеться. Спустилась в холл, где Вето уже поджидал ее. На первый взгляд он показался ей постаревшим скаутом. Лет около сорока. Широкополая шляпа, рубашка и шорты цвета хаки. Крупные руки, гольфы до колен и улыбающаяся физиономия дополняли картину.

Он подошел и чмокнул ее в щеку, что Жанне совершенно не понравилось, хотя она знала, что в Аргентине так принято. Она предложила ему пройти для разговора в ресторан. Был час дня, постояльцы отеля обедали, и они с трудом нашли свободный столик. Жанна запаслась позаимствованной у портье картой северо-восточной области Аргентины, развернула ее и объяснила Бето, что не собирается осматривать ни водопады Игуасу, ни развалины Сан-Игнасио — единственные достопримечательности края. Расположенные, кстати сказать, на расстоянии в тысячу километров друг от друга.

Скаут стянул с головы шляпу:

— Нет?

— Нет. Я хочу проехать в Кампо-Алегре.

— Да что там смотреть-то?

— Не важно. Мне надо именно туда.

— Зачем?

— Чтобы попасть в Каннибалов лес.

— Туда нельзя попасть.

— Лучше расскажите, как до него добраться.

Бето вздохнул и ткнул пальцем в карту:

— Мы вот здесь, в Формосе. Если мы туда двинем, придется ехать по восемьдесят первому шоссе. Если я говорю «шоссе», то это просто дань современности. На самом деле это тропа, местами непроходимая.

— А потом?

Бето повел палец дальше:

— Проезжаем двести километров. Вот в этой точке, это Эстанислао-дель-Кампо, спускаемся к юго-востоку, пешеходной тропой, до Кампо-Алегре.

— Сколько времени займет дорога?

— Половину дня, может, больше.

— А до Каннибалова леса?

Он поскреб рукой щетину на подбородке:

— Надо разузнать у людей. Я туда еще никого не возил. Но мне кажется, что единственный способ туда попасть — это подняться по реке. Она называется Бермехо. Знаете, что это значит? Красное золото. Ее так назвали из-за цвета. Думаю, по ней можно на барже доплыть до Парагвая.

— На барже? Очень хорошо.

— Подождите радоваться, пока ее не увидите.

— И баржа довезет нас до леса?

Бето рассмеялся:

— Баржа не останавливается! Там же вокруг тысячи гектаров затопленных земель! Болото на болоте! И yungas! Абсолютно необитаемые.

— Yungas? — переспросила Жанна, хотя уже поняла, что ее собеседник имеет в виду джунгли.

— Субтропические леса. Большая их часть затоплена водой. Там кишмя кишат кайманы и пираньи, а вокруг — зыбучие пески. Туда даже егеря боятся заглядывать. Не местечко, а черт знает что такое. Там земля не стоит на месте, понимаете?

— Нет, не понимаю.

— Ну, это такие плавающие острова, более или менее связанные между собой. Называются embalsados. Вот, например, вы идете по дороге. Берете на заметку какой-нибудь знак. А когда возвращаетесь обратно, там уже все не так. Деревья, почва, ручьи — все переместилось.

Жанна смотрела на закрашенную зеленым область на карте. Значит, это лабиринт? Хитросплетение зарослей, непостоянство речушек и тропинок — может, в этом и состоит секрет выживания народа каннибалов?

— А вот тут какие-то названия… Это деревни?

— Сеньора, мы с вами в Аргентине. Вы видите на карте название. Но это не значит, что на этом месте вы хоть что-нибудь обнаружите. В лучшем случае табличку на вкопанном в грязь столбе. Или остатки забора.

— А Кампо-Алегре?

— Да, там еще сохранилась пара-тройка бараков. Но в основном это селение известно из-за военного лагеря, который там находился. Его закрыли в девяностых. А зачем вам туда?

Застигнутая вопросом врасплох, Жанна наплела что-то про книгу о первобытных цивилизациях, над которой якобы работает.

— У вас много оборудования?

— Только фотоаппарат.

Кажется, Бето ей не поверил. Жанна снова уставилась в карту. На ней было отмечено — «Selva de las Aimas». Интересно, почему Хоакин во время сеанса гипноза, а еще раньше Роберж в своем дневнике перевели это название как Лес духов? Души и духи ведь совсем не одно и то же…

— Существует легенда, даже несколько, — пришел ей на помощь Бето. — Для обозначения лесных духов используют многие слова. Almas — души. Espiritus — духи. Fantasmas — призраки. На самом деле все еще сложнее. Индейцы говорят про этот лес, что он «неживой». Что это мир, каким он был до появления человека. «Неживые» духи кочуют вместе с embalsados, потому что по сути они странствующие души.

— А на что похожи духи?

— Некоторые индейцы говорят, что они огромные, как великаны. Другие, наоборот, утверждают, что они как карлики. Есть и более современное толкование. Кое-кто верит, что это души заключенных с военной базы — тех, кого солдатня живьем сбрасывала с самолетов в лагуну на прокорм кайманам.

Теперь Жанна поняла, почему Роберж писал в своем дневнике о мертвых душах. В древности римляне поклонялись душам умерших предков, расставшимся с телом. Раз в год им приносили жертву. И мертвые души выходили из ада через узкую щель, специально для этого оставленную в гробнице…

— То есть их никто никогда не видел?

— Сеньора, все это россказни неграмотных индейцев. Они обожают такие вот байки. Болтают про таинственное исчезновение егерей… Про пропажу вещей и материалов. Но я учился в университете в Ресистенсии, и ничто не заставит меня…

Жанна не слушала разумные речи Бето. Мифы питаются фактами, давними, но реальными, пусть и искаженными человеческим

воображением. Как знать, может быть, в легендах о Кампо-Алегре нашли отражение действительные события, доказывающие, что существование первобытного народа в чаще джунглей — тоже реальность. Народ, живущий под властью Эроса и Танатоса — вожделения и стремления к смерти. И отдающий явное предпочтение второму богу — богу разрушения.

Да, повторила про себя Жанна. Если легенды порой основываются на правде, они могут указать путь к решению сегодняшней запутанной загадки, которая только кажется мистикой…

— Сколько вы возьмете, чтобы отвести нас туда?

— Сеньора, — хохотнул он, — при чем тут деньги?

Это означало, что придется торговаться. Решение пришло сразу. Она повторит маневр, опробованный в Тукумане. Пойдет в банк. Получит наличность. Выжмет свой счет досуха. До последнего евро. О чем тут думать? Назад дороги нет.

Кажется, ее впервые обожгла эта мысль: а сможет ли она вернуться назад?

74

Ад под пальмами.

Пальмы, пальмы — ничего, кроме пальм.

Сотни, тысячи, миллионы пальм — насколько хватает глаз. Ветви, протянутые в бесконечность, острые, как штыки. Сухие. Сожженные. Обуглившиеся. Иголками впивающиеся в глаза. Кинжалами полосующие тело. Перерубающие артерии. Торопящиеся отдать кровь главному божеству — солнцу…

У подножия этих громадин тянулись непроходимые заросли кустарников; вверх по стволам карабкались лианы. Казалось, дорога покрыта тонким, как паутина, серым покрывалом, сквозь которое струится невидимый и обжигающе горячий воздух. Земля была кирпичного цвета. В голубом небе плыли флотилии облаков непривычно четких очертаний, словно сошедшие с полотна художника XVII или XVIII века. Ватто? Пуссен? Гейнсборо? Там, на картинах, были только копии, а оригиналы — вот они, хранятся как ни в чем не бывало в лазоревой синеве над Аргентиной.

Жанна восхищенно озиралась вокруг, ища признаки жизни — человеческой или звериной. Не сказать, чтобы их было много. Электрические столбы, треснувшие от жары. Колья заборов. Нанду — аргентинские страусы, продирающиеся сквозь кусты. И прямо на тропе раздувшиеся от зноя трупики ящериц.

Финансовые манипуляции заняли у нее несколько часов. Все это время Бето готовил машину — джип «лендкрузер», — явного ветерана многих экспедиций. Потом они запасали снаряжение, необходимое для ночевки в джунглях. Палатка. Кое-какая утварь. Мачете. Сушеное мясо. Обезвоженные овощи. Арахис…

В 16.00 они покинули Формосу. Назад никто не оглядывался.

Дорога чем дальше, тем становилась хуже. Проваливалась, виляла в сторону, ерошилась кочками — короче, вытворяла нечто невообразимое, словно жила собственной жизнью. Джип давно бросил попытки объезжать неровности рельефа и брал их приступом. Мотор натужно пел свою песню, переходящую в рев. Ему аккомпанировал лязг барахла, сваленного в багажнике.

Бето, не обращая ни малейшего внимания ни на тоскливое однообразие пейзажа, ни на грохот, ни на жару, болтал не закрывая рта. Описывал редкие местные достопримечательности. Излагал политические проблемы. Рассказывал о народных индейских промыслах.

Жанна прервала его. Ее интересовали некоторые детали:

— Народ, населяющий эту область, называется матако?

— Никогда не произносите вслух это слово! Оно считается презрительным, а изобрели его испанцы. По-испански mataco — это броненосец, знаете, такой маленький зверек, который прячется в кустарниках. Сами себя индейцы называют иначе. У них племенные имена — тоба, пилага, вичи…

— Какого они нрава?

— Опасного. Они так и не смирились с испанским нашествием. Формоса была последней завоеванной провинцией. Столице меньше ста лет.

— Какой у них образ жизни?

— Традиционный. Охота, рыболовство, собирательство.

— Они используют урукум?

— Что-что?

— Растение с красными семенами, которыми натирают тело.

У скаута под шляпой загорелись глаза:

— Конечно! Называют они его по-другому, но в обрядах используют, это точно!

Что ж, еще один кончик нити привел в нужное место. Клубок постепенно разматывался.

— А что, — снова заговорила она, — индейцы часто ходят в Лес мертвецов?

— Разве что на опушку. Они его боятся.

— Из-за призраков?

Бето изобразил глубокую задумчивость, очевидно, полагая, что должен подчеркнуть значимость ответа:

— Видите ли, во всем этом присутствует своего рода… э-э… символика. Для них лес и его embalsados являются прообразом всего мира.

— Не понимаю.

Давая пояснения, Бето выпускал из рук руль и снова хватался за него, когда «лендкрузер» заносило в сторону.

— Проделайте один опыт. Задайте индейцам какой-нибудь вопрос. Они вам ответят. Назавтра задайте им тот же самый вопрос. И вы получите совершенно другой ответ. Их восприятие мира изменчиво, понимаете? Как этот лес и эти земли, не способные стоять на месте.

Около семи вечера — уже совсем стемнело — Жанне срочно понадобилось выйти и она попросила остановить машину. На улице заметно посвежело. Она прикинула: Чако отстоит от экватора на такое же расстояние, что и Сахара, — только не к северу, а к югу. Вот почему и зимы здесь похожи: днем обжигающе жарко, по ночам — чудовищно холодно.

Дрожа всем телом, она направилась к ближайшим деревьям. Только присела, как раздался крик, от которого кровь стыла в жилах. Хриплый, низкий, устрашающий. Он звучал одновременно близко и далеко, и эхо его металось в кустах.

Жанна вскочила, разведя руками высокую траву. Она узнала этот крик. Точно такой же огласил стены кабинета Феро. О нем говорили этолог Эстевес и Пьер Роберж. Так кричат обезьяны-ревуны. Ну, кричат себе и кричат — чего пугаться? Но Жанну охватил ужас, как будто по пятам за ней гнался Хоакин.

Она бегом бросилась к машине. Бето по-прежнему щеголял в шортах, правда, натянул теплую куртку. Сейчас, облокотившись на капот, он цедил мате. Феро потягивался и приседал, разминая ноги. Лица у обоих были покрыты красноватой пылью. Жанна догадалась, что и сама выглядит не лучше.

— Слышали?

— Конечно, — кивнул Бето, не выпуская зажатой между зубами соломинки.

— Это обезьяны-ревуны?

— Их тут полным-полно.

Бето не выказывал ни малейших признаков испуга. И с видом знатока добавил:

— Они внесены в Книгу рекордов Гиннесса как самые шумливые создания на планете.

Жанна оглядела своих соратников. Бето, в шляпе гаучо, явно купленной в сувенирной лавке аэропорта, и костюме исследователя,

слизанном с Индианы Джонса, меньше всего походил на надежного проводника, знающего все тропки и умеющего найти выход из любого положения. Что же до Феро…

Поднимусь с ними по реке, а потом брошу их. В лес пойду одна…

75

Кампо-Алегре оказалось призрачным поселением. Точнее говоря, призраком поселения.

Они добрались до него около полуночи. Пыльные улицы, проложенные по голой земле и утрамбованные тысячами ног. Хибары из бетонных блоков. Тощие, какие-то пришибленные собаки — наверное, весь день маялись от жары под безжалостным солнцем, а теперь, с наступлением ночи, дрожат, бедные, от лютого холода. Солдаты — кое-как одетые, на вид почти такие же пришибленные, больше всего похожие на забытых на никому не нужном посту часовых, которым уже не дождаться смены.

Если бы не неверный свет укрепленных у порога домишек штормовых ламп, они бы и вовсе ничего не разглядели. Но еще хуже темноты было давящее, засасывающее ощущение разлитой вокруг пустоты. Кампо-Алегре — населенный пункт без населения. Выморочный городишко. Казалось, хватит порыва ветра посильнее, чтобы сдуть его с лица земли. Если раньше окружающие болота не поглотят его без остатка.

В конце главной улицы обнаружился мотель.

Приземистое кирпичное строение, разделенное на комнатушки. Ветер гнал по улице опавшие листья, поднимал фонтаны пыли, заставлял стонать и гнуться пальмы. Ночь как будто заходилась в приступах натужного кашля, снова и снова судорожно отплевываясь.

— Могло быть и хуже, — заметил Бето, загоняя машину на стоянку. — А внутри там очень даже ничего.

Они выбрались из джипа. Температура упала еще на несколько градусов, так что теперь было что-то около нуля. Тьма впивалась в тело тысячей мелких укусов. Напротив гостиницы горел костерок, вокруг которого собралась небольшая группка закутанных в платки женщин. Их профессия не оставляла места сомнениям. Изо рта у них вырывался пар. Лица в обильной косметике в отблесках огней казались раскрашенными глиняными масками.

Проводник сообщил, что будет ночевать неподалеку, в доме одного своего родственника. Встретиться договорились завтра утром, в

7.45. Баржа на Парагвай отчаливала в 8.30.

Процедуру регистрации Жанна проходила в полузабытьи. Журнал записи. Паспорта. Плата вперед. Ключи. Двигалась она как заводная кукла. Мысли мешались. От ужина в компании Феро, даже поданного в номер, отказалась. Пожелала ему спокойной ночи и пошла к себе.

Четыре серые стены. Продавленная кровать. Мятое покрывало. Лампочка, горящая вполнакала. Вместо ванной комнаты — душевая кабина. Она взглянула на экран мобильника. Новых сообщений нет, но сеть принимает. Значит, она не вышла за пределы цивилизованного мира. Пока еще не вышла.

С благодарностью подставила тело под струю воды, смывающую накопившуюся пыль и грязь. Выключила свет и забралась в постель. Стоило прикрыть веки, как перед ней потянулись ряды пальм, заросли кустов, оплетенных колючками… В голове метались образы огня, засухи, злобной жестокости. После тряски в джипе руки и ноги все еще подрагивали. Бесконечная саванна проникала в нее, подчиняла себе…

Тем не менее чувствовала она себя хорошо. Измотанной. Отупевшей от усталости. Одурманенной. Все на свете куда-то отдалилось. Неминуемая опасность. Близкое присутствие Хоакина. Тайна леса… Отныне ничего из этого больше ее не волновало. Она перестала даже понимать, к какой цели движется. Единственное, в чем она теперь была уверена, — это путешествие изменило всю ее жизнь. Закалило душу. Карл Юнг писал: «Невроз есть страдание души, утратившей смысл существования». Может, ее душе тоже удастся обрести смысл существования? До сих пор она верно служила одному только Эросу. Искала любовь. Но находила в основном смерть. Насильственную смерть. Владения Танатоса. Выходит, только в своей ипостаси следственного судьи она достигала наибольшей цельности…

Она свернулась под одеялом в клубок. Мысли скакали, перепрыгивая с одного на другое. Вспомнились последние одинокие ночи в Париже. Как она слушала цифровые записи. Как мастурбировала в сумерках. Ей стало совестно за горькую печаль тех тоскливых часов. Но теперь все изменилось. Вот уже много дней, как она к себе не прикасалась. Вся эта грязь больше не имела к ней никакого отношения. С головой окунувшись в кошмар, она странным

образом ощутила себя очистившейся. Просветленной. Она по пятам преследовала зло.

И вдруг почувствовала присутствие Хоакина.

Здесь, в ее комнате.

Черная неподвижная фигура, выгнувшаяся дугой на краю ее кровати. Он выглядел точно таким, как на снимке. Кожа в нашлепках древесной коры, листьев и звериной шерсти. Рот измазан кровью. Он вращает глазами, в которых светится безумие жестокости, не видя ее. Он дрожит, как будто ему холодно, очень холодно. И он не один.

У него за спиной маячит силуэт его отца. Высокий и худощавый мужчина замер в неподвижности. Светлым пятном на фоне тьмы выделяется седая шевелюра. Во сне — ибо она уже спала — Жанна услышала, как отец дает сыну приказ к нападению.

Но дитя джунглей приближается к ней тихим шагом. Вот она уже может рассмотреть его омерзительное лицо. Услышать его дыхание. Хриплое, скрежещущее. Как будто привычка выть по-звериному навсегда лишила его способности нормально дышать. Жанна лежала беспомощная, не в силах пошевелиться, словно из нее выпустили всю кровь…

Хоакин протянул к ней свою вывернутую под немыслимым углом руку. Провел длинными кривыми ногтями по ее лицу. Склонился ближе. Обдал запахами влажной земли, древесных корней и крови. Обнюхал ее. С шумом втянул в себя воздух. Она все глубже погружалась в сон. Ее охватило чувство безмятежного покоя. Она вдруг поняла, что он никогда не причинит ей зла. Он относится к ней с уважением. С почтением…

Она — его богиня. Его Венера.

Поэтому для него она неприкосновенна.

76

7.45.

Жанна рывком вскочила с кровати. На экране мобильника светились цифры, показывая время. На этот час она назначила встречу Бето и Феро. Наверное, они уже сидят за завтраком. Она быстро натянула джинсы и майку. Сверху одну на другую надела две водолазки. И пулей бросилась вон из комнаты.

На улице светило солнце. Белое, яркое, холодное. Чтобы согреться, Жанна потерла руки и постучала в дверь Феро. Тишина. Она заколотила что было сил. Наконец дверь распахнулась. Психиатр стоял на пороге заспанный, с взъерошенными волосами.

Тоже проспал.

Два обормота…

— Уже почти восемь, — сухо сообщила она. — Упустим баржу.

— Э-э… Да… Я как раз одевался…

— Жду тебя в ресторане, в главном здании, — почему-то переходя на «ты», приказала она. — Бето, наверное, уже давно там.

— Хорр… Хорошо.

Жанна пошла вдоль коридора. Она сама еще толком не проснулась, в голове бродили обрывки смутных образов, неясных ощущений…

Бето в ресторане не оказалось. Только сейчас она сообразила, что даже не взяла у него номер мобильного. Ну и плевать, решила она. На стойке бара стояли термосы. Кофе. Молоко. Кипяток. Не присаживаясь, Жанна налила себе чашку кофе.

От подсохших ломтиков хлеба на блюде решила воздержаться.

8 часов.

Баржа отчаливает через 30 минут. Куда же апропастился Бето? Или надумал их бросить? У нее за спиной раздался шум. Феро. Явился. Более или менее собранный. В руках — сумки.

— Пей кофе, — приказным тоном велела она. — Я пока схожу за своими вещами. Потом пойдем поищем Бето. Он у родственника.

— Мы же не знаем адреса!

— Ничего, найдем. Он сказал, это в двухстах метрах. Я на всякий случай поинтересовалась.

Через несколько минут они уже пересекали главную улицу Кампо-Алегре. По обеим сторонам тянулись блочные бараки и деревянные хибары, где крытые рубероидом, где просто затянутые пластиковой пленкой. Все вокруг было настолько серым, словно в природе вообще не существует другого цвета. В пыли бродили куры. То и дело навстречу им попадалась то собака, то свинья, то лошадь… По сравнению со вчерашней ночью оживления, конечно, немного прибавилось, но на всем лежала печать какой-то сонливой заторможенности. Городишко явно находился на последнем издыхании.

Жилище родственника Бето они разыскали на второй улочке слева; шаткое дощатое сооружение в глубине посыпанного песком дворика притулилось третьим с правой стороны. Жанна энергично постучала в дверь. Никакой реакции. Уехать без них проводник не мог — «лендкрузер» по-прежнему был припаркован на стоянке мотеля.

— Бето?

Она вытащила железный прут, выполнявший функцию засова, и толкнула дверь. В косых лучах света, проникавших сквозь щелястые стены, взору открылся настоящий склад всевозможной утвари и инструментов. Кастрюли, мачете, веревки, фанерные ящики, ткани, сковородки, тряпки, мешки с арахисом, банки, бутылки… Все это висело на гвоздях либо громоздилось живописными грудами, как сокровища Али-Бабы в уцененном варианте.

— Бето?

Она сделала пару шагов, пробираясь через кавардак. Внутри лачуги царил теплый, приятный полумрак. Пахло древесными опилками.

В углу она заметила гамак:

— Бето?

Он был там, в полотняной люльке, с лицом, накрытым шляпой. На полу под ним чернела большая лужа. Грузное тело, как будто отягощенное смертью, почти касалось земли. Жанна подошла поближе. Узкая полоска света легла на горло Бето — то, что было его горлом, а теперь превратилось в зияющую рану, протянувшуюся от уха до уха. Убийца орудовал с нечеловеческой силой, перерубив не только

сонную артерию, но и яремную вену. В том, кто виновник преступления, она не сомневалась.

— Не могу больше…

Голос Феро донесся у нее из-за спины. Психиатр трясся мелкой дрожью. Она же, напротив, стояла на месте, застыв как изваяние. Собственная кровь, вдруг ставшая тяжелой, медленно толкалась в жилах. Хоакин. Он хочет, чтобы мы прийти к нему одни. Без посторонней помощи. Без снаряжения. В Лес мертвецов…

Феро схватил ее за плечо и резким движением развернул к себе:

— Вы слышали, что я вам сказал? Я ТАК БОЛЬШЕ НЕ МОГУ!

— Успокойтесь.

Ее вдруг осенило. Хоакин не желает, чтобы в Лес мертвецов приходили «они». Он ждет ее, ее одну. И Феро — следующий в списке жертв. При первом же удобном случае дикарь его уничтожит.

Он выпустил ее плечо. Стоял, понурив голову, безвольно опустив руки:

— Да, мне надо успокоиться. И вот еще что. Я выхожу из игры.

— Как хочешь.

— Вы собираетесь продолжить в одиночку?

Жанна посмотрела на часы:

— Баржа отчаливает через десять минут.

И двинулась к двери.

— А как же он? Вы что, бросите его здесь? А полиция?

Уже с порога она обернулась к Феро:

— Какая полиция? Пока индейцы доберутся до ближайшего полицейского участка, пройдет не меньше трех дней. Да и не будет никакого расследования. Никто не увидит связи между Бето и нами. Приехали мы ночью. Ночевали в разных местах.

— А как же машина? А снаряжение?

— Придется бросить. Садись на автобус и возвращайся в Формосу…

— Нет.

Он нагнал ее в дверях. Жанна едва удержалась, чтобы не заорать на него, приказать ему немедленно уезжать во Францию. Домой, к своим завиральным теориям из области человеческой психики. И дать ей спокойно делать свое дело. Феро как-то странно смотрел на нее:

— Что это у вас с лицом?

Протянув руку, он отвел со лба Жанны прядь волос:

— Здесь кровь. Вы что, поранились?

— Где? — не поверила она, ощупывая себе лицо.

— Вы трогали труп?

Она не ответила. Даже если бы она сунулась головой в разверстую рану на теле Бето, и то не могла бы так вымазаться. К тому же кровь на горле несчастного проводника давно запеклась. Эта кровь была другого происхождения. Жанна резко развернулась и вернулась в комнату. Сняла со стены зеркало, поднесла к лицу. На левом виске виднелась темная полоса. Она откинула волосы назад. Это не просто след. Это отпечаток ладони. Части ладони. И двух пальцев — безымянного и мизинца.

Тонких пальцев.

Детских.

Жанна на миг задохнулась: ей стало понятно, что произошло. Это был никакой не сон. Когда она почувствовала себя Венерой и увидела, как покрытый коркой из лесного мусора Хоакин склоняется над ней, это была самая настоящая реальность.

Маленький дикарь принес в жертву Бето, а потом явился к ней.

Она по-прежнему держала в руке зеркало, второй рукой приглаживая волосы. И тут заметила, что отпечаток ладони на виске был вывернутым. Сначала ребро ладони. На лбу. Потом следы опущенных вниз пальцев. Жанна попыталась вспомнить сцену, пережитую в гостиничном номере. Вот Хоакин приближает к ней лицо, обдавая своим дыханием. И опускает окровавленную руку — руку убийцы и каннибала — ей на лоб.

Почему рука вывернута под неправильным углом?

Ответ пришел сам собой.

Потому что его накрыл очередной приступ.

И его запястья повернуты внутрь.

77

В Древней Греции верили, что подземные адовы реки сообщаются с земной поверхностью. Водопад Стикс обрушивал свои воды в узкий речной рукав в Аркадии, на севере Пелопоннеса. Ахерон протекал по территории Эпира и впадал в Ионическое море. Еще одна река с таким же названием орошала Лаконию и бесследно исчезала близ мыса Тенар, где, как считалось, и располагались адские врата…

На палубе баржи Жанна размышляла, к какому аду несет ее течение реки Бермехо. К Лесу мертвецов? К народу Танатоса? Если только не думать о том, что все ее расследование само по себе — сплошной ад. Оставь надежду, всяк… Ну и так далее. Стоит кому-нибудь чуть приблизиться к ней, и его увлекает вихрь насилия и жестокости.

Жанна пыталась отыскать в душе подобие сочувствия к Бето. Бедолага, которому просто не повезло попасться им на пути. Искала и не находила. Тело они бросили. Сбежали. Сейчас она очень надеялась, что не ошиблась. Что никто не увидит связи между их экспедицией и убитым шофером.

Или что они хотя бы успеют добраться до леса и затеряться в нем до того, как на место преступления нагрянет полиция.

Она вспоминала Марион Кантело. Нелли Баржак. Франческу Терча. Франсуа Тэна. Эдуардо Мансарену. Хорхе Де Альмейду… Других несчастных, вольно или невольно подошедших слишком близко к народу embalsados. Реальному или призрачному. Но что толку оплакивать умерших? Единственное, что Жанна еще могла сделать для них, — это довести свое дело до конца. Найти Хоакина и остановить его. Любым способом. Она как наяву услышала голос Павуа: «Эта карма — ваша».

Жанна сидела на носу баржи. Обернувшись, она посмотрела себе за спину. Картина того стоила. Ржавая, склепанная на живую нитку развалюха длиной шестьдесят метров тащила на себе несколько сотен индейцев, домашнюю скотину, мешки с припасами, канистры бензина, собак, дрова, канаты… Здесь же сохло на веревках белье, горели переносные жаровни, пассажиры заваривали мате, звякали кастрюли…

Настоящая плавучая деревня — оживленная, многолюдная, по-своему живописная…

Баржа медленно продвигалась вперед, унося их все дальше и оглашая шумом окрестности. По берегам тянулись типично тропические джунгли. Вершины деревьев сплетались над поверхностью реки. Ничего похожего на пальмовый лес. Жанна понимала природу этого феномена. Повышенная влажность дает жизнь бурной растительности. Плотной. Густой. Запутанной. Аргентинцы называют такие леса selva en galeria. Лес-галерея.

Жанна не отводила взгляда от черно-зеленых стен по сторонам. Путаница лиан. Обилие листвы. Цветы на ветвях. Но главное — деревья. Бесчисленные. Огромные. Стоящие плотно, не оставляя между собой ни единого просвета. Пальмы, конечно, но не только. Рожковое дерево. Мангровое дерево. Банановое дерево…

Она опустила глаза. Река, несмотря на название, вовсе не была красной. Скорее уж ее зеленоватый цвет напоминал старую бронзу. С вкраплениями желто-оранжевой меди. И серых свинцовых бликов. Металлическая река… Можно подумать, она вобрала в себя земные внутренности, впитала их, растворила и теперь несет в своих водах.

Тянулись часы. Чем дальше в лес углублялась баржа, тем тише делалось на борту. Голос джунглей подчинил себе прочие шумы. Шорох листьев. Птичий свист. Стрекот цикад. Вдруг без всякой видимой причины все звуки стихали. Тогда становилось слышно грузное шлепанье металлического корпуса по глади реки. Как будто время и пространство материализовались и в неразрывном своем единстве продвигались вперед, взбаламучивая илистое дно…

Пассажиры начали хлопотать насчет обеда. В ржавых железных бочонках разводили огонь, жарили говядину. Индейцы пригласили Жанну и Феро присоединиться к трапезе. Они вместе со всеми устроились под натянутыми над палубой брезентовыми тентами, спасающими от зноя. Жанна взяла себе кусок розовато-серого мяса. Психиатр хрустел сырыми овощами.

Чуть позже, когда все вокруг задремали после еды, вдруг раздались громкие вопли. Кричал капитан, высунув голову из рулевой рубки. Это был индеец лет пятидесяти, безбородый и лысый. К тому же лишенный ресниц и бровей. Когда Жанна поднималась на судно, он перехватил ее удивленный взгляд и объяснил, что специально удаляет

у себя с лица всякую растительность, чтобы не давать приюта насекомым…

Сейчас он осыпал бранью нескольких молодых женщин, которые, старательно изображая ужас, искренне веселились.

— Что там такое? — не поднимая головы, спросил Феро, устроившийся на груде пустых мешков. — Что он говорит?

— Что если они не оставят его в покое, он их всех изнасилует. И добавляет, что охотно сбрил бы себе еще что-нибудь, лишь бы избавиться от назойливых паразитов.

Психиатр ничего не ответил. Очевидно, индейский юмор до него не доходил. Сгорбившись, он сидел на своих мешках, похоже, все еще во власти пережитого утром шока.

Жанна снова перевела взгляд на непроходимую стену джунглей. Она вспоминала, что говорил Бето. Бермехо опоясывает лес и окружающие его болота, чтобы через несколько сотен километров выйти к границе с Парагваем. К цивилизованному миру.

В «неживом» лесу никто никогда не останавливался, хотя именно туда лежал путь Жанны и Феро. Но как им добраться до берега? И смогут ли они проникнуть в сердце джунглей?

На всякий случай она посмотрела на экран мобильника. Поиск сети… Всё, они пересекли незримую линию. Когда она убирала телефон на дно сумки, в горле встал комок. В ту же секунду она заметила под проплывающими мимо вершинами деревьев какую-то странность. Что-то серое и угловатое, почти сливавшееся с серым однообразием лиан и листвы, но слишком ровное и правильное, чтобы принадлежать растительному миру.

Она поднялась. Прищурилась под ярким солнцем. В хитросплетении ветвей мелькнуло строение из серого бетона. Простая коробка, почти неразличимая на фоне деревьев. Творение рук человеческих, заброшенное и готовое вернуться к природному состоянию, снова стать обыкновенным минералом…

Она уже все поняла. Старательно обходя тенты, перешагивая через ведра с водой, огибая коз и индейцев, пробралась к ржавой металлической будке, где помещался капитан.

— Что это такое, вон там, под деревьями?

Капитан не оторвал рук от штурвала и даже не обернулся на ее голос.

— Там мелькнуло какое-то здание, — не отставала Жанна. — Что это такое?

— Кампо-Алегре. Концлагерь.

Значит, она догадалась правильно. То, откуда все началось. Колыбель, давшая рождение Хоакину. Кажется, она уже начала относиться к этому месту как к святилищу. Как к мифу. Интуиция подсказывала, что там ее ждут находки.

— Сколько, чтобы остановиться?

— Нисколько. Там нет причала.

Она порылась в карманах куртки. Нащупала конверт с наличностью, выданный в банке Формосы. Все ее сбережения. Быстро пересчитала деньги и вытянула из пачки 200 песо. И выложила на приборную доску — три треснувших циферблата, рукоятки, обмотанные скотчем.

— Вы думаете, вы тут одна на борту?

На капитане была майка с изображением Христофора Колумба. Поверх головы — надпись: «Разыскивается». Внизу — сумма награды. Пять тысяч долларов. Что ж, все ясно.

— Сколько? — повторила Жанна. В тесноте рубки она задыхалась.

Лысый капитан молчал. Баржа продолжала ползти вперед, минуя серое строение. В грязное оконце Жанна видела, как оно понемногу уплывает назад.

— СКОЛЬКО?

Она глядела на полузатопленные бараки, обрушившийся понтонный мост. Он уже наполовину утратил вид искусственного сооружения и едва просматривался под оплетшими его водными растениями.

— Вон туда, — указала она пальцем. — Остановитесь ровно на час. Я добегу до военной базы и тут же вернусь.

— Я не могу приблизиться к берегу. Там слишком мелко.

Тут она вспомнила, что видела прикрепленную к борту баржи надувную лодку. Утлую посудину, обмотанную канатами, с заплатами из автомобильных покрышек.

На приборную доску легли еще 200 песо.

— Я возьму лодку. Найдите кого-нибудь, кто меня довезет.

— Ему придется заплатить.

— Хорошо.

— И остальным пассажирам тоже придется что-нибудь дать. За беспокойство.

— Тут есть спиртное?

Капитан дернул подбородком в сторону озерной деревни.

— Отлично, — одобрила Жанна, утирая лоб. — Начинайте маневр.

78

Солнце низко висело в небе, ярко-красное и четко очерченное, словно разрезанный пополам спелый плод. Операция по швартовке заняла добрых два часа. Мужчины съездили на лодке в деревню и привезли пива. Пассажиры чокнулись и выпили за здоровье Жанны. Пошутили, посмеялись. Наконец она распрощалась со всеми. Феро настоял на том, чтобы отправиться вместе с ней. Она не возражала. Теперь ей не хотелось отпускать его от себя ни на шаг.

Они уселись в надувную лодку и двинулись к понтонному мосту. Река здесь напоминала растительную помойку. На поверхности качались стебли тростника, увядшие кувшинки, груды листьев, сбитые в островки. Весь этот мусор медленно плыл по течению. Жанна вздрогнула: ей почудилось, что из-под воды выглядывают лица и животы утопленников.

Они добрались до мола. «Ровно час», — повторила Жанна гребцу. Они пересекли озерную деревню, хотя называть деревней жалкое поселение из десятка домишек на сваях, утопающих в жидкой грязи, было явным преувеличением. Доски, листы фанеры, бетонные блоки, куски пластиковой пленки — слепленное кое-как, все это производило впечатление постройки, сооруженной не людьми, а бобрами. Представители «бобрового племени» высыпали им навстречу — сальные волосы, гнилые зубы, почти у всех — лица в слое сажи. У некоторых щеки пересекала красная полоса. Наверное, используют урукум, мелькнуло у Жанны. Все ближе и ближе… Жители деревни не выказывали ни малейших признаков испуга или растерянности. Привычное одиночество окутывало их наподобие безмерного и бесформенного плаща.

К военной базе вела сильно заросшая тропинка. Дорога заняла двадцать минут. Сквозь кроны деревьев, словно через витражи, проникал сумеречный вечерний свет. Мутный, дрожащий. Вместе с ним до земли докатывались последние волны дневной жары.

Наконец показалось здание.

Жанне на ум пришла кайеннская каторга. Что ж, никто не властен над своими воспоминаниями. Глухие серые стены в пятнах сырости.

Бойницы, забитые жухлой листвой. Сквозь щели в цементе проросли лианы. Кровлю во многих местах пронзили ветви деревьев. Лес объявил тюрьме войну и вышел из нее победителем. Теперь уже невозможно было сказать, кто из них начал первым. Камень и стебли переплелись в смертельном объятии, словно палачу вздумалось целовать свою жертву. В памяти мелькнули картины храмов Ангкора. Нет, здесь все иначе. Здешние боги сочились злобой. Пытки. Казни. Похищения людей…

Войти внутрь оказалось проще простого. Лианы чудовищными живыми отмычками проникли в замочные скважины, расщепили дверные косяки. Они вошли в большой квадратный двор, заросший высокими травами. Все вокруг было залито прозрачным янтарным светом. Ни дать ни взять оранжерея, только вместо стеклянной крыши — прямоугольник пурпурного неба в промежутке между строениями.

Они свернули направо, к открытой галерее. Столбы. Камеры. Столовая. Железо постепенно уступало место дереву. Интересно, у них был архив? Да нет, что за нелепость. Палачи не ведут записей. Но даже если и существовали какие-нибудь документы, они давным-давно стали добычей леса, который, лизнув раз и другой, пожевал бы их и поглотил. И ему хватило бы на это нескольких дней…

В конце галереи открылся коридор. В конце коридора — кабинеты. На порыжевшем полу — кучи палой листвы. Они пробирались вперед, и в тишине красных сумерек раздавался только звук их шагов. Комната за комнатой. В окна без стекол лезли ветки. Шкафы, стулья, столы. Казалось чудом, что они еще стоят на своих местах.

Жанна быстро пошла назад.

Померещилось ей или нет? В одной из комнат было что-то не так. Человеческий силуэт на фоне окна. Она вернулась в кабинет и убедилась, что не ошиблась. В помещении размером в несколько квадратных метров с полом, усыпанным камнями и стеблями лиан, возле окна стоял стул, а на нем сидела женщина. Заходящее солнце окрашивало ее фигуру в карминные тона. Очень старая на вид, сухая и неподвижная, как обожженное молнией дерево.

Жанна приблизилась к женщине:

— Сеньора? Par favor…

Та не отвечала. Неверный вечерний свет все-таки обманул Жанну. Женщина сидела не спиной к ним, а лицом. Жанна заговорила с ней. Объяснила, что они приплыли на барже. Что они — французские журналисты, собирающие материал для книги об аргентинской диктатуре.

Тень по-прежнему молчала.

Жанна сделала еще шаг вперед. Рассмотреть черты лица женщины ей не удалось, но она поняла, что перед ней — не индеанка.

Прошло еще несколько секунд, и наконец послышался голос:

— Я здесь работала. Лечила людей. Исправляла то, что они разрушали.

Ее интонации звучали под стать неподвижности фигуры. Словно слова произносило мраморное изваяние. Словно живой когда-то человек обратился в камень. Однако по выговору Жанна поняла, что женщина родом из Буэнос-Айреса.

— Вы… вы были врачом?

— Медсестрой. Старшей медсестрой военной базы. Меня зовут Катарина.

Жанна надеялась разыскать здесь хоть какие-нибудь улики. Но она нашла кое-что получше. Свидетеля. Человека, который все видел своими глазами. И по какой-то причине не пожелал покинуть крепость.

— Здесь рождались дети?

Жанна решила идти напролом — времени на блуждания вокруг да около у нее не было.

Медсестра ответила не задумываясь, все тем же механическим голосом:

— В Кампо-Алегре был госпиталь. Здесь лечили заключенных после пыток. Чтобы не дать им умереть. В одной из комнат оборудовали подпольный роддом. Туда отправляли женщин на последних сроках беременности.

Наверное, Катарина на протяжении долгих лет не встречала белого человека. Возможно, она вообще никогда не давала никаких показаний, поскольку ни одна комиссия до нее не добралась. Но свою роль она сознавала с абсолютной ясностью: передать людям свое послание, пока ей не помешала смерть.

Это был не просто свидетель. С ними говорила пифия.

Теперь Жанна лучше разглядела женщину. Глазницы так глубоко ввалились, что глаз не было видно. Кожа да кости. Всю плоть пожрало время. С помощью джунглей. И безумия…

— Им давали доносить ребенка, — продолжила медсестра.

— Как с ними обращались?

— Лучше, чем с остальными. Солдатам нужны были их дети, понимаете? Но наручников с них не снимали. И черной повязки с глаз — ни ночью, ни днем. Их допрашивали и пытали. До последнего дня. Охраняли с собаками. Эти женщины жили в аду. И рожали детей в аду.

— Вы помните их имена?

— Здесь не было имен. Только номера. В них не видели людей. Только производительниц младенцев. У детей тоже не было имен. И они здесь не задерживались. Об этом заботились врачи и солдаты. Фабриковали свидетельства о рождении… Эти дети рождались здесь только физически. На свет они появлялись потом, в приемной семье.

— Роды принимал врач?

Катарина усмехнулась:

— Вы плохо представляете себе, что такое Кампо-Алегре. Какой еще врач? Солдатня ненавидела беременных женщин. Их нельзя было насиловать. Ими надо было заниматься. Никакого удовольствия. И тогда они придумали игру.

— Какую игру?

С самого начала разговора Катарина ни разу не шевельнулась. Так и сидела, уложив руки на колени. Ее седая голова и бескровные пальцы отсвечивали в полумраке комнаты розовым.

Внезапно Жанна все поняла. И то, почему медсестра оставалась неподвижна. И то, почему ее поза казалась такой напряженной. И то, почему не блестели ее глаза. Катарина была незрячей. Неужели ее ослепили? Слепая прорицательница… Мистика какая-то. В Античности лучшие рассказчики и гадатели тоже были незрячими. Гомер, Тиресий…

— Они заключали пари на ребенка — кто родится, мальчик или девочка. Когда подходило время схваток, они забирали женщину и уводили ее в специальное помещение. У них там стояли сельскохозяйственные машины.

Жанна пыталась сглотнуть комок в горле, но у нее не получалось. Тьма проникла ей в горло, иссушив его. У себя за спиной она ощущала

присутствие Феро, остолбеневшего от услышанного.

— Зачем… Зачем им понадобились машины?

— Для тряски. Они привязывали женщину к трактору и включали мотор. Чтобы ускорить роды. И делали ставки. Если бы вы только слышали… Женщины стонали. Солдатня хохотала. И все перекрывал грохот машин. Это был кошмар.

— И что они делали с детьми?

— Я ведь вам уже сказала. Их забирал врач.

— А… А мать?

— Убивали. На месте. Первым звуком, который слышал ребенок, был хлопок выстрела.

Жанна сосредоточилась. Еще один-два вопроса — и медсестра замолчит. Вернется в свой призрачный мир.

— В семьдесят втором году вы уже были здесь?

— Да. Была.

— Вы помните, кто-нибудь из женщин рожал здесь в это время? До начала диктатуры?

— Да, самая первая. На которой опробовали штуку с трактором.

— Вам известно, как ее звали?

— Нет. Повторяю: никаких имен.

— А ребенка?

— Хоакин. Его усыновил офицер из казармы. Гарсия. Никчемный тип. Пьяница.

— Вы знаете, что потом случилось с его семьей?

— В семьдесят седьмом году Гарсия убил жену, а потом покончил с собой. Мальчик убежал. Говорят, он выжил в джунглях. Совсем одичал. Только настоящая дикость была не в лесу, а здесь. В Кампо-Алегре.

— Через несколько лет мальчика нашли. Вы помните, как это было?

— Я помню Альфонсо Палина. Он приезжал за мальчиком. В восемьдесят втором. Но Хоакин к тому времени уже покинул лагерь. Его увез с собой иезуит.

— Вы знали, что Палин был его отцом?

— Ходили всякие слухи. Болтали, что Палин спал с матерью мальчишки, еще в Буэнос-Айресе. И он хотел забрать ребенка себе.

Пельегрини, который заправлял военной базой, чуть не помер со страху. Все знали, на что способен Палин.

— Что вы имеете в виду?

Катарина покачала головой. Нижнюю часть ее лица вдруг исказила гримаса, как будто по нему полоснули бритвой. Наверное, это означало улыбку. Но выражение глаз ничуть не изменилось. Впрочем, у нее не было глаз. Вместо них зияли черные провалы.

— Когда ему стало известно, что сделали с его любовницей, он выяснил, кто именно принимал участие в пытках. И всех их перебил. Каждому пустил по пуле в затылок.

— Пельегрини это стерпел?

— Пельегрини рыл землю, чтобы разыскать ребенка. Побыстрее отдать его Палину. И молился, чтобы адмирал больше не заглядывал на базу.

Что было дальше, Жанна уже знала.

Она кивнула Феро, силуэт которого едва угадывался в полумраке комнаты. Пора возвращаться. Надо найти лодку, пока совсем не стемнело.

Они уже стояли на пороге, когда Жанна, не удержавшись, задала последний вопрос:

— Что у вас с глазами?

Катарина ответила не сразу. Лежащие на коленях руки сжались в кулаки:

— Это кара.

— Вас ослепили солдаты?

— При чем тут солдаты? Я сама себя покарала.

Она приложила кулаки к пустым глазницам:

— Однажды утром я сказала себе, что видела достаточно. Пошла на кухню. Взяла ложку. Прокалила на огне и… Сама себе сделала операцию. С тех пор я живу с индейцами.

Жанна тихо попрощалась с женщиной и вытолкнула Феро в коридор. Тот едва не упал, поскользнувшись на каком-то корне.

— Подождите.

Жанна замерла в дверях.

— Куда вы теперь? — спросила медсестра.

— Мы идем дальше.

— Здесь некуда идти.

— Мы идем в Лес мертвецов.

Повисло недолгое молчание. Наконец своим бесцветным, отстраненным, словно чужим, голосом Катарина произнесла:

— Ну, значит, вы их увидите.

— Кого?

— Матерей. Матерей этих младенцев.

— Вы же сказали, что солдаты убивали их сразу после родов.

— В этом мире они умерли. Но не в Лесу мертвецов. Там они кочуют по зыбучим землям лагуны. У них души людоедов. Они питаются человеческой плотью. Это их месть. Когда встретитесь с ними, передайте от меня привет. Скажите, что я их не забыла.

79

Хоакин. Дитя Зла.

«Механизм отцов», доведенный до логического конца. Дело не только в том, что его воспитали в насилии. Дело в том, что насилие предшествовало его рождению. Вместо фей над его колыбелью склонялись садисты и извращенцы в военной форме. Потом он жил в семействе Гарсия, бок о бок со скорыми на расправу пьяницами. Потом попал к первобытному народу и познал его кровавые и каннибальские обычаи. Потом его усыновили обезьяны-ревуны. Потом забрал к себе Альфонсо Палин. На каждом этапе своей жизни ребенок встречался с жестокостью, она наслаивалась пластами, как прошлогодняя листва, образуя чудовищный субстрат, на котором предстояло взрасти новым ужасам.

Механизм отцов.

У Жанны не шли из головы сельскохозяйственные машины, крики рожающих женщин, заглушаемые рокотом моторов. Из этого кошмара миру явился монстр…

Ржавая баржа уже несколько часов скользила по ночной реке. Над палубой то и дело проносились летучие мыши, хлопая крыльями. Сильно похолодало. Пассажиры сбились в кучки вокруг костерков. Говорили вполголоса.

Жанна и Феро сидели рядом и стучали зубами от холода. Им дали одеяла. Накормили. Разобрать, чем именно их потчевали, в неверном свете костра было невозможно, да им и не хотелось разбираться. Они слишком вымотались, чтобы ощущать вкус пищи, тем более чтобы испытывать отвращение…

Сжавшись в комок под одеялом, Жанна вглядывалась в окружающую тьму. Смотреть, впрочем, было не на что. Прибрежные деревья обступали берега черной стеной, словно в одной ночи таилась вторая, еще более плотная и непроницаемая.

Сами берега как будто сдвинулись. Слышнее стали лесные шорохи, острее запахи. Индейцы запели песню, обращенную к луне. Жанну одолевало смутное ощущение чьего-то присутствия. А может, «неживые» уже здесь, на берегу, и следят за медленным продвижением

баржи по глади реки? И Хоакин с ними? И его отец? Но как они добираются к своему народу?

Внезапно ее взгляд заметил в листве искристое мерцание — это светлячки танцевали свой ночной танец. Странно, что они так отчетливо видны. Она пригляделась получше. Нет, это не светлячки. Свет не движется. И тут вдруг тишину разорвал глухой рокочущий звук, который она узнала бы где угодно. Так шумит включенный на полную мощность электрический генератор.

Она встала и снова отправилась в капитанскую рубку. Капитан был на месте. И не один. На коленях у него устроились две молоденькие девушки. Он что-то нашептывал им на ушко. И кажется, никто никого не собирался насиловать… Скорее наоборот.

— Что это за свет в той стороне?

— Tranquila, mujercita…[85] Вы что, так и будете вскакивать каждый раз, когда заметите хижину?

— Какую хижину?

— Эстансия.[86]

— Откуда в лесу эстансия?

— Вы же в Аргентине. Здесь они повсюду.

— Кому она принадлежит?

— Не знаю. Какому-то богатею. Испанцу.

Мысли заработали с лихорадочной быстротой. Душ. Еда. Припасы в дорогу. Носильщики… Эта эстансия может стать для нее отличным плацдармом перед тем, как нырнуть в неизвестность. Наверняка она сумеет договориться с владельцем имения или его управляющим…

— Можно здесь остановиться?

— Слушайте, у вас с головой все в порядке? Это баржа, а не автобус. До Парагвая больше остановок не будет.

— Ну один-то раз я вас уломала…

Капитан испустил вздох. Христофор Колумб на его майке смотрел на Жанну с неодобрением. Девушки захихикали. Она порылась в карманах и выложила на приборную доску еще пачку купюр.

— Заберите свои деньги. Я все равно не могу остановиться. Течение слишком сильное. Мне горючего не хватит.

— А если взять лодку?

Капитан уперся в нее тяжелым взглядом.

— Возле эстансии наверняка есть понтон, — не сдавалась она. — Когда поравняемся с ним, вы меня предупредите. Я сяду в лодку вместе с тем же гребцом. Он высадит меня и догонит вас. Вам даже останавливаться не придется.

Капитан протянул руку и спрятал деньги в карман:

— Дам вам знать, когда подойдем к молу.

— Через сколько это будет?

Он бросил взгляд в иллюминатор, словно мог видеть в темноте:

— Через десять минут.

Дальше все произошло очень быстро. Они прыгнули в лодку. Затарахтел мотор. С палубы им бросили их сумки. Меньше чем через пять минут лодка добралась до выступающих из-под воды столбов, исполнявших роль причала. Они выскочили на трухлявые доски настила. Феро опять покачнулся и едва не сверзился в воду. Вместо прощания моторка, развернувшись, обдала их фонтаном ледяных брызг. Она быстро удалялась, оставляя за собой быстро тающий пенный след, почти неразличимый в темноте.

Жанна осмотрелась и нашла тропинку, которая, очевидно, вела к эстансии. Разумеется, она отдавала себе отчет в дикости их теперешнего положения. Одни, без карты, без снаряжения, без проводника. За тысячи километров от цивилизации. И — ни малейшей идеи о цели пути. У нее за плечами рюкзак, а в нем — ноутбук, папка с материалами следствия и «Тотем и табу». Феро пытался тащить через грязь чемодан на колесиках. Умора.

— Жанна.

Она обернулась. Ее спутник порядочно отстал.

— Я ничего не вижу.

— Я тоже.

— Нет. Правда…

Она вернулась назад. Психиатр стоял, вцепившись в свой чемодан. Она подошла поближе и вгляделась в его лицо — они были одного роста. Даже в темноте было видно, что белки глаз у него затянуло кровавой пленкой. Какая-то инфекция.

— Давно это у тебя?

— Не знаю.

— Болит?

— Нет. Но я почти ничего не вижу.

Только этого ей не хватало. Она положила руку Феро себе на плечо и взяла его чемодан. Они медленно двинулись вперед, точь-в-точь два раненых бойца. Вдруг ее осенило. Внезапная болезнь Феро дает ей отличный повод оставить его в эстансии.

И в одиночку уйти в Лес мертвецов.

Лучшего способа сохранить жизнь своему спутнику у нее нет и не будет.

Дорога заняла около получаса. Ритмичный шум генератора слышался все отчетливее. Лес начал просыпаться — возможно, это они разбудили его своим непрошеным вторжением. Он подвывал, хрустел ветками, волновался. Или это Жанна перестала понимать, что творится вокруг? Ей казалось, деревья издевательски хохочут над путниками, смыкая над ними тяжелые кроны. Она старалась ни о чем не думать, механически переставляя ноги — шаг за шагом. Они попали в сказочный лес, вот в чем дело. У этих джунглей нет ни конца ни края, да и середины тоже нет. Зато они живые — умеют наблюдать и перешептываться…

Наконец показались огни имения. Жанна и Феро вышли на открытое пространство, нечто вроде футбольного поля, со всех сторон окруженного стеной леса. Над головой сияло ночное небо, усыпанное звездами, — нигде и никогда еще она не видела таких ярких и крупных звезд. В дальнем конце поля виднелись низкие строения, крытые рубероидом. Склады. Амбары. Овины. Добрались.

Послышалось ржание лошадей. Залаяли собаки. Жанна, не останавливаясь, шла вперед, поддерживая Феро. Она слишком устала, чтобы бояться. На веранде центрального строения — очевидно, это была posada — жилая ферма — раздался шум и возник силуэт мужчины.

— Quien es? — хриплый окрик, сопровождаемый характерным щелчком — мужчина передернул затвор ружья, — заставил их замереть на месте.

Несколько минут спустя Жанну ждало новое испытание. Такого громового хохота, больше похожего на взрыв динамитной шашки, ей еще слышать не приходилось. Она только что объяснила управляющему эстансией, что их привело в здешние края. В конце концов она тоже засмеялась. Чуть погодя к их веселью присоединился и Феро. В самом деле, разве не комедия? Правда, она и словом не

обмолвилась об истинной цели своего похода, опасаясь, что нового раската хохота уже не перенесет.

Мужчина пригласил их в дом. Невысокий, толстый, с очень смуглой кожей, с лицом, покрытым густой сетью морщин, с обильной гривой черных волос. Жанне вспомнились рассказы об аргентинских буйволах, которые, спасаясь от назойливых насекомых, нарочно вываливаются в иле. Хриплый, какой-то надтреснутый голос собеседника наводил на мысль о засохшей корке грязи. Казалось, его обладателя, вволю наплававшегося в тинистой реке, затем долго прожаривали на солнце.

Звали его Фернандо. Он приглядывал за порядком в имении и заботился о стаде домашних животных. Нанял его некий молодой каталонец — поборник экологии, сколотивший состояние на интернете. Слушая рассказ Фернандо о его житье-бытье, Жанна не могла отделаться от впечатления, что перед ней — служитель маяка. Да так оно, собственно, и было. Она вспомнила карту, которую внимательно изучила в Формосе. Эстансия представляла собой последний населенный пункт перед зеленым океаном…

Фернандо предложил им разогреть остатки ужина — в жаровне еще тлели дубовые поленья. Они вежливо отказались, и он провел их в комнаты для ночлега, попутно выказав готовность заняться в качестве добровольного лекаря глазами Феро.

Жанна пожелала мужчинам спокойной ночи и заперлась в своей спальне. Четыре беленые стены. Железная кровать. Распятие. Именно то, что нужно. Не раздеваясь, она рухнула в постель.

Веки ее сомкнулись в тот же миг.

Как будто кто-то опустил занавес над окружающим миром.

Или наоборот — поднял?

В знак того, что представление только начинается.

80

Семь утра.

Жанна открыла ставни. Окна ее комнаты выходили на поле, в этот ранний час исчерченное тенями от растущих по краям пальм. Сложив ладонь козырьком, она оглядела окрестности. Местность как местность — хозяйственные постройки, амбары, птичник… И все же от открывшейся глазам картины веяло унынием и печалью. Всего две краски — зеленая и серая. Повсюду грязные лужи. Там, где посуше, — пыль. Имение казалось зияющей раной на живом теле леса. Раной, которая обязательно затянется. И тогда все здесь вновь обретет первозданный вид.

— Как спалось?

Жанна наклонилась. Внизу, на веранде, Фернандо уже восседал за раскладным столом, подставив солнцу спину.

— Идите пить кофе.

Через несколько минут она присоединилась к нему. Занимался новый день. Вокруг постепенно разливался свет — естественный, насыщенный животворящей силой, играющий в каплях росы и заставляющий каждую былинку, каждый листок переливаться сотнями огней.

Он налил ей кофе.

Себе — мате.

— Что же вы ищете на самом деле?

Похоже, Фернандо решил плюнуть на светские условности. Подобное простодушие понравилось Жанне. И она ответила так же искренне:

— Убийцу.

— Где?

— В Лесу мертвецов.

— Их там навалом. Беглые преступники, бандиты, прочее отребье. Только живых среди них нет.

— Вы круглый год здесь?

— Ну да. У меня работает несколько гаучо, присматривают за лошадьми. Я охраняю адовы врата.

Фернандо говорил, время от времени потягивая через стальную соломинку свой мате.

— Слышали когда-нибудь про народ, якобы обитающий в лесу?

— Да у нас тут только об этом и болтают. Сказки.

Жанна опустила глаза. У нее дрожали руки.

Наверное, ее тело раньше разума почуяло близкую опасность. Лошади, говорят, тоже ощущают приближение грозы задолго до того, как ее первые признаки станут заметны человеку. Значит, и в ней просыпалось животное начало.

— Расскажите мне, что это за сказки.

Фернандо протянул руку за стоящим на земле термосом. Медленно долил кипятку в свой металлический стакан. Солнечный свет за его спиной уже вовсю играл на пальмовых листьях, жидким золотом стекая вниз.

— За пределами этой эстансии больше нет следов человека. На сотни километров. Только Лес мертвецов. Лес неживых душ.

— А вы сами замечали какие-нибудь признаки их присутствия?

— Я — нет, не замечал. Но мой отец, который тоже работал здесь, рассказывал мне одну историю. Однажды он забрался далеко в лагуну и кое-что видел. Представьте себе картину. Стоячая вода. Тростник высотой в полтора человеческих роста. Зыбучая почва под ногами. Это было ранним утром. Только начало рассветать, и все вокруг заливал рассеянный, словно бы потусторонний свет. Отцу показалось — во всяком случае, так он говорил, — что он попал в сказочный мир. Неожиданно перед ним открылась поляна. И тут же он почувствовал, что за его спиной кто-то есть. Он обернулся и увидел странного человека. Огромного роста, с лицом, то ли покрытым морщинами, то ли заросшим волосами. Лучше рассмотреть было трудно, потому что он стоял против света, но отец заметил у него на лице множество шрамов. По правде сказать, отец рассказывал эту историю, все время добавляя какие-нибудь новые детали. То вдруг у человека появлялся проваленный нос сифилитика. То вдруг изо рта выпирали острые клыки. Каждый раз, когда он повторял рассказ, описываемая им тварь слегка меняла облик. Он захотел подойти к ней поближе, но не успел сделать и нескольких шагов, как та исчезла. Вот и все, что мне известно о «неживых душах».

Жанна пила кофе. Машинальным движением протянула руку и взяла из горки на столе один коричневатый тост. Откусила. Чуть горьковатый вкус подсушенного хлеба живо напомнил ей одинокие парижские завтраки. Бред какой-то.

Фернандо неожиданно рассмеялся, от чего его мощные плечи заходили ходуном:

— Только не говорите мне, что вы одна из тех чокнутых, что ищут здесь йети или еще какую-нибудь чепуху в том же духе.

— И много таких чокнутых?

— Ну, за последнее время как минимум парочка появлялась.

— Нильс Агосто. Хорхе Де Альмейда. Первый приехал из Никарагуа. Второй из Тукумана.

— Сразу видно, вы наводили справки. Понятия не имею, что с ними сталось.

Жанна поняла, что уже обливается потом. Вокруг звенели цикады, словно по стеклу водили ножом.

— Как отсюда добраться до лагуны?

— Это самоубийство.

— Как?

Фернандо улыбнулся, от чего все его морщины пришли в движение:

— Отговаривать вас бесполезно, так ведь?

— Именно так.

— Кто бы сомневался.

Из кармана куртки, висевшей на спинке стула, он достал лист бумаги с рисунком фломастером и разложил его на столе. Это была карта Леса мертвецов.

— Туда ведет всего один путь, — начал он. — Имеется в виду, известный путь. Надо двигаться отсюда прямо на север, вдоль лагуны.

— Водой?

— Конечно, водой. Один из моих гаучо может вас отвезти на лодке. Затем надо найти тропу. Ее проложили лесники, которые занимаются переписью видов животных. По этой тропе надо идти примерно день. Дальше — ни шагу. Еще день на обратный путь. Вот и все.

— Ваш помощник пойдет со мной?

— Да он в этот лес и носу не сунет! Все, что я могу обещать, — это отправить его туда послезавтра к вечеру, к началу тропы. Запомните хорошенько. Вы идете по лесу ровно один день. Наслаждаетесь атмосферой. Потом — назад. И не вздумайте сходить с тропы. Это будет чистое безумие. Тогда уже вам никто не поможет.

Жанна изучала нарисованный на листке план. По территории леса вились речушки. Чтобы обозначить джунгли, автор карты символически изобразил деревья. Странная деталь: этот рисунок чем-то напоминал буквы загадочного алфавита, оставленные Хоакином на месте убийств.

— А это что за крестик?

— Эстансия Палина.

Она вздрогнула:

— Адмирала Альфонсо Палина?

— Так вы про него слышали? Ему принадлежит лагуна.

Она отшатнулась как от удара. Элементы головоломки соединялись в стройную картину, каждый фрагмент которой обретал свое истинное значение. Как же она раньше упустила из виду настолько важный факт? Неведомая земля, населенная таинственным народом. Выходит, он существовал под защитой Полина. Эта запретная зона принадлежала адмиралу.

— В годы диктатуры Альфонсо Палин сколотил огромное состояние, — пояснил Фернандо. — Каким путем, неизвестно. После Фолклендской войны он укрылся здесь, добившись от правительства разрешения на выкуп целой области. Ему это не слишком дорого стоило — кому нужны непроходимые болота? Он объявил их заповедником. Говорят, у Палина на совести много человеческих жизней. А теперь вот заботится о деревьях и крокодилах.

Все обретало связность. Во всем появлялся смысл. Жанна догадывалась об истинных мотивах морского офицера. Он просто-напросто купил своему сыну целую биосистему.

— А сам Альфонсо Палин, — бесцветным голосом проговорила она, — он что же, тоже там живет?

— Да нет, заезжает иногда.

— И как он туда добирается?

— По воздуху. Построил неподалеку от виллы взлетную площадку. У него свой самолет — мы его отсюда слышим.

— А сейчас он там?

— Не знаю. Уже несколько недель было тихо. Но это ничего не значит. Может, просто ветер дул в другую сторону.

— Где точно расположена его эстансия? Я хочу сказать, его posada? Дом, в котором он живет?

— Помните, что я вам говорил про тропу? Если пройти по ней до конца, то справа она переходит в дорогу. Сам я никогда там не был. И никому не советую. Он очень опасный человек.

— Знаю.

Фернандо улыбнулся:

— Старые счеты, а?

Жанна не ответила. Наверное, Фернандо решил, что она дочь одного из пропавших без вести противников диктатуры. Украденная в детстве у родителей и явившаяся, чтобы отомстить палачу.

— Через два часа можно отправляться, — подытожил он, вставая из-за стола. — Я скажу, чтобы подготовили лодку. И соберу для вас все, что нужно для ночевки в лесу.

Жанна тоже поднялась:

— Могу я попросить вас об услуге?

— Считайте, что уже попросили.

— Это касается моего друга, Антуана Феро. Вы не присмотрите за ним, пока меня не будет?

— Вы что, собираетесь идти одна?

— Я без него сильнее.

Он расхохотался сальным смехом и ухватил себя за промежность:

— Прошу прощения, мадам, но как же вы…

— Так вы согласны? — прервала его Жанна.

На веранде послышались шаги, и Фернандо замер с открытым ртом, так и не успев договорить.

— Я готов.

Обернувшись, Жанна обнаружила одетого по-походному Феро. Глаза его закрывали черные очки.

— Со зрением у меня все в порядке, — первым делом объявил он, пресекая любые попытки расспросов. — Ну, почти в порядке. Так что можем выходить.

Она ничего не ответила, хотя и понимала, что ее молчание способно сойти за согласие.

— Поешьте, — предложил Фернандо психиатру. — Вам понадобятся силы. А мне надо кое-что показать сеньоре.

Феро, ни слова не говоря, сел за стол. Жанна пошла за аргентинцем, который привел ее в пристройку, прилепившуюся к главному зданию и запертую на кодовый замок.

В помещении не было никакой мебели. Только стойки, в которых хранилось оружие. Не какие-нибудь охотничьи ружья, а самые настоящие штурмовые винтовки. Жанна ненавидела огнестрельное оружие, но, разумеется, разбиралась в баллистике и сама регулярно тренировалась в тире. Сейчас ей хватило беглого взгляда, чтобы распознать большинство моделей. Пистолет-пулемет MP5SD6 марки «Хеклер&Кох», «Зиг Зауэр P220 Пара» девятимиллиметрового калибра, с голографическим прицелом. Автомат «Зиг Зауэр» 551 в длинноствольной модификации, под натовский патрон 5,56 на 45 миллиметров. Крупнокалиберная снайперская винтовка PGM UR Гекат И, способная на расстоянии двух километров остановить автомобиль. Помповый «ремингтон» двенадцатого калибра. Кроме того, полуавтоматическое оружие и револьверы всевозможных калибров…

Может, Фернандо и не верил в «неживых» обитателей лагуны. Но в случае чего был готов отразить их нападение…

Он подошел к секции карманного оружия и выбрал пистолет USP «Хеклер&Кох» под патрон 9 на 19 миллиметров. Классика жанра. Одним движением вытащил магазин, убедился, что он заряжен, и вставил назад.

Перехватив за ствол, рукояткой вперед протянул пистолет Жанне:

— Это полуавтоматический.

— Вижу, — ответила она, забирая оружие.

— Надо объяснять, как работает система смягчения отдачи?

— Не стоит.

— Вернете потом.

Жанна проверила предохранитель и сунула оружие себе за пояс. Фернандо дал ей четыре запасных магазина. Их она рассовала по карманам куртки.

Во внешности человека-буйвола не было ничего от ангела-хранителя.

Но именно им он и оказался. Она откинула со лба прядь волос:

— Спасибо. Может, лучше было вооружить сильную половину команды?

— А я что сделал?

81

Земля здесь была ровной и плоской.

Каждые десять километров уклон уменьшался на 40 сантиметров. Эти пояснения им дал помощник Фернандо, правивший лодкой. Застывший в неподвижности мир, в котором бурная растительность играла роль фильтра, постоянно обновляя кислород. Повсюду, насколько хватало глаз, расстилались эстерос — лагуны. На горизонте вода сливалась в сладострастном объятии с землей. Посреди кувшинок и травяных зарослей сновала невидимая мелкая живность. Время здесь как будто остановилось. И на всем лежал густой слой тумана, словно навечно окутавший этот край своей непроницаемой пеленой.

Сидя на носу ланчи — вытянутой узконосой лодки, выдолбленной из древесного ствола и снабженной мотором, — Жанна не могла избавиться от ощущения, что погружается в слишком горячую ванну. Вязкий неподвижный воздух обжигал легкие. Каждый жест требовал усилий, как будто приходилось продираться сквозь липкую вату. Они продвигались вперед по черной воде — еще один островок среди поросших кустарником островков. Как ни странно, одновременно Жанну не покидало чувство абсолютной, первозданной чистоты. Лодочник говорил, что здешние топи питаются только дождевой водой. Лагуны не имели сообщения ни с одной рекой, поэтому никакие загрязнения сюда не попадали.

Человек, который вез их, был гаучо. Жанна не удержалась, чтобы не усмехнуться про себя: она забралась в самые дебри Аргентины, но до сих пор практически так и не видела лошадей. Не говоря уж о том, чтобы послушать танго.

Да и сам гаучо ничем не напоминал лубочный образ — никакого широкополого сомбреро или пышных усов. Это был индеец с очень смуглой кожей и орлиным носом. Одет он был в драную майку, на голове красовалась красная бейсболка. Только шаровары да кожаные сапоги выдавали в нем профессионального наездника.

Ланча скользила в лабиринте слепых речных рукавов, посреди буйной болотной растительности. В тростнике неспешно расхаживали водоплавающие птицы. Вокруг простирался лес. Он наступал со всех

сторон такой же черно-зеленой стеной, на какую она успела насмотреться, пока они плыли на барже.

Жанна безотрывно глядела на воду. Порой ее глаз натыкался на что-нибудь живое, но до сознания не сразу доходило, что это такое, настолько все краски сливались в монотонно-размытую зеленоватую серость. Огромные кайманы, застывшие, как каменные изваяния. Юркие ящерки, слепые и похожие на древесные щепки. Змеи, неотличимые от ряби на глади воды. «Нерожденный лес», — твердила она про себя. Действительно, это была экосистема в стадии формирования, своего рода первичный бульон, из которого только должны появиться на свет живые существа.

Они плыли по узкому рукаву, под шатром деревьев, сомкнувших у них над головой кроны. Лес-галерея. Мелкие протоки зубьями великанского гребня впивались в травянистую шевелюру островков. Туман уплотнился. Жанна молча созерцала берега и вывернутые наружу древесные корни, облепленные вязкой землей, в очертаниях которых ей чудились гигантские человеческие губы. Пахло рыбой, тиной, влажной корой.

Странно, но она ощущала их присутствие. Их — Неживых душ. Они прятались здесь, в закоулках затерянного лабиринта, за непроницаемым туманом, огромным бинтом накрывшим зияющую рану этого края. Вдруг раздался ужасающий вой. Жанна мгновенно узнала эти звуки — так кричат обезьяны-ревуны. Carayas. Вопли сталкивались, перекрывая и заглушая один другой, сливаясь в чудовищную симфонию, от которой внутренности скручивало узлом.

Жанна бросила взгляд на Феро. Они поняли друг друга. Цель достигнута: они вступили во владения народа, поклоняющегося Танатосу.

Обезьяны — его часовые.

Его система сигнализации.

82

— Проклятье!

Жанна с трудом удержалась, чтобы не шлепнуть себя по затылку. Нельзя убивать на себе присосавшуюся пиявку: оставшиеся в теле хитиновые челюсти воспалятся и вызовут заражение. Вот уже три часа, как они шагали по тропе, и все это время с деревьев им на головы то и дело падали эти мерзкие твари, пропахшие кровью. Впиваясь в кожу, они начинают накачиваться кровью жертвы, пока не насытятся, после чего отваливаются сами. Жанна осторожно сняла с себя маленькую кровопийцу, бросила на землю и со всей силы рубанула по ней мачете. Половинки пиявки продолжали извиваться в грязи. Жанна прикончила их ударом каблука.

Не произнеся ни слова, она пошла дальше. Феро следовал за ней. Он по-прежнему не снимал черных очков, и понять, о чем он думает, было невозможно. Жанна опасалась, как бы вместе со зрением он не утратил и разум…

Первая ночь, которую они вместе с гаучо провели возле начала тропы, прошла спокойно. Едва рассвело, тронулись в путь. Узкая тропинка, засыпанная палой листвой, вилась среди папоротников. Иногда им попадались оазисы — полузатопленные лужайки сочной травы. Потом снова подступали джунгли. Бесконечные, безмерные. Кишащие жизнью и мертвечиной…

Жанна шла, не разжимая кулаков, время от времени подкидывая на спине тяжелый рюкзак. Фернандо не поскупился, собирая их в дорогу: палатка, походная аптечка, сапоги, смена одежды, ножи, мачете, котелок, переносная печка… Она не жаловалась. Она чувствовала себя легкой. Непобедимой.

Зелень листвы. Красная почва. Черные лужи. Над головой покачивали кронами деревья-великаны. Она задумалась над устройством этой поразительной экосистемы, опорными столбами которой служили деревья, а кровлей небо… Но это была не декорация, а гигантский живой организм. Состоящий из множества более мелких организмов — враждующих между собой, пожирающих друг друга, сражающихся за свое место под солнцем. На стволах рухнувших

деревьев росли кустарники. На субстрате из гниющих плодов распускались цветы. Мелкие растеньица облепили стебли лиан, в свою очередь обвившихся вокруг деревьев и сосущих из них соки…

Чем дальше они продвигались, тем труднее становилось идти. Непроходимые заросли. Клубки лиан. Выпирающие из земли корневища. Термитники… Порой путь им преграждал теплый и мутный ручей. Иногда попадались речушки — в них вода была прохладней и чище. Один раз пришлось перебираться через настоящую трясину — болото красноватой грязи, в которую Жанна и Феро ухнули по пояс.

Стемнело. Если верить словам Фернандо, эстансия Альфонсо Палина располагалась в одном дневном переходе от начала тропы. Если они не сбились с пути, значит, логово Кентавра совсем рядом. Выбрав полянку посуше, они устроили привал.

Натянули палатку, разложили спальные мешки. Сняли насквозь промокшую одежду и развесили ее на кустах. Впрочем, это было бесполезно. При почти стопроцентной влажности воздуха надежда высушить здесь что-либо выглядела чистой утопией. Хорошо, что в рюкзаках нашлась смена одежды — что-то вроде военной формы цвета хаки. Жанна достала канистру бензина и прошлась с ней вокруг палатки, поливая почву, — накануне так делал гаучо, чтобы отпугнуть муравьев и скорпионов.

Они забрались в палатку. Жанна совершенно утратила всякое представление о времени и пространстве. Не раздеваясь, залезла в спальный мешок, вытянулась на спине и стала смотреть на мерцание метавшихся в ветвях светляков. Мыслей не осталось — одна усталость. О том, что будет завтра, предпочитала не думать. Даже о том, что за ночь их ждет. Страха она не испытывала. Засунутый за пояс пистолет действовал успокаивающе…

Уже засыпая, она покосилась на лежащего рядом Феро, так и не снявшего черные очки. Вспомнила о том, как сидела на скамье в сквере возле Елисейских Полей и мечтала о романе с ним. Каждая деталь тогдашней сцены виделась сейчас необычайно ясно, вызывая неудержимое желание засмеяться. Как наяву она услышала голос Франсуа Тэна: «Спорим, ты не знаешь ни одного анекдота?»

Почему же, знаю, могла бы теперь возразить она ему.

Моя собственная жизнь — чем не анекдот?

83

Проснувшись на следующее утро, они обнаружили, что их снаряжение исчезло.

Между тем, устраиваясь на ночлег, они затащили все вещи в палатку. Значит, кто-то открыл ее, проник внутрь, украл рюкзаки, после чего снова застегнул полог. Кто это мог быть? И почему их оставили в живых? Феро никак не комментировал происшествие — он вообще упорно молчал, поблескивая стеклами черных очков.

Зато Жанна отлично поняла смысл этого сообщения. На земли Альфонсо Палина они должны явиться нагими, лишенными всякой защиты. Очистившись от налета современности. Теперь она уже не сомневалась: Неживые души во всем подчинялись воле старого Кентавра. И чтили его сына Хоакина.

— Выходим, — бросила Жанна.

Они выглянули наружу и выползли из палатки. Вокруг разливался зеленоватый туман. Одежда, развешанная на кустах, тоже испарилась. И — никаких следов вторжения. Ни поломанной ветки, ни оборванных листьев. Как будто похитители явились в виде призраков, столь же нематериальных, как и утренний туман.

Жанна прошла несколько метров и нашла тропу. Никого. Она приказала себе успокоиться. Если до сих пор их не убили, значит, не возражают против того, чтобы они достигли цели своего путешествия.

Цели, к которой они приблизились вплотную…

Свернуть направо, на мощенную камнем дорогу.

Эта красная нить приведет их прямиком в ад.

Они двинулись в путь, голодные, дрожащие от холода. Палатку бросили на месте ночевки, не потрудившись даже свернуть. Прошагали с час. Или прошло уже два? Ни он, ни она не смотрели на часы. Просто шли и шли сквозь пласты тумана, как парочка зомби. Туман… Его дыхание… И они с каждым шагом все ближе к чудовищной глотке, из которой оно вырывается, как из кратера вулкана…

Внезапно перед ними открылся большой чистый луг, по краям которого росло несколько пальм. Место напоминало вчерашнюю

эстансию, хотя после километров пути через джунгли его ухоженность и чистота воспринимались странно. Наверное, такое же впечатление производят на людей загадочные круги на полях, якобы оставленные тарелочками пришельцев. Знак смертельной угрозы, исходящий от существ, неизмеримо превосходящих человека по мощи.

Они медленно выбрались на открытое пространство. С самого утра они не сказали друг другу ни слова. Лес сделал речь ненужной. В дальнем конце поляны угадывались очертания нескольких построек. Кирпичный склад. Деревянный хлев. Здесь же бродили лошади с подстриженными гривами.

Вполне безобидная картина. И полная тишина.

Никаких собак. Никакой охраны. Ничего пугающего. Жанна поискала взглядом взлетную полосу. Она обнаружилась справа, за зарослями эвкалиптов. Но самолета не видно. Неужели адмирала и его сыночка нет дома? Да нет, быть того не может…

Вместо буйного разнотравья под ногами теперь расстилались недавно подстриженные лужайки. Приглядевшись, Жанна заметила среди построек виллу. Беленые стены, шиферная крыша. Она повернулась к Феро, и тот качнул головой. Пришли. Господи боже, они это сделали…

Жанна в последний раз огляделась вокруг. До чего же все-таки тихо. Ни птичьих трелей. Ни стрекота насекомых. Почему все живое молчит? Затаилось от страха?

Она поднялась по ступенькам. Толкнула затянутую противомоскитной сеткой дверь — не заперто. Оказалась в обыкновенной гостиной типичного фермерского дома. Керамическая плитка на полу. Высокий камин с деревянной полкой. На стенах — оленьи рога и крокодильи шкуры. Низкий стол черного дерева, рядом — стулья и кресла. На столешнице — несколько телевизионных пультов. Напротив, ближе к углу, — большой экран. Самая обычная комната. Не таким представлялось Жанне жилище Кентавра.

Они прошли в коридор. Жанна не удержалась и посмотрелась в стенное зеркало. Неужели это она? Тощая как скелет фигура в нелепых одеждах цвета хаки. Серое от усталости лицо с ввалившимися глазами. То-то она казалась себе такой легкой. Не удивительно — она успела превратиться в ходячий труп.

В коридоре Феро обогнал ее. Жанна следовала за ним. В ней росло ощущение фальши происходящего. Что-то здесь не так. Все слишком просто. И почему дверь была открыта? Феро остановился на пороге следующей комнаты. Жанна подошла к нему.

Кабинет Альфонсо Палина.

Оттолкнув Феро плечом, она вошла. Белые оштукатуренные стены. Натертый дубовый паркет. Мебель в кастильском стиле. Письменный стол, стоящий наискосок, под углом к мраморному камину. Застекленные окна выходят на дворовые постройки. С улицы яркими лучами било солнце, будя приятные мысли о завтраке, верховой прогулке, блаженном безделье…

Кондиционер был включен на полную мощность. От холода ломило зубы. Жанна сделала несколько шагов вперед. Кое-что в комнате заинтересовало ее. Вдоль стен тянулись книжные полки, на которых стояло множество фотографий в рамках. Семейные снимки — отец с сыном. Или один сын.

У нее перехватило дыхание.

Она знала, что на этих фотографиях найдет разгадку всей истории.

Альфонсо Палин и Хоакин.

Кентавр со своим незаконнорожденным сыном.

Еще шаг — и она взяла в руки один из снимков.

И только тут ей открылась истина.

Вполне очевидная.

Как же она раньше не догадалась?

У нее за спиной послышался голос Хоакина. Существо, сидящее у него внутри, запело:

— …se irán contigo. Me olvidorás, me olvidorás.

Junto a la estación lloraré igual que un niño,

Porque te vas, porque te vas,

Porque te vas, porque te vas…

На Жанну накатило непостижимое, нечеловеческое спокойствие. Не оборачиваясь, она вернула на полку фотографию отца и сына.

— Замолчи, Хоакин, — раздался хриплый голос Альфонсо Палина. Он говорил по-испански: — Жанна должна узнать правду.

Она сжала кулаки и, наконец, обернулась.

Перед ней никого не было.

Никого, если не считать Антуана Феро.

Антуана Феро, чьи многочисленные фотографии украшали стены комнаты. Феро-подросток, Феро в спортивном костюме, Феро-студент, Феро на яхте, Феро на лыжах…

Феро в обнимку со своим отцом.

84

Он снял очки. Глаза у него были налиты кровью.

— Дома я всегда слепну. Глаза плачут кровавыми слезами. Эдипов комплекс, не иначе. Преступник, не способный смириться с сознанием собственной жестокости…

Жанна вгляделась в фотографию, висевшую справа от нее. На ней Альфонсо Палин, высокий седовласый мужчина, прижимал к себе сына — худого подростка с лохматыми бровями. Будущего психиатра Антуана Феро.

— Когда ты убил отца? — по-испански спросила она.

— Я принес его в жертву в девяносто четвертом. И пожрал. Прямо здесь. В то время я был студентом университета Буэнос-Айреса, на факультетах права и палеоантропологии. Много читал. Особенно «Тотем и табу». Он даже не сопротивлялся. Так было предначертано, понимаешь? Жертва, инициация. Первородный грех. Но он не умер в тот день. Он переселился в меня. И до сих пор живет. — Он похлопал себя по груди. — Вот здесь.

Для завершения следствия Жанне предстояло выяснить еще многое. Она дала себя провести как глупая девчонка. Началось все с магнитофонной прослушки. На диске, записанном 6 июня 2008 года, в пятницу. На нем звучали три голоса. Антуана Феро. Альфонсо Палина. Хоакина Палина. Даже четыре, если считать маленького маугли, притаившегося в глубине сознания аргентинского адвоката. Она никогда не видела этих людей в лицо. Она выдумала их, наделила конкретными чертами, создала их из ничего, хотя единственным, с кем она встречалась в реальной жизни, оставался психиатр Феро.

А на самом деле все это был один и тот же человек.

В душе которого сосуществовало несколько личностей. Они пустили корни в его психике и год за годом диктовали ему, что делать и как себя вести. Жанна попыталась мысленно «разобрать» всю эту мешанину личин, как разбирают матрешку. Только эта матрешка оказалась выкрашена в кровавые тона. Итак, ребенок-каннибал из Кампо-Алегре. Хорошо воспитанный юноша из Буэнос-Айреса, избравший адвокатское поприще. Отец-адмирал, съеденный в Лесу

мертвецов. И наконец, Антуан Феро — парижский психиатр. Боязливый и прижимистый. Убежденный вегетарианец. Обманщик, внимательно слушавший чужие исповеди и изучавший чужие неврозы с интересом зоолога, исследующего рептилий в вивариуме. Эти отдельные, порой диаметрально противоположные личности иногда враждовали между собой, но чаще игнорировали друг друга. В мозгу Хоакина правое полушарие не ведало о том, что творит левое…

Жанна стояла в круге света не двигаясь. Одежда висела на ней мешком. Она не боялась. Нисколько. Ошеломление вытеснило все прочие чувства. Антуан Феро у нее на глазах брал одну за другой фотографии, рассматривал и ставил на место. В эту минуту он снова напоминал того обворожительного молодого мужчину, за которым она следила на выставке в Гран-Пале.

— Расскажи мне о себе, — по-французски приказала она ему.

Он повернулся к ней. Лицо его изменило выражение. Черты заострились. Кожа покрылась морщинами. В один миг он постарел на сорок лет. Перед ней стоял Альфонсо Палин — кровавый убийца и отставной адмирал.

— Какой валютой будете расплачиваться? — по-испански поинтересовался он.

— Своей жизнью.

Альфонсо Палин улыбнулся. Лицо его снова изменило выражение. Оно разгладилось и помолодело. Он опять превратился в Антуана Феро:

— Вы пытаетесь продать нам то, чем мы и так располагаем.

Нет, это говорил не Феро. И акцент, появившийся в речи, свидетельствовал о том же. Это говорил Хоакин Палин — адвокат из Буэнос-Айреса, защитник организаций, занимающихся гуманитарной деятельностью. Жанна решила, что будет по-прежнему обращаться к нему на «ты»:

— Ну тогда считай это последним желанием приговоренного. Вместо традиционной сигареты.

Мужчина улыбнулся улыбкой Антуана Феро. В этой его способности мгновенно менять голоса, лица, повадку было что-то гипнотическое. Очевидно, мелькнуло у Жанны, это свойство созданий с серьезными генетическими отклонениями…

— Ты права. Раз уж мы привели тебя сюда, пожалуй, следует открыть тебе правду. Всю правду…

Психиатр сел за стол. Пока он произносил последние слова, его внешность успела измениться несколько раз. Сосредоточенный взгляд врача. Располагающая улыбка адвоката. Насупленная мина Альфонсо Палина. И на несколько кратких мгновений — гримаса маленького дикаря. Она производила ужасающее впечатление. Перекошенное на сторону лицо, как будто подцепленное на рыболовный крючок.

Жанна уже поняла: когда личность маугли в сознании ее собеседника брала верх, его речь теряла связность, как у людей с симптомами аутизма. И снова становилась нормальной с новой сменой персонажа.

Она попыталась представить себе, как по вечерам, сидя у себя в кабинете, Антуан Феро выпускал на волю все свои личности. Играл поочередно роль каждого. И смотрелся в них, как в кривое зеркало. В самом деле, похоже на катарсис… Один из подобных сеансов она и записала на пленку в тот июньский вечер.

Пока что его признания нисколько не прояснили общую картину. Он сообщил ей лишь то, что она и так уже знала — если при этом не солгал. Скорее всего, он старался придерживаться версии, которую они совместными усилиями разрабатывали в ходе расследования. Но в излагаемой им истории оставалось еще слишком много темных пятен.

Она решила действовать как профессионал. Как следственный судья, изучающий все аспекты дела. Не оставляющий без внимания ни одного факта. Именно это она поклялась сделать после гибели Франсуа Тэна.

— Начнем с парижских убийств, — сказала она. — Мотив?

Ей ответил голос отца:

— Простое совпадение. — Он говорил по-французски, с сильным акцентом. — Наш народ был в опасности.

— Нелли Баржак и Франческа Терча грозили раскрыть вашу тайну. Но Марион Кантело? При чем тут была она?

— Она обнаружила наши… симптомы.

— Где?

— В институте Беттельгейма.

— Но я проверяла. Хоакин никогда не наблюдался в этом институте.

Альфонсо Палин ухмыльнулся и откинул со лба прядь волос.

Когда он заговорил, это был уже Антуан Феро:

— Ни один из нас там не наблюдался. Зато я лечу там других. Даю консультации. Меня интересует аутизм. Разве это не понятно? Я ведь могу поделиться с другими собственным опытом…

Вот дура. Она изучила списки детей, проходивших лечение в институте Беттельгейма. Ей и в голову не пришло проверить персонал. Если бы она это сделала, то сразу же наткнулась бы на имя Антуана Феро. Еще один урок.

— Однажды Марион застала меня в момент припадка. И поняла, что я сам страдаю аутизмом…

— И что ты обманщик. Может, Хоакин в самом деле получил образование юриста и палеоантрополога, но Антуан Феро уж точно не получал образования психиатра. Антуана Феро попросту не существует.

— Ну, ты же наверняка слышала, как про это говорят… — с усмешкой произнес он. — Психиатр — это псих, изменивший своему предназначению.

— Как ты познакомился с Нелли Баржак?

— Это Хоакин. Мы встретились на коллоквиуме, посвященном теме генетического наследия народов Латинской Америки. Позже она позвонила мне и рассказала про образец крови, присланный Мансареной. Она знала, что я родом с северо-востока Аргентины. Той же самой области, откуда поступил образец…

— Франческа Терча?

— С Франческой мы давние друзья. Познакомились в Университете Буэнос-Айреса. Вместе ходили на лекции по палеоантропологии. И Хорхе Де Альмейда из той же компании. Мы учились в одной группе.

Вот она, изюминка. Если бы она внимательнее рассмотрела групповую студенческую фотографию, ту самую, на которой Де Альмейда написал «Te Quiero», то узнала бы… Антуана Феро собственной персоной. Проклятье. Проклятье. Проклятье. У нее в руках были все улики. С самого начала. Ну, почти с самого начала.

— Она тоже со мной разговаривала. Рассказала про череп. Про раскопки Де Альмейды. Но я и понятия не имел, что она работает над скульптурой.

Жанна мысленно ставила галочки на каждом эпизоде. Факты не намного расходились с ее предположениями.

— Франсуа Тэн.

— Ну, с ним все еще проще. Он нам позвонил.

— Кому из вас?

— Хоакину Палину. Он сравнил записи в электронных записных книжках Нелли Баржак и Франчески Терча. И в той и в другой оказалось имя Хоакина. В воскресенье утром он мне позвонил. Из своего кабинета. Мы договорились встретиться в Люксембургском саду. Он уже связался с Эдуардо Мансареной в Манагуа. И с Даниелем Тайебом из Сельскохозяйственного института Тукумана. Он понял, что ключ к убийствам таится в палеонтологическом открытии, возможно, совершенном на северо-востоке Аргентины. Пришлось мне наведаться к нему в гости. В тот же вечер…

Жанна прислонилась к стене. Несмотря на холодный кондиционированный воздух, у нее взмокла спина. Она проверила все телефонные звонки Тэна — но только с мобильного. А он звонил из своего кабинета. Еще одна ошибка. Дальнейшее не нуждалось в комментариях. Хоакин приехал в Никарагуа и прикончил Мансарену. А затем отправился к своим истокам. В компании с ней.

Только одна деталь не вписывалась в общую картину.

— В понедельник, девятого июня, — снова заговорила она, — Антуан Феро сел на самолет до Манагуа, рейсом через Мадрид. Вечером того же дня на меня в его кабинете напал Хоакин. Я допускаю, что у вас несколько личностей, но раздваиваться вы все-таки не умеете.

Психиатр хмыкнул. Со своими налитыми кровью глазами он походил на персонажа ужастика шестидесятых годов, в котором вампиров играют самые смазливые актеры.

— Мы забронировали билет, но никуда не полетели.

— Почему?

— В здании аэропорта «Руасси» мы купили дневной выпуск «Монда». Там сообщалось про смерть Тэна. И говорилось про то, что некая дама, следственный судья, отличилась на пожаре, рискуя жизнью в попытке спасти погибшего. Они даже напечатали ее фотографию. И мы узнали свою новую знакомую из Гран-Пале. Которая нас коварно обманула. Мы вернулись. Подкараулили тебя на улице Ле-Гофф. Мы

решили, что будем с тобой ласковы. Выступим как Феро — он умеет очаровывать женщин. Но Хоакин, мальчик из Кампо-Алегре, вылез вперед. И ты от нас сбежала. В тот же вечер мы улетели в Манагуа. В сущности, что у тебя на нас было?

— Почему потом ты меня не убил?

— Ну, назовем это… любопытством. Даже восхищением. Когда мы обнаружили тебя в доме Мансарены беседующей с никарагуанскими полицейскими, мы сказали себе, что перед нами не обычный противник.

— Но ведь я могла тебе помешать.

— В доисторические времена мужчины, которые разрисовывали пещеры, использовали трещины и неровности камня. Они включали их в свои картины. Ты была такой трещиной. И мы решили тебя использовать. Включить тебя в нашу фреску. Ты могла послужить нам, помочь нам лучше себя узнать. Открыть некоторые детали нашей истории, неведомые нам самим.

Вот теперь ей стало страшно. Она чувствовала, как во всем теле поднимается противная дрожь. Правда слепила ее, как слишком яркий свет. Но никаким светом в этом деле и не пахло. Сплошная тьма. Мрак.

— И что теперь?

— Теперь мы в лесу, красавица моя. Место встречи. Место жертвоприношений.

Один, два, три… Жанна считала в уме. Она тоже добралась до источника. С того дня, когда погибла ее сестра, она знала, что судьба приведет ее сюда.

В безмолвный лес, где таится зло.

Где под покровом ночи скрывается правда.

И вот она держала этот черный свет в руках.

— А твой народ? — трясущимися губами вымолвила она. — Где он?

— Да здесь же! Вокруг тебя! Они здесь, Неживые души…

От стен один за другим отделилось несколько силуэтов. Одного взгляда на них Жанне хватило, чтобы понять: все разговоры про первобытное племя — не более чем враки. В этих людях не было ничего доисторического. Просто они оказались страшно изуродованными. Голые, если не считать прилепленных к телу листьев и кусков коры, они двигались неуклюже, как инвалиды.

У одного из них была обожжена половина лица, как будто к нему приложили горячий утюг. Лицо другого пересекали длинные кривые шрамы. У третьего глаза были расположены на разной высоте, а там, где некоторые носят бакенбарды, болтались лоскутья кожи. Здесь были мужчины и женщины, чудовищно грязные и обезображенные. Жанна заметила, что больше всего шрамов на тех, кто постарше. Те, что помоложе, поражали страшными деформациями черепной коробки, очевидно, произведенными в первые дни после рождения, когда кости еще податливы. Значит, обезьянью внешность кто-то придал им нарочно.

Хоакин создал свой первобытный народ из подручного материала. Устроил безумный маскарад. Жанна вспомнила компрачикосов из романа Виктора Гюго «Человек, который смеется» — они по дешевке скупали детей и ломали их, превращая в ярмарочных уродцев.

Вся эта история в конечном итоге обернулась коллективным бредом. Нет и не могло быть никакого народа с отличной от человеческой генетикой. С иными физическими параметрами. Он существовал исключительно в больном воображении Хоакина, а также в легковерном уме Нелли Баржак, Франчески Терча, Нильса Агосто, Эдуардо Мансарены. И конечно, Хорхе Де Альмейды, которого эти кошмарные создания наверняка принесли в жертву в глубине своего таинственного леса.

Неживые души продолжали смыкать вокруг нее кольцо. Жанна отступила назад. В уюте этой обыкновенной комнаты их уродство казалось особенно вопиющим. Она была готова к чему угодно — к засадам в лесной чаще, к рукопашной, к ловушкам, — но не к этому.

— Кто они?

— Те, кто выжил после полетов, — прошептал старик Палин по-испански. — Человек дьявольски живуч. Их должны были сожрать кайманы. Разорвать на куски. А они выжили. И даже расплодились. Здесь, в болотах, они утратили разум. За несколько лет деградировали до первобытного состояния. Превратились в настоящих дикарей.

Его перебил Феро, заговоривший по-французски:

— Механизм отцов, дорогая Жанна. Перед тобой — дети Зла. Сыны страха. Они вышли из жестокости и в жестокость вернутся. Народ Танатоса! Их существование — это инцест, насилие, отцеубийство, каннибализм…

Только сейчас до Жанны дошло, что сам Хоакин никогда не выступал в роли жертвы:

— Это ведь ты ребенком убил своих приемных родителей, несчастных Гарсия!

— Я принес их в жертву. В это время по радио передавали «Porque te vas»…

— Это ты приучил выживших в болотах к каннибализму!

— Это оказалось совсем не трудно. Они деградировали на глазах.

— Это ты внушал им страсть к насилию и жестокости, ты будил в них кровавые инстинкты. Ты с рождения живешь под знаком убийства!

Старик Палин воздел кверху скрюченный палец:

— Это наша армия, juanita. Сердце зла. Знаешь, в атомных реакторах есть сердечник. Вот и у нас такой же. Мы повернули время вспять. Вернулись во тьму веков. Наша цель — снова и снова повторять то, что было вначале. Кровосмешение. Отцеубийство. Каннибализм. Сие есть тело мое. Сие есть кровь моя…

Комната закружилась у нее перед глазами. Под веками вспыхивали черные круги. Если сейчас она потеряет сознание, ей конец.

Хоакин бросился на нее, но в полушаге замер.

Она держала в руке пистолет, нацеленный ему в лицо. Единственная деталь, ускользнувшая от внимания Антуана Феро.

Он замер, странно склонив голову набок. Жанна отступила к окну, толкнула створки. В голове одновременно пронеслись две мысли. Первая. Она не успела зарядить пистолет. Вторая. Она даже не сняла его с предохранителя.

Ее оружие было примерно так же смертоносно, как игрушка, стреляющая водой.

Если хоть один из дикарей тронет ее, она труп.

Она закинула ногу за подоконник, по-прежнему держа противника на мушке.

— У тебя против нас никаких шансов, — прошептал Хоакин. — Не мы живем в лесу. Лес живет в нас. Побежишь в лагуну — окажешься у нас. Мы уже в тебе. Мы уже — часть тебя. Мы…

Она решила, что с нее хватит этого бреда.

Она уже бежала через опаленную солнцем равнину.

85

Задыхаясь, она бежала по тропе. И это было самое плохое.

Именно здесь Неживые души и будут искать ее в первую очередь. Легко найдут в грязи отпечатки ее ног и выследят. Хотя они найдут ее везде. И на тропе, и за пределами тропы. Они знают здесь каждый уголок. Не мы живем в лесу. Лес живет в нас… Жанна бежала. Грудь жгло. В мозгу назойливо стучало: у тебя никаких шансов.

И все же один шанс у нее был. Один-единственный. Гаучо, привезший их сюда, сказал: «Я вернусь завтра вечером, в тот же час и на то же место». Значит, ей надо добраться до реки до заката. Дождаться лодки. Прыгнуть на борт. И — addios.

Она бежала. Постаралась выровнять дыхание. Наконец-то ее ежеутренние пробежки по Люксембургскому саду принесут хоть какую-то пользу. Корень. Лиана. Лужа… Внимательно, девочка, смотри, куда ставишь ногу…

И она тут же ухнула в водяную яму. Чуть не завыла, но не смогла — рот заполнился красной водой. Она отплевалась, собралась с силами и двинулась вперед. Ей казалось, под одеждой шевелятся ящерицы, морские змеи и прочие гады… Через несколько секунд она достигла другого берега.

Ухватилась за растущую по краям траву и выкарабкалась на сухую поверхность. И тут же упала без сил. Судорожно глотая воздух, прислушалась. Вокруг нее творилась настоящая какофония. Свистели птицы. Кричали обезьяны. Квакали лягушки. Под самым ухом жужжали насекомые. Нет, ей отсюда не выбраться…

Она вскочила на ноги. И снова побежала. Полдень. У нее пять часов, чтобы достичь реки. Если будет держать взятый ритм. Если на нее никто не нападет. Если…

Сначала она почувствовала боль и только потом поняла, что ее сбили с ног.

Она лежала в грязи, голова раскалывалась от тысячи обрывочных мыслей, страха и недоумения. Черная дыра, вся в сверкающих искрах. Постепенно вернулась способность соображать. Вот небо. Вот земля. Вот лес. Нижнюю челюсть пронзила острая боль.

Она подняла глаза.

По лицу у нее текла липкая кровь.

Заливала брови. Капала на щеки.

Прямо перед ней стоял один из Неживых.

Одетый в какие-то лохмотья, с мешком из оленьей кожи. Жесткие, словно каменные, волосы. На лице — корка засохшей грязи. Буйволиный череп с низким лбом. Жанна видела только его глаза, глядевшие на нее из проваленных глазниц. Он снова поднял свое оружие. Дубина. Палка. Молоток. Она едва успела перекатиться через себя и сунуть руку за спину.

Пистолета нет.

Потеряла, когда падала.

Он уже снова замахивался дубиной. Стоя на четвереньках, Жанна обшаривала взглядом кусты в поисках пистолета. Бум! Удар дубины обрушился на землю в нескольких сантиметрах от ее головы. Да вот же он, пистолет! Она схватила его, обернулась и нажала на спуск. Выстрела не было. Бум! Дубина задела ее лицо. Она передернула затвор. Дикарь издал рокочущий звук. Она поняла, чем он вооружен — челюстью каймана со всеми зубами.

Спуск. Нет выстрела. Она взвыла. Предохранитель! Забыла снять с предохранителя! Кайманья челюсть просвистела совсем рядом. Резким движением большого пальца она дернула рычажок.

Задержала дыхание. Прицелилась. Выстрелила. В черепе появилась третья глазница. Жанна выстрелила еще раз. И еще. Буйволиная башка украсилась тремя кровавыми дырками. Ее враг рухнул замертво.

Так и не поднявшись на ноги, она отползла в сторону. Лицо заливала кровь — то ли убитого дикаря, то ли своя, не разобрать. Она упала в траву, и тут пистолет выстрелил сам собой. Ну вот, истратила патрон впустую. Она поднялась на ноги. Нечего тут рассиживаться. Наверняка звуки выстрелов привлекут остальных.

Она снова пустилась бежать. С такой скоростью она покроет оставшееся расстояние часа за три. Ощупала рану. Пустяки, царапина. Она выберется. Господи боже, она должна выбраться…

Перед ней открылся коридор. Красно-зеленый туннель со светлыми проплешинами — это были заросли тростника, — снова сменявшимися изумрудом древесной листвы. Жанна прикинула,

сколько у нее боеприпасов. Четыре патрона она расстреляла. Значит, осталось двенадцать. Запасных магазинов в куртке не оказалось. Потеряла по дороге.

Два часа дня.

Она наматывала километры, ни о чем не думая. Одно ее беспокоило: ни одного охотника на горизонте. Что они затевают? Готовят ловушку? Хотят взять ее живьем?

Три часа дня.

Возвращалась надежда. Ее мистическая молекула побежала по сосудам, оживляя нейроны и придавая ей свежие силы. Она выберется. Она обязательно…

Стоп.

Они были перед ней. Метрах в тридцати. Перегородили дорогу. Прятались за деревьями, кустами, лианами. Одетые в лохмотья, косматые, уродливые, покрытые шрамами. В жутких украшениях. На голове — черепа животных. На шее — ожерелья из человеческих костей. Вокруг пояса — кожаные ремешки, на которых болталось что-то напоминающее высушенные человеческие органы. Сквозь листву проникал зеленоватый свет, в лучах которого они казались не людьми, а двуногими рептилиями.

Жанна выставила вперед пистолет. Этот жест придал ей уверенности в себе. Цивилизованное насилие даст сто очков вперед животному.

Люди-рептилии не шевелились. В руках они держали свое оружие — грубое, выточенное из кости, дерева, камня. Жанна подалась вправо, прячась за кустами. Она знала, что не должна удаляться от тропы, но, может, ей удастся сбить их со следа, очертить петлю, а потом снова вернуться на спасительную дорогу… Да, мечтать не вредно…

В тростниковых зарослях она присела пониже и дальше продолжала передвигаться на четвереньках, не обращая внимая на мелкие болотца и лужи стоячей воды. Вдруг перед ней открылась полузатопленная лужайка. Она встала, охваченная чувством, близким к панике. Что происходит?

Только тут до нее дошло.

Она не удалялась от тропы. Это тропа удалялась от нее. Губчатая почва ходила ходуном под ногами. Вот они, embalsados. Плавучие

острова. Она попала в самое сердце подвижного лабиринта, о котором ей говорил Бето.

«Вот, например, вы идете по дороге. Берете на заметку какой-нибудь знак. А когда возвращаетесь обратно, там уже все не так. Деревья, почва, ручьи — все переместилось».

Выглянув из-за кустов, она обнаружила и другие похожие островки. На них толпились Неживые. Пирогами им служили стебли кувшинок и тростника. Похоже, первобытное племя научилось управлять их движением. Бродячие души на текучей земле…

Они целились в нее из костяных луков. Не раздумывая, она выбросила вперед руку с пистолетом и нажала на спуск. Оглушительный звук выстрела вверг ее врагов в ступор. Стреляла она наугад — островок качался под ногами, не давая прицелиться. Но она снова и снова нажимала на спуск. Не убить, так хоть напугать.

Слева от нее что-то просвистело. Потом справа. Стрелы. Да, с меткостью стрельбы у них проблемы. Впрочем, ведь и они находились на плавучем островке. Она присела на корточки. Потом легла на живот, прямо в лужу, и соединила руки замком, чтобы придать им устойчивости. Прицел. Выстрел. Прицел. Выстрел. Она ничего не видела. Деревья, тростник, лианы плыли перед глазами в головокружительном хороводе…

Патроны вот-вот кончатся. Но она не даст себя убить, пока не увидит Хоакина. В заглавной роли — посреди стада Неживых, покрытого листьями и кусками коры. Пока ей удавалось уворачиваться от стрел, несущих мгновенную смерть, но она понимала, что дрейф ее островка неминуемо несет ее к другой гибели. Если она слишком удалится от тропы, если окружающий пейзаж изменится до неузнаваемости, она никогда не сможет найти путь к спасению.

Она отползла назад, поднялась на ноги и вгляделась вдаль. Ей показалось или это в самом деле пальмы? Те самые, что шеренгой стояли вдоль тропы? Если держаться этого направления, то, прыгая с островка на островок, можно попытаться выбраться на твердую землю. Она собралась с силами и прыгнула. Лягушка, что скачет с кувшинки на кувшинку. Лягушка, понятия не имеющая, выдержит ли очередной островок ее вес. Разбег. Прыжок. Над головой свистели стрелы.

Она прыгнула и почувствовала, что почва больше не плывет под ногами.

Она выбралась на тропу.

Огляделась. Неживые все так же перемещались на своих растительных пирогах. Почему-то она решила, что их стрелы ей больше не страшны. Посмотрела на часы. Половина четвертого. Главная цель — ланча — все еще была теоретически достижима. Уже на бегу она проверила магазин. В результате расточительной стрельбы у нее остался всего один патрон.

Она приказала себе бежать в заданном ритме. Пальмы, папоротники, тростник… На земле — красная кровь. Сколько еще километров впереди?

Неизвестно. И никакой уверенности, что дикое племя не гонится за ней по пятам…

Зашуршала листва, послышался треск ломаемых сучьев. Сразу со всех сторон. Вот и ответ на ее вопрос. Они продирались вперед не таясь, заранее пугая ее шумом. Им известно, что сейчас худший ее враг — это страх. Тот страх, от которого костенеет все тело, теряя способность к сопротивлению.

Если только это не облава.

Вполне возможно, что они намеренно гонят ее в ловушку.

Она не сбавила скорости и продолжала бежать. Вперед, только вперед. Заметила подходящее дерево. На высоте около двух метров его ствол раздваивался, образуя идеальное укрытие. Она подпрыгнула, уцепилась за лианы и влезла на дерево. Огляделась. Пожалуй, укрытие даже слишком удобно. Неживые наверняка обнаружат, что ее следы кончаются где-то здесь. Тогда им останется только облазить ближайшие деревья и найти, где она прячется.

Она вспомнила книгу, в которой читала о снайперах-одиночках, участвовавших в мировых войнах XX века. Один из их излюбленных фокусов заключался в том, чтобы найти пригодное укрытие, но не использовать его. Напротив, отойти подальше и внимательно следить за ним, зная, что враг обязательно сунется сюда, уверенный, что добыча у него в руках…

Жанна соскользнула в грязь и, ставя ноги в собственные следы, отошла от тропы и нырнула в заросли тростника в полтора-два человеческих роста. Здесь обнаружилось еще одно укромное местечко.

Правда, добраться до него будет потруднее — оно располагалось на высоте нескольких метров. Обгорелый черный ствол изгибался буквой S, широко раскинув покрытые листьями ветки. Она ухватилась за облепившие обугленный ствол лианы. Подтянулась несколько раз и очутилась в расщелине. Съежилась в клубок, приняв позу зародыша и стараясь не думать о полчищах насекомых и прочей живности, делящих с ней временное жилище.

Прежде чем затаиться, она оторвала кусок мха длиной с полметра и накрыла им лицо. Получилась отличная камуфляжная маска. Заслышав малейший шум на тропе, она сможет увидеть, в чем там дело, оставаясь незамеченной.

Она затаилась в своем свитом из лиан гнезде. Ей казалось, она — грудной младенец на руках у великана. Тело она заставила хранить полную неподвижность. Надо то же самое сделать и с мыслями.

И ждать.

Она утратила всякое представление о ходе времени. Ощущала только теплый и вязкий воздух. Под импровизированной маской из мха она обливалась потом. Изучала глазами рисунок прожилок на листьях, бороздки на древесной, коре, следила за передвижениями муравьев… Она слилась с природой. Все ее чувства обострились, достигнув почти сверхъестественной остроты. Похоже на то, будто она занимается с деревом любовью, мелькнуло у нее. Не только с деревом. С этим лесом. С этими…

Шум.

Шаги. Она приоткрыла один глаз. Так и есть. Они. Четверо. Нет, пятеро. Шестеро… Больше никаких костяных украшений. Кожа в нашлепках красной грязи. Они почти сливались по цвету с тропой, и увидеть их можно было только благодаря тому, что они двигались. Элитное подразделение. Они не разговаривали. Не делали друг другу никаких знаков. Можно было подумать, что они общаются между собой телепатически.

Сейчас они обыщут дупло в дереве возле тропы. Обнаружат, что ее там нет. И что дальше? Прочешут лес в обе стороны от дороги и легко найдут ее убежище…

Она съежилась, чтобы стать как можно незаметнее. До реки час с лишним ходу. Но не все еще потеряно. Лишь бы охотники убрались восвояси. Лишь бы больше не встретилось никаких преград.

Шелест листвы. Шорох травы. Идут? Неужели почуяли ее? Она рискнула одним глазком взглянуть, что делается снаружи. Никого. Может, они пошли к реке? Или решили вернуться назад? Времени на раздумья у нее совсем не оставалось.

Она еще глубже вжалась в свою колыбель из коры, словно в материнскую утробу. Ей казалось, дерево дышит, обдавая ее ласковым теплом, обнимая мягкими руками лиан.

И вдруг ее обуял ужас.

Лианы плотнее сомкнули свои объятия. Расщелина, в которой она пряталась, пришла в движение, качнув ее, как на качелях. Она попыталась призвать на помощь разум. Галлюцинация? И в этот миг кора мигнула глазами. Ее держали не лианы. Это были чужие руки.

Она содрала свою маску из мха и увидела.

На нее смотрело лицо.

Хоакин.

Весь этот час он простоял рядом с ней, не двигаясь, слившись с древесной корой. Не мы живем в лесу. Это лес живет в нас…

Теперь ей все стало ясно. Его лицо. Обтянутые кожей скулы, хищные крылья носа. Потеки слюны и засохшая корка грязи. На виске бьется жилка, похожая на свернувшуюся гадюку.

И глаза. Налитые кровью. Незрячие. Испепеляющие.

Она попыталась выхватить пистолет.

Хоакин уже держал ее за запястье.

Она чувствовала у себя на руках прикосновение его вывернутых пальцев.

Ну нет, так просто она не дастся. Она будет драться.

Но он уже держал своей железной хваткой и вторую ее руку.

Тогда она ласково склонилась к Хоакину. От удивления ребенок-дикарь не оказал никакого сопротивления. Как в ее недавнем сне, от него пахло влажной землей, древесными корнями и кровью. Глаза его были затянуты розоватой пленкой, как у обезьяны. Она придвинулась к нему еще ближе, прижалась головой к его затылку, вся обратившись в нежность, чувственность и томность.

И тут же вцепилась зубами ему в ухо и рванула что было сил.

Хоакин взвыл от боли.

Не давая ему опомниться, она высвободила левую руку и воткнула большой палец ему в глаз, наполовину выдавив его из глазницы. Он

завыл еще громче. Жанне нужна была правая рука, способная стрелять из пистолета, но он не выпускал ее и примеривался, чтобы в свою очередь вонзить в нее зубы. Она оттолкнулась и упала на спину. Хоакин бросился на нее, целясь в горло.

При этом он выпустил ее правую руку. Схватив пистолет, она направила его на Хоакина, но рука запуталась в лиане. Зубы Хоакина уже терзали ее левое плечо. Мелькнула мысль о заразе. О вампирах. О том, что наступает ее смерть.

Тогда она резко дернула руку с оружием и высвободилась из цепких объятий лианы. Хоакин не выпускал ее плечо. От боли у нее перехватило дыхание. Пистолет. Скорее пистолет. Прямо ему в висок. Хватит одной пули. Всего одной. И у нее есть эта пуля…

Инстинкт заставил Хоакина разжать челюсти и отпрянуть от Жанны. Увидев пистолет, он зарычал, словно пытался нагнать страху на стальной ствол. Жанна не стала долго раздумывать, с силой ткнула оружие в его разинутую пасть и нажала на спуск. Голова Хоакина разлетелась на куски. Ей стало дурно — в лицо ей брызнули ошметки плоти и осколки костей. Ее вывернуло наизнанку.

Надо собраться, приказала она себе. Тропа. Причал. Ланча. Она протерла циферблат часов, стряхивая с него окровавленные волокна. Половина пятого. Остается полчаса. За эти полчаса она должна добраться до реки…

Хоакин придавил ее своим телом. Она отбросила его как ненужный балласт. Ухватилась руками за края расщелины и подтянулась. Так, теперь спуститься вниз. И — бежать. Бежать к реке. Прочь из Леса мертвецов…

Несколько секунд спустя под ногами у нее вновь была тропа. Кажется, ничто в жизни не дарило ей подобного ощущения надежности. Она побежала, удивляясь, что ноги еще ее слушаются. Что легкие еще способны перекачивать воздух. Эти мысли напомнили ей еще кое о чем. О его укусе. Она остановилась и дотронулась рукой до раны возле левого плеча. Ничего страшного. Кожа содрана, и все. Хоакин не успел вонзить в нее свои клыки. Не слишком соображая, что делает, она набрала в ладонь жидкой грязи и залепила рану. Разумеется, она и понятия не имела, принесет ли пользу столь нетрадиционный метод лечения, но почему-то ей стало спокойнее.

В этот миг до нее донеслось глухое рычание. И сразу за ним — дикий вой. Если лес был живым организмом, то точно так он выл бы от боли. Если бы у деревьев стали заживо вырывать корни. Вой все усиливался; теперь к нему добавились горестные вопли. Неживые души нашли тело своего хозяина. Что они станут делать? Унесут его подальше в глушь, а сами вернутся к своему животному существованию? Или бросятся искать того, кто его прикончил?

Она решила не ломать себе голову над этой загадкой.

Река все не показывалась. Неужели она заблудилась, обожгла ее внезапная мысль. Просто потерялась? Если она действительно сбилась с пути в этом лабиринте, тогда ей ничего не останется, как наложить на себя руки.

Пять часов.

Беги. Беги. Беги.

По-прежнему — никаких признаков преследования.

Ее уже шатало. В голове сделалось пусто-пусто. Ни мыслей. Ни ощущений. Ничего. Дикарей поблизости нет. Дикари про нее забыли. Дикари вернулись в свой мир, сотканный из насилия и жестокости…

Вдруг впереди мелькнула лента медного цвета. Мозг отказывался воспринимать новую информацию. Наверное, грязь, проникнув через кровь, вызвала паралич нейронов…

Да нет же!

Это река! В конце тропы…

— Что это, кровь?

Гаучо стоял в лодке, наполовину скрытый тростником. Ей хотелось броситься ему на шею, обнимать его, целовать, пасть перед ним ниц.

— Грязь, — просто ответила она. — Упала.

— А где ваш друг?

— Там остался.

— Остался?

— Я вам потом объясню.

Гаучо протянул ей руку. Она влезла в лодку. Ей почудилось, что кусок берега стронулся с места. Но это не был кусок берега. Это была она сама. Она возвращалась в человеческое состояние.

Она без сил рухнула на дно лодки. Лежа на спине, стала смотреть в небо. По нему проплывали облачка, похожие на комья розовой ваты.

Перенесенные со старинных полотен. Она закрыла глаза. Внутри ее открылась бесконечность. Это было чистое наслаждение. Она смаковала каждое биение собственного сердца. Каждый толчок крови в венах. Все это означало жизнь…

Гаучо решил, что она заснула. И принялся вполголоса напевать, баюкая ее сон.

Она лежала с сомкнутыми веками и вспоминала свои одинокие вечера в Париже. Свой белый рис. Свой зеленый чай. «Анатомию» Грея. Таблетки лексомила, которые она запивала белым вином…

Просто жизнь.

В конце концов, это не так уж и плохо.

Примечания

1

«Башни — облака», построенные Эмилем Айо в Нантере, — жилой комплекс из восемнадцати башен, каждая из которых окружена примыкающими к ней цилиндрами. Социальное жилье для малоимущих было приоритетным направлением в творчестве архитектора.

2

Антидепрессант.

3

Следственный судья — во Франции и ряде других стран судья, который принимает решение об ограничительных мерах на стадии предварительного следствия (ордер на арест, обыск, постановление об изъятии), а также проводит обеспечительные допросы обвиняемого и свидетелей.

4

Песня французской группы «Куки Динглер».

5

Любовная греза (нем.).

6

Вергилий. Энеида, I, 461–462.

7

Перевод с немецкого Я.Бермана.

8

Политик правого толка, осужденный за финансирование своей партии за счет казны.

9

Антидепреесант.

10

Порядковый номер департамента Сен-Дени.

11

Ин 6:56.

12

Перевод с французского Г.Дашевского.

13

На мели, в беде (англ.). Другое значение этого выражения — со льдом.

14

«Без логотипа» (англ.).

15

Дух Свободы — позолоченная крылатая статуя, венчающая Июльскую колонну на площади Бастилии, построенную в память об Июльской революции 1830 г., когда был свергнут Карл X.

16

Матерь Божья! (исп.)

17

Перевод с французского М.Ваксмахера.

18

Страстная неделя (исп.). В это время по Севилье проходят процессии кающихся грешников в островерхих колпаках с зажженными свечами в руках.

19

Все обещания моей любви уйдут вместе с тобой.

Ты забудешь меня, ты забудешь меня.

Я приду на вокзал и буду плакать как маленький.

Потому что ты уходишь, потому что ты уходишь… (исп.).

Песня «Потому что ты уходишь» известного испанского певца и композитора Хосе Луиса Пералеса в исполнении Жанетт впервые прозвучала в 1976 г. в фильме «Вскорми ворона» режиссера Карлоса Сауры и сразу же облетела мир. В русском варианте ее припев звучал так:

«Время пройдет, и ты забудешь то, что было

С тобой у нас, с тобой у нас.

Нет, я не жду тебя, но знай, что я любила

В последний раз, в последний раз».

20

Господи Боже мой! (исп.)

21

«Вскорми ворона» (исп.). Начало испанской пословицы: «Вскорми ворона, и он выклюет тебе глаза».

22

Ис 58:11.

23

Большая корона — общее название четырех департаментов, расположенных на границе Иль-де-Франс и не граничащих с Парижем: Сен-э-Марн, Ивелин, Эссон, Валь-д'Уаз.

24

Министерство внутренних дел Франции.

25

Май 1968 — социальный кризис во Франции, вылившийся в демонстрации, массовые беспорядки и всеобщую забастовку. Привел к смене правительства, отставке президента Шарля де Голля и в конечном счете к серьезным переменам в обществе.

26

Место взрыва (англ.). После событий 11 сентября 2001 г. так стали называть разрушенные башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке.

27

Парижская сеть проката велосипедов.

28

Человек разумный разумный (лат.) — ныне живущий подвид семейства гоминид.

29

Антидепрессанты.

30

Обезболивающее.

31

Антидепрессант.

32

В доме № 36 по набережной Орфевр на острове Сите расположено Региональное управление судебной полиции Префектуры полиции Парижа.

33

Французский политик, министр юстиции с 2007 по 2009 г.

34

Один на один (исп.).

35

Международная организация, оказывающая услуги тем, кто хочет избавиться от лишнего веса.

36

И что? (англ.)

37

Перевод со шведского А.Афиногеновой.

38

Здесь: не у меня (англ.).

39

Международные компании, предоставляющие почтовые, курьерские и другие услуги.

40

Американская компания, производящая сухие завтраки и продукты быстрого приготовления.

41

Ничего (исп.).

42

Человек умелый (лат.).

43

Человек прямоходящий (лат.).

44

Человек, обслуживающий группу на гастролях (англ.).

45

Мадленская культура — самая поздняя культура палеолита.

46

Магнитно-резонансная томография.

47

Здесь: светский (англ.).

48

Я люблю тебя! (исп.)

49

«Великолепная семерка» (англ.).

50

Судебная палата (исп.).

51

Чиновники (исп.).

52

Здесь: Проклятье! (исп.)

53

Где ключ? У кого-нибудь есть ключ? (исп.)

54

«Девятидюймовые гвозди» (англ.).

55

Крупнейшая сеть курсов по изучению французского языка, имеющая отделения во многих странах мира.

56

Не шевелись, сука! (исп.)

57

Здесь: Проход закрыт (исп.).

58

На набережной д'Орсэ в Париже расположено министерство иностранных дел Франции.

59

Иисус Христос спасет твою душу (исп.).

60

Перевод с французского Е.Фактровича и Ф.Мендельсона.

61

Здесь: Нет, милая, нет (исп.).

62

Доченька (исп.).

63

Девочка (исп.).

64

Высокогорье (исп.).

65

Не люблю чужаков (исп.).

66

Здесь: Виноват (лат.).

67

Девочка (исп.).

68

Пьер Роберж.

Родился 18 марта 1922 г. в Монсе, Бельгия.

Умер 24 октября 1982 г. в Панкахче, Гватемала (англ.).

69
Мф 5:3–5.
70
Кор 13:4.
71
Мал 4:2.
72
Ин 4:23.
73
Мф 9:12–13.
74
Пс 138:7-12.
75
Вперед, товарищ! (исп.)
76
«Пропавшие без вести» и «Розыск родственников» (исп.).
77
Жареное мясо (исп.).
78
Здесь: детки (исп.).
79
Кампания по уничтожению политической оппозиции в ряде стран Южной Америки в 1970–1980 гг.
80
Последняя строка стихотворения В. Гюго «Совесть».
81
Здесь: Крупными буквами на афише (фр.).
82
Упокоилась с миром (лат.).
83
Повстанец (исп.).
84
Где здесь есть хороший отель? (исп.)
85
Успокойтесь, барышня (исп.).
86
Крупное поместье в Латинской Америке (исп.).